ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

ПРОТОКОЛЫ
ПЕРВОГО СЪЕЗДА
АРХИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
РСФСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАРХИВА РСФСР
и
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Открыта подписка на 1926 год

НА ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХИВНОГО ДЕЛА, ИЗДАВАЕМЫЙ ЦЕНТРАРХИВОМ РСФСР

„АРХИВНОЕ ДЕЛО"

Редакция: М. С. Вишневский, В. В. Максаков, А. А. Сергеев.

В 1926 году выйдет 6 томов.

Подписная цена 10 рублей в год.

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР

Москва, Старо-Ваганьковский пер., д. 8.

Телефон редакции: 3-72-91.

В журнале принимают участие:

Аврратский, В. В., Алексеев, В. П., Андреев, А. И., Анфилов, Б. И., Бельчиков, Н. Ф., Богоявленский, С. К., Болончук, А. С., Валк, С. Н., Вишневский, М. С., Воинова, К. И., Гераклитов, А. А., Гиваргизов, А. П., Голубцов, И. А., Домбровский, В. А., Егоров, Д. Н., Ждановичъ, Я. Н., Иодко, А. Р., Истнюк, Д. Г., Константинов, М. М., Кудрявцева, А., Лихачев, Н. П., Любавский, М. К., Любименко, И. И., Максаков, В. В., Маяковский, И. Л., Нечаев, В. Н., Нерсисьян, Е. М., Павлова, Н. А. Пичета, В. И., Покровский, А. А., Покровский, М. Н., Пушкин, Б. С., Рахлин, А. М., Рождественский, С. В., Русинов, Н. В., Сергеев, А. А., Сенковский, Е. Ф., Соколова, А. А., Талантова, С., Тарле, Е. В., Троянский, С. П., Хрипач, И. В., Чулков, Н. П., Шереметевский, В. В., Шилов, А. А., Эйнгорн, В. О., Яхонтов, С. Д., и другие.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

ПРОТОКОЛЫ
ПЕРВОГО СЪЕЗДА АРХИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РСФСР

14—19 МАРТА 1925 Г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВА и В. В. МАКСАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАРХИВА РСФСР
и
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11653.
Ленинградский Гублит № 234.
20 1/8 л. Отпеч. 1.000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция в своей работе над текстом стенограмм съезда руководилась постановлением коллегии Центрархива РСФСР от 31 марта 1925 г. опубликовать стенограммы пленарных заседаний съезда, доклады в секциях и резолюции; стенограммы же прений в секциях съезда не печатать, ограничившись лишь краткой сводкой их. Учитывая интерес широких кругов архивных деятелей к работам съезда, редакция, в целях ускорения выпуска в свет книги, отказалась от печатания здесь некоторых докладов, которые читались на пленуме и в секциях съезда. Эти доклады печатаются в журнале Центрархива «Архивное Дело». В тех же целях редакции пришлось сократить местами текст прений, происходивших на пленарных заседаниях, а также отказаться от помещения здесь информационных докладов представителей Центрархивов Союзных Советских Республик и сообщения о работе Северо-Кавказского Краевого Архбюро (напечатаны в журнале «Архивное Дело», вып. II — IV и V — VII). В остальном текст стенограммы дан полностью.

Н. Бельчиков.
В. Максаков.

ПРОГРАММА

I съезда архивных

	14 марта.	15 марта.	16 марта.
УТРО.	Открытие съезда. Речь *М. Н. Покровского.* Выборы президиума съезда, секретариата, редакционной комиссии и мандатной комиссии. Доклад *В. В. Максакова* «Деятельность Центрархива РСФСР за пять лет».	Доклады представителей: Истпарта ЦК РКП (б). (тов. *С. И. Канатчиков*), музея имени В. И. Ленина (тов. *Ст. С. Кривцов*) и музея Революции СССР (тов. *С. И. Мицкевич*). Прения по докладам В. В. Адоратского, И. Л. Маяковского, С. И. Канатчикова, С. С. Кривцова и С. И. Мицкевича.	Заключительные слова *И. Л. Маяковского* и *В. В. Адоратского.* Информационные доклады представителей Центрархивов ССР.: Белоруссии — *М. В. Мелешко*, Грузии — *Т. К. Чхетиа*, Украины — *С. М. Тетина* и проф. *Д. И. Багалея.* Ответное слово *М. Н. Покровского.* Доклад проф. *Е. В. Тарле* «Архивное дело на Западе».
ВЕЧЕР.	Речь *М. Н. Покровского* по поводу смерти Сун-Ят-Сена. Прения по докладу *В. В. Максакова.* Заключительное слово *В. В. Максакова.* Доклады *В. В. Адоратского* и *И. Л. Маяковского* «О взаимоотношениях научных учреждений и Центрархива РСФСР».	Прения (продолжение). Заключительное слово *С. И. Мицкевича.*	Доклад *В. В. Максакова* «Архивное строительство на местах.» Доклад *М. М. Константинова* «Очередные организационные задачи Центрархива».

ЗАНЯТИЙ
деятелей РСФСР.

17 марта.	18 марта.		19 марта.
Доклад мандатной комиссии. Прения по докладам тт. Максакова и Константинова.	Заседания секций.		
	Организационная секция. Доклад *С. К. Богоявленского* «О разборочной и поверочной комиссиях». Прения. Доклад *М. М. Цвибака* «Об архивном образовании». Доклад *М. С. Вишневского* «О подготовке архивных работников». Прения. Заключительные слова докладчиков.	Архивно-техническая секция. Доклады *Б. И. Анфилова* и *Г. А. Князева* «Об архивной терминологии». Прения. Заключительные слова докладчиков.	Заседание архивно-технической секции. Доклад *М. С. Вишневского* «Об очередных задачах в области учета архивных фондов». Прения. Заключительное слово *М. С. Вишневского.*
Прения (продолжение). Доклад *И. В. Горбацкой* «О санитарных условиях архивной работы и о мерах к сохранению здоровья архивных работников». Заключительные слова *М. М. Константинова* и *В. В. Максакова.*	Доклад *И. А. Голубцова* «О постановке архивной части действующих архивов». Прения. Заключительное слово *И. А. Голубцова.*	Доклад *А. С. Николаева* «О составлении и публикации архивных справочников и указателей». Прения. Заключительн. слово *А. С. Николаева.* Доклад *А. И. Андреева* «О приемах научного издания арх. материалов». Доклад *С. Н. Валка* «О приемах издания историко-революцион. документов». Прения. Заключительн. слово *А. И. Андреева.*	Пленум. Принятие резолюций. Речи: *С. Д. Яхонтова, Р. И. Войткевича, Н. Н. Бакая,* проф. *Д. И. Багалея, М. Н. Покровского, А. Н. Иванова, И. П. Мирова* и *Р. Я. Озолина.* Заключительное слово *М. Н. Покровского.* Закрытие съезда.

Список участников I съезда архивных деятелей РСФСР.

I.

С правом решающего голоса:

1. Абушаев, Н. И. (Пензенское губархбюро).
2. Адоратский, В. В. (Центрархив РСФСР — Москва).
3. Андреев, А. И. (Ленинградский центральный исторический архив).
4. Анфилов, Б. И. (Центрархив РСФСР — Москва).
5. Бакай, Н. Н. (Томское губархбюро).
6. Белов, А. Н. (Тульское губархбюро).
7. Белый, В. М. (Терское окр. архбюро).
8. Брызгалов, И. Л. (Джетысуйское обл. архбюро).
9. Буберг, Я. Я. (Центрархив РСФСР — Москва).
10. Бурмистров, Н. С. (Нижегородское губархбюро).
11. Быков, В. М. (Уральское обл. архбюро).
12. Валк, С. Н. (Ленинградский центральный исторический архив).
13. Васильков, М. В. (Курское губархбюро).
14. Вишневский, М. С. (Ленинградский центральный исторический архив).
15. Воинова, К. И. (Центрархив РСФСР — Москва).
16. Войткевич, Р. И. (Ставропольское окр. архбюро).
17. Волков, С. П. (Ленинградское губархбюро).
18. Гиваргизов, А. П. (Северо-Кавказское краевое архбюро).
19. Гипари, Э. Г. (Кубанский окружный комитет РКП (б).
20. Глебов, С. Т. (Северо-Двинское губархбюро).
21. Голубцов, И. А. (Центрархив РСФСР — Москва).
22. Григоров, С. Г. (Главнаука НКП).
23. Гуман, О. В. (Ленинградский центральный исторический архив).
24. Гурьев, Н. Ф. (Ярославское губархбюро).
25. Дмитриев, В. В. (Смоленское губархбюро).
26. Домбровский, В. А. (Центрархив РСФСР — Москва).
27. Ермоленко, К. И. (Гомельское губархбюро).
28. Жабин, В. И. (Букеевское губархбюро).
29. Жданович, Я. Н. (Центрархив РСФСР — Москва).
30. Жуков, А. Ф. (Ульяновское губархбюро).
31. Заяц, М. Н. (Истпроф ВЦСПС).
32. Иванов, А. Н. (Омское губархбюро).

33. Истнюк, Д. Г. (Центрархив РСФСР — Москва).
34. Камшилов, Я. А. (Мурманское губархбюро).
35. Канатчиков, С. И. (Истпарт ЦК РКП (б).
36. Канашенок, П. С. (Донское обл. архбюро).
37. Клевинская, И. Ф. (Воронежское губархбюро).
38. Колышкевич, В. И. (Ульяновское губархбюро).
39. Колюжная-Климовская, Э. В. (Иркутское губархбюро).
40. Константинов, М. М. (Центрархив РСФСР — Москва).
41. Корнеев, И. Ф. (Владимирское губархбюро).
42. Корнеева, В. М. (Саратовское губархбюро).
43. Кох, К. П. (Центрархив РСФСР — Москва).
44. Князев, Г. А. (Ленинградский центральный исторический архив).
45. Краснопевцев, Е. А. (Акмолинское губархбюро).
46. Крошицкий, П. П. (Тамбовское губархбюро).
47. Кубалов, Б. Г. (Иркутское губархбюро).
48. Ленский, М. А. (Тверское губархбюро).
49. Лукьянчиков, К. Н. (Воронежское губархбюро).
50. Любавский, М. К. (Центрархив РСФСР — Москва).
51. Любимов, А. Е. (Пензенское губархбюро).
52. Максаков, В. В. (Центрархив РСФСР — Москва).
53. Малицкий, Н. В. (Владимирское губархбюро).
54. Маяковский, И. Л. (Ленинградский госуд. университет).
55. Миров, И. П. (Вятское губархбюро).
56. Мицкевич, С. И. (Музей Революции СССР).
57. Невский, В. И. (Ленинградский центральный исторический архив).
58. Николаев, А. С. (Ленинграский центральный исторический архив).
59. Новоселов, А. А. (Вятское губархбюро).
60. Озолин, Р. Я. (Самарское губархбюро).
61. Ольшевский, А. И. (Центрархив РСФСР — Москва).
62. Осипов, Я. А. (Иваново-Вознесенское губархбюро).
63. Пеньков, А. С. (Брянское губархбюро).
64. Петров, И. П. (Чувобласти архбюро).
65. Петровичев, Г. И. (Ярославское губархбюро).
66. Пилке, Я. Я. (Ленинградский центральный исторический архив).
67. Пискунов, М. Ф. (Центрархив Республ. Немцев Поволжья).
68. Покровский, М. Н. (Центрархив РСФСР — Москва).
69. Попов, С. П. (Забайкальское губархбюро).
70. Пресняков, А. Е. (Ленинградский центральный исторический архив).
71. Протопопов, А. И. (Центрархив РСФСР — Москва).
72. Пушкин, Б. С. (Губпрос. Всерос. Союза Работн. Просв.).
73. Рахлин, А. М. (Центрархив РСФСР — Москва).
74. Романов, А. В. (Псковское губархбюро).

75. Рябиков, Г. С. (Астраханское губархбюро).
76. Сайков, Е. М. (Калмыцкое авт. областное архбюро).
77. Сергеев, А. А. (Центрархив РСФСР — Москва).
78. Сергиевский, Н. Л. (Ленинградский центральный исторический архив).
79. Симанов, А. П. (Вотское авт. обл. архбюро).
80. Спожинцев, Т. Т. (Уральское областное архбюро).
81. Тарле, Е. В. (Ленинградский центральный исторический архив).
82. Татаров, И. Л. (Ленинградский центральный исторический архив).
83. Тихомиров, Б. Н. (Калужское губархбюро).
84. Тихомирова, В. И. (Костромское губархбюро).
85. Тихонов, А. Е. (Новгородское губархбюро).
86. Фиалков, В. М. (Сталинградское губархбюро).
87. Фоменко, Т. К. (Армавирское окр. архбюро).
88. Херсонский, С. В. (Калужское губархбюро).
89. Цвибак, М. М. (Ленинградский центральный исторический архив).
90. Цемберг, А. А. (Архбюро авт. обл. Коми.).
91. Черных, А. А. (Алтайское губархбюро).
92. Чирцов, И. Ф. (Кубанское окр. архбюро).
93. Шадурский, И. И. (Орловское губархбюро).
94. Шариков, К. Г. (Ленинградский центральный исторический архив).
95. Экземплярский, П. М. (Иваново-Вознесенское губархбюро).
96. Юланов, С. Ф. (Московское губархбюро).
97. Яковлев, А. В. (Костромское губархбюро).
98. Яров-Южин, Б. М. (Орловское губархбюро).
99. Яхонтов, С. Д. (Рязанское губархбюро).

II.

С правом совещательного голоса:

100. Андреев, И. А. (член ячейки РКП (б) Центрархива РСФСР).
101. Богословский, М. М. (Академия Наук СССР).
102. Бороздин, М. И. (член ячейки РЛКСМ Центрархива РСФСР).
103. Буденый, Н. Н. (ВЦСПС).
104. Будовей, Ю. Г. (Коммунист. университет им. Я. М. Свердлова).
105. Бузовский, И. И. (член ячейки РКП (б) Центрархива РСФСР).
106. Виноградов, К. П. (Наркомпрос).
107. Гейман, В. Г. (Публичная библиотека Ленинграда).
108. Гингольд, Г. А. (ЦК Союза Комхоза).
109. Готье, Ю. В. (Библиотека им. В. И. Ленина).

110. Дорофеева, Е. И. (Наркомзем).
111. Дубровский, В. В. (Черниговское губархбюро).
112. Евстафьев, Б. И. (Наркомпуть).
113. Коненкин, С. М. (Наркомфин).
114. Ланин, М. А. (Наркомвнуторг).
115. Любименко, И. И. (Ленинград. центр. исторический архив).
116. Миловидов, А. И. (Ленинградское губархбюро).
117. Милонов, Ю. К. (Истпроф ВЦСПС).
118. Маяковский, В. В. (Киевское губархбюро).
119. Никулин, С. В. (Наркомпочтель).
120. Персиц, Л. Е. (член ячейки РЛКСМ Центрархива РСФСР)
121. Плетнев, Б. Д. (ВСНХ СССР).
122. Романов, Б. А. (Ленинградск. центр. исторический архив).
123. Румянцев, А. И. (ВСНХ РСФСР).
124. Соколов, Д. С. (Архангельское губархбюро).
125. Тарабрин, И. М. (Российский Исторический музей).
126. Толмачев, В. Г. (Донской истпартотдел).
127. Третьяков, И. Н. (Ленинград. центр. истор. архив).
128. Трофимов, Е. Н. (Наркомюст).
129. Черкасов, П. В. (Военно-Историч. Ком. при штабе РККА).

III.

В заседаниях съезда принимали участие представители центрархивов ССР:

а) с правом решающего голоса:

130. Барышев, И. М. (Центрархив Крымской автономной республики).
131. Галанов, В. Д. (Центрархив Башкирской ССР).
132. Жаков, А. П. (Центрархив Татреспублики).
133. Иванов, В. И. (Центрархив Узбекистана).
134. Мелков, А. Л. (Центрархив Киргизской ССР).
135. Сибирцева, Т. И. (Центрархив Татреспублики).
136. Шведов, М. М. (Центрархив Крымской автономной республики).
137. Хрисанфов, Н. А. (Центрархив Карельской республики).
138. Юдин, П. Л. (Центрархив Дагестанской автономной республики).

б) с правом совещательного голоса:

139. Котляров, В. Ф. (Центрархив Украины).
140. Мелешко, М. В. (Центрархив Белорусской ССР).
141. Нечай, З. С. (Центрархив Туркменской ССР).
142. Тетин, С. М. (Центрархив Украины).
143. Чхетиа, Ш. К. (Центрархив Грузинской ССР).

Состав I съезда архивных деятелей РСФСР.

Всего участников съезда 140 чел., из них:

Членов РКП (б)	74	52,85%
Беспартийных	66	47,15%

Решающих голосов было — 107 — 76,42% к общему числу участников съезда.

Из них:

Центрархив (из них Ленинград. 14)	31	— 28,9%
Учреждения гор. Москвы	5	— 4,7%
Губархбюро	57	— 53,35%
Архбюро автономн. респ. и областей	13	— 12,15%
Другие учреждения (провинциальные)	1	— 0,9%
Итого	107	— 100%

Партийная принадлежность.

Членов РКП и кандидатов — 65 — 60,75% к общему количеству решающих голосов.

Из них:

Центрархив с Ленинградом .	20	(Л. —7) — 30,77%
Учреждения гор. Москвы	2	— 3,07%
Губархбюро	38	— 58,47%
Архбюро автономн. респ. и областей .	5	— 7,69%
Всего	65	— 100%

Беспартийных — 42 — 39,25% к общему числу решающих голосов.

Из них:

Центрархив и Ленинград	11	(Л. — 7) — 26%
Учреждений гор. Москвы	3	— 7%
Губархбюро	19	— 45%
Архбюро автономн. респ. и областей .	8	— 20%
Другие учреждения (провинциальные) .	1	— 2%
Всего	42	— 100%

Заведующих архбюро . . . . 53 чел. (из них — 9 чел. из авт. респ. и обл.)
» политсекциями . 16 » (из них — 1 » » » » »)
Сотрудников губархбюро . . 1 »

Совещательных голосов — 33 — 23,58% к общему числу участников съезда.

Из них:

Центрархив и Ленинград	7	(Л. —3) — 21%
Учреждения города Москвы . . .	13	— 40%
Губархбюро	2	— 6%
Губистпарт (Донской)	1	— 3%
Другие учреждения (Ленинград) .	2	— 6%
Республики Союза	8	— 24%
Всего .	33	— 100%

Партийная принадлежность делегатов с правом совещательного голоса.

Членов РКП и кандидатов			9
Из них:			
Центрархив с Ленинградом	5	(Л. — 1)	— 55,6%
Учреждения гор. Москвы	1		11,5%
Губистпартотделы (провинция)	1		11,1%
Республики Союза	2		22,2%
Беспартийных			24
Из них:			
Центрархив с Ленинградом	2	(Л. О.—2)	— 8,3%
Учреждений гор. Москвы	12		— 50%
Губархбюро	2		— 8,3%
Другие учреждения (провинции)	2		— 8,3%
Республики Союза	6		— 25%
Итого	24		— 100%

Образовательный ценз.

Решающих:	
Высшее	38
Среднее	50
Низшее	3
Домашнее	5
Специальное	11
Итого	107
Совещательных:	
Высшее	10
Среднее	16
Низшее	7
Итого	33

Национальность.

Решающих:	
Великороссы	74
Украинцы	5
Белоруссы	1
Евреи	7
Латыши	4
Татары	1
Грузины	1
Вотяки	1
Чуваши	1
Карелы	1
Калмыки	1
Зыряне	1
Прочие	9
Итого	107

Совещательных:

Великороссы	23
Украинцы	4
Белоруссы	1
Евреи	2
Латыши	—
Поляки	1
Грузины	1
Вотяки	—
Чуваши	—
Карелы	—
Калмыки	—
Зыряне	1
Прочие	—
Итого	33 [1]

[1] Расчёт сделан на 140 делегатов, потому что в число зарегистрированных мандатной комиссией 140 делегатов не вошли те тт. делегаты, которые получили свои мандаты непосредственно через президиум съезда.
Прим. Ред.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 14 МАРТА 1925 г.

Открытие съезда.

М. Н. Покровский (заведующий Центрархивом РСФСР). Тт., мы первый раз собираемся после смерти В. И. Ленина, который неоднократно выступал в этом самом зале, зале заседаний ВЦИК'а, в самое трудное время, в самый революционный из революционных годов — 1918-й. Я предлагаю начать собрание с того, чтобы почтить память В. И. вставанием. *(Все встают).*

Тт., больше трех лет, почти четыре года, прошло со времени нашего первого собрания,[1] прошло не даром. Мы имели за это время великую утрату, о которой я говорил, но, умирая, тов. Ленин мог сказать, что он оставляет наш Союз не таким, каким он был, когда здесь происходили исторические заседания эпохи начала гражданской войны. В 1921 году, выступая перед конференцией с речью, мне все время приходилось говорить в будущем времени. Прошло три с половиной года, и мы теперь можем говорить совершенно другим языком. Тогда мы говорили, что то не совсем хорошо налажено, то не совсем ладно устроено и т. д. Теперь, вы прекрасно знаете, у нас уже многое наладилось и устроилось в достаточной степени. Когда мы собирались в первый раз, посевная площадь составляла 65%, сейчас — 89% довоенной. Когда мы собирались в первый раз, производительность русской промышленности составляла 20% довоенной, сейчас — 50%. Когда мы собирались в первый раз, договор с Латвией и Эстонией считался огромным достижением, — мы уже тогда торговали с Англией, но каждая партия национализированных товаров, каждый привезенный нами слиток золота вызывали там скандалы и судебные процессы, — сейчас мы признаны, в сущности, всей Европой и накануне признания нас Америкой. Мы признаны крупнейшей из внеевропейских держав — Японией. Словом, теперь картина совершенно другая, и, повторяю, прошло уже время говорить в будущем, и можно говорить во времени настоящем. Тогда мы говорили, что мы

---

[1]) Первая всероссийская конференция архивных деятелей происходила в Москве 27 сентября — 2 октября 1921 года.

будем строить, теперь мы можем и должны говорить, что мы строим, действительно строим.

Это ощущается и в нашем архивном деле, — я бы сказал по старому, — в нашем скромном архивном деле. Но, как увидите, я буду сейчас не очень скромен в этом отношении. Я считаю, что в наших центрах, в Москве и Ленинграде, дело обстоит почти хорошо. Достаточно указать, напр., что в Москве Центрархиву удалось получить целый ряд превосходных зданий, которыми мы в настоящее время и пользуемся. Это нужно ценить, товарищи, когда известно, что в Москве буквально каждый аршин на счету. И когда при таких условиях центральное архивное ведомство получает три-четыре крупных здания, то это не пустая вещь. Это — показатель того, что у нас Советская власть архивам начинает уже отводить место, которого они заслуживают. В провинции дело обстоит хуже. И один из главных смыслов этого съезда я вижу в том, чтобы нам войти в тесный контакт с провинциальными работниками, выяснить, что у них болит и как можно им помочь, и в то же время ободрить их, так как несомненно, что та волна, которая идет в архивном деле в центре, докатится и уже, вероятно, докатывается и ощущается в значительной степени и на местах. Нам желательно эту волну продвинуть быстрее. Я считаю, что тут нет никакого каприза или блажи, если хотите, со стороны той власти, которая нами руководит, и что тут имеется налицо только здравая и правильная оценка архива и архивного дела в Советской России. Тут приходится очень подчеркнуть, что положение архивного дела у нас и положение архивного дела на Западе, а в особенности в старой России, — это две совершенно различные вещи. В Западной Европе до сих пор, а в царской России в усугубленных размерах, архивы были делом, прежде всего, ученых, а ученый, это — по представлению практических людей — нечто в роде взрослого ребенка, которому иногда нужно заткнуть рот соской, чтоб он не кричал, но которого не следует допускать ни к чему серьезному. Поэтому в Западной Европе до сих пор, а в царской России во много раз больше, ученые подпускались лишь к очень старым бумагам. В России, примерно, сакраментальный 1812 год, год «отечественной» войны, был до первой революции 1905 г., во всяком случае, тем переломным пунктом, до которого допускали любого ученого. С 1812 года и, примерно, до эпохи «освобождения» крестьян пускали с разбором, а после эпохи освобождения крестьян, т.-е. к архивам последних 50 лет не пускали никого. После первой революции 1905 — 1907 гг. положение значительно смягчилось. Тогда появилась возможность публиковать документы, касающиеся декабристов и т. д. Но, во-первых, все это было довольно мимолетно и непрочно, а, во-вторых, все это шло более или менее нелегальными путями. И положение вещей в царской России было только более резким выражением того, что существовало всюду. Еще совсем недавно в Англии

были доступны для ученых только архивы, которые не моложе 60 лет, и только недавно открыты архивы до 1878 года. Во Франции, кажется, и до сих пор 50-летний юбилей является своего рода аттестатом ученой зрелости для архива.

То обстоятельство, что архивным деятелям, архивным исследователям приходилось иметь дело исключительно с очень старыми документами, наложило отпечаток решительно на всю жизнь архивов, — в частности, на подготовку архивных работников. Их прежде всего обучали разным палеографиям и т. п. вещам, которые нужны для того, чтобы читать старые документы. Собственно этим состоянием архивов определялось и содержание исторической науки. У нас почти нет крупных работ по девятнадцатому веку. Большая часть наших исторических исследователей останавливалась на XVIII столетии, и это совершенно естественно: это был тот архивный рубеж, дальше которого ученых не пускали. Октябрьская революция и в этом отношении была моментом колоссального перелома. Перелом этот сказался на первой же неделе после Октябрьской революции, когда новая власть стала пачками выбрасывать на мировую арену документы вчерашней истории, документы эпохи империалистической войны, которые тогда были даже не вчерашним, а нынешним днем. Это произвело колоссальное впечатление всюду, и это впечатление чувствуется до сих пор. Под давлением наших публикаций, — не только, конечно, 1917 года, но и более поздних, новейших публикаций, — англичане приступают к печатанию своих документов, касающихся мировой войны. Можно заранее догадаться, как эти документы будут подчищены и просеяны, — но тем не менее, по сравнению с недавней еще английской практикой, это — прогресс огромный. Что касается других стран, то немцы свои документы до 1914 года уже напечатали. Они почему-то воздерживаются от печатания документов самой войны, но по 1914 год у них опубликовано или намечено к опубликованию почти все. Таким образом, наша Октябрьская революция и в скромном, как говорили в старое время, архивном деле сыграла очень большую роль. И вот этот перелом в архивном деле, который совершился благодаря Октябрьской революции, налагает своеобразный отпечаток на всю работу наших архивных деятелей в настоящее время. Прежде всего, это выразилось в том внешнем факте, что не без участия Владимира Ильича Ленина центральное архивное управление было передвинуто из ученого ведомства Наркомпроса в ведение центрального политического органа республики ВЦИК. Этим символизируется именно политическое значение архива, то, что это не есть что-то старое, что интересно только взрослым младенцам, которых называют учеными (я думаю, что ученые не обидятся на это замечание; я также имею некоторое отношение к этому цеху и, говоря так, имею в виду и себя). Это не есть что-то такое для утешения старых ученых, это есть живая, актуальная политическая вещь,

и нужно сказать, что мы мало пользуемся тем громадным политическим оружием, которое имеется в наших руках.

У нас есть журнал «Красный Архив». Все присутствующие в этом зале его хорошо знают, но я думаю, что вне этого зала едва ли найдется столько же человек, которые были бы с ним знакомы. А между тем, много публикаций этого журнала немедленно по появлении здесь переводятся на целый ряд европейских языков, издаются отдельными книжками. Многие публикации имеют мировое значение в самом точном смысле этого слова: они становятся известными всему миру, их читают во Франции, Германии и Америке. Но, повторяю, мы не в достаточной степени оцениваем, какой громадной силы политическое оружие имеется в наших руках в лице архивов, конечно, не тех, которые приходится изучать при помощи палеографии, но архивов империалистической войны, царского времени, XX столетия и архивов самой Октябрьской революции.

Это политическое значение наших архивов дает совершенно иной угол зрения, под которым мы рассматриваем все архивное дело, поскольку это есть дело живое и политическое. Оно у нас должно быть поставлено иначе, нежели оно поставлено повсюду. Но это, конечно, не значит, что мы ничем не воспользуемся из того, что было выработано старыми архивными деятелями, и что сами эти деятели нам не нужны. Мы должны использовать в широчайшей мере весь опыт, всю архивную технику, которая была создана предыдущим периодом. Но, повторяю, угол зрения у нас другой. Там очень часто все уходило в эту технику, и она была разработана действительно до мельчайших подробностей, но публиковались документы, которые были важны для ученых и им интересны, а сейчас архив должен непосредственно выполнять известную политическую работу; он своими публикациями тоже делает политику.

Отсюда неизбежна тесная связь нашего архивного управления с политическими органами республики. Отсюда и своеобразный состав органов, дирижирующих архивным управлением, и т. д.

И вот то, что в настоящее время архивное дело является не мертвым делом, которое интересует только крыс, а делом живым (к сожалению, все еще не совсем достаточно оценивается жизненное политическое значение наших архивов), это определяет всю нашу работу.

Вот почему такие собрания, как настоящее, где встречаются политические руководители архивного дела и специалисты, без которых они не могут работать, где имеется такого рода симбиоз, которого не то что нет сейчас (под влиянием Октябрьской революции он есть везде), но которого не было 10 лет тому назад — это придает особое значение таким собраниям, как настоящее. Я надеюсь, что наш съезд в этом отношении будет не последним, и что он заложит твердую основу для дружной работы специали-

стов и коммунистов, специалистов и политических руководителей, которые в особенности необходимы для этой новой постановки архивного дела, являющейся в одно и то же время и делом политическим, оставаясь также делом техническим и делом научным, ибо я нисколько не думаю отрицать факта, что архивные документы в первую голову нужны и необходимы для исторической науки. Но самую историческую науку мы, марксисты, представляем себе иначе, нежели ее представляли в буржуазном обществе. Как я выразился однажды, — я позволю себе повторить это сегодня, — марксисты даже о каменном веке должны писать с точки зрения современности. Присутствующие марксисты не откажутся засвидетельствовать, что исторические работы Энгельса, хотя бы они касались первобытного брака, первобытной семьи, все шли от той современной обстановки, от тех современных задач, которые перед ним стояли.

Вот почему, товарищи, наш съезд имеет в моих глазах такое большое значение, и я надеюсь, что он будет иметь очень большое значение для нашей будущей работы, и в системе нашего Советского строительства архивы оправдают то внимание, которое им оказано Советской властью.

Утреннее заседание.

М. Н. Покровский. Позвольте объявить первый съезд архивных работников РСФСР открытым.

Предлагаю приступить к конструированию съезда. Надо прежде всего избрать президиум съезда. Тов. Ольшевский сообщит нам список, намеченный организационной комиссией.

А. И. Ольшевский оглашает список членов президиума: В. В. Адоратский (Москва, Центрархив), Н. Н. Бакай (Томское губархбюро) С. П. Волков (Ленинград, губбюро), А. П. Гиваргизов (Ростов на Дону, Краев. архбюро), С. И. Канатчиков (Москва, Истпарт), В. М. Корнеева (Саратов, губбюро), Б. Г. Кубалов (Иркутск, губбюро), В. В. Максаков (Москва, Центрархив), М. Н. Покровский (Москва, Центрархив), Н. Л. Сергиевский (Ленинградский исторический архив), С. Д. Яхонтов (Рязань, губбюро). Всего 11 лиц.

Председатель. (М. Н. Покровский). Позвольте сказать два слова в виде комментария к списку. Список построен следующим способом: три человека от центра, два от Ленинграда — крупнейшего центра после Москвы, пять — от провинции и один — от Истпарта, наиболее родственного и близкого нам партийного учреждения, которое ведает специально исторической работой. Таким образом мы имеем от Москвы трех человек, вне Москвы семь человек и одного от руководящего учреждения.

Прежде всего относительно числа — 11 человек. Никто не предлагает другого числа? *Заявлений не последовало.*

Как угодно голосовать список — поименно или в целом? Принято: *в целом.*

Кто за этот список? *Принимается единогласно.*

Прошу товарищей, перечисленных в списке, занять места в президиуме.

А. И. Ольшевский. Предлагаю избрать почетный президиум: тт. Калинина, Каменева и Ольминского. *(Аплодисменты).*

Председатель. Позвольте считать эти аплодисменты за согласие со стороны собрания.

А. И. Ольшевский оглашает список лиц, намеченных в секретариат съезда: К. П. Кох, И. Л. Татаров, В. А. Домбровский, А. И. Протопопов, А. М. Рахлин.

Председатель. Кто за этот список? *Принимается список единогласно.*

А. И. Ольшевский оглашает список лиц, намеченных в редакционную комиссию: Н. Ф. Бельчиков, Д. А. Горбов, М. М. Цвибак, А. А. Черных, Я. Н. Жданович.

Председатель. Кто за этот список? *Принимается список единогласно.*

А. И. Ольшевский оглашает список лиц, намеченных в мандатную комиссию: П. С. Канашенок (Ростов н/Дону), А. И. Ольшевский (Центрархив), Я. Я. Пилке (Ленинградский центральный исторический архив).

Председатель. Мандатная комиссия построена по такому принципу: один от провинции, один от Ленинграда, один от Москвы. Нет возражений против такого состава мандатной комиссии? *Принято единогласно.*

Председатель. Итак, президиум съезда, секретариат, редакционная комиссия и мандатная комиссия утверждены.

Затем у нас будут секции: научно-техническая и организационная. Предлагается избрать теперь же председателей и секретарей секций.

А. И. Ольшевский. В архивно-техническую секцию тов. К. И. Воинова (Москва, Центрархив) предлагается председателем, тов. Б. И. Анфилов (Москва, Центрархив) — секретарем. В организационную секцию тов. М. М. Константинов (Москва, Центрархив) предлагается председателем, тов. Д. Г. Истнюк (Москва, Центрархив) — секретарем.

Председатель. Нет возражений против утверждения президиумов секций в таком составе? *Принято единогласно.*

Председатель. Позвольте перейти к обсуждению порядка дня.

В. В. Адоратский. Порядок дня предлагается следующий: доклад коллегии о деятельности Центрархива и доклад об очередных организационных задачах Центрархива. Это в первый день. Затем на второй день доклад о взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями, затем — доклад Истпарта, доклад института Ленина и доклад Музея Революции. И затем информационные доклады Центрархивов союзных республик. Если останется время, то вечером можно будет поставить доклад «Значение ленинградских архивов для изучения истории революционного движения и рабочего вопроса» и «Положение архивного дела на Западе». Если не останется времени, то, конечно, придется перенести на понедельник. Понедельник предположено посвятить докладам об архивном строительстве на местах и развернуть по этому вопросу прения. Этим исчерпываются пленарные заседания.

Работе секций будут посвящены вторник и среда. Архивно-техническая секция будет занята след. вопросами: 1) Об издании архивных материалов, 2) О составлении каталогов, указателей и справочников по архивному делу, 3) Об учете фондов и о топографическом указателе, 4) Об уточнении архивной терминологии. Организационная секция — 1) О задачах поверочных и разборочных комиссий на местах, 2) Архивы действующих учреждений и 3) Об архивном образовании. В среду вечером предполагается закрытие съезда.

Председатель. Есть ли какие-нибудь предложения к этому порядку дня?

И. П. Миров предлагает повестку дня пополнить в части, касающейся информационных докладов. Прежде всего необходимо поставить доклад одного из губернских архивных бюро, так как местным архивным работникам будет интересно выслушать доклад какого-нибудь губархбюро, конечно, наилучшего с точки зрения Центрархива, и в дальнейшем губархбюро можно будет равнять свою работу по деятельности этого наилучшего архивного бюро. И, во-вторых, было бы вполне целесообразным и для нас, местных работников, крайне интересным заслушать доклад Истпрофа. В Истпрофе ВЦСПС разработано положение об истпрофотделах губпрофсоветов и нам придется столкнуться в дальнейшем с деятельностью этих организаций.

В. В. Максаков. Товарищи, возражаю против обоих этих предложений. По поводу первого предложения нужно сказать, что нас не удовлетворит один доклад одного из губернских архивных бюро. Мы предполагаем поставить доклад о деятельности губархов вообще, так что там будут подведены итоги работ всех губархов. Полагаю, что товарищи, приехавшие с мест, внесут коррективы в наш доклад и дополнят то, что там отсутствует. Таким образом могут быть выявлены те губернские учреждения, где работа идет очень хорошо, и те, где очень плохо. Но сейчас я бы затруднился сказать, кто бы мог выбрать самое лучшее и самое худшее губархбюро, чтобы заслушать представителей того и другого. Что касается второго предложения, то я бы не возражал, чтобы заслушать и представителя Истпрофа и представителя военно-исторической комиссии, которая имеет сейчас большое значение, потому что она разрабатывает материалы, касающиеся гражданской войны, но наша повестка так распухнет, что к среде мы не закончим наших занятий. Я думаю, что можно ограничиться докладом Истпарта, органа, который фактически регулирует работу всех учреждений и организаций, и на том нам можно было бы остановиться.

Председатель. Высказались один за, другой против. По-моему, если позволите сказать, в вполне бесспорным в отрицательном смысле является вопрос о постановке здесь доклада одного из губернских архивных бюро. Ведь, будет поставлен

доклад о постановке деятельности на местах. Если съезд найдет нужным, то всегда можно продлить время оратору, и таким образом получится маленький доклад. Но тогда это получится совершенно естественным путем, в связи с интересом, который обнаружит съезд, а что же мы будем путем не то академических, не то бюрократических рассуждений расширять повестку дня. Тут, конечно, будут обиды, кого считать лучшим и кого худшим. Итак, я ставлю вопрос на голосование. Кто за то, чтобы поставить здесь доклад одного из бюро? Повидимому, никто не поддерживает этого предложения.

Теперь относительно Истпрофа. Что касается Истпрофа, то мне дело представляется не до такой степени бесспорным. Конечно, у нас мало времени, но я думаю, что если бы представитель Истпрофа выразил желание сделать доклад, ибо сейчас слишком поздно просить его об этом, то можно было бы на это согласиться, в виду громадного классового значения, которое имеет Истпроф. Что касается военной комиссии, о которой здесь упоминал т. Максаков, то это специальная отрасль работы, которая, конечно, тоже имеет громадное значение. Таково мое личное мнение. Тут, как видите, мы немножко разошлись с т. Максаковым. Решим этот вопрос голосованием. Кто за то, чтобы, если Истпроф пожелает, дать ему информационное сообщение... *(Голосование.)* Большинство, повидимому, за, хотя масса воздержавшихся. Условимся таким образом: если Истпроф пожелает, мы дадим и ему слово для информационного сообщения.

Имеются ли какие-нибудь предложения или замечания к порядку дня? Повидимому, больше нет.

Н. С. Бурмистров *(с места)*. Разрешите дополнить. Как обыкновенно бывает, повестка обыкновенно не охватывает всех вопросов, и масса вопросов не будет рассмотрена. Принято поэтому всю эту группу вопросов относить к текущим делам. Я предлагаю поставить последним пунктом повестки дня еще текущие дела.

Председатель. Разрешите высказаться против этого. Текущие дела могут быть у такого рода собраний, которые ведут текущую работу, напр., у общества, которое собирается периодически, но ведь наш съезд экстренный. Какие же у него текущие дела? Поэтому дополнять повестку дня такой неопределенной рубрикой едва ли стоит. Если возникнут вопросы частного характера, их можно индивидуально поставить. Сейчас, повидимому, такие вопросы не приходят никому в голову. Но, конечно, они могут появиться, и их тогда можно поставить на разрешение. А сейчас мы бы предложили не дополнять нашу повестку такой неопределенной рубрикой, как текущие дела. Если бы мы выбрали постоянное учреждение, например, комитет съезда, что ли, тогда у нас создались бы текущие дела. Ставлю на голосование, кто за этот пункт — текущие дела? *(Голосование.)* Таковых нет. Относи-

тельно повестки, значит, мы сговорились. Теперь относительно регламента. Прошу доложить.

В. В. Адоратский. Регламент выработан следующий: докладчику дается один час, содокладчику — 30 мин. Заключительное слово докладчика — 20 мин. Прения — первый раз — 10 мин. Второй раз — 5 мин. Третий раз выступать не дается. Слово по личному вопросу и в порядке прений 3 минуты. Информационные доклады полчаса.

Председатель. Имеются ли какие дополнения к этому регламенту? Замечаний никаких. *Принято.* Позвольте перейти к содержанию наших занятий. Есть еще какие-нибудь организационные пункты?

Голос *(с места).* Начало занятий и перерыв.

Председатель. Да, совершенно верно. Мы назначаем занятия с 10 до 2, затем перерыв на обед до 5. В организационной комиссии заявлялось, что в виду отдаленности жительства большей части членов съезда от 2-го Дома Советов, необходим перерыв в три часа, а не в два. Вечернее заседание от 5 до 9 вечера. Предлагается такого рода регламент. Нет возражений? Позвольте считать принятым. Относительно некоторых возможных перемен порядка дня должен сказать, что доклад об организационных задачах Центрархива просят перенести на понедельник, связав его с докладом об архивной работе на местах. Причина совершенно случайная, индивидуального свойства — болезнь докладчика. В связи с этим возможно передвижение второго докладчика т. Адоратского «Об отношениях Центрархива с научными учреждениями» — на сегодня.

И. Л. Татаров. Секретариат имеет данные о количестве решающих и совещательных голосов. Выдано 128 мандатов с решающим голосом и 64 с совещательным. Представительство на съезде мы имеем от 57 губерний и республик. Затем поступила одна приветственная телеграмма, которую я зачитаю: «Не имея возможности приветствовать съезд через своего представителя, архивное управление Бурят-Монгольской республики шлет пожелания плодотворной работы по организации охраны, разработки документов, выявляющих вековую деятельность народных масс всех национальностей великого Советского Союза. Завуправ. Гирченко». *(Аплодисменты.)*

Председатель. Слово имеет тов. Максаков для доклада.

В. В. Максаков. Тов. Покровский здесь довольно подробно остановился на политических задачах и значении, которое имеют наши архивы. Я не буду на этом останавливаться, скажу только, что для всех, конечно, ясно, что перед нами, работниками архивного дела Советской республики, основной задачей является возможность дать правительственным органам использовать в деле государственного и хозяйственного строительства тот огромный опыт, который нашел свое отражение в документах бывших пра-

вительственных и общественных учреждений и организаций, а также дать возможность научным исследователям вести научно-исследовательскую работу по архивным документам, которые мы должны собрать, привести в надлежащий вид и сохранить в наших архивах. Эти задачи могут быть с успехом выполнены лишь при условии точного учета всего того архивного богатства, которое оставила нам после себя царская Россия. Действительный учет должен, конечно, товарищи, неминуемо сопровождаться фактическим овладением всеми архивными материалами всех правительственных учреждений. Главное управление архивного дела, которое было создано Совнаркомом 1-го июня 1918 года, не могло в полной мере выполнить возложенные на него задачи, являясь частью одного из ведомств, именно Наркомпроса. Ведя работу ведомственного характера, Главархив по существу был небольшой частью одного из ведомств, и это не давало ему возможности выступать с той авторитетностью, с той силой, с которой нужно было выступать в острый период гражданской войны, когда нужно было архивным учреждениям проявить наибольшую энергию в деле спасения гибнущего в огне гражданской войны архивного материала. Конференция архивных деятелей в 1921 г., подъитожив опыт работы архивных учреждений, прежде всего остановила внимание на положении главного управления архивным делом в системе других правительственных учреждений нашей республики. На конференции было подчеркнуто, что дальнейшая работа архивных органов как в центре, так и на местах будет сведена на нет, если только не будут приняты решительные меры к тому, чтобы поставить главное архивное управление на ряду с правительственными органами центрального значения, и уже к началу 1922 г., через 4 месяца после конференции, Главархив превращается в Центрархив РСФСР, являющийся самостоятельным центральным управлением всероссийского масштаба с непосредственным подчинением президиуму ВЦИК. Эта реформа, осуществленная декретом ВЦИК от 30/I 1922 года, дала возможность провести одновременно соответствующую реорганизацию и местных органов. Губернские архивные управления из органов, находившихся в непосредственном подчинении некоторых отделов губисполкома, в частности отделов наробраза, на правах их подотделов, превратились сперва в губернские отделы Центрархива, подчиненные непосредственно губисполкомам на общих основаниях с прочими отделами последнего, но с подчинением управлению Центрархива в вопросах технических. Осенью 1922 года эти последние «Временным положением о губернских архивных бюро» были подчинены президиуму губисполкома через секретариат последнего. Таким образом, указанным декретом о централизации архивного дела и создании Центрархива РСФСР было произведено общее повышение ведомственного положения архивных органов республики как в центре, так и на местах. На ряду с этим тот же декрет связал

архивные учреждения РСФСР в единую организацию, установив, что все архивные учреждения республики образуют в совокупности Центральный Архив РСФСР, который управляет Единым Государственным Архивным Фондом. Сам архив или архивохранилища, находящиеся в ведении Центрархива, по декрету распадаются на две группы: находящиеся в непосредственном заведывании управления Центрархива и находящиеся в заведывании местных органов Центрархива. Таким образом, декретом впервые производится разделение архивов республики по их значению на центральные и местные. В строении самого аппарата архивных органов не было введено, по сравнению с положением 1918 года, ничего принципиально нового. Декрет закрепил лишь ту структуру учреждения, которая фактически сложилась до 1922 года. В своем отчете я буду касаться, главным образом, работы архивных учреждений, находящихся в непосредственном подчинении управлению Центрархива. К настоящему моменту на территории нашей республики имеется 80 архивных организаций, не считая центральных архивохранилищ Москвы и Ленинграда. Из них 54 губернских архивных органа, 16 окружных, 1 областной, 9 архивных органов автономных республик, входящих в состав РСФСР. Кроме того, мы имеем в Москве до 15 архивохранилищ центрального значения и в Ленинграде 11 крупных архивохранилищ и до 60 более мелких. Для руководства всеми этими архивными учреждениями как в центре, так и на местах, непосредственно в центре и через посредство соответствующих органов на местах, необходимо, конечно, было нам прежде всего иметь соответствующие штаты. Начало деятельности Центрархива РСФСР совпадало как раз с периодом самого жестокого сокращения аппарата советских учреждений. В тот момент, когда нам необходимо было развернуть как можно шире аппарат архивных учреждений для обладения всей огромной массой брошенных за время революции на произвол судьбы материалов, а также для организации местных архивных учреждений, Центрархив был поставлен перед необходимостью сжать свой и без того малочисленный штат сотрудников архивов как в Москве, так и в Ленинграде. Это неминуемо должно было отразиться на первых же шагах деятельности Центрархива, сузить его размах. Центрархив должен был направить усилия к тому, чтобы добиться увеличения штатов соответственно лежащим на архиве задачам. Весь 1923 г. шла энергичная борьба за проведение в жизнь всех штатов Центрархива. К этому времени Центрархивом было введено в Москве 177 штатных единиц и в Ленинграде 147. Необходимо отметить, товарищи, что из общего числа штатных сотрудников, указанных мною, не больше 60% работало и работает непосредственно в актохранилищах, остальные 40% падают на административный, канцелярский и низший технический персонал — курьеры, сторожа, дворники и т. д., обслуживающий как управление Центрархива, так и самые архивохранилища Москвы и Ленин-

града. Лишь к началу 1924 года — менее года тому назад — центральной штатной комиссией Наркомтруда было признано возможным увеличение штатов Центрархива в Москве и Ленинграде на 200 единиц. Вот только с этого времени можно говорить о приступе к более или менее планомерной работе в области архивного строительства как у нас в центре, так и на местах. На 1 января 1925 года мы имеем по всей республике 1087 штатных единиц против 830 ед. 1924 г. и 786 ед. 1923 г. Из этого числа на московские архивохранилища вместе с центральным аппаратом управления падает в 1923 — 24 г. 177 шт. ед. и в 1925 г. 325 ед. На Ленинградское отделение в 1924 году падает 147 и в 1925 г. 200 шт. ед. На губернские архивные бюро — 506 и 562 шт. ед.

Будет, товарищи, нелишним здесь привести вам несколько данных о личном составе архивных работников РСФСР. В Москве архивных работников с высшим образованием на 1 января 1923 г. было 42% общего числа всех сотрудников московских архивохранилищ, со средним 41%, с низшим 17%. В 1924 г. было 32% с высшим, 36% со средним и 32% с низшим образованием и в 1925 году тоже 32%, 30% и 38%. В Ленинграде процент архивных работников с высшим образованием в 1924 г. равнялся 48%, в 1925 г. — 50%, со средним образованием 26% и с низшим 22%. В провинции в 1924 г. 22% с высшим образованием, 52% со средним и 26% с низшим. В 1925 году 21% с высшим, 53% со средним и 25% с низшим. Я привожу эти данные, считая, что для нас чрезвычайно важно знать, каков аппарат, каков личный состав, с которым мы должны вести работу по организации архивного дела. Неграмотных среди архивных работников в Москве не значится ни одного; в Ленинграде 1% и в провинции 1,1%. Это, конечно, относится за счет технического обслуживающего персонала в наших архивохранилищах.

Беспартийных архивных работников в Москве в 1922 г. было 97%, в 1923 г. 86%, в 1924 г. 57% и в 1925 г. 61%.

В Ленинграде в 1922 г. 100% (я сюда включаю только тех товарищей, которые находились в штатах Центрархива. В Ленинграде положение было такое, что некоторые товарищи, выполняя работу в архиве, находились вне штата). В 1923 г. в Ленинграде было 97% беспартийных, в 1924 г. 90%, в 1925 г. 79%, т.-е. на 1-ое января 1925 г. было 79%.

В губернских архивных бюро было 99%, в 1924 г. 98,5% и на 1 января 1925 г. 82%.

Членов партии в Москве в 1923 г. было 13,5%; в 1924 г.—34% и в 1925 г. — 32%. Членов РЛКСМ в 1923 г. — 0,5%, в 1924 г. — 9% и в 1925 г. — 7%. В Ленинграде — членов партии в 1924 г. 9,5%, в 1925 г. 20%. Членов РЛКСМ в 1924 г. 0,5% и на 1 янв. 1925 г. 1%. В провинции в 1924 г. было членов партии 1,5% и в 1925 г. 17,5%. Членов РЛКСМ не было.

Если соотношение между работниками высшей квалификации и средней и низшей, по крайней мере, в Москве, можно считать удовлетворяющим потребность текущего момента в архивном строительстве, то этого нельзя сказать о партийном составе наших архивных работников. Нельзя закрывать, товарищи, глаза на то, что отношение правительственных учреждений к архивным органам в известной мере определяется степенью политического доверия, которое им внушает руководящий состав наших архивных учреждений, в особенности, когда мы вплотную подходим к разрешению вопроса о централизации архива пореволюционного времени. Никаких сомнений не может и не должно быть у органов правительственной власти относительно того, кому она передает хранение документов государственной важности. Коллегия Центрархива, учитывая это, систематически проводила план освежения личного состава архивных работников как в центре, так и на местах. Коллегия стояла на той точке зрения, что архивные учреждения должны в полной мере использовать те научные силы, которые отдали себя на служение архивному делу. Специалистам-архивистам должна предоставляться полная возможность проявить себя в деле архивного советского строительства. Они должны помочь рабоче-крестьянскому государству создать в государстве архивный советский фонд с учетом всего опыта прошлого. Но коллегия полагала, что без привлечения к делу архивного строительства новых сил, без создания кадров красных архивистов, опираясь только на работу архивистов недавнего прошлого, пролетарское государство не сможет в полной мере выполнить лежащей перед ним задачи. Постепенно нужно передать ответственное политическое руководство органами архивного дела в руки членов партии, которые под руководством коллегии будут проводить это дело. Сведения, которые идут с мест, как от органов правительственной власти, так и от местных архивных работников и в частности почти от всех наших заведующих и бывших заведующих губархбюро беспартийных, подтверждают правильность проводимой коллегией линии в этом вопросе.

Здесь, товарищи, мы сталкиваемся с вопросом о поднятии квалификации архивных работников. Потребность дать новым архивным работникам, пришедшим в наше учреждение, элементарное хотя бы представление о технических приемах архивной работы остро ощущается все эти годы. Для удовлетворения этой потребности можно было итти двумя путями: созданием специальных архивных учебных заведений или организацией особых курсов по архивной технике. Сейчас трудно говорить о создании специального учебного заведения для выработки советских архивистов. Для этого мы не имеем надлежащих ресурсов, да и вряд ли это диктовалось бы настоящим моментом в деле нашего архивного строительства. Опыт создания специального отделения на факультете общественных наук в 1-м Московском государственном универси-

тете показал, что и такой способ создания центра по архивному образованию вряд ли соответствует своему назначению. Слишком малочисленными были кадры слушателей, шедших на это отделение. Но здесь нам необходимо выслушать голос ленинградских работников, так как у них этот опыт создания такого центра в университете был продлен еще на год.

Вопрос о краткосрочных курсах разрешается довольно просто, но нужно прямо сказать, что результаты работ этих курсов, по крайней мере в Москве (а теперь мы имеем некоторые сведения и в отношении Ленинграда), далеко не оправдывают наших ожиданий. Попытки втянуть на эти курсы работников наших архивных учреждений наталкиваются на страшную перегруженность этих последних всякого рода общественными, партийными, учебными и другими занятиями. Приходится обслуживать этими курсами фактически безработных, бывших служащих каких-либо учреждений. Входит ли это в задачу Центрархива — это еще вопрос. Поэтому нам нужно внимательно подойти к вопросу, как организовать эти архивные краткосрочные курсы.

Вопрос об архивном образовании, конечно, особенно остро стоит в отношении провинции. Мне думается, что было бы целесообразнее наши курсы в Москве превратить в курсы для всех работников республики с привлечением к этой работе работников местных провинциальных архивных учреждений с обязательством непременно по окончании этих курсов проработать в архивах определенный срок. Что касается привлечения на эти курсы архивных работников центра, то это будет возможно, повидимому, лишь при условии на время занятий на этих курсах освободить архивных работников от других обязанностей, поставив их в те условия, в которые мы должны поставить и тех лиц, которые будут к нам командированы из провинции. Может быть, при этом условии мы сумеем тот же находящийся у нас кадр красных архивистов провести через специальные учреждения, где бы они получали надлежащие знания в области архивной техники.

Вопрос о штатах архивных учреждений, о личном составе, о котором я сейчас говорил, неразрывно связан с вопросом о материальном положении архивных работников. Для того, чтобы удержать в архивных учреждениях необходимый кадр опытных архивистов старого времени, с одной стороны, и привлечь к малопопулярному до сих пор архивному делу свежие силы, с другой стороны, необходимо прежде всего поставить архивных работников во всяком случае не в худшие условия, чем поставлены работники других государственных учреждений. Вопрос о зарплате был и остается до сих пор в некоторой мере больным вопросом, с которым приходится коллегии Центрархива сталкиваться в ее работе по организации архивного дела в республике.

В Москве в настоящее время, благодаря связи Центрархива с административным аппаратом ВЦИК'а, органом которого мы

являемся, можно было сравнительно легко разрешить вопрос об уравнении зарплаты сотрудников Центрархива хотя бы с сотрудниками ВЦИК'а. Разрешить этот вопрос в отношении Ленинграда и в особенности провинции представлялось значительным затруднением: в 1922 и 1923 годах средняя ставка архивного работника равнялась по Москве 55 р., по Ленинграду 25 р. и по губернским архбюро от 22 р. до 15 р. 50 коп., смотря по поясу. Судя по этим данным, трудно было ставить вопрос не только о настоящей производительности труда в ленинградских и провинциальных учреждениях, но и о сохранении нормального кадра архивных работников в наших учреждениях. Фактически это привело к тому, что многие архивные работники вынуждены были совмещать работу в архиве с работой в других советских учреждениях. Многие ушли из архива. С трудом удавалось привлекать в архив новых работников.

В отношении губернских архивных учреждений с 1-го января 1924 года вопрос разрешился как будто сам собой, потому что содержание архивных учреждений на местах было передано органам местной власти. Конечно, товарищи, это не разрешало вопроса в целом, так как местные органы не всегда, как это мы увидим в общем докладе о положении провинциальных архивных учреждений, считались и считаются с необходимостью поставить провинциальных архивных работников в надлежащие материальные условия.

Что касается Ленинграда, то в отношении работников этого последнего нам пришлось за это время сделать большой нажим на соответствующие органы для того, чтобы добиться уравнения их положения с положением московских сотрудников Центрархива и сотрудников советских учреждений. Окончательно удалось этого достигнуть уже в начале 1924 года. В 1923 — 1924 году средняя ставка архивного работника по Москве равнялась 88 р., а по Ленинграду — 85 р., в 1924 — 25 г. — 75 р. по Москве и по Ленинграду — полное уравнение. Теперь, товарищи, очередь за провинцией, где наши архивные работники нередко живут еще в области зарплаты в условиях 1921 — 22 года.

Когда мы стали иметь в своем распоряжении некоторые кадры архивных работников и поставили их в известной мере в сносные условия, нам пришлось принять решительные меры к тому, чтобы обеспечить наши архивные учреждения вообще в республике и в частности в Москве соответствующими помещениями под архивохранилища, где бы мы могли размещать тот архивный материал, который мы должны взять в свои руки. Конечно, недостаточно учесть этот архивный материал. Необходимо им фактически овладеть, а для этого его необходимо вывезти из тех помещений, в которых этот материал находился до последнего времени, в одно из архивохранилищ, принадлежащих Центрархиву. До сих пор мы еще не имеем твердо за нами закрепленных архивохранилищ

в провинциальных городах. Несколько лучше обстоит дело в центре, но все же и здесь, в частности в Москве, мы до последнего времени находились в чрезвычайно тяжелом положении. На бумаге нами были учтены все фонды дореволюционного времени, которые должны быть переданы в распоряжение Центрархива. В распоряжении организационного отдела Центрархива и заведующих губернскими бюро имелось бесчисленное количество актов о принятии на учет архивных фондов. Эти акты были закреплены представителями тех учреждений, в помещении которых находился учтенный нами архивный материал. Но фактически он не был нами учтен, мы не могли им воспользоваться, он находился в полном, часто бесконтрольном распоряжении тех учреждений, в домах которых эти фонды находились. Учтенные нами фонды продавались на макулатуру, их сжигали, ими пользовались для хозяйственных надобностей и их просто выбрасывали, когда они мешали учреждениям в их работе. Центрархив был беспомощен, потому что он не имел ни места, куда можно было бы вывезти эти материалы, ни средств для перевозки. Жилищный кризис, до сих пор дающий себя остро чувствовать в Москве, не давал возможности надеяться на то, что Центрархив в скором времени может благополучно выйти из этого положения.

Нужно было колоссальнейшее напряжение всего аппарата Центрархива для того, чтобы преодолеть это препятствие. За последние два года в Москве было получено 2364 квадр. саж. площади под архивные помещения. Центрархив получил очень хорошее здание бывшей синодальной типографии на Никольской, в которой было предположено сосредоточить материалы экономической и историко-культурной секций, и 2 помещения на Андроньевской ул., 22, где размещен архив Красной Армии, и затем 3 больших бывших собора. Несколько иное положение в Ленинграде, где жилищный кризис не мог столь губительно отозваться на архивах, как в ряде провинциальных городов. Там Центрархив не чувствовал такой острой нужды в архивных помещениях, и если мы стоим теперь перед вопросом большой перегруппировки архивных фондов в Ленинграде, то это связано с необходимостью более рационального использования уже имевшихся архивных помещений. Мы стоим в Ленинграде перед неизбежностью сократить число имеющихся архивных помещений, скажем, с 70 до 20 — 17, а то и меньше. И эту работу мы проводим и можем провести в плановом порядке, учитывая те реальные возможности, которые имеются в нашем распоряжении. Кроме того, конечно, нам нужно принять необходимые меры к закреплению за архивными учреждениями Республики через соответствующие законодательные органы помещений, специально приспособленных под архивохранилища. Нужно покончить с тем, что мы всюду чувствуем себя со своими архивными материалами гостями. Нужно раз

навсегда быть хозяевами тех помещений, в которых сложены наши архивные материалы.

Разумеется, самый факт получения здания под архив еще недостаточен. Нужно новые помещения оборудовать под архивохранилища, для чего нужны большие средства. Средства также необходимы и для того, чтобы доставить в эти архивохранилища материалы, средства на транспорт. Коллегии Центрархива пришлось много внимания уделить изысканию необходимых средств на архивное дело. Перед коллегией было два пути: один обычный путь получения средств в сметном порядке, и другой путь — получения средств от продажи архивных материалов, находящихся в распоряжении Центрархива и не подлежащих хранению, потому что они не имеют ни политического, ни практического, ни научно-исторического значения.

При той жесткой финансовой политике, которая проводилась и проводится нашими высшими органами за последние 2 года, первый путь получения средств, сметным порядком, не сулил блестящих результатов; тем не менее в 1922 году нам удалось получить по Москве и Ленинграду 69.225 рублей на хозяйственно-операционные расходы. В 1923 — 24 году эти средства выросли уже до 103.057 рублей и в 1924 — 25 году эти средства возросли до 172.492 рублей (цифра ориентировочная). Из них в 1924 — 25 году на Москву падает 112.492 р. и на Ленинград — 60.000 р.

Разумеется, эта цифра при той грандиозной работе, которая совершается на наших глазах в Москве и Ленинграде по приему в наши архивохранилища фондов, по перегруппировке этих фондов, по обслуживанию архивохранилищ в Ленинграде, а также по оборудованию этих архивохранилищ соответствующим образом, совершенно недостаточна. Нужно было бы попытаться пойти другим путем, а именно использовать имеющуюся у нас макулатуру для этой цели. Этот вопрос имел значение, конечно, не только для Москвы и Ленинграда, но имел огромное значение и для провинции. Фактически как в центре, так и в особенности на местах архивные учреждения во многих случаях должны были бы самоликвидироваться, если бы они не использовали возможность получения финансов этим путем. Скоро к этому способу извлечения средств пришли некоторые ведомства, в распоряжении которых находились ненужные с их точки зрения архивные материалы. Мы имели перед собой ряд фактов продажи ценных фондов, как макулатуры, с целью извлечения учреждениями необходимых для этого средств. Продавалась эта макулатура, конечно, без всякого разрешения, без всякой санкции со стороны архивных органов, как в провинции, так даже и в Москве и Ленинграде. Единственным способом приостановить это бесконтрольное уничтожение архивных материалов было проведение через законодательные органы запрещения проводить это уничтожение, как бы

то ни было, без ведома управления Центрархива. До сих пор Центрархиву не удалось провести всех необходимых законодательных предположений в этой области, но в отношении средств от продажи макулатуры удалось через Совет Народных Комиссаров провести постановление, которым Центрархиву было предоставлено право использовать средства от продажи макулатуры на издательские цели и архивно-технические потребности. Фактически почти все средства, которые получались от продажи макулатуры, шли и идут до сих пор на архивно-технические потребности, разумея под этим хозяйственные нужды архивных учреждений: ремонт зданий, оборудование их под архивохранилища, транспорт, чернорабочую силу для первичной разборки материалов и т. д. Если мы в Москве смогли в 1924 году построить стеллажи 15 верст длиной и израсходовать на ремонт зданий свыше 35.000 рублей, то этим мы обязаны главным образом, если не исключительно, тому обстоятельству, что мы имели в своем распоряжении так называемые специальные средства. В 1923 — 1924 г. спецсредств от продажи макулатуры по Москве было 30.050 р., в Ленинграде 25.530 р. В 1924 — 25 г. на первый квартал в Москве от продажи макулатуры получено 9.438 р. и в Ленинграде 16.831 р. Точных сведений о получении средств в губернских архивных бюро не имеется, но приблизительные сведения по 22 архивным бюро показывают, что эти средства в 1923—24 г. доходят до 58.141 р., из них израсходовано губархбюро 37.953 рубля. Товарищи, в частных беседах вчера перед съездом раздавались голоса, что на нужды центра не нужно давать ни одной копейки денег из специальных средств. У товарищей может получиться впечатление, что та работа, которая проделана в Москве, о которой я сейчас упомянул, она проделана за счет тех 50%, которые дает провинция, то к вашему сведению я сообщаю, что в специальный фонд управления Центрархива в 1923 — 24 г. поступило всего 4.903 рубля, и они имеются на хранении в соответствующем учреждении.

Благодаря увеличению кредитов с одной стороны и получению специальных средств с другой, Центрархив смог действительно за последние 2 года физически овладеть архивными материалами дореволюционного периода. В Москве в 1923 году было перевезено 192 фонда. Приблизительный вес этих материалов равняется 30.000 пудов. В 1924 году число перевезенных фондов достигает 300. Общий вес превышает 80.000 пудов, приблизительно до 100.000 пудов. Количество дел мы исчисляем цифрой 2.500.000. До революции Москва имела 4 основных архивохранилища: архив мин. юстиции, мин. ин. дел, Лефортовский и Межевой. В настоящее время в Москве 15 различных архивохранилищ и складов центральных правительственных учреждений, которые занимают площадь 6.759 саж., кубатура — 15.452 куб. саж.

В настоящее время б. архив мин. юстиции превращен в центральное архивохранилище, где сосредоточены фонды бывшего архива мин. юстиции, дворцового архива, архива бывш. мин. ин. дел, фонд, который влился к нам за последние месяцы, и бывш. гос. архив. В 1917 году часть этого архива была перевезена в Кирилло-Белозерский монастырь, часть осталась в Ленинграде и находилась в совершеннейшем беспорядке. Коллегия в виду огромного значения этих архивов собрала их в Москве и здесь в течение 1924 года выделила дела б. госархива из общего фонда мин. ин. дел и организовала особый архив. Главный архив мин. ин. дел, представлявший собрание важнейших документов, относящихся к XIX — XX вв., приведен в 1923 — 24 г. в порядок и сейчас находится в архивохранилище на Серпуховке, 15, и вполне обслуживает наши правительственные органы. В 1924 г. нами приступлено к организации в Москве архивохранилища для фондов экономической секции (Никольская, 9-а). Эта работа сейчас продолжается. Особое внимание мы должны были уделить фонду военно-исторического характера и архиву Красной Армии. Сейчас происходит в Москве перегруппировка военных фондов. В Лефортовском архиве сосредоточиваются сейчас все фонды дореволюционного времени. Архивные фонды Красной Армии, свезенные в Москву почти со всей республики, концентрируются в специальном помещении, нами в настоящее время оборудованном для этой цели. В ближайшие один — два года коллегия предполагает выполнить поставленную задачу — образование архива Красной Армии не только как архива-склада, но как архива, могущего широко обслуживать потребности военного ведомства и научно-исследовательскую работу наших историков. Я не буду перечислять все архивохранилища, организованные за последнее время, упомяну только архив Октябрьской революции.

Ленинградское отделение Центрархива [1] имеет в своем распоряжении до 70-ти архивных складов и архивохранилищ, из которых постоянно закрепленных за Центрархивом и специально оборудованных имеется одиннадцать. Площадь архивов Ленинграда равняется 8.711 кв. саж. и кубатура 20.000 куб. саж. Более подробно о фондах Ленинградского отделения и их перегруппировке в соответствии с потребностями, которые там стоят, будет говорить в своем докладе В. И. Невский, и я не буду сейчас на этом останавливаться, тем. более, товарищи, что ЛОЦ не приходится создавать новых архивов, а вести работу по целесообразному размещению исторически-сложившихся там фондов правительственных учреждений царского времени. Не следует забывать, что в ведении ЛОЦ находятся почти исключительно фонды дореволюционного времени, если не считать фондов военно-морского ведом-

[1] В дальнейшем Ленинградское Отделение Центрархива обозначаем сокращенно ЛОЦ. *Прим. Ред.*

ства, несколько месяцев тому назад переданных в ЛОЦ. Архивы в советских учреждениях Ленинграда и области находятся на учете и в ведении местных ленинградских архивных органов — сейчас губернского архивного бюро, а затем вероятно областного, которое там образуется.

Считаю своим долгом сейчас остановиться на волнующем всех, особенно провинцию, вопросе об охране материалов от противозаконного их истребления. Начало мероприятий Центрархива в этой области относится ко времени перехода советских органов к новой экономической политике. До того времени мы руководствовались декретом 18-го июня, трактующим о том, что учреждения не имеют права уничтожать отдельные дела и бумаги без ведома Главархива, и декретом 1919 года, устанавливающим общее правило охраны архивных материалов. С началом новой экономической политики учреждения, имеющие в своем распоряжении архивные материалы, нередко стали усваивать довольно одностороннюю, мягко выражаясь, точку зрения на архивные материалы, как на товар, допускаемый к реализации на рынке. Попытки Центрархива противодействовать этому начавшемуся с 1922 года лихорадочному сбыту архивных материалов на рынок обнаружили бессилие законодательных запрещений предшествующего периода. Суды отказывались выполнять репрессии, предписываемые декретом, а административные органы тоже отказывались проводить постановления в жизнь, и истребление архивных материалов в связи с этим приняло массовый характер.

В 1922 году одним из московских учреждений был продан архив Московской Книжной Палаты. Архив был на учете, под надлежащей охраной учреждений, но тем не менее учреждение, в помещении которого находился архив, нашло возможным пустить архив на фабрику, как макулатуру. Было продано свыше 10.000 пудов архивного материала, среди которого находились дела и документы исторического значения. Правда, в последний момент удалось предупредить массовое уничтожение этого материала и извлечь оттуда особенно ценный материал, но весь фонд целиком был передан на макулатуру не Центрархивом, а органами, не имеющими ничего общего с нашей работой. Такое же положение было с рядом других ведомств, которые продавали все материалы, не имевшие для них в данный момент актуального значения. Впоследствии оказывалось, что материал, который был ими предназначаем для продажи или продан, или вывезен для продажи, заключал в себе такие дела и документы, которые этим же учреждениям были чрезвычайно нужны в последующей их деятельности. Такое положение наблюдается в провинции и в Москве и в Ленинграде. Чувствуя свою безнаказанность, спекулянты бумажным хламом, в свою очередь, не стесняются тянуть то, что, так сказать, плохо лежит и даже не только из материалов дореволюционного времени, но из материалов самых последних лет.

В нашем распоряжении имеются сведения о появлении на рынке делопроизводственных материалов за 1923 и 1924 годы. Центрархиву было ясно, что для достижения реальной охраны архивных материалов в новых условиях жизни необходимо издание специального декрета. И вот в 1922 г. президиум ВЦИК'а по представлению Центрархива издал по радио известный провинциальным работникам циркуляр, направленный против этого бедствия. Однако проведение этого мероприятия в жизнь не могло считаться разрешением вопроса в целом. Суды нуждались в определенном законодательном акте, который уничтожил бы все колебания в разрешении этого вопроса. В большинстве случаев для привлекаемых к ответственности по этим вопросам дело заканчивалось более или менее благополучно.

В 1923 году Центрархив спроектировал в дополнение к уголовному кодексу ряд специальных карательных норм, предусматривающих различные виды и формы нарушения правил, касающихся архивного дела. Проект этот долгое время был на рассмотрении соответствующих органов Наркомюста и др., был с ними согласован, но здесь мы столкнулись с необходимостью проведения другого проекта, — это был проект об архиве Октябрьской революции, который предусматривает меры охраны архивных материалов от гибели. Этот последний проект должен был пройти, по нашему мнению, гораздо быстрее, но в конечном счете и тот и другой проект задержались, и мы к 1925 г. стали перед тем, что у нас до сих пор дело стоит на точке замерзания. Два месяца тому назад, по соглашению с РКИ, нам удалось составить новый проект, согласованный уже и с другими органами, который, повидимому, в скором времени будет иметь силу закона. Этим проектом предусматривается определенная кара за нарушение этого положения. У нас были разногласия с некоторыми ведомствами — Наркомюстом в частности — в отношении кары за незаконные истребления архивного материала. Предусматривается штраф до 500 р. и лишение свободы или принудительные работы на срок не свыше 6 месяцев. Следует, товарищи, попутно отметить, что с 1922 года по настоящее время редкий губисполком не издал правил для охраны архивных материалов и запрещения их продажи. Однако при отсутствии общей законодательной санкции эти запрещения за редкими исключениями не давали тех результатов, которых мы от них ожидали.

Теперь, товарищи, я перехожу к работе внутри наших архивохранилищ.

На данном собрании архивных работников-практиков не стоит говорить о том, в каком состоянии поступает архивный материал в наши архивохранилища. Если в дореволюционное время каждое учреждение сдавало свои дела без всякого лишнего балласта, подшитые, занумерованные, по крайней мере с кратким описанием, так что архивариус должен был затратить только несколько

часов для установки принятых дел в хранилища, после чего наступала научная обработка, то наибольшее количество материала, в последнее время поступившего в архивный фонд, находится в состоянии полнейшего хаоса. В виду невозможности производить отборку документов на местах, приходится все материалы, которые мы должны спасти, ввести в хранилище и тратить для этого на приведение в порядок месяцы и, может быть, годы, вместо прежних часов и дней. Необходимы, действительно, героические меры для того, чтобы привести хотя бы в относительный порядок тот материал, который поступает в наши архивохранилища за последние годы. Увеличение штатов Центрархива, о котором я упоминал, помогло, в Москве по крайней мере, тем, что в течение последнего года удается довольно быстро производить первичную разборку поступающих материалов. Я не имею возможности перечислить то огромное количество фондов, которое принято в последнее время в московские архивохранилища и приведено в порядок силами наших архивных работников. Надо сказать, что в 1924 году в московских архивохранилищах разобрано около 2 миллионов дел. Не менее успешно шла такая же работа в ЛОЦ. Значительно лучше состояние архивного фонда, поступающего в распоряжение ЛОЦ. Работа там идет не в складочных помещениях, а в более или менее оборудованных для этой цели помещениях. По политической секции мы произвели разборку 1.512.000 единиц хранения, по экономической — 100.000, по юридической — 344.000, по ист.-культурной — около 2.000.000 и приблизительно столько же по военно-морской. Разумеется, работа по описанию архивного материала отстает от работы по концентрации и первичной разборке материалов: тут работа производится, главным образом, по тому фонду, который требуется для справок правительственным учреждениям. В 1924 году описано в Москве около 150.000 дел. Не меньшее количество такой же работы проделано и в ЛОЦ. В процессе работы по концентрации архивного материала, не имея общего плана работы, Центрархиву трудно было говорить о систематической работе по отсеиванию из архивных фондов материалов, не имеющих практического и научного значения. Мы знаем, как в 1919 — 20 гг. по требованиям Главбума производился отбор макулатуры в той же самой Москве, но то, что происходило в первые годы гражданской войны, вряд ли можно оправдывать в теперешних наших, более спокойных условиях архивной работы. К настоящему моменту, когда основные фонды дореволюционного времени находятся фактически в наших руках, мы можем производить планомерную работу по отсеиванию из наших архивных материалов тех дел и документов, которые не подлежат дальнейшему хранению, при чем мы это должны сделать довольно быстрым темпом, так как к этому нас понуждает то обстоятельство, что мы почти повсеместно сталкиваемся с чрезвычайной загруженностью наших архивных храни-

лищ. Прием материалов советского периода чрезвычайно будет затруднен, если мы не примем достаточно решительных мер к тому, чтобы освободить архивохранилища от макулатуры. С этим ждать нам больше будет трудно. О том, как необходимо поставить работу по отсеиванию макулатуры, мы будем говорить в связи со специальным докладом С. К. Богоявленского в организационной секции. [1]

Без большого преувеличения можно сказать, что на 7-м году своей деятельности в области централизации архивного дела Центрархив РСФСР заканчивает фактически концентрацию всех архивных фондов ликвидированных Октябрьской революцией правительственных учреждений. Центрархив в настоящий момент представляет собою орган, фактически владеющий архивами дореволюционного времени. Вне поля зрения Центрархива и его органов на местах осталась, несомненно, лишь ничтожная часть государственного архивного фонда, считая даже и те архивные материалы, которые в силу различных условий были оставлены или переданы нами советским органам для их повседневной практической работы.

Центрархив находится сейчас на переломном пункте своей деятельности по централизации архивного дела РСФСР. Почти не было и нет сейчас сомневающихся в целесообразности применения в принципе централизации архивов дореволюционного времени и тех лиц и учреждений, которые могли противиться централизации управления архивами. Вот почему нам удалось без больших помех провести реформу первого июня.

Декрет первого июня идет гораздо дальше централизации архивов дореволюционного времени. Он объявляет все архивы всех правительственных учреждений РСФСР входящими в состав единого архивного государственного фонда. Он поручает Центрархиву вести наблюдение за архивной частью текущего делопроизводства советских учреждений. Наконец, декрет предусматривает фактическую передачу оконченных дел из правительственных учреждений в органы Центрархива. Это не что иное, как провозглашение централизации архивов и пореволюционного советского периода. До фактического учета и концентрации дореволюционных фондов можно было Центрархиву не ставить перед собою вопроса об овладении архивами советских правительственных учреждений, но медлить дальше теперь с этим нельзя.

Почти во всех правительственных учреждениях за эти годы отложился архивный материал. Учреждения, в первое время мало интересовавшиеся своими архивами, начинают проявлять интерес и заботу об охране своих делопроизводственных материалов. Это порождает пробуждение узко-ведомственного интереса к своим ведомственным архивам. То, что казалось несколько лет назад

[1] Доклад С. К. Богоявленского печатается в V—VI вып. ж. „Архивное Дело".

для учреждений обузою, теперь оказывается необходимым для практической работы учреждения. Разумеется, для всех работающих только в области архивного дела это явление должно вызвать большое удовлетворение. Архивные работники могут видеть в этом известную гарантию того, что архивные материалы не будут брошены на произвол судьбы, что на них не будут смотреть только с точки зрения макулатуры. Однако среди работников Центрархива чувствуется некоторое опасение за тот путь, по которому пойдут советские учреждения в деле организации у себя архивной части текущего делопроизводства. Необходимо во время притти на помощь советским учреждениям, дать им руководящие указания, установить с ними надлежащую связь и т. д.

Учитывая создавшееся положение, управление Центрархива за последние годы обратило особое внимание на архивы советских учреждений. В Москве еще в 1921 г. было положено начало созданию архива Октябрьской революции. По первоначальному замыслу этот архив должен был собрать материалы, непосредственно отразившие только борьбу за рабоче-крестьянскую власть. В архиве Октябрьской революции было предположено собрать рукописные материалы, а также печатные материалы с 1 марта 1917 года. Это было первой попыткой фактически овладеть фондами пореволюционного времени. К настоящему моменту общее количество фондов, сосредоточенных в архиве Октябрьской революции, достигает 193. Сюда не входят фонды Красной Армии, которые концентрируются пока отдельно, но являются также материалами, конечно, пореволюционного времени. Силою вещей за эти год-два архив Октябрьской революции в Москве из архива, хранящего наиболее ценные материалы революционного периода, превратился в центр, собирающий положительно всякие архивные материалы советских правительственных учреждений и проч. Центрархив предпринял систематическое обследование архивов советских учреждений с целью выяснить состояние этих архивов, проинструктировать руководителей этих архивов, наладить планомерную сдачу архивных материалов первых лет революции в архив Октябрьской революции. К 1 января 1925 года нами, при помощи нашего инструкторского аппарата, обследовано большинство центральных правительственных учреждений Москвы, наркоматов и главных управлений и центральных советских учреждений. Обследование дало следующую картину.

Ряд учреждений ограничивается улучшением своего делопроизводства, не обращая никакого внимания на отработанную часть этого делопроизводства. Эта последняя находится большей частью в беспорядке. Никакой инициативы в организации архивной части делопроизводства здесь не проявляется, несмотря на то, что в своей повседневной работе некоторые из этих учреждений связаны с необходимостью поставить свои архивы на должную высоту. Характерно, однако, что в этих именно учреждениях наблюдаются

*

именно те явления, которые принято нами называть «ведомственными тенденциями» в архивном строительстве. В некоторых из этих учреждений определенно осознана потребность в документах, отложившихся в их делопроизводстве. Здесь наблюдается определенное стремление к созданию своих центральных архивов, при чем нередко эти архивы создаются без всякой увязки их с существующими законоположениями по архивному делу и с существующими инструкциями Центрархива. Нельзя, конечно, товарищи, винить в этом всецело ведомства. Им некогда было ждать, когда Центрархив получит надлежащие штаты, средства и помещения. Однако в дальнейшем такую, мягко говоря, несогласованность действий ведомств в деле архивного строительства с Центрархивом необходимо изжить. Мы имеем сейчас, скажем, ряд приказов ВСНХ по архивному делу, несомненно, противоречащих архивному законодательству. ВЦСПС создает архивы в центре и на местах, дает им подробнейшие инструкции без всякой попытки согласования этих инструкций с органами Центрархива. Аналогичное положение имеется в ряде других учреждений. Подойти к разрешению вопроса о централизации управления архивами советских учреждений с формальной стороны нельзя. Вопрос этот чрезвычайной важности. От правильного его разрешения зависит дальнейшее направление всей деятельности Центрархива. Разумеется, можно было бы, основываясь на букве декрета, потребовать, чтобы все советские учреждения немедленно сдали в Центрархив все дела и документы, коим истек срок хранения в архивах учреждений. Но, во-первых, в самом декрете предусматривается возможность особого соглашения с ведомствами о всякой передаче учреждению документа, не утратившего значения для повседневной его деятельности. Во-вторых, не можем же мы забывать, что не советские учреждения существуют для Центрархива, а Центрархив существует для советских учреждений, по крайней мере в деле охраны материалов ближайших лет. Поэтому интересы учреждения должны быть учтены прежде всего при решении вопроса о передаче материалов советского периода. Необходимо поставить дело так, чтобы наркоматы, главки, отделы губисполкомов выигрывали, а не проигрывали от сдачи материалов в Центрархив. Вот почему коллегия Центрархива с чрезвычайной осторожностью подходила и подходит к вопросу об архивах советского периода. Мы прекрасно знаем, что мы бедны и людскою силою, и материальными средствами. Мы должны брать к себе архивы тогда, когда мы вполне готовы к приему этих архивов. Конечно, мы обязаны брать и будем брать материалы революционного времени, брошенные на произвол судьбы. Мы должны взять у «нерадивых хозяев» их архивы. Мы пойдем навстречу выраженному желанию передать нам архивы, но требовать архивы, не давая гарантии учреждениям в обслуживании их справками, мы не должны. То условие, которое проводится Центрархивом в Москве и которое должно быть

проведено на местах, должно привести к необходимости заключения со всеми советскими учреждениями договоров о сроках сдачи ими материалов в Центрархив. В Москве мы заключили подобного рода договоры с бывшим Наркомпродом, с Наркомвоенмором, с НКПС, предлагаем заключить договоры ВСНХ, Наркомздраву, Наркомзему и ряду других ведомств и учреждений.

Вопрос о сроках хранения, как я уже докладывал, разрешается в каждом отдельном случае в зависимости от ряда конкретных условий деятельности того или иного учреждения. В тех случаях, когда учреждение или ведомство целиком передает свой фонд последних лет учреждению Центрархива (а в этих случаях коллегия идет на особое соглашение), сдающему учреждению или ведомству принадлежит контроль за охраной сданного нам материала.

Председатель. — Товарищи, время, предоставляемое докладчику, уже истекло, но в виду важности доклада, я думаю, что не будет возражений против того, чтобы предоставить т. Максакову лишних 20 минут. *Предложение принимается.*

В. В. Максаков. — Наблюдающийся отрыв архивов советских учреждений от органов Центрархива может быть изжит проведением правил, регулирующих постановку архивной части в делопроизводстве советских учреждений. Эти правила представляют собой сводку инструкций, касающихся порядка сдачи отработанных дел из канцелярий учреждений в их архивы, а также порядка сдачи дел после определенного срока хранения из архивов учреждений в Центрархив. Об этих правилах мы заслушаем на съезде специальный доклад.[1] Сейчас я только отмечу, что введение этих правил, можно сказать, уже согласованных с наркоматом РКИ РСФСР и даже РКИ СССР, по нашему мнению, вносит большую определенность и ясность в наши взаимоотношения с советскими учреждениями. То, что нами проводится в центре, то отчасти проводится, а отчасти намечено к проведению на местах. Тот архив Октябрьской революции, который должен собрать фонды пореволюционного времени, т.-е. архивы советских учреждений, это есть политическая секция губернских архивных бюро, с тою разницей, что в эту секцию, на ряду с пореволюционными материалами, включены и некоторые наиболее важные материалы дореволюционного времени. В ближайшие год-два материалы советского периода займут в нашей секции такое место, что материалам, скажем, жандармского управления, секретной части губернаторов можно было бы отвести в архиве Октябрьской революции скромненькое местечко в виде особого отдела, как это было сделано в архиве Октябрьской революции в отношении «ново-романовского» фонда, из которого мы сделали подотдел «падения старого режима». В конечном итоге мы будем иметь в Москве и

[1] См. далее доклад И. А. Голубцова. *Прим. Ред.*

в других архивных бюро два основных фонда: фонд дореволюционный, который смело можно назвать историческим фондом, и фонд пореволюционный — фонд Октябрьской революции.

Особые методы работы в отношении материала того и другого фонда, без сомнения, существуют, но я не буду на этом останавливаться подробно.

Работа по выявлению, учету, систематизации и описанию архивного материала производится одновременно с работой по обслуживанию лиц и учреждений, нуждающихся в архивных материалах. Здесь мы вплотную подходим к выполнению тех требований, которые должны к архивам предъявлять органы рабоче-крестьянской власти. Почти с первых же дней опубликования декрета об архивном деле Центрархив вынужден был принять надлежащие меры к обслуживанию ряда правительственных органов. Правда, в первые годы это обслуживание выражалось в выдаче небольшого количества справок, главным образом по вопросам сметно-штатного характера отдельных ведомств. С момента НЭП'а интерес к архивам со стороны ведомств усилился: вопросы хозяйственного строительства вызвали большую потребность в получении материалов из архивов бывших правительственных учреждений и государственных органов царского времени. Наши сношения с империалистическими странами вызвали необходимость в изучении архивных материалов, касающихся истории внешних сношений царской России. Ряд договоров, заключенных нами с окраинными государствами, поставил вопрос об обследовании наших архивов на предмет обнаружения среди них фондов, имеющих отношение к вопросам по вновь образующимся окраинным государствам. Претензии иностранных капиталистов к России заставили наши финансовые органы обратить внимание на архивы кредитных учреждений и на финансы царских правительственных учреждений, для установления связи наших банков с иностранцами, на условия, на которых заключаются договоры, и т. д. и т. д. Нет вопроса в области нашей внешней политики, который бы в той или иной мере не потребовал бы обращения к тем архивным материалам, которые мы получали за эти годы. Эта задача выполнена Центрархивом более или менее успешно, и он ее выполняет усиленно за последний 1924 и за начало 1925 года.

Трудно перечислить круг тех вопросов, которые ежедневно предъявляются правительственными учреждениями органам Центрархива — в Москве. Достаточно перечислить просто круг тех учреждений, которые имеют регулярные сношения с учреждениями Центрархива: ВЦИК, Совнарком, Истпарт, Наркоминдел, Верхсуд, Реввоенсовет республики, президиум Моссовета, Наркомзем, Госстрах, Наркомфин и другие. В 1922 году был сделан первый подсчет справок только по письменным запросам в органы Центрархива, в Москве их насчитывалось около 2000. Телефонные справки и личные обращения, конечно, учету совершенно не под-

даются. В 1923 году письменных справок было выдано по Москве— 2.224, из них 2.175 правительственным учреждениям и должностным лицам. В 1924 году число справок по Москве было выдано 2.638, в ЛОЦ в течение 5 лет выдано справок государственным учреждениям свыше 10.000 и частным лицам 12.000. Закончившаяся систематизация дореволюционных фондов дала возможность предоставить архивы вниманию исследователей. С каждым месяцем число лиц, пользующихся архивным материалом для историко-исследовательской работы, увеличивается все более и более. В 1922 году в архивах работало 98 научных работников, в 1923 году — в читальных залах было сделано 4.222 посещения, было дано 28.779 документов, в 1924 году было 6.000 посещений и выдано до 30.069 документов. Истпроф, Истпарт, Военно-Историческая комиссия, Институт Красной Профессуры, Исследовательский институт — все эти научные учреждения чрезвычайно широко пользовались архивными материалами, сосредоточенными в Москве и Ленинграде. Ряд журналов: «Пролетарская Революция», «Красная Летопись» и другие в значительной мере используют материалы наших архивных учреждений. С целью приблизить исследователей к архивным документам Центрархив не считал достаточным предоставление архивного материала для занятия в актохранилищах. Центрархив справедливо полагал, что не всякий изучающий историю революции, историю народного хозяйства и т. д. будет в силах для своей работы найти непосредственно в архиве нужный ему материал. В силу этого коллегия Центрархива ставила одной из своих задач издание материалов, находящихся в Центрархиве. Получение специальных кредитов, о которых я говорил выше, облегчило задачу дать в массы архивный материал путем публикации. Но тяжелые условия, в которых мы до сих пор еще находимся, не позволяли во всю ширь развернуть эту сторону нашей деятельности.

При выработке издательского плана Центрархив стремился к тому, чтобы ответить на те запросы, которые встают перед читающей массой в связи с теми или иными событиями. В виду этого Центрархив создал в связи со столетием восстания декабристов специальную комиссию, которая уже подготовила ценнейший материал по истории восстания.

150-летие Пугачевского восстания также нашло отражение в издательском плане Центрархива. В ближайшее время выйдут печатные документы по Пугачевскому восстанию и подготовлены 4 сборника по Пугачевщине, из которых два в ближайшее время сдаются в печать. Вся эта работа производится, главным образом, силами Центрархива. Приближающаяся годовщина Октябрьской революции заставила ввести в план издательской деятельности Центрархива выпуск материалов по истории 1917 года. Сейчас в печати находятся материалы о развале армии в 1917 году, о рабочем движении 1917 года, об аграрном движении 1917 года,

стенограмма отчета 1-го съезда Советов и ряд других материалов. Кроме того, намечена и частью закончена исполнением серия материалов по рабочему и крестьянскому движению в России. Из серии по крестьянскому движению вышли в свет 2 сборника и совершенно подготовлен том, посвященный материалам о крестьянском движении первой половины XIX века. По рабочему движению закончена работа о Ленских событиях 1912 года. Подготовляется сборник документов по рабочему движению 1900 — 5, а также 70 — 80 гг. Богатейший материал по внешней политике, находящийся в распоряжении Центрархива, естественно, также привлек внимание редакционно-издательского отдела при выработке издательского плана и сейчас намечен ряд изданий до 137 печатных листов по материалам архива, отражающим внешнюю политику царской России.

Для того, чтобы развернуть издательскую деятельность Центрархива должным образом, необходимо создать более или менее твердый план, в котором учитывались бы материалы не только Москвы и Ленинграда, но и материалы, находящиеся под охраной губернских архивных учреждений.

До настоящего времени такового единого плана издательского у нас не было. Между тем потребность в приобщении к издательской деятельности мест, несомненно, ощущается. Это видно из того, что ряд губернских архивных бюро по собственному почину выступают с изданием ряда сборников документов, а также из той связи, которая на местах наблюдается в области издательской деятельности с местными отделами Истпарта. К сожалению, нужно сказать, что не все, что выбрасывается на книжный рынок нашими архивными учреждениями в провинции, заслуживает напечатания, и это заставляет нас, может быть, здесь, на съезде поставить вопрос о действительно большей увязке издательских начинаний на местах с издательским планом Центрархива в целом.

В виду выделения из моего основного доклада вопроса об архивном строительстве на местах я, естественно, лишь вскользь, в общих чертах говорил о положении губернских архивных бюро.

Нельзя, однако, совсем умолчать о тех задачах, которые ставит коллегия перед собой в отношении провинциальных архивных учреждений.

То положение, в котором находился Центрархив в 1923 — 24 году, лишало Центрархив возможности фактически руководить организацией и строительством губернских архивных учреждений. Для выполнения этой цели у Центрархива в Москве не было ни людей, ни средств. От циркулярного и вообще бумажного руководства нельзя, конечно, ожидать очень многого, и помощь от этих руководящих указаний часто весьма сомнительна. Необходимо было прежде всего создать и укрепить центральный аппарат управления, и это худо или хорошо, но ко второй половине 1924 г., когда были увеличены штаты Центрархива и были даны

большие средства, нами было сделано. И вот тогда можно было поставить вопрос о живой непосредственной связи с провинцией и руководстве деятельностью архивных учреждений на местах. Но, товарищи, можно иметь штаты, но не иметь необходимых работников для выполнения той работы, которая легла на плечи Центрархиву, а для выполнения этой работы, для инструктирования и организации нужны были люди, вплотную окунувшиеся в гущу архивной жизни. Трудно было нам за последнее время выдвинуть таких работников, но и это мы теперь сделали. В настоящее время мы имеем в своей среде кадры молодых, красных архивистов-инструкторов, и коллегия осенью 1924 года дала управлению директиву: «лицом к провинции». В осуществление этой директивы группа наших товарищей, красных архивистов-инструкторов, немедленно была брошена в провинцию для всестороннего обследования положения на местах и инструкторской работы. К открытию съезда мы имеем отчеты по обследованию 20 губернских архивных бюро. Об этом я буду говорить подробно в моем следующем докладе. Теперь же скажу, что те данные, которые нами получены, убедили коллегию, что лозунг: «лицом к провинции», был дан своевременно, и что на ближайший год все силы и средства, которыми мы располагаем, должны быть брошены на организацию и укрепление архивного аппарата на местах.

Несколько слов необходимо сказать по вопросу о проекте организации Центрархива СССР. Этот вопрос всплыл перед коллегией, как неизбежное следствие создания ЦИК'а СССР. Предстояло определить надлежащую подведомственность архивных фондов общесоюзного значения, скажем, архивов Красной Армии. Осенью 1923 года был разработан проект о создании всесоюзного архивного органа. До настоящего времени этот проект еще не получил окончательной формы, он подвергся в различных инстанциях изменениям и сейчас находится в комиссии законодательных предположений Совнаркома. Идя навстречу желанию автономных республик принять участие в рассмотрении проекта об организации архивного органа общесоюзного значения, возбуждено ходатайство перед Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР об устройстве специального по этому вопросу всесоюзного совещания. И вот первое заседание этого всесоюзного совещания состоялось вчера. На совещании присутствовали: представители Укрцентрархива, Центрархива Белорусской республики, Закавказских республик, Узбекистана, Туркестана. О работе совещания мы надеемся информировать съезд или в конце этого съезда, или в тех бюллетенях, которые мы разошлем на места немедленно по окончании этого всесоюзного совещания.

Товарищи, в своем докладе я намеренно старался не упоминать таких терминов, как «план», «плановость», и других терминов, которые мы привыкли часто употреблять, делая отчетные доклады. Мы, товарищи, работали без плана. А когда в прошлом строили

план, то очень часто работали вне этого плана и даже вопреки плану. Условия, в которых находилась наша работа в 1924 году как в центре, так и на местах, лишали нас возможности строить какой-либо реальный план. Чтобы строить план, нужно иметь реальные возможности осуществления плана, нужно иметь гарантию, что жизнь не заставит работать вне плана и вопреки плану. Я приводил данные, которые показывают, как жизнь лишала нас возможности строить план, хотя бы ориентировочный.

Я сообщал вам в докладе сведения о специальных средствах. Можно ли считать их твердой финансовой базой при плановом развертывании нашей работы? Конечно, нет. Сегодня средства есть, завтра их может и не быть. Я иллюстрировал наблюдающееся отношение к архиву, как учреждению второстепенного и даже третьестепенного значения, материалы которого любое учреждение могло продать на макулатуру, нисколько не согласовывая своих действий с Центрархивом. При таком отношении можно ли поручиться, что весь план не будет уничтожен и не даст никаких положительных результатов. Вот почему, товарищи, я говорю, что мы работали без плана. Но уже в 1924 году, весной коллегия Центрархива создала особую комиссию для выработки общего плана работ Центрархива. Опыт был сперва в отношении Москвы, и мы не можем сказать, что был неудачный опыт. На 1925 год управлением был разработан план более обстоятельный, и предложено всем органам Центрархива принять его к неуклонному выполнению. Пока нам не удалось еще в этот план уложить работу ЛОЦ, но мы надеемся, что в ближайшее время это нам удастся сделать. Тогда мы должны будем приложить все усилия, чтобы подвести соответствующую базу под работу аппарата на местах, построить реальный план работ архивных учреждений и в провинции. Можно думать, что следующий операционный год — 1926 год — мы будем работать уже по плану.

Заканчивая свой доклад о деятельности Центрархива за последние годы, я должен оговориться, что трудно было мне охватить всесторонне ту работу, которую проделал Центрархив за последний период времени, в условиях, в которые ставится докладчик регламентом. Центрархив учреждение новое, буквально порожденное нашей Октябрьской революцией, у него нет опыта в дореволюционном прошлом. Нам нужно было создавать формы и методы работы в области архивного дела самим. Методы ведомственного архивного строительства прошлого оказались не всегда применимыми в революционных условиях. Это накладывает особый отпечаток на всю деятельность Центрархива. Мы сами, архивные работники революционного периода, — и нам не так страшно в этом сознаться, — бредем часто ощупью. Ошибок мы, несомненно, делаем много. Но одно то, что мы за семь лет нашей революционной работы вопреки озлобленным голосам эмигрантских сирен, —

а эти голоса раздаются до сих пор, — не только не ликвидировали Центрархив РСФСР, но стоим на полпути к созданию Центрархива СССР, заставляет нас с чувством удовлетворения признать, что идея централизации архивного дела — это завоевание Октябрьской революции — вполне оправдала себя.

Председатель. Товарищи, надо договориться относительно дальнейшего хода наших занятий. Доклад был очень продолжительный. Он длился больше полутора часа. Поэтому прения откроются на вечернем заседании, а сейчас разрешите объявить перерыв до 5 ч.

Объявляется перерыв до 5 ч.

Вечернее заседание.

Председательствует *М. Н. Покровский*.

Председатель. Вечернее заседание архивных деятелей объявляется открытым. Записался только один оратор т. Бурмистров. Слово по докладу т. Максакова предоставляется т. Бурмистрову.

Н. С. Бурмистров. Я считаю, что доклад т. Максакова о деятельности Центрархива можно назвать отчетным докладом. Выступать по этому докладу можно только с точки зрения оценки деятельности Центрархива. Тов. Максаков обрисовал в своем докладе работу Центрархива, и из его слов можно было заключить, что работа над фондами республиканского значения Центрархивом выполнена. Он уже указывал, что со стороны Центрархива было очень мало уделено внимания местам. В настоящий момент Центрархив повернулся лицом к провинции. Вношу предложение: на повестке стоят дальше два вопроса, очень тесно связанные с докладом коллегии Центрархива; предлагаю не открывать прений по докладу, а открыть их по заслушании следующих двух вопросов, которые являются почти содокладами.

Председатель. Слово предоставляется т. Максакову.

В. В. Максаков. Товарищи, предложение, которое мы сейчас заслушали, было бы приемлемым, если бы те два доклада, о которых упоминал т. Бурмистров, мы стали бы заслушивать сегодня или завтра. Но их в лучшем случае мы можем заслушать в понедельник утром, а может быть даже и вечером. В своем докладе я пытался осветить все стороны деятельности Центрархива, исключив оттуда только моменты непосредственной работы в губернских архивных бюро или организационные вопросы, которые, главным образом, вытекают из этой деятельности. В силу этого те доклады и прения по ним должны принять особый характер, именно применительно к работе

местных архивных учреждений и общих организационных задач, которые стоят перед нами. Вся деятельность Центрархива в целом не будет затрагиваться в тех докладах, и я думаю, что если мы откажемся от прений сейчас, то в конце концов этот доклад не обсудим, потому что гораздо целесообразнее обсуждать под свежим впечатлением.

Председатель. Поступило два предложения об открытии прений: одно за то, чтобы прения по докладу открыть сейчас, а другое за то, чтобы прений не открывать сейчас, а открыть их по заслушании докладов по организационному вопросу и по строительству на местах. Кто за то, чтобы прений не открывать? *Мало*. Кто за то, чтобы прения открыть? *Большинство*.

М. Н. Покровский. Тов., я хочу сказать несколько слов не по поводу доклада, а в ответ на обращения многих тт. о том, чтобы съезд как-нибудь отметил то событие, которое нам принесли вчера вечерние телеграммы, — смерть вождя китайской партии Гоминдан Сун-Ят-Сена. Я должен сказать, что тут сказывается до некоторой степени верное чутье. Китайская революция и русская революция, несомненно, связаны друг с другом, связаны непосредственно. Китайская революция была своеобразным эхом нашей первой революции 1905 — 7 гг. Это почувствовало даже царское правительство, и недаром удушение китайской революции 1911 года царским правительством и его достойными тогдашними союзниками Францией и Англией производилось так энергично. Без их помощи Юаншикаю не удалось бы справиться с китайской революцией, и китайская столыпинщина была созданием рук тогдашней царской России. На это мы имеем определенное указание иностранцев, бывших тогда в Китае, которые прямо говорят, что русское посольство в Пекине вмешивалось в дела, зная, что победоносная революция в Китае могла бы чрезвычайно вредно отразиться на русской Сибири. Это было косвенным признанием того, что китайская революция сама была отражением того, что происходило у нас в 1905 — 7 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке.

Другой чертой, связывающей эти две революции, является то, что Китай величайшая в мире крестьянская страна. В этом отношении он, конечно, выдержит сравнение с СССР сколько угодно. У нас крестьян, как их ни много, а больше ста миллионов не насчитывается, а там их имеется триста миллионов. Эта величайшая крестьянская страна отстала от СССР в своем развитии. Она застыла вследствие целого ряда условий приблизительно на том уровне, на котором была Восточная Европа и в частности Россия во второй половине XVIII века. Промышленный капитализм там стал развиваться только в самые последние десятилетия. Там господствовал торговый капитализм и связанное с ним мелкое производство. Эта задержка в развитии Китая естественным образом должна была задержать и развитие китайской революции

на более низкой ступени. Китайская революция пока (я не говорю об отдельных лицах) не выдвинула не только коммунистической партии, но даже четкой социалистической партии. Там неопределенное революционно-демократическое народничество, воплощением которого является партия Гоминдан. Но характерно, что внутренняя связь революции понимается и самим Китаем, и несомненно, что если где-нибудь у Советской власти были хорошие друзья за пределами России (не считая, конечно, коммунистических партий), вне пределов коммунистических партий, вне пределов Коминтерна, то этих друзей можно было скорее всего найти в партии Гоминдан, и одним из таких друзей был Сун-Ят-Сен. Вот почему, хотя этот человек не был коммунистом и не был нашим, но в дальнейшем, вероятно, он развился бы в демократа-революционера и уже по одному этому он шел по нашему пути, приближаясь к той революции, которую делали мы. Мы знаем, что партия Гоминдан в своем политическом обращении выбросила лозунг освобождения Китая от засилия и угнетения иностранцев. Это засилие существует в Китае в таких пределах, до каких, к счастью, не доживали мы даже в худшие годы царского режима. В Китае в 1900 г. во время т. наз. восстания боксеров, которое на самом деле было войной китайского народа против иностранных угнетателей, происходили такие картины, что народы угнетаемые и удушаемые не смели объявить войны и вынуждены были объявить это восстание, хотя, несомненно, тогдашнее китайское правительство участвовало в этом восстании, и кто постарше, помнит те расправы, которые происходили в Китае, помнит тот неслыханный разгром, которому был подвергнут Пекин, или то, как массами китайцев топили в Амуре, разгром Манчжурии, разгром, который сопровождался такими ремарками: город такой-то сдался без боя. Потом выяснилось, что грабеж там был неслыханный. И страна в лице Сун-Ят-Сена нашла то, что ей нужно было в первую голову, — вождя в борьбе за свободу национальной самостоятельности, в борьбе, чтобы сплотить свои силы против этих хищных иноземцев. И как далеко ушел Китай от 1900 г., что сейчас уже как никак Сун-Ят-Сена признавали эти «иноземные дьяволы», как их называли китайцы. Они начинали признавать силу Китая, начинали видеть лицо китайского народа и когда Гоминдан выслал представителей европейского капитала из Кантона, скрутил китайское купечество, которое было проводником европейского капитализма, то против этого европейцы не посмели действовать планомерно. Сейчас уже Европа вмешивается в китайские дела не такими действиями, какими она вмешивалась 25 лет тому назад. Вот беря такие факты, мы начинаем понимать, каким громадным фактом является в Китае Гоминдан и вождь его Сун-Ят-Сен. И поскольку на нашем знамени написано раскрепощение всех угнетенных, восстановление воли народа, и это основной лозунг СССР, без этого лозунга не было бы СССР, постольку

гоминдантов и их вождя мы должны приветствовать, и смерть великого вождя гоминдантов Сун-Ят-Сена мы должны почтить. Поэтому я предлагаю, согласно мнению многих, почтить память Сун-Ят-Сена вставанием. *(Собрание встает).*

Председатель. Открываю прения. Слово по докладу тов. Максакова имеет тов. Корнеева.

В. М. Корнеева. Один товарищ заявил о том, что-де мы сейчас по этому докладу не будем говорить, а заслушаем еще 2 доклада, и будем говорить по всем докладам сразу. Правда, по докладу Центрархива можно сказать, что работа проделана колоссальная и в особенности в Москве и Ленинграде. Провинции частично уделено внимание. Но мы, как провинциалы, должны сказать, что к этой работе мы приступаем только сейчас. Из доклада мы услышали о многих законодательных распоряжениях по отношению к провинции, но эти законодательные предположения к нам, в провинцию, доходили в весьма недостаточном количестве. Возьмем хотя бы вопрос о гибели фондов. Центрархив здесь сказал истинную правду, что гибель фондов происходила не только в провинции, но, оказывается, происходила и в центре. По этому поводу были изданы распоряжения, чтобы с архивами обращались осторожно, не допускали бы их гибели и расхищения. Я бы сказала, что из таких твердых законодательных распоряжений у нас был только один декрет, а остальное, что имеется, — это циркулярные распоряжения. Эти циркулярные распоряжения, по-моему, как будто исходили от ЦИК'а, проводились в действие через исполкомы и давали указания относительно того, как относиться к охране архивных фондов. Почему гибель архивных фондов происходила? Вот почему. Центрархиву нужно было в самом начале договориться с соответствующими комиссариатами. Ведь, на местах, допустим, хотя бы почтово-телеграфное ведомство, ведомство путей сообщения, хотя бы народное хозяйство считают, что у них есть свои комиссариаты. И когда вы входите в соответствующее учреждение с известными заявлениями, то вам говорят: позвольте, у нас есть свой комиссариат, есть свои распоряжения, хотя бы относительно бумажного хлама. Многие местные учреждения претендуют на то, чтобы самим продавать макулатуру и тем извлекать средства на свои материальные нужды. В последнее время мы видим давление мест на то, чтобы это право относительно продажи отхода от разборки архивных материалов было предоставлено ведению самих учреждений, и преимущественно под видом продажи отхода у нас и утекали целые фонды. Нам приходилось устанавливать, что вместе с макулатурой уходили архивные фонды на писчебумажные фабрики для переработки. Тут должно быть самое жесткое законоположение, согласованное с соответствующими комиссариатами, которое должно было бы пройти через законодательные органы, и это законоположение должно являться для всех законом. Этого Центрархив, по-моему,

не сделал. Вот поэтому-то нам на местах работать теперь весьма затруднительно. В настоящее время у нас еще есть много недоговоренностей с многими органами, хотя бы с губпрофсоветами, т.-е. с профессиональными архивами. Я не знаю, как у других, но у нас, в Саратове, так обстоит дело: мы до сих пор не можем с губпрофсоветами договориться о том, чтобы они все свои архивные материалы привели в систему и охраняли архивы. На местах наблюдается печальное явление, что из этих архивов в наших хранилищах мы не имеем ни одной бумажки и никоим способом мы не можем добиться получения этих архивов. Получено специальное распоряжение Центрального Исполнительного Комитета о передаче архивов, но они говорят, что все-таки по их линии этого распоряжения нет. Значит, тут несговоренность центра с местами и нет твердой линии на местах.

Затем относительно архивов Красной Армии, весьма ценных архивов. По военному ведомству имеются свои учреждения и свои распоряжения, как поступать с этими архивами. В одном случае говорится, что их надо хранить, а в другом — что их нужно направлять в центр. В количественном отношении этих архивов много, а в качественном мы не знаем, насколько они сохранились. В Саратове мы хотели ознакомиться подробно с этими архивами, но нам сказали: «руки прочь, у нас есть свой центр и если он даст распоряжение, то мы так и поступим». В последнее время от РВСР имеется распоряжение о том, как поступать с архивами, но в каком положении находятся прежние архивы, неизвестно. Мы приняли только исключительно архив ЧОН'а.

Затем есть партийные архивы. На этот счет нужно сказать, что мы не имеем права их касаться, брать на учет и инструктировать, потому что никаких распоряжений об этом нет. Даже, если вы хотите получить справку за 1917 — 18 гг., то вам скажут, что эти года прошли и архивы уничтожены. Я полагаю, что мы, съехавшись здесь, должны этот вопрос обсудить и указать на эти пробелы.

Далее, у Центрархива есть задание относительно курсов. Нам нужно иметь своих красных архивистов. Это правильно, но если мы будем посылать на курсы в Москву, то для этого нужны и средства и люди, и это потребует продолжительного срока. Где есть университеты, там такие курсы организовать легче, и в первую очередь следует через эти курсы пропустить тех работников, которые занимаются в учреждениях архивным строительством. Нужно в законодательном порядке провести такое положение, чтобы в учреждениях имелись свои архивариусы для проведения текущей работы в архивах, чтобы мы принимали в наши архивы не только бумажки в хаотическом состоянии, а чтобы все дела были занумерованы и приведены в порядок.

И. П. Миров. Доклад тов. Максакова обстоятельный, все стороны работы предусматривает и на большинство вопросов отве-

чает, но мне кажется, что здесь докладчик, может быть, с целью или так просто, не отметил одной стороны архивной работы. Всякая архивная работа будет успешной только тогда, когда ее будут вести не только архивные работники, а когда к этой работе достаточно внимательно будут относиться работники других учреждений, стоящие во главе этих учреждений. Нам, местным работникам, это особенно понятно, и в этом отношении я просто бы задал вопрос Центрархиву, что предпринимает Центрархив в тех целях, чтобы привлечь к себе внимание всех учреждений неархивных. Здесь тов. Максаков говорил, что удалось от ВЦИК'а добиться каких-то мероприятий. Это одна сторона. Центрархив мог использовать еще печать, как орудие популяризации архивных знаний, и мог бы через печать будировать другие учреждения, чтобы они как можно внимательнее относились к архивному делу. На деле мы этого не видим. Возьмите нашу прессу. Там ни одной почти статьи об архивном строительстве нет, если не считать статьи тов. Адоратского в «Правде».

Второй вопрос, на котором я также коротко хотел бы остановиться, это вопрос об отсутствии согласованности мероприятий Центрархива с мероприятиями других заинтересованных в архивном деле учреждений. Тов. Корнеева об этом сказала. Несогласованность имеется налицо. Все инструкции, которые от Центрархива получаются, говорят об единстве государственного фонда, говорят, что в губернии заведывание архивами принадлежит губернскому архивному бюро. Но мы видим, что на деле этого нет. Губсовнархозы получают из центра распоряжения, предписывающие сосредоточить учреждения архивного характера при губсовнархозах. То же можно сказать и об органах Госстраха. Меня интересует вопрос, что же это — несогласованность мероприятий Центрархива или просто отсутствие единой линии поведения? Как будто в одно время Центрархив говорит одно, а затем начинает говорить другое. И в дальнейшем, я полагаю, что эти упущения, которые больше всего сказываются на местах, нужно будет Центрархиву изжить.

Р. Я. Озолин. Из доклада тов. Максакова видно, что Центрархив проделал колоссальную работу. Один товарищ указывал, что доклад был сделан основательно. Если доклад был основательный, то нам, пожалуй, не пришлось бы больше ни о чем говорить. Я все-таки нахожу в некоторых местах недостаточность в самом докладе. Я остановлюсь на следующем. Докладчик указал, что было издано 400 листов всевозможных изданий, в которых были опубликованы архивные материалы. В этой цифре не вижу того колоссального богатства, которое можно было бы черпать из Центрархива. Если мы могли извлечь только 400 листов исторического материала, то я сказал бы, что эти 300 работников мало сделали. — В докладе я не нашел сведений о положении и работе московских архивов. Теперь перейду к вопросу о кратко-

срочных курсах. Тов. Максаков не сказал ничего существенного, не указал, что по этому вопросу было сделано и что предполагается сделать? Было указано только, что будут или предполагают привлекать работников из учреждений. Но я с этим не согласен, так как на курсах нужно готовить архивных работников Центрархива, а не других учреждений. Кроме того, не было указано на то, какое руководство ведется Центрархивом над архивами, подведомственными ему по Москве, и какая связь с Ленинградом?

В заключение, мы можем констатировать, что Центрархивом взята правильная линия как в отношении архивных материалов, так и в отношении архивных работников и постановки дела, выразившаяся в лозунгах дня: «красный архивист — сотрудник историка-марксиста» и др.

В. А. Домбровский. Есть, товарищи, такие мероприятия, которые не требуют от нас никаких материальных затрат, и, используя такие меры, можно сильно помочь архивному строительству. Я хотел бы обратить внимание съезда, товарищи, на один вопрос, который тов. Максаковым был затронут вскользь. Это вопросы карательной политики нашей в связи с архивным делом. Вчера мне пришлось беседовать с товарищами-делегатами, прибывшими из провинции, и я в беседе услышал от одного из товарищей такой факт. В одном губернском городе был пролом каменного архивного здания, потом его поджог. Виновники были обнаружены, и они получили два года тюремного заключения, не условно, а по настоящему. Я не знаю, какое наказание и сколько лет каторжных работ дало бы старое царское правительство, старый уголовный свод законов за такое преступление. Во всяком случае нужно сказать, это слишком мягкая карательная политика, она не может дать достаточно гарантий для сохранения наших архивов. Другой пример гораздо ближе. В Ленинграде год тому назад старый архивный работник Шафранов позволил себе сжигать документы, компрометирующие сановников романовского режима. Кроме того, он целый ряд документов воровал, крал, что было доказано обыском, бывшим у него на квартире. И вот народный суд после разбора этого дела, где факты были безусловно доказаны, и несмотря на то, что этот архивный работник из нашей среды окончил два высших учебных заведения, из которых одно специально-архивное, — постановил присудить его к одному году тюремного заключения у с л о в н о, т.-е. фактически никакого наказания, кроме отрешения от службы, не последовало. Так вот, когда работники Государственного Архива здесь в Москве прочли такое постановление народного суда, большинство из нас сказало: такого характера судебные приговоры могут только поощрить неустойчивую часть наших архивных работников к архивным преступлениям, а отнюдь не содействовать их прекращению. Так вот, мне кажется, что во многих местах такие случаи бывают, и мне кажется, что не нужно ждать, пока через наши учреждения

можно будет провести какой-нибудь пункт уголовного кодекса, карающий строго за эти преступления. Можно добиться того, чтобы верховный прокурор республики издал циркуляр по всем губернским прокурорам такого содержания, чтобы губпрокуратура с должным вниманием относилась к нашим губархивам при обсуждении такого рода дел. Мне кажется, что нужно нашему съезду в одном из пунктов резолюции этот момент подчеркнуть и добиться его проведения.

Б. М. Яров-Южин. На совещании ведомственных архивариусов, которое было у нас в губернии перед поездкой моей на съезд в Москву, один архивариус заявил, что руководствуется инструкциями по архивному законодательству, которые были изданы пятьдесят лет тому назад. Другой пример: в губархиве крупного города, крупного центра не имеется своей печати, и для того, чтобы отправить бумагу, к которой нужно приложить печать, надо отправляться к секретарю губисполкома, чтобы приложить печать. Секретарь может найти, что бумажка не совсем правильна, и губархив ничего не может сделать. Я думаю, что на съезд собрались руководящие работники, которые должны дать направление работе. Поэтому наш съезд, исходя из опыта, должен обратить внимание на то, что архивные органы не авторитетны. Почему? Да потому, что архивные органы далеко не всегда имеют хороший состав работников. Затем архивные органы, которые представляют собою органы с резко выраженным политическим оттенком, не обладают достаточным числом партийных сил. Если мы обратимся к тому, что из центра мы не имеем руководящих указаний, то ясно, что наши местные органы, непосредственные наши начальники — президиумы губисполкомов, могут с полным правом игнорировать наше существование. Состояние архивных организаций, количество их работников на местах разнообразно. За два дня пребывания в Москве я узнал, что одни архивные бюро имеют в своем составе 3-х человек, другие до 10-ти человек, третьи — свыше 10-ти, а четвертые и 20 человек.

С. М. Коненкин. Товарищи, на этом съезде мы должны глубже продумать все вопросы нашего будущего архивного строительства, чтобы на местах мы смогли бы их проводить в жизнь.

Центрархив безусловно многое сделал. Относительно руководства я скажу, например, что мы в Наркомфине, где я работаю в качестве старшего архивариуса, часто получали директивы от Центрархива, который давал нашему архиву указания в смысле техники и постановки работы.

Мое пожелание сводится к тому, чтобы наметить более обширные планы архивной работы в будущем, собрать всех архивных работников действующих учреждений гор. Москвы и к концу нашего заседания вынести постановление, которое послужило бы на пользу будущей работе.

К. И. Воинова. Доклад т. Максакова, с одной стороны, очень полно освещает всю работу Центрархива, проделанную им на протяжении пяти лет, а, с другой стороны, этот доклад очень скромен, он не выявил всей громадности работы, которая была проделана Центрархивом. Тов. Озолин говорит, что Центрархив выполнил свою работу только в том, что напечатал 400 листов архивных материалов. Но тт. Миров и Озолин, критикуя доклад, совершенно не обратили внимания на то, что т. Максаков, правда, вскользь, должно-быть, из скромности, упомянул о той громадной работе, которая была проделана Центрархивом по концентрации, охране и собиранию материалов дореволюционных учреждений. Вы забываете теперь, когда мы живем в период окончания гражданской войны, что Октябрьская революция как бы оторвала прошлое от настоящего и оставила нам громадный бумажный материал, который многие считали хламом. Но Центрархив за это время, несмотря на то, что многие учреждения, а также белые, во время гражданской войны приходили и выбрасывали этот хлам, сумел его собрать и охранить. Те цифры, которые огласил т. Максаков о том, сколько у нас из революционных фондов собрано, описано и учтено, показывают, что проделана громадная работа. С учреждениями у Центрархива имеется большой контакт. Об этом также свидетельствуют цифры, приведенные т. Максаковым и помещенные в диаграммах. За один 1924 г. посещений во всех наших учреждениях было 1.563.656 работодней, дел выдано более 12 тысяч. Материалами Центрархива пользовались и Истпарт и Истпроф, Коммунистическая академия и другие учреждения. Если тт. из этих учреждений к нам не пришли, то это потому, что они еще не изжили старый предрассудок, что архивное дело мертвое дело, что если мы занимаемся архивным делом, то это потому, что мы немощны телом и нам некуда деться. Здесь говорили, что не было руководства со стороны Центрархива. Но Центрархив послал директивы на места: спасайте материалы, охраняйте архивы, и мы созвали съезд, на котором деловым образом придем к учету архивных материалов, которые нужно разработать, описать, чтобы дальше возможно было бы использовать их историку, чтобы каждый «красный архивист мог быть помощником красного историка».

Конечно, задача архивных работников не должна исчерпываться только охранением и разработкой материалов. Мы должны продолжать собирать материалы и описывать их. Если площадь наша увеличилась почти втрое, если увеличиваются штаты и ассигнования на архивное дело, то за этим тоже кроется громадная работа Центрархива. А если к Центрархиву и к архивным работникам на местах относятся все с большим и большим вниманием, то это показывает, что что-то сделано, что что-то сдвинуто с мертвой точки. Чтобы показать, какая громадная работа проделана архивными работниками, можно указать на то, что

в 1924 году выдано 46 тысяч справок, а в 1918 г. — только 29 справок. Это показывает, что безусловно наша работа жизненна и она идет по правильному пути.

А. П. Жаков. Я хотел остановиться на некоторых моментах, которые не были указаны другими товарищами. Я хотел бы обратить внимание на то, что Центрархивом одно время было сделано предложение о выявлении нашей точки зрения на единое законодательство по архивному делу, но это дело как будто заглохло, тогда как то, что укладывается в понятие кодекса, необходимо было бы издать, и тогда мы сумели бы скорее изжить ту ведомственную неразбериху, которая существует у нас в Казани. Учреждения Казани имеют инструкции, исходящие из Москвы и в значительной мере несогласованные с теми правилами, которые существуют по нашей архивной линии. Я не знаю, общее ли это явление, но у нас оно имеет место. Во всех учреждениях архивы 1917 — 18 и 19 гг. не приведены в порядок, они хранятся в запущенном виде, если вообще хранятся, и нет надежды на то, что учреждения эти приведут эти архивы в должный вид в скором времени, и состояние архивов из года в год ухудшается. Центрархиву необходимо принять меры к тому, чтобы все учреждения в определенный срок, начиная с 1924 — 25 гг., ежегодно в начале года приводили все свои дела в порядок и в этом порядке хранили. Я уже не говорю о том, что нужно привести в порядок архивы первых годов революции, для чего дать учреждениям срок в течение одного — 3, 4, 5 месяцев. И надо, чтобы эта работа производилась из года в год. Далее, с архивными циркулярами на местах плохо считаются, и потому основные из них нужно проводить, очевидно, через ВЦИК или каким-либо другим путем. И другая беда: циркуляры, которые приходят на места, преломляются у нас так, что в значительной мере искажаются и вовсе не достигают своей цели.

Б. М. Яров-Южин. Тт., я второй раз выступаю не потому, что хочу возразить на неудачную попытку защитников Центрархива, выступавших с заявлением, что руководство было и в таком-то году 20 справок дано, а в минувшем — 40 тысяч. Я хочу сказать о направлении работы Центрархива и мест в целом. У нас нет определенного направления работы. Наша задача конкретно сводится к следующему: охрана архивных фондов, собирание и концентрация фондов, а вот дальше-то что? Дальше нужно сказать: использование этих фондов. Когда на съезде в Орле ставился вопрос об этом, то один т. думал развить мою мысль и дошел до такой фразы, — некоторая доля правды в которой есть, — что, мол, сидим на сене, сами не едим и другим не даем. Конечно, с документами нужно быть слишком строгим. Разбазаривать их ни в коем случае не следует. Но сидеть на документах, конечно, нельзя. Нужна работа над ними, нужна обработка их... Направление в этом смысле какое-то должно быть.

Я считаю, что направление в работе в смысле разработки наших архивных фондов должно быть под углом привлечения общественности. Я понимаю этот вопрос так: у нас имеются громаднейшие фонды, мы пригласим отделы Истпартов, разработаем материалы охранки, филиалов департамента полиции и на основании этих документов будем учить молодые поколения тому, как боролись и гибли наши товарищи. Мы должны привлечь к этой работе товарищей из обществ по ликвидации неграмотности. Есть масса церковных брошюр и книг. Надо использовать и этот материал. Сейчас антирелигиозная пропаганда ставится не так, как раньше. Используйте этот материал, и вы сделаете полезное дело. Затем, сейчас достаточно модно говорить о районировании и краеведении. Это вопрос отнюдь не модный, а сугубо сложный, поскольку краеведческие работы приобретают определенное место. Архивы и на это должны отозваться.

Председатель. Поступило много записок с предложением о прекращении прений. Записалось еще два товарища — Евстафьев и Анфилов. Кто за то, чтобы дать этим товарищам слово? *Принимается.* Затем, кто за то, чтобы прекратить прения? *Большинство.*

Б. И. Евстафьев. Товарищи, говорившие до меня, отмечали, что ведомственные учреждения относятся индифферентно к настоящему съезду. Это не так, товарищи, или не совсем так. Эти ведомства дали своих представителей на съезд, в частности и НКПС послал своего представителя. От имени НКПС я позволю себе обратиться к настоящему съезду. Мы с удовлетворением приняли заявление, которое сделал в своем докладе тов. Максаков, которое сводится к тому, что Центрархив существует для наркоматов, а не наркоматы для Центрархива. Мы надеемся, что это заявление есть декларативный пункт программы Центрархива на будущее, что впредь, начиная с настоящего съезда, это положение будет определяющим моментом для всей деятельности его, для всего его, так сказать, существа. Роль ведомств по отношению к Центрархиву— роль пайщиков, и в устроении архивного дела этим пайщикам должно быть обеспечено должное участие и влияние. Если в схеме нашего госаппарата мы даем место специальным органам, постоянным комиссиям, комитетам, советам и т. п. для выявления, увязки и обеспечения интересов ведомств, составляющих клиентуру того или другого наркомата, тем естественнее госорганы, подобные Центрархиву, строить таким образом, чтобы в полной мере обеспечить интересы ведомств, ими обслуживаемых. Относительно деталей его работы мы, НКПС, выносим пожелание, чтобы настоящий съезд вынес свое принципиальное суждение по нашему предложению.

Б. И. Анфилов. В развитие тех кратких соображений, которые были здесь высказаны выступавшими товарищами по вопросу об архивном законодательстве, я хочу отметить, что

Центрархив уже приступает к осуществлению этого намерения. Центрархив стал на путь образования единого архивного кодекса, но это дело очень большое. Что такое кодифицировать законодательство? Это значит упразднить и устранить ненужное, утратившее свою силу и объединить и сохранить то, что имеет значение. Прежде всего отсюда вытекает, что для того, чтобы сохранить нужное, и для того, чтобы исключить устаревшее, не соответствующее сложившимся условиям работы, нужно создать новую кодификацию. Но этот важнейший момент кодификации не может быть осуществлен, пока Центрархив не проведет в законодательном порядке декрета, который позволил бы ему приступить к этой кодификации. Из сообщения т. Максакова съезд знает, что в Совнарком внесено два существенных законопроекта. На руках участников съезда имеется законопроект, утвержденный коллегией Центрархива, заключающий в себе следующие нормы. Одна из них имеет огромное значение для всей дальнейшей работы Центрархива. Это проект положения об органах архивного материала. Это одно чрезвычайно важное звено на пути осуществления кодификации. Далее, если подойти к тем нормам, которые устанавливает Центрархив в ближайшем будущем и которые находятся у него в работе, отчасти в законченном виде, то нельзя не упомянуть о положении по постановке текущего делопроизводства. На первый взгляд кажется, что это положение носит чисто технический характер. Вовсе нет. С изданием этого положения, с введением его в жизнь целый ряд правительственных и общественных учреждений республики станет на твердую почву в деле устроения и организации своего архивного дела. Здесь произойдет та смычка в организации, на отсутствие которой до настоящего времени указывалось некоторыми товарищами. Таким образом, имеется уже богатейший материал, который войдет в состав архивного кодекса. И поскольку этот материал явится утвержденным, постольку он даст возможность устранить старые формы. По вопросу о силе репрессий за архивные преступления, как об этом говорил один товарищ, можно и нужно сказать следующее. Товарищ, несомненно, несколько преувеличил значение суровых кар, когда он выносит пожелание о том, чтобы прокуратура в результате соответствующего представления Центрархива дала циркуляр, чтобы за архивные преступления карать особо сурово. Конечно, не в силе таких кар за архивные преступления мы можем найти охрану от всякого рода нарушений в этой области. Чтобы достичь цели, нужно добиваться, чтобы ни одно из архивных нарушений не оставалось безнаказанным. Сплошной характер кар по такого рода нарушениям в лучшей мере обеспечит то, чего мы так хотим и о чем говорили товарищи с мест.

М. М. Цвибак. Тов. Максаков в своем докладе несколько коснулся Ленинграда, о котором я собираюсь сказать несколько слов. Тов. Максаков привел ряд данных, о которых ему самому при-

шлось сказать, что они нуждаются в некоторых поправках. Я не буду выяснять причин неточности этих данных, возможно, что здесь виновата устарелость, но должен указать, что поправки, которые приходится внести в эти данные, будут характеризоваться знаком плюс в сторону Ленинграда. Эти поправки будут таковы не потому, конечно, что я представитель Ленинграда. Прежде всего относительно ЛОЦ нужно подчеркнуть, что оно носит отличный характер от всех прочих архивных учреждений и сильно отличается от московского архивного органа по той причине, что московскому архивному органу приходится работать в атмосфере и условиях гораздо более легких, более облегченных. Взять тот факт, что в Ленинграде мы не имеем в настоящее время такого громадного большинства новых научных учреждений, советских, коммунистических, как Москва. Ленинград является центром старых научных организаций, и Ленинградскому архиву приходится быть новым нашим научным учреждением, которое может отстаивать и защищать наши интересы на научном фронте. Вот оценивая эту сторону, интересно было бы посмотреть, насколько ЛОЦ справляется с своей задачей. Если мы возьмем состояние ЛОЦ по материалам и по задачам, которые перед ним стоят, то оно по архивному материалу (я, конечно, вопрос о количестве не берусь здесь разрешать) больше, чем московский архив, но главным образом его величина показательна в том смысле, что в Москве от старого времени сохранилось большое число организованных архивов, являющихся центральными архивами, как, например, московский архив министерства иностранных дел. Ленинградом же получены, главным образом, ведомственные архивы, которые находились в худшем положении, чем московские архивы. Все это ставит Ленинград в несомненно худшее положение. Кроме того, нужно указать, что в Москве составились новые образования, как, например, архив Октябрьской революции из новых революционных материалов. Нам же пришлось создавать архивы из старых материалов. Любопытно указать, что при таком ведомстве, как министерство финансов, архива не было, и этот архив создан нами в советское время. Центральный архив важнейших экономических учреждений также создавался в настоящее время. Из речи товарища Максакова можно было понять, что Ленинград отстал в смысле освежения своего архивного состава, в смысле количества работников-коммунистов. Но это не верно. Эти сведения относятся к очень отдаленному прошлому. Сейчас мы ушли даже несколько вперед Москвы. В Москве мы имеем 39% коммунистов, вместе с комсомольцами, в то время как в Ленинграде из 200 работников мы имеем 88 коммунистов, что составляет 43%, — я говорю о ленинградском отделении архива, а не о губархиве. Заканчивая свою речь, хочу отметить следующее. В работе ленинградского отделения нужно отметить еще целый ряд достижений в области организационной. Конечно, в центре — это понятная вещь —

работа гораздо легче. Во-первых, центральные органы обращают больше внимания на работу архивов, чем губернские, во-вторых, центр более обеспечен работниками. Тем не менее необходимо отметить, что у нас создаются новые кадры работников, являющихся красными архивистами. Прежде Ленинград в этом отношении несколько отставал, и в то время, как в Москве архивное ведомство целиком было красное, у нас этого не наблюдалось, тем не менее теперь нам удалось подготовить новых работников и в области архивно-технической, где мы имеем целый ряд товарищей, которые пришли работать в архив, будучи студентами, педагогами, и превратились в работников, могущих планомерно и организованно вести архивное дело. Вот те достижения в области архивного строительства Ленинграда, о которых я хотел сказать. Они чрезвычайно интересны и показательны, как достижения такого центра, который не располагает большими материалами в смысле хозяйственном и денежном, но располагает колоссальным опытом в прошлом и колоссальной силой одной из передовых рабочих организаций нашей республики. Свои достижения он строит несколько иначе, чем Москва, но не отстает от нее, несмотря на то, что слабее ее в отношении средств.

Председатель. Список записавшихся исчерпан. Заключительное слово предоставляется тов. Максакову.

В. В. Максаков. Товарищи, я сперва отвечу на несколько записок. Прежде всего, записка о личном составе. Какой процент женщин, работающих в архивных учреждениях, и процент их партийности? В 1923 году в Москве по управлению Центрархива и московским архивохранилищам женщин было 25%, а на 24 — 25 год на 1-ое января 50%. По ЛОЦ также процентов 50. По губернским бюро женщин меньше — 40%, а на 1924 — 25 год процент приблизительно такой же. Следующий вопрос: почему Центрархивом не были установлены определенные штаты для губархбюро с переводом последних на местный бюджет, которые были бы для губисполкомов обязательны? Это, товарищи, один из тех вопросов, которого я буду касаться в своем докладе о положении на местах.

Третий вопрос: почему Центрархив не снабжал места издаваемой литературой, по примеру Истпарта ЦК? Потому что Центрархив сам не издавал ничего, а издавал Госиздат или другие издательства. Госиздат нам давал небольшое количество так называемых авторских экземпляров. Дать эти экземпляры нашим учреждениям мы были лишены возможности. То, что мы издаем сами, «Архивное Дело» и некоторые другие материалы, которые выйдут вскоре, это мы рассылаем на места.

Следующий вопрос: были ли описи при фондах дореволюционного периода, сдаваемых в Центрархив; если да, то каким образом они используются теперь? Тут существуют самые различные положения. Некоторые фонды переданы нам с описями старых

архивариусов; в этих случаях нам приходилось проверять наличность полученного по старым описям. — Это громадная работа, а в большинстве случаев мы получали фонды совершенно растрепанные, иногда с некоторым количеством описей, а большею частью без всяких описей. Тогда приходилось производить много описательной работы.

Еще вопрос: как получить обратно огромное количество книг, взятых в губмузеи? Вопрос о взаимоотношении Центрархива и его органов на местах к Главмузею и его органам на местах не в плане моего доклада, но по этому частному вопросу я могу дать ответ. Мы храним архивы. Библиотечным делом мы не ведаем. Конечно, мы можем принять меры к тому, чтобы получить книги, попавшие в губмузеи из архивных комиссий. Но при этом надо суметь доказать, что эти книги органически связаны с архивным фондом. Это не всегда удается, а просто библиотеки собирать не наше дело.

С этой трибуны был брошен нам упрек, что мы собираем материалы, но не пускаем их в научный оборот. Товарищи, повидимому, забыли или не знают, в каком положении у нас находятся архивы. Если архивы не разобраны, не описаны, материал не выявлен, то о какой научной работе может итти речь.

Значит ли это, что мы должны бросить мысль о том, что наши материалы должны быть использованы для научной работы. Я думаю, что все присутствующие слышали мой доклад. Я не имел возможности перечислить все те учреждения, которые занимаются по нашим архивным материалам. Если бы я начал перечислять издания, которые вышли за последний год на основании наших документов, то это одно заняло бы очень много времени. У меня имеется отчет только одного Историко-Революционного архива. В этом отчете имеется чуть ли не десяток листов, где перечислены книги, брошюры и статьи, написанные на основании материалов Московского Историко-Революционного архива за один год. А ведь у нас есть еще ленинградские архивы, архив Октябрьской революции и т. д.

Говорить о том, что мы не учитывали этой стороны дела, нельзя. Какое же нам направление нужно взять? Нам нужно сперва учесть весь материал, затем его собрать, затем его разобрать, систематизировать, описать, отсеять ненужное, и тогда уже можно будет почить на лаврах. Я считаю, что научно-исследовательскую работу самого Центрархива до некоторой степени можно назвать почиванием на лаврах. Я думаю, что в наше революционное время, которое мы переживаем, можно будет сделать хотя бы только первую часть работы. Вот каково положение. Но я этим самым не говорю, что мы не должны совершенно никого не допускать к этим архивным материалам. Наоборот, ведя эту черновую огромную работу, мы ни на один момент не забываем о том, что даже в процессе этой работы мы должны привлечь к нам в архивы и Институт Красной Профессуры, и Ком-

мунистическую академию, и Истпарт, и Истпроф, и Истпрофтран, и все другие учреждения, которые сейчас занимаются вопросами истории революционного движения, истории народного хозяйства и т. д.

Теперь, товарищи, относительно того, что у нас нет архивного кодекса. Здесь один из товарищей ответил, что мы сами знаем, что необходимо свести воедино все то огромное количество всякого рода отдельных законодательных мероприятий, декретов, которые вышли по архивному делу, чтобы наши работники имели перед собою нечто определенное. В этом направлении мы должны проделать известную работу и ее проделываем. Меня очень удивило сообщение одного из товарищей, что на местах иногда руководствуются инструкциями, которые имеют 50-летнюю давность. Что можно руководствоваться такими инструкциями, меня не удивляет, потому что какой-нибудь старичок в захудалом уездном, а, может-быть, и губернском центре может и не знать новой инструкции, поскольку у него нет хорошего руководителя, к которому он мог бы обратиться за справкой. Товарищ, который это говорил, мог бы дать этому старичку нашу инструкцию, хотя бы 1922 года. К сведению этого товарища, такая инструкция есть. Правда, наша инструкция несовершенна, в ней есть упущения, есть ошибки, но она все-таки лучше построена и дает лучшие указания, чем инструкция с 50-летнею давностью.

Вообще об инструкциях. Этот вопрос связан с вопросом о наших отношениях к фондам дореволюционного времени и к фондам советского периода. Нужно разработать инструкции, предусматривающие порядок и сроки сдачи материалов в губернские архивные бюро. Я уже говорил в своем докладе, что хорошо сказать: «сдайте архив», но сможете ли вы сказать эти слова тогда, когда вы не знаете твердо, что у вас есть, куда вы поместите полученные материалы, когда вы не знаете, есть ли у вас силы и средства, есть ли у вас людские и финансовые возможности разобрать, систематизировать, описать и немедленно по этим материалам выдавать справки тому учреждению, от которого вы получили эти материалы.

Разумеется, итти так далеко, как здесь предлагал один из товарищей, представитель одного из ведомственных архивов, мы не пойдем. Превратить Центрархив не только в междуведомственный орган, а какой-то многоголовый парламент, в котором будут заседать представители всех главков, центров и наркоматов, — никто не согласится. Я думаю, что товарищ этого не предлагал, он хотел только сказать, что нужно какое-то представительство, что нужно договориться со всеми ведомствами, чтобы ясность и определенность в их взаимоотношениях с Центрархивом была. Мы эту ясность внесем тем, что в ближайшие месяцы максимально, а может-быть и в ближайшие две недели выпустим в свет правила, которыми будет регулироваться работа ведом-

ственных архивов, в которых будет точно указано, как они должны работать над своим делопроизводством для сдачи его в свои архивные части. В «Правилах» будет указано, как они из архивной своей части сдают материалы к нам, в Центрархив. Там, вероятно, мы предусмотрим и другое: обязаны ли мы будем каждый раз, когда ведомство принесет нам материал, получить этот материал. Я говорю, что в провинции, где нет помещений, определенным соглашением можно срок сдачи архивов нам удлинять, может-быть, мы установим не 5-и, а 8-ми или 10-летний срок. Эти правила согласованы с РКИ РСФСР и даже с РКИ СССР, и в ближайшем будущем мы введем их в жизнь.

Здесь много говорилось о карательной политике. Одни говорят, нужно сильнее карать за хищение архивных материалов, а другие говорят, что мы чересчур сильно караем. Я думаю, что у нас будут расхищать материал, будут продавать на макулатуру, будут сжигать до тех пор, пока мы не создадим архивов. Ведь мы сейчас еще занимаемся самой первичной работой. Соберите документы, положите надлежащим образом, заприте надлежащим образом, когда уходите из архивов, посадите на архивную работу квалифицированных в архивном отношении людей, сделайте все это, создайте архивы, и тогда вам не понадобится карать. Материалы будут лежать в порядке, будут классифицированы, около них будут стоять любящие и знающие это дело сотрудники, и карать не придется. Я не говорю о том, чтобы уничтожить кары, но суть дела все-таки не в карах, а в нашей работе по организации архучреждений в целом на местах.

О курсах яко бы я ничего не сказал. Неверно. Совершенно ясно сказал, что курсы, которые мы создавали, не достигли своей цели, и я совсем не говорил того, что мне приписали, будто я теперь предлагаю создать курсы для советских работников. Ничего подобного. Я предлагаю создать курсы для архивных работников. Ввожу только одно новшество, что необходимо на эти курсы посылать таких работников, которые бы были от всякой другой работы оторваны для специальной работы на курсах в течение определенного периода времени, с тем, чтобы по окончании курсов они в течение определенного срока вели бы архивную работу у нас.

Необходимо остановиться на вопросе об архивах профессиональных и архивах партии. Тт., я не понимаю, почему так вдруг нам всем захотелось партийные архивы собирать? Мы не собрали дореволюционных архивов, а хотим обязательно взяться за архивы партии. Что значит взять архивы партии? Это значит взять на себя колоссальную ответственность. Будут ли у вас в порядке эти материалы? Сумеем ли мы во-время дать справки органам партии? Охраним ли мы эти архивы, когда у нас часто и замков надлежащих нет и железных решеток на окнах нет и людей нет. Я думаю, что пока гнаться за тем, чтобы брать от партии архивные материалы, нам не стоит. Профсоюзы — тут положение дру-

гое, потому что архивы профсоюзов иного порядка. Здесь мы можем проявить некоторый либерализм в вопросах охраны. Но и этот вопрос нужно ставить тогда, когда вы располагаете материальными предпосылками для того, чтобы осуществить эти мероприятия. Об этих предпосылках я уже говорил.

Другой вопрос, более серьезный: можем ли мы вообще брать к себе материалы профсоюзов? Это вопрос серьезный. Формально, на основании декрета 1 июня 1918 года и на основании декрета 1922 года, мы собственно не имеем права брать к себе архивы профессиональных учреждений и кооперативные. Мы — орган, регулирующий деятельность и организующий архивное дело архивов правительственных учреждений. Профсоюзы, кооперация — органы общественного характера, и поэтому на них как будто наши декреты, по крайней мере эти два, не распространяются. Впрочем, есть еще и другие декреты, например, декрет 1919 года, в котором упоминаются архивы кооперативных и профессиональных учреждений, и на основании этого декрета можно ставить вопрос о том, чтобы губархбюро и Центрархив в Москве взяли в свое ведение архивы профсоюзов. Я думаю, что вопрос нужно ставить в другой плоскости: сможем ли мы дать профсоюзным органам, которые сейчас особенно чрезвычайно большое внимание уделяют своим архивам, благодаря той огромной работе, которая проводится Истпрофом в центре и на местах — сможем ли мы им дать возможность этими архивными материалами пользоваться так, как они пользуются ими у себя? Я думаю, что только с этой точки зрения и нужно и можно подойти нам к этому вопросу. Конечно, этот вопрос не местный. Этот вопрос нужно разрешить в общереспубликанском масштабе, и мы это делаем и сделаем.

Я очень удивился заявлению тов. Цвибака, что одним легче работать, а другим труднее, что одним больше уделяется внимания, другим меньше. Я удивлен потому, что это не отвечает действительности, а главным образом удивлен тому, что не в этом дело, не об этом нужно разговаривать, а о том, какова наша линия работы и какие коррективы в эту линию можно внести, какие конкретные предложения можно сделать, чтобы выпрямить эту линию, если она нуждается в этом. И спорить о том, насколько больше коммунистов в Ленинграде или Москве, я с т. Цвибаком не буду. Передо мною совершенно официальная справка, которую я приводил. Товарищ хотел внести плюс в отношении Ленинграда. Я эти плюсы принимаю, я скажу, что в своем докладе я сам прибавил многое Ленинграду. Если я сделал ошибки, то в сторону преувеличения, а не преуменьшения по отношению к Ленинграду. Во всяком случае я сознательно не хотел выпячивать одно учреждение за счет других.

О Ленинграде вообще. Здесь нужно внести некоторую ясность. В одной речи, в одной записке и у тов. Цвибака был запрос о том, какие у вас взаимоотношения с ЛОЦ? Об этом мы будем гово-

рить по организационному докладу, а сейчас для информации я скажу, что ЛОЦ ведет работу над историческими фондами. Тов. Цвибак сказал, что это фонды бывших правительственных учреждений. Но Центрархив и губернские архивные учреждения вынуждены, к сожалению, не только заниматься архивами бывших учреждений, но и творить теперешнюю архивную политику, а тов. Цвибак как раз это упустил из виду, говоря о том, что в Ленинграде тяжелее работать. Так ставить вопрос нельзя. Нельзя сравнить объем работы, который падает на губернские архивные бюро и на ЛОЦ. Одно дело работать на основании материалов, которые давно утряслись в старых министерствах, и другое дело работать по революционным материалам, которые требуют спасения, первичной разборки их т. д. Этой огромной работы ЛОЦ не несет.

Нужно говорить сейчас о том, что в Ленинграде должен быть единый центр, который собирал бы архивы пореволюционные, так как ими не в силах заняться Ленинградское губернское бюро. Когда этот вопрос будет разрешен, работа одного из этих органов, а, может-быть, работа общего объединенного органа усложнится. Но об этом мы будем говорить, когда заслушаем доклад по организационному вопросу.

Заканчивая свои возражения, я скажу, что в общем и целом те предложения, которые сквозили в ряде положений моего доклада, не вызвали здесь возражений, и те замечания, которые здесь были сделаны товарищами, я объясняю тем, что свой доклад я действительно постарался уложить в рамках регламента и очень, очень многое не развил, поэтому получились некоторые неясности, недоумения. Надеюсь, что при дальнейших наших беседах, особенно по организационному вопросу и по вопросу о губернских архивных бюро, эти недоумения, которые сейчас существуют у товарищей, совершенно исчезнут. *(Аплодисменты).*

Председатель. Есть какие-нибудь предложения по докладу?

Голос с места. Товарищи, я предлагаю избрать комиссию и поручить ей выработать резолюцию.

В. В. Максаков. Я поддерживаю предложение товарища. Нам нужно выработать определенную норму, в силу которой после каждого доклада избирать комиссию в составе докладчика и тех товарищей, которые выступали по докладу, и поручать этой комиссии выработку резолюции. В последнем заседании съезда предложить резолюции и на пленуме их утвердить. Вносить сейчас резолюцию считаю не нужным, так как сейчас ее надо обсуждать, делать дополнения и тем задержать заседание. Поэтому я поддерживаю предложение товарища создать комиссию в составе докладчика и тех товарищей, которые принимали участие в выступлениях.

Тот же голос с места. Позвольте предложить, кого избрать в эту комиссию? — Читает список. [1]

Председатель. Желаем ли мы избрать комиссию, или нет? Голосуем. *Принято.* Теперь проголосуем предложенный список. Кто против? *Принято.*

Следующий вопрос в повестке дня о взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями. Докладчик тов. В. В. Адоратский.

В. В. Максаков. Имеется предложение сделать перерыв на 10 минут и затем заслушать доклад.

Председатель. Какие имеются еще предложения?

Голос. 5 минут.

Председатель. Голосуем: 5 минут и 10 минут. *Принимается 5 минут.*

Перерыв на 5 минут.

Председатель. Объявляю заседание открытым. Слово для доклада о взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениям предоставляется тов. В. В. Адоратскому.

В. В. Адоратский. Товарищи, я буду говорить о взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями. Название моего доклада может подать мысль, что мною Центрархив противопоставляется научным учреждениям, что Центрархив как будто не сказать несколько слов. Безусловно, Центрархив есть научное сказать несколько слов. Безусловно, Центрархив есть научное учреждение, но своеобразное. Кроме того, что архивы хранят собственно главные источники исторической науки, архивы имеют огромное политическое и экономическое значение для хозяйства, для всего государственного строительства. Для того, чтобы быть архивистом, для того, чтобы разбирать и приводить в систему архив, необходимо быть образованным человеком, необходимо, прежде всего, знать историю того периода или того предмета архива, которым занимаешься. Об этом, мне кажется, тут распространяться не приходится. О громадном политическом значении архива, я думаю, тоже особенно распространяться не приходится. Достаточно указать огромное значение наших публикаций по иностранной политике. Когда пролетариат взял в руки власть, он немедленно же опубликовал тайные договоры царского правительства, что имело огромное значение. Наши публикации, наш «Красный Архив» стал всемирно известным. Вот, благодаря своеобразию этого учреждения и приходится говорить о взаимоотношениях его с другими научными учреждениями. Архивы хранят документы, и документы эти суть единственные экземпляры, которые в то же время нужны многим и по разным поводам,

[1] Список всех комиссий съезда см. в приложении. *Прим. Ред.*

и поэтому, как правило, архив должен хранить документ, не выпуская его из своих стен. Документ из архива выноситься не должен никогда, строго говоря. В Англии есть такое жесткое правило, что архивный документ только тогда считается ценным, пока он не покинул стен архива. Если он выносится оттуда, случайно выкрадывается и потом возвращается обратно, то он для английского архивиста никакой ценности уже не имеет. Приходится, понятно, в силу различных требований жизни, делать исключения из правила, не допускающего выдачу материалов из архива. Но в каждом отдельном случае постановление о возможности выдать архивный документ должно быть вынесено ответственным архивным органом, заведующим Центрархива или губархива в зависимости от важности документов или фондов. Выдача архивных документов частным лицам, конечно, совершенно недопустима. Возможна выдача учреждениям по требованию. Выдача должна обставляться известными гарантиями: должен составляться акт, учреждения, которые берут архивы на свою ответственность, должны гарантировать полную сохранность этого архива, должны обеспечить хранение, при чем надзор за этим ведут органы Центрархива, в лице своих инструкторов, в лице коллегии и ее органов или на местах заведующих губархбюро. Задачей архива, как я сказал, является хранение документов в состоянии систематизированном, доступном для справок и изучения. Вот в этой области и должна итти архивная работа: систематизация архивных материалов, описание их, научное издание архивных материалов и предоставление их для широкого использования ученых исследователей. Вот в этом пункте мы и подходим к той области, где происходит смычка между архивами и другими научными учреждениями. Смычка эта происходит в трех пунктах. Во-первых, в области внутриархивной работы. Поскольку ведется углубленная архивная работа с устоявшимся материалом, т.-е. материал систематизируется, описывается и для него составляются каталоги, постольку он попутно делается доступным научному исследованию. Систематизация и научное описание архивов, это — первый пункт смычки. Второе: это организация и постановка читального зала. Выдача архивных материалов на сторону недопустима, но должна быть дана возможность использования этих архивных документов посторонними архиву лицами (учеными, представителями учреждений и т. д.).

Наконец, научное издание материалов является третьим пунктом той смычки, о которой я говорил.

Прежде всего несколько слов относительно работы по упорядочению и по систематизации. Нам, как здесь уже говорил тов. Максаков, конечно, приходится лишь весьма грубо приводить архивы в порядок, при чем в настоящее время, в виду того, что у нас средств на архивы отпускается очень мало, в первую очередь ставится обслуживание политических задач, обслуживание

запросов правительственных органов пролетариата. Разбираются главным образом те материалы, которые требуются для этого.

В своем докладе т. Максаков уже упомянул о работе архива Октябрьской революции, которая как раз в этой области чрезвычайно важна. Тут Центрархивом проделана большая работа.

Я уже указал, что, в виду недостатка средств, которыми обладает Центрархив, мы не можем вполне удовлетворить всех требований и нам приходится нарушать то основное правило, которое я выставлял здесь вначале — приходится выдавать архивы во временное пользование. В этом смысле коллегия Центрархива делала ряд постановлений, учитывая те требования, которые предъявляются соответственными учреждениями. Коллегия постановила выдавать во временное пользование ряд архивных фондов, за которыми все-таки имеется наблюдение со стороны органов Центрархива. Эти фонды даются лишь во временное пользование и будут затем возвращены.

Теперь относительно читальных зал, о которых я говорил. В них происходит главная научная работа. У меня имеются под руками сведения нашего организационного отдела, которые свидетельствуют о непрерывном росте обслуживания нами занимающихся в читальном зале. Та практика, которая у нас имеется, нами зафиксирована, и товарищи, интересующиеся постановкой этого учреждения — читального зала, могут найти выставленные здесь же в зале заготовленные образцы всего делопроизводства, связанного с этим вопросом.

Во главе читального зала стоит заведующий, который несет ответственность за весь поступающий материал для занимающихся. По тем записям и книгам, которые ведутя в архиве в связи с работой читального зала, мы в каждый данный момент можем установить, сколько дел взято, какие копируются, сколько времени они находятся у занимающихся и т. д. Здесь я не имею возможности останавливаться на всех технических деталях. Товарищи смогут ознакомиться с ними на месте, когда будут организованы экскурсии.

Число работающих в читальных залах непрерывно растет. У меня есть данные за 1921 — 22 — 23 — 24 гг. В 1921 году в читальном зале занималось всего 10 человек. В 1922 году мы имеем общее число — 15 чел. В 1923 году — 134 чел., а в 1924 году — 357 человек. Таким образом, вы видите, что рост идет беспрерывно, и в 1924 г. сравнительно с 1923 г. число возросло больше, чем вдвое.

Переходя к рассмотрению взаимоотношений Центрархива с научными учреждениями, приходится остановиться прежде всего на тех научных учреждениях, которые занимаются историческими исследованиями, и тут в первую голову я скажу несколько слов об Институте Ленина, который Центрархивом обслуживается довольно интенсивно. Центрархив передал Институту Ленина за

1924 — 25 гг. в общей сложности 735 документов. Все эти документы скопированы, научно описаны, так что, как видите, проделана большая работа. Сотрудники Института Ленина занимаются в наших читальных залах и встречают там полную готовность обслужить все их требования. Другое учреждение, с которым Центрархив постоянно работает в контакте, это Истпарт. Взаимоотношения между Центрархивом и Истпартом довольно ясно определились: Истпарт, как ученая комиссия, занимающаяся изучением истории партии и революции, сама своих архивов не имеет и не организует. Те архивные материалы, которые поступают к ней, она передает нам в архив Октябрьской революции или Историко-Революционный архив. В губерниях организованы политические секции. Заведующие этими секциями должны быть членами РКП. Раньше была практика выдачи дел сотрудникам Истпарта из архива в помещение Истпарта и даже на дом. Эта практика, конечно, неправильная. В настоящее время мы держим линию такую, чтобы обслуживать сотрудников Истпарта в читальных залах. Количество сотрудников Истпарта, работающих у нас в читальных залах, сильно возросло. Особенно возросло количество сотрудников Военно-Исторической комиссии, учреждения, тоже близкого Истпарту. О том, насколько Центрархив обслуживает сотрудников Истпарта и вообще работу Истпарта, об этом говорить не приходится, потому что в значительной степени те публикации, которые Истпарт печатает, основаны на наших — на центрархивных материалах. Далее читальные залы обслуживают и ряд других научных и исследовательских учреждений, например, Институт Красной Профессуры, который очень много работает в настоящее время, и число работающих — возрастает, Коммунистическую академию, Истпроф, которые очень интенсивно используют читальные залы. Дальше Академия Штаба РККА, военно-исторический отдел, о которых я уже говорил, исследовательские институты, Академия Наук, краеведческие общества и т. д.

Относительно высших учебных заведений приходится отметить, что высших учебных заведений в настоящее время архив обслуживать не может, поскольку архив не может являться учебным пособием, если дело не идет об архиве, как об объекте изучения, т.-е. для курса архивоведения.

Перехожу далее к музеям. Во взаимоотношениях с музеями нами намечена следующая линия. В архивах безусловно есть материалы чисто музейного значения, есть материалы, которые не вызывают сомнения в том, что они музейные. Я укажу на то, например, что у нас в нашем главном московском архиве министерства иностранных дел имеется целая картинная галлерея портретов, которая, конечно, должна быть передана музею. Но, кроме того, имеются и документы, которые имеют музейный характер. Музей, ведь, ставит своей задачей демонстрировать и

воспроизвести наглядно эпоху, обстановку, вид и внешность и т. д. Такой показательный характер, конечно, некоторые документы имеют, и тут происходит известное столкновение. С точки зрения архивной выставка документов есть недопустимая вещь, потому что, выставляя документ, вы подвергаете его порче и гибели. Мы имеем на этот счет печальный опыт. К сожалению, мы на практике убедились в том, в чем лучше было бы предварительно убедиться теоретически, чтобы не проделывать этого опыта. Выставка газет приводит к конечной их гибели. Также губительно действует выставка на документы, которые написаны химическим карандашом или лентой пишущей машинки. Подвергать их долгое время действию света это значит прямо их загубить. Потом, когда эти документы вам возвращаются, вы их не можете прочесть. То же самое с гектографическими прокламациями. Это верная гибель подобного документа, если его выставлять. По отношению к такого рода документам надо держаться правила на выставку их не давать, а выставлять репродукцию, которую в настоящее время великолепно исполняют. Я в качестве образца могу демонстрировать издание Института Ленина, одно из новых изданий. Это небольшая статья В. И. «Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой». Тут воспроизведено с точностью все: и бумага и внешний вид документа, так что тт., по заказу которых воспроизводился этот документ, когда им возвратили воспроизведенный документ и подлинник, были в затруднении сказать, где репродукция и где настоящий документ.

Говоря о взаимоотношениях музеев с архивами, необходимо отметить еще и другую сторону. В музее хранятся архивные материалы. Это тоже вещь совершенно недопустимая. Музеи должны эти архивные материалы сдать в архив, и эту линию нужно провести твердо. В этом отношении съезд должен высказаться определенно. Усадебные архивы, архивы дворцов не только хранятся органами музейного ведомства, но и гибнут. Как общая мера, должна быть проведена передача этих материалов в архивы. Часто указывают на то, что вот данный музей теснейшим образом связан с архивом, что нельзя работать в музее, не используя архива. Совершенно верно, но отнюдь не следует еще, что архив должен в этом музее находиться. Этот архивный материал может быть прекрасно использован в архиве, в его читальном зале. Почему работники Истпарта и ученых обществ могут использовать документы в читальном зале Центрархива, а музейные работники не могут? Поэтому совершенно правильна была бы линия, чтобы работники музейного ведомства, которые безусловно нуждаются в работе над архивами, обслуживались бы тоже в читальном зале.

Наконец, я должен остановиться на еще одном ряде научных учреждений, именно на библиотеках. Здесь мы намечаем такую линию. Библиотеки при архивах могут существовать только

в виде справочных библиотек, непосредственно нужных для обслуживания читальных зал, но иметь библиотеки, имеющие самостоятельное значение, публичные библиотеки не дело архива. Архив не может ставить себе задачей организовать широкое пользование книгами, которые находятся при нем. Организация библиотек это дело особых органов, специально этим занятых. С другой стороны, при библиотеках совершенно неправильно организовывать архивы. Документы должны находиться в архивах. С библиотекой архива соединять не следует. Другое дело, если в старых библиотеках имеются уже давно исторически установившиеся рукописные отделения, которые находятся в прекрасном порядке, все рукописи зарегистрированы и широко известны ученому миру. Тогда нет основания разрушать эти отделения, но заводить их вновь совершенно неосновательно. При чем здесь нужно сказать одно, что есть некоторые библиотеки, которые имеют чисто архивный характер, которые нужно рассматривать, именно, как архивы, это, во-первых, библиотека при архиве Октябрьской революции. Мы ее так и рассматриваем. Там, правда, есть печатный материал, но многие из этих печатных книг представляют собою единственные экземпляры, других таких не достать, потому что они выпущены в 1917 — 1918 гг., эти книги так редки, как документы. Библиотеку А. О. Р. мы рассматриваем как архив и пользование ею обставлено так же, как пользование архивом. Подобный же архивный характер имеют такие библиотеки, которые принадлежали каким-нибудь выдающимся писателям. На полях этих книг имеются собственноручные заметки писателя. Как на пример, можно указать на библиотеку Энгельса. Тов. Рязанов рассказал в своем докладе, который он делал о работах Института Маркса и Энгельса, о судьбах того литературного наследства и библиотеки, которые остались после Энгельса, и как с ними распорядились душеприказчики. Оказалось, что библиотека Энгельса была передана целиком в публичную библиотеку в Берлине, которая помещается на Александрштрассе. Все занимавшиеся в Берлине эту библиотеку знают. Это прекрасная библиотека, но то обстоятельство, что книги были переданы туда, привело к тому, что в значительной части они оказались расхищенными, потому что эти книги выдаются и на дом, что, конечно, совершенно недопустимо. В настоящее время мы имеем там только разрозненные отдельные остатки этого ценного собрания библиотеки Энгельса. Или, например, библиотека Дидро. Ее нельзя рассматривать, как обычное книгохранилище, а нужно рассматривать, как чисто архивный фонд. Пользование подобными библиотеками необходимо, несомненно, обставить особым образом.

В заключение несколько слов об издательской деятельности Центрархива. Одна из основных задач Центрархива — дать научное издание хранящихся в наших архивах важнейших документов. Это как раз та третья область его деятельности, в которой он

работает в интересах научного исследования. В этой области сделано еще немного, но издательская деятельность Центрархивом начата и, как показывают цифры доклада т. Максакова, расширяется и с улучшением нашего положения будет расширяться дальше. «Красный Архив» выходит в настоящее время более регулярно, намечен ряд изданий по различным эпохам и темам.

Председатель. Слово для содоклада по тому же вопросу предоставляется тов. И. Л. Маяковскому.

И. Л. Маяковский. Товарищи, мое сообщение является только дополнением к только что заслушанному докладу и поэтому ограничено только следующим вопросом, именно вопросом о взаимоотношениях между архивами, библиотеками и музеями. Мой содоклад построен таким образом: я сначала коснусь вопроса о том, в каком отношении находятся и должны находиться современные понятия об архивах, библиотеках и музеях к прежнему представлению об этом. Таким образом, я произведу, так сказать, историческую проверку установившегося понятия в этой области.

Затем вторая часть моего содоклада касается цели, задач архива, библиотеки и музея. И третья часть касается организационных форм, в которые, казалось бы, должны были бы вылиться эти взаимоотношения. Таким образом, мой содоклад состоит из 3-х частей, при чем я должен сказать, что я поставлен в неблагоприятные условия, так как времени на содоклад уделено очень мало и мне приходилось сжимать вопрос, поэтому я предупреждаю товарищей, что мой доклад будет неполным. [1]

Председатель. Объявляю заседание съезда закрытым до 10 часов утра следующего дня.

---

[1] Доклад И. Л. Маяковского напечатан в полном виде в V—VI вып. журн. «Архивное Дело». *Прим. Ред.*

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 15 МАРТА.

Утреннее заседание.

Председательствует *М. Н. Покровский.*

Председатель. Товарищи, позвольте объявить заседание открытым. Порядок у нас установлен такой: заслушать сегодня доклады наиболее близких к нам научных учреждений: Истпарта, Института Ленина и Музея Революции и после этого открыть прения по вчерашним докладам. Для приветствия предоставляю слово тов. Кубалову.

Б. Г. Кубалов. От имени Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества, одного из старейших учреждений Сибири, а также от первого восточно-сибирского краеведческого съезда я приношу приветствие 1-му съезду архивных деятелей РСФСР. Я не стану произносить приветственной речи, но считаю необходимым подчеркнуть, что рядовые труженики далеких окраин Восточной Сибири поручили мне передать о том, что мы всемерно поддерживаем начинания съезда на местах.

Председатель. Приступим к деловой части нашего заседания. Слово имеет т. С. И. Канатчиков, представитель Истпарта ЦК РКП (б).

С. И. Канатчиков. Товарищи, выступавшие вчера докладчики указывали на то, что архивные работники в настоящее время имеют, так сказать, новую историю после революции, над которой приходится много работать, тратить сил, намечать новые методы, новые способы и т. д. Еще в большей степени это относится к истпартам. У нас имеются на местах 58 истпартотделов по губернским главным образом городам. Естественно, что истпартотделам приходится постоянно сталкиваться и даже вместе сожительствовать с губархивами и другими органами, которые ведут это дело, поэтому вопрос о размежевании и взаимоотношениях истпартотделов с губархивами на местах является чрезвычайно важным. Эти вопросы разрешаются на местах путем взаимного представительства: или заведующий истпартотделом входит в коллегию архива, или является заместителем заведующего губархивом. Словом, это представительство постоянно бывает

в противном случае эти два учреждения, будучи оторваны друг от друга, работать не могут. Дело в том, что наша коммунистическая партия до революции вела подпольное существование. Более двух десятилетий ей приходилось ютиться в подполье и отмечать свою работу не приходилось. Напротив, документы, ценнейшие для историка, приходилось сжигать и прятать, и в большинстве случаев они исчезали бесследно, ибо если бы эти документы попадались бы в руки жандармов или полиции, то это было бы доказательством против работников партии. Теперь Истпарты делают попытки собрать свои архивы и сорганизовать. Но какими путями и где взять эти архивы? Наиболее устоявшиеся материалы, которыми пользуются Истпарты в своих исследовательских работах, это выходившие в то время газеты и журналы, издававшиеся в подполье, прокламации, листовки, словом, печатный материал на гектографе или ремингтоне, то-есть материалы, подвергающиеся быстрой порче, на что указывал т. Адоратский, в особенности, если дело касается выставок. С этой точки зрения истпартам нужно тратить много сил и времени, чтобы создать архивы, чтобы иметь материалы, над которым можно было бы работать. Эти источники, главным образом, газеты и журналы, издававшиеся за границей. Но, помимо этого, имеются рукописи— письма, переписка с местами, попадаются в редких случаях и протоколы партийных организаций, но этот материал чрезвычайно не систематичен. Особенно много архивов осталось за границей, где наша партия имела руководящие центры, свою редакцию. Поэтому там за границей эта литература и документы оседали. Кое-где эти архивы обнаружены, но они, к сожалению, находятся в чужих руках, ими спекулируют, и нам приходится много тратить сил и средств, чтобы скупить их или отыскать. Сплошь и рядом они находятся в тех странах, с которыми у нас существуют враждебные отношения, поэтому достать данные архивы очень трудно. Так или иначе в этом направлении Истпартом делаются все зависящие от него шаги. Кое-что в этом направлении нам удалось сделать. Мы получили целый ряд архивов отдельных товарищей, затем лиц, нам сочувствующих, закупили целый ряд нелегальных архивов, библиотек и т. д., понемногу начинаем мало-по-малу централизовать имеющиеся документы. Теперь возникает вопрос, как выявить этот материал, как с ним обращаться. Этот вопрос для нас чрезвычайно важен, важен потому, что по истории революционного движения мы имеем кое-какие архивы, мы имеем в этой области опыт, но по истории партии у нас опыта почти нет, и в этой области у нас существуют два мнения. Одни товарищи говорят, что необходимо как можно больше дать сырого материала, т.-е. напечатать выходившие нелегальные газеты, комплекты журналов, сборники прокламаций, сборники писем товарищей и революционных деятелей того времени, так или иначе соприкасавшихся с нашей коммунистической партией, —

издать эти сборники хотя бы в необработанном виде, но лишь бы дать материал, над которым можно было бы работать. Другие товарищи говорят, что нужно выпускать материал обработанный, чтобы молодым товарищам, которые захотят работать, было бы все ясно. К сожалению, работа последнего характера чрезвычайно задерживается. Несмотря на то, что наша партия существует легально уже более восьми лет, тем не менее, повторяю, за эти 8 лет существования мы чрезвычайно мало выявили материалов, характеризующих жизнь и быт нашей партии. Таким образом, если мы и дальше таким же темпом будем выявлять материал, то учащаяся молодежь, научно-исследовательские работники довольно долгое время не получат почти никакого материала, над которым можно было бы работать. Поэтому мы держимся компромиссной в этой области точки зрения: мы считаем, что часть материала, конечно, можно было бы выявлять и в более или менее необработанном виде, но значительная часть материала должна быть более или менее обработана, отшлифована, например, расшифрованы имена, клички и т. д. Это необходимо делать с большой тщательностью и обстоятельностью. Затем имеется еще одна разновидность материала — суррогата, который дополняет этот архивный материал, а именно: мемуарная литература. Мемуарной литературы у нас, характеризующей историю коммунистической партии, до сих пор было чрезвычайно мало. Те работники, которые могли бы в этой области дать ценнейшие сведения, перегружены по горло работой и потому не имеют возможности заниматься писанием мемуаров. В виду этого Истпарту приходится по собственной инициативе не только поощрять этих товарищей, но даже понуждать путем различного рода воздействий и давлений со стороны руководящих органов партии, чтобы эти товарищи писали свои мемуары. Правда, мемуарная литература в качестве материала является далеко не первоклассным источником для научно-исследовательской работы, но в качестве вспомогательного материала она представляет, несомненно, также источник, как и другой документальный материал. Истпарту приходится тратить много сил и средств для того, чтобы выявлять эту мемуарную литературу. Затем Истпарту также приходится заниматься изданием как мемуаров, так и разных документов в обработанном и полуобработанном виде. Здесь точно также мы наталкиваемся на целый ряд препятствий; в виду того, что эта литература, в особенности в настоящее время, не имеет широкого массового распространения, она печатается, в особенности в провинции, весьма неохотно, а средств для этого нет или очень мало. Поэтому приходится передавать эти документы в центр для напечатания или на время отказываться совершенно от их опубликования. Затем приходится отметить еще одно обстоятельство, что Истпарт имеет, к сожалению, очень мало работников, имеющих опыт в архивном деле. Некоторые товарищи жаловались на то, что

у них в архивном деле мало работников, но в Истпарте их еще меньше, потому что еще существует предрассудок, который, к сожалению, распространен даже в рядах нашей коммунистической партии, о том, что архивная работа сейчас относится к партийной работе 5 — 10-ти-степенного порядка, и всякий, кто занимается этой работой, есть человек политически конченный, т.-е. его сдали в архив и никакой политической ценности он из себя не представляет. Вот именно этот чрезвычайно распространенный предрассудок мешает притоку новых молодых сил из различных высших учебных заведений, — из числа тех, которые оканчивают эти учебные заведения или же продолжают учиться. Поэтому привлечение для разработки архивов, для работы в Истпарте молодых товарищей бывает чрезвычайно трудно именно в силу этого рода предрассудков. Но, с другой стороны, эти товарищи, приступая к научно-исследовательской работе, то же самое чувствуют недостаток, пробел, что они сами не умеют обращаться с документами, не знакомы с архивным делом. Я думаю, что нам удастся преодолеть этот предрассудок и заставить более внимательно относиться к архивному делу. Это изменение отношения к архивному делу начинает чувствоваться, и сейчас, когда мы вступили в довольно длительную сравнительно полосу мирного развития, когда у нас молодежь имеет возможность уже длительно продолжать свое образование, сейчас начинает чувствоваться потребность именно в архивном деле, сейчас начинают ценить эти архивы, начинают сравнительно бережнее к ним относиться. Я не говорю, что на это обращают особо большое внимание, — до этого еще далеко, — но все-таки начинают разговаривать об этих архивах и сплошь да рядом туда посылают людей. Я думаю, что это только первая брешь, которую удастся пробить. Я думаю, что с течением времени нам удастся в конце концов переломить это настроение и направить усиленное внимание молодежи на архивную работу.

Задача Истпарта является чрезвычайно узкой — именно не исследование революционных движений вообще, как понимали вначале многие товарищи на местах. Мы занимаемся исследованием исключительно истории нашей коммунистической партии. Исследованием других партий, других событий и явлений мы занимаемся лишь постольку, поскольку эти события или эти лица, или эти партии помогают выявлять историю нашей коммунистической партии. Вот с этой точки зрения мы подходим к задачам Истпарта. Правда, мы занимаемся еще точно также историей Октябрьской революции. История Октябрьской революции также входит в задачи исследования Истпарта, но здесь также нам приходится наталкиваться на большие трудности, ибо мы, к сожалению, не имеем и отстоявшихся архивов. Гражданская война нами только что еще пережита, многие документы еще не утратили своей остроты, это с одной стороны, а с другой стороны многие

документы находятся в хаотическом состоянии. Сплошь и рядом документы пропадают, портятся и т. д., так что нам приходится собирать документы и материалы не только по истории партии, но и по истории Октябрьской революции, по истории гражданской войны. Источником, хранилищем этих документов являются, главным образом, наши ведомственные учреждения — наркоматы, где хранятся эти документы. В ведомствах на архивное дело смотрят с чисто ведомственной или канцелярской точки зрения. Они рассматривают архив, как место, где складываются бумаги секретные и не секретного характера. Эти бумаги хранятся архивом, и они понадобятся, когда нужно будет навести справку. Они понимают под архивом активно-действующий архив и грани, различия между архивом, подлежащим научной разработке, и архивом действующим или оперативным они почти не проводят. Поэтому сплошь и рядом этим архивом заведуют лица некомпетентные, простой канцелярист, мало интересующийся этим архивом, а интересующийся лишь тем, чтобы было все в сохранности. Нам нужно и в этой области теперь пробивать брешь и разъяснить, что не всякий архив есть оперативный архив, а, с другой стороны, не всякий научный исследовательский архив является в то же время и оперативным архивом. Нужно это отделить и добиться того, чтобы собрать оттуда различные материалы и свезти их в одно место. Тут придется, очевидно, не мало потерять времени и труда для того, чтобы вести пропаганду среди наркоматов и различных ведомств для того, чтобы убедить их в том, что в сущности им нужно иметь свои собственные архивы оперативные. Все же другие документы необходимо сдать в те научные учреждения, которым этим ведать надлежит, с одной стороны, и которые над этими архивами могут работать и вести разработку. До сих пор, как это ни странно, наш ЦК партии не имел своего собственного архива. До сих пор его архив находился в разбросанном состоянии. Сейчас ЦК вынес постановление относительно того, что необходимо создать свой единый партийный архив ЦК. Повторяю, что в истории нашей партии много недостает благодаря подпольному существованию, когда наша партия, как я говорил, уже не могла хранить никаких архивов, никаких документов, и теперь приходится восстанавливать историю партии по отдельным клочкам, по памяти и мемуарной литературе. Гражданская война точно также являлась неблагоприятным условием для того, чтобы хранить и собирать эти материалы. И вот только теперь начинается это собирание. Я думаю, что здесь при содействии товарищей, занимающихся архивным делом, эта работа у нас значительно облегчилась бы, если бы они подошли ближе к истпартотделу на местах, если бы в этой области они приняли более активное участие.

Каковы должны быть взаимоотношения между архивами и истпартотделами? Я уже здесь в начале говорил, что у нас на

местах имеется 58 истпартотделов, и между ними на местах взаимоотношения складываются различным образом, в некоторых случаях заведующий Истпартом входит в коллегию архива, и наоборот, иногда заведующий архивом входит в коллегию Истпарта. Но тут приходится наталкиваться на целый ряд препятствий. Иной раз архивное дело требует одного типа работников, а истпартовское требует другого типа работников. Работников туда дают чрезвычайно скупо, средства тоже отпускаются чрезвычайно скупо. Бывают случаи, когда заведующий архивом или заведующий Истпартом является одним и тем же лицом. Конечно, от этого страдает и та и другая работа. Происходит это, конечно, не потому, что не хотят это делать, а потому, что нет работников, а, с другой стороны, на архивное дело смотрели как на дело второстепенное. Я думаю, поскольку мы сейчас упираемся в необходимость заняться обстоятельно научно-исследовательской работой, а наша учащаяся молодежь сейчас начинает заниматься писанием различного рода пособий и учебников и т. д., постольку, конечно, потребность в архивном деле, в разработке этого дела будет все более и более становиться настоятельной. И конечно, на это дело будут обращать внимание руководящие партийные органы, а также различные ведомства. Никакая культурно-просветительная работа не может обойтись без архивных документов. Эту культурно-просветительную широкую массовую работу нельзя вести, не соприкасаясь с архивным делом. Источником этой работы как в области истории революционного движения, так и в области истории коммунистической партии является архивное дело. Если у нас не будут выявлены, не будут разработаны архивы как общие, так и партийные, то тогда источник культурно-просветительной работы иссякнет. А поскольку это так, постольку, я думаю, наша дальнейшая работа будет вполне обеспечена.

Председатель. Товарищи, у меня просили слова по докладу т. Канатчикова. Но дело в том, что отдельных прений по этому докладу не будет, а будут общие прения по всем докладам о научных учреждениях в связи с архивным делом, поэтому сейчас мы перейдем к докладу т. Кривцова от Института Ленина.

С. С. Кривцов. Товарищи, Институт Ленина при Центральном Комитете РКП (б) является самым молодым архивным учреждением, возникшим в 1923 г. Наиболее интенсивную работу он начал с прошлого года в связи с кончиной Вл. Ил. и в связи с той задачей, которую поставил себе ЦК нашей партии по вопросу о приведении в порядок литературного наследия, рукописей Вл. Ильича. И здесь с первых же шагов мы встретились с необходимостью прибегнуть к помощи архивных работников, работников археографии для того, чтобы сохранить рукописи Вл. Ил. и вообще все литературное наследство, которое осталось после него. В связи с этим мы сейчас приступаем к оборудова-

нию здания для института, в котором один этаж предполагается посвятить как раз архивным комнатам, где будут храниться все рукописи В. И. Ленина. С самого начала мы должны были прибегнуть к помощи специалистов архивного дела, так как мы люди в этом отношении новые. Товарищи архивисты с охотою и любовью пришли нам на помощь и помогли в установлении методов хранения рукописей. В связи с оборудованием здания и новой классификацией документов мы переживаем переходный период, почему сейчас не можем показать методы хранения наших рукописей. Будущему съезду мы сможем показать архивное помещение, оборудованное на основании достижений как нашей русской техники, так и западно-европейской.

Вы понимаете, конечно, что задачей института является не только сохранение рукописного наследия Вл. Ил., но также и приведение его в порядок и опубликование. И те из вас, которые имели возможность видеть воспроизведение рукописей Вл. Ил., знают, какую сложную работу представляет собою литературная их обработка. Нами были воспроизведены подлинные рукописи «госзнаковским» методом. Те тт., которые это видели, знают, насколько сложна расшифровка всех писаний Вл. Ил., и здесь мы должны поблагодарить всех тт. археографов, которые помогли нам в установке метода расшифрования и метода научного печатания работ Вл. Ил., в особенности тов. С. Н. Валка. Ленинские «Сборники» и «Бюллетени» показывают нашу коммунистическую попытку, с помощью специалистов архивного и археографического отдела, начать уже научную публикацию произведений Вл. Ил. И, насколько я знаю, эти методы начинают уже распространяться вширь и затрагивают работу не только центра, но и мест. В связи с необходимостью пустить в широкое обращение литературное наследие Вл. Ил. мы поставили перед собою задачу: во-первых, опубликование всего литературного наследия и затем подготовку академического собрания трудов Вл. Ил., которое, мы надеемся, будет одним из тех научных изданий, какими были в свое время сочинения Пушкина и других писателей, которыми славилась когда-то наша Академия Наук. Мы должны принести благодарность всем архивным учреждениям нашей республики, Центрархиву и местам, которые нам помогают в нашей трудной работе.

Задача Института Ленина заключается не только в сохранении рукописей Вл. Ил., не только в их опубликовании, но вместе с тем в распространении идей ленинизма, под знаком которого мы идем. Благодаря вас за ту помощь, которую вы нам оказывали, мы обращаемся к вам с просьбой не оставлять нас и впредь присылкой материалов, которые могут оказаться в провинциальных архивах. Не забывайте, что одна из основных рукописей Вл. Ил., его первая работа «Что такое друзья народа и как они воюют против соц.-демократов» до сих пор полностью нам неизвестна. Второй части его труда, кото-

рая была распространена в 100 экз., мы до сих пор не имели, но возможно, что в глубине каких-нибудь жандармских управлений, провинциальных, так как эта ленинская брошюра распространялась в Сибири, на Кавказе и Украине, возможно, что в глубине каких-нибудь провинциальных архивов вы найдете эти желтенькие тетрадки, которые имеют громадное значение для установления генезиса, для развития ленинизма. Вот почему мы обращаемся к вам, отдавая должное вашей прежней помощи, с просьбой и впредь не оставлять нас своей помощью в собирании материалов, помочь создать центральное учреждение, которое бы сосредоточило в своих стенах решительно все произведения и которое охватило бы как жизнь и личность В. И., так точно и всю его политическую деятельность.

Председатель. Слово предоставляется тов. С. И. Мицкевичу, представителю Музея Революции СССР.

С. И. Мицкевич. Товарищ С. С. Кривцов только что докладывал нам о новом учреждении — Институте Ленина. Я тоже буду говорить о новом учреждении — о Музее Революции СССР. Тт., как это ни странно, музеи революции начали строить за революционное время одними из самых последних. За революционное время мы пережили большое оживление в музейном деле. За это время очень оживилось строительство музеев, создано было много новых, в Москве больше 40 музеев. Есть музеи-храмы, музеи-монастыри, музей игрушек, музеи мебели и т. п., но музеев революции до самого последнего времени не было. И только в 1923 г. в марте месяце создался Музей Революции Союза ССР. До того это было в виде зачатков, в виде, так сказать, истоков, которые начались тоже не рано. Только в 1921 году в Москве была организована первая выставка по истории партии. Я должен оговориться, что Ленинградский Музей Революции начал свою работу гораздо раньше. Это наш первый Музей Революции. Он начал свою работу в 1918 г., но в Москве и во многих других городах дело совершенно новое. Только в 1921 г. выставка Истпарта была здесь организована. Она перенесена потом была в Кремль, во дворец, и существовала там около 2-х лет. С другой стороны, по другой линии началось строительство музея Московского Совета «Красной Москвы» летом 1922 года. И вот эти две струйки и еще третья струя — музей Института Ленина — наконец слились вместе, по крайней мере музей Института Ленина находится в одном здании, и персонально объединены заведыванием.

Тт., все архивы должны быть использованы, как вы все знаете, с одной стороны, путем хранения материалов, путем издания этих материалов и путем обработки их. Эти методы использования общеизвестны. Но есть еще метод использования архивов и в частности архивов революции через посредство музеев. Что касается музеев революции, это дело совершенно новое, и на него следует обратить особое внимание. Это новое, но очень плодо-

творное дело, которое привлекает к себе огромное общественное внимание и интерес. Те документы, которые хранятся в архивах, тот иллюстративный материал по истории революции, который имеется там, не должен лежать под спудом и, кроме литературного использования, должен быть использован в виде музейных экспонатов. Если мы умело используем всякого рода музейные экспонаты, иллюстрации, картины и предметы, имеющие отношение к революции, все это скомбинируем умело, то получим такую картину, которая произведет значительное впечатление на зрителя и даст ему большой толчок в заинтересованности историей революции, толчок к изучению этой истории. Это мы уже видим на нашем кратком опыте. И вот мы обращаемся к вам за помощью, чтобы вы пришли к нам и отнеслись к этому не только пассивно, — когда придет, скажем, музейный работник искать материал, ведь часто ему трудно ориентироваться во всем богатстве архива, а заведующий архивом, знающий тот материал, всегда может помочь и показать, что можно и нужно экспонировать, он может и свою инициативу проявить, указывая на тот интересный материал, который может быть выставлен в музее. До сих пор не было такой активной помощи, и это дело планомерно и в большом масштабе не было поставлено. Это было случайно и зависело от интереса того или другого архивного деятеля. Но, мне кажется, это должно быть поставлено и в план архивной работы.

Расскажу вкратце о нашем Музее Революции. Как единое целое, он создался 25 марта прошлого года. Сначала он был в ведомстве ЦК РКП; пробыв в этом ведомстве 2 месяца, он перешел в ведомство президиума ЦИК'а СССР. Когда он перешел к президиуму ЦИК'а СССР, мы почувствовали под собой более прочную материальную базу и смогли быстрее развиваться. В нашем музее мы стремимся показать русскую революцию, как единый процесс, истоки которого начались давно, еще в период крепостного права. Истоки русской революции мы видим еще в крестьянских войнах XVII — XVIII вв., и отсюда, мы думаем, началась русская революция, и она представляет единый диалектический процесс, который мы стремимся выявить в нашем музее, начиная от этих крестьянских войн и кончая современной революционной работой и современным революционным строительством. Итак, наш музей распадается на следующие 7 отделов: 1-й период от крестьянских войн до периода марксизма, до начала 80-х годов, до появления групп «Освобождение Труда». Этот период обнимает собой крестьянские войны, разиновщину и пугачевщину, декабристов, эпоху Николая I, крепостное право, первые революционные кружки 40-х годов, падение крепостного права, революционное движение 60-х годов, революционное народничество, Черный Передел, Народную Волю и рабочее движение 70-х годов. Второй период — это 90-е и начало 900-х годов, канун нашей первой революции. 3-й отдел — это первая русская революция (1905 г.). Четвертый

отдел — период от 1907 до 1917-го года, период реакции, годы нового подъема, затем мировая война. Пятый отдел — февральская революция, 6-й — Октябрьская революция, 7-й период — гражданская война и современное строительство.

Ближайшей нашей задачей является открытие отдела тюрьмы, каторги, ссылки и подпольной техники. Затем — организация выставки в ознаменование 20-ти лет первой революции. И наконец, отдел Коминтерна, который мы надеемся открыть осенью этого года. Вот содержание нашего музея.

Состав материалов — документы, печатный материал, иллюстрации, картины и разные предметы, имеющие отношение к революционному движению.

Мы стараемся выявить не только революционное движение в узком смысле, но и его причины в виде экономики и окружающей социальной обстановки, но в этом отношении мы делаем только первые шаги, и нужно сказать, что во всем строительстве мы еще в самом начале.

Но в музее нужно не только выявлять и выставлять, но нужно еще преподнести все это для посетителей в виде бесед, указаний и т. д. Методика экскурсий тоже нас занимает, и мы разрабатываем вопросы методики экскурсий.

Интерес к музею со стороны широкой массы огромный. Мы в настоящее время уже не вмещаем всех желающих посетить нас, и я приведу некоторые цифры, которые показывают, как быстро растет посещаемость музея. В течение 1924 года за семь с половиной месяцев, когда музей образовался и начал работать, как Музей Революции, его посетило 55 тысяч. В среднем посещаемость была 7.000 в месяц. За последнее время посещаемость увеличилась значительно. В феврале месяце текущего года посещаемость выразилась в цифре уже 20.000, так что за год, если мы умножим это число на 10, так как летом мы обыкновенно закрывались и думаем закрываться и впредь на 2 месяца для внутренней работы, то 20 тысяч $\times$ 10 — это будет 200.000. Вы видите, что в год около двухсот тысяч человек посещает музей. Из этих 20.000 за февраль — 5 тысяч приходится на одиночек, а остальные 15.000 организованы в 637 экскурсий.

Но, не ограничиваясь такой посещаемостью музея, мы хотим еще вынести материалы за пределы музея. Для этого нужно издавать материалы музея, и мы уже приступили к этому. Издаем наши материалы в виде открыток, альбомов, серий диаграмм и картограмм. В ближайшее время выйдет ряд открыток, картин, и в работе находится несколько альбомов.

Вся эта работа ведется в Москве — в центре. Теперь посмотрим, в каком виде работа проходит на местах. У нас еще общей организации историко-революционного дела не существует. На местах работа идет тоже, но она в общем недавно началась, главным образом в течение прошлого года, но теперь уже мы имеем

сведения о 49 выставках и музеях революции в Союзе. Из них 44 находятся в губернских и столичных городах автономных и независимых республик, а 5 в уездных городах. Необходимо создать какой-то центр историко-революционных музеев. На местах идет работа неорганизованно: то при истпартах, иногда при музеях краеведения или при других музеях, образуются историко-революционные музеи или отделы. Нужно это дело объединить, и мы думаем, что это дело должно быть объединено в особом совете при ЦИК'е СССР, который будет, вероятно, скоро создан по учебным и ученым учреждениям, состоящим при ЦИК'е. А на местах, наше мнение, музеи революции должны быть организуемы при исполкомах и при ЦИК'ах автономных и независимых республик. Тогда у них будет большая материальная база, иначе они будут прозябать от недостатка этой материальной базы.

Теперь мы хотели бы, чтобы съезд заинтересовался музеями, и думаем, что необходимо установить регулярную связь между музеями революции и архивами и правильные взаимоотношения. Потом необходимо, чтобы историко-революционные архивы заинтересовались бы одной стороной, которой они до сих пор не интересовались, — это собирание иллюстративного материала. В этом отношении у нас совершенно неблагополучно. За время революции производилось много съемок разных революционных событий. Съемки эти производились часто на общественные средства фотографами, но очень многие фотографы то, что снимали, забирали себе, и получилась такая картина, что весь этот материал по истории революции, начиная с октября, распылен у частных фотографов, которые только за большие деньги и очень небольшими дозами выпускают его на рынок и продают в музеи, да и теперь съемки производятся тоже без всякого плана. Архивы до сих пор этим материалом вплотную не интересовались, у нас нет никакого по этому вопросу декрета. В то время, как книги, которые издаются, доставляются в числе около 30 экз. в Книжную Палату, которая их раздает по разным библиотекам, музеям и т. д., а вот фото-съемки и кино-съемки распыляются, и никто не обязан их никуда представлять, и архивы их не собирают планомерно. Я думаю, что ближайшей задачей Центрархива СССР должно быть обращение внимания на иллюстративный материал, который очень велик: плакаты, фото- и кино-съемки и картины. Архивы должны заинтересоваться этим материалом и вместе с музеями революции должны принять все возможные меры, чтобы внести плановость в это дело и создать отделения архивов и для этого материала. Я думаю, что мы в ближайшие месяцы должны провести декрет по этому вопросу.

Когда в дело строительства музеев революции внесется плановость и определенность, и когда музеи получат на местах материальную базу, мы вступим в период роста и роста чрезвычайно быстрого, как видно по тем густым всходам, которые проявляются

в этом деле. Мы увидим на следующем съезде новые большие шаги в этом деле.

Председатель. Теперь согласно нашему положению мы приступаем к дискуссии по всем затронутым в пяти предыдущих докладах вопросам. Главным образом эта дискуссия должна относиться к вчерашним докладам об отношении к архиву, работе архива и работе научных учреждений. У меня записаны тов. Вишневский и тов. Черкасов. Позвольте открыть дискуссию. Слово предоставляется тов. Вишневскому.

М. С. Вишневский. Я хотел бы обратить внимание товарищей на то, чего не коснулись докладчики в своих докладах, — это вот на какое обстоятельство: о наших взаимоотношениях с научными учреждениями и главным образом с теми из них, о которых докладывали докладчики во вчерашнем заседании. Научные учреждения не только хранят архивные материалы, но они и собирают их и собирают весьма разнообразными способами, до покупки отдельных коллекций включительно. В этих действиях научных учреждений имеется много таких отрицательных моментов, которые чрезвычайно вредят основному делу, которым ведают архивные учреждения. Этот параллелизм в работе по собиранию материалов часто настолько расширяется, что отдельные научные учреждения нередко выходят за пределы тех прав, которые предусмотрены положениями об этих учреждениях. Поэтому мне кажется, что надо внести правильную постановку в вопрос собирания и приобретения отдельных архивных материалов.

Я согласен с теми товарищами, которые говорят, что в совершенно особом положении находятся рукописные коллекции, которые в библиотеках и музеях отстоялись за целые десятилетия, и чтобы эти отдельные собранные коллекции, отдельные рукописные собрания оставались в названных учреждениях. Что же касается нового архивного материала, который собирался в последние годы, то здесь я самым решительным образом высказываюсь за то, чтобы сократить до минимума действия отдельных научных учреждений в собирании новых архивных коллекций. Во всяком случае в эту деятельность научных учреждений нужно ввести какой-то корректив, органы центрального архива должны знать и корректировать эти отдельные действия научных учреждений. Мне представляется, что лучше всего в законодательном порядке урегулировать вопрос о том, что могут собирать музеи, библиотеки и рукописные хранилища и каким образом органы Центрархива могут осуществлять свой контроль.

Еще одной группы материалов я хотел коснуться, которые часто совершенно неправильно, в обход законодательства по архивному делу, попадают не в архивные хранилища Центрархива. Это — те материалы, которые остаются по смерти отдельных научных работников, общественных и политических деятелей, писателей, художников, фотографов и т. д. Мы об этом материале

как-то мало заботились и совсем ничего еще не сделали, чтобы урегулировать вопрос о нем. А этот материал нередко распыляется, попадает иногда на рынок и часто растасовывается самым варварским образом по отдельным коллекционерам, комиссионерам, антикварам и т. п., тогда как государство в лице Центрархива могло бы или приобрести эти коллекции, или наложить на них запрещение. Среди этого выморочного имущества сплошь и рядом попадаются ценные рукописные, книжные, художественные и иные коллекции, необходимые для музеев, архивов, библиотек. Среди этого выморочного имущества нередко попадаются библиотечные собрания, с теми особенностями, которые особенно ценны для архивистов и которые необходимо было бы включить в наши архивы, именно книги с автографами, пометками и т. п. Я полагаю, что нашему съезду как-то нужно реагировать на исчезновение таких материалов и добиться, чтобы они поступали в хранилища Центрархива из органов милиции и судов.

Что же касается учета всего архивного материала, находящегося в различных библиотеках, музеях и т. д., то это совершеннейшая необходимость. Учреждения, находясь на одной улице, собирают коллекции архивных материалов, издают их, не зная, что их сосед — архивный орган — издает те же самые материалы. Такой параллелизм нужно устранить через создание единой картотеки, которая могла бы объединять работу научных учреждений и работу организационную Центрархива. С другой стороны, необходимо Центрархиву не быть пассивным в этом деле, а быть активным. Я хочу обратить внимание на ту большую работу, которую проделало ЛОЦ в области библиографирования частных архивных материалов. Работа была проделана большая, но я думаю, если мы не будем библиографировать весь материал самым точным, самым правильным образом, мы в значительной степени можем содействовать растрате этого материала. Поэтому я высказываю предложение, чтобы Центрархив, с одной стороны, наладил картотеку архивных фондов и, с другой стороны, наладил по возможности дальше работу, начатую по библиографированию разных частных собраний, разбросанных по научным учреждениям.

П. В. Черкасов. Я буду говорить о взаимоотношениях архивного и военного ведомств. Военное дело — дело чисто практическое, многие отделы военной науки строятся исключительно на военно-историческом опыте, и этот военно-исторический опыт похоронен на полках архивов. Те инструкции, те уставы, те наставления, которые все те, кто прошел Красную Армию, изучил, все это плод войны, плод той крови, которая пролита на полях сражения. Требуется громадная работа для того, чтобы с полок архивов вытащить этот материал, как-то его проработать и затем преподать его в форме тактики, в форме стратегии всем тем, кто призван управлять войсками, от крупных вплоть до самой мелкой единицы. Изучение ближайшей войны влияет непосредственно на

успех будущих войн. Вот вам пример. В 1866 году Австрия и Пруссия вступили в борьбу. Пруссия бьет Австрию, а уже в 1867 году Мольтке составляет свой «мемуар», на основании которого он совершенно реконструирует свою армию и затем бьет французов в 1870 г. После окончания этой франко-прусской войны немцы уже через 3 года окончательно обрабатывают весь материал и готовы к новой войне. Гораздо хуже у нас. Война 1812 года не имеет научно-исторического исследования по сей день. История русско-японской войны окончена незадолго до мировой войны, и на изучение ее времени не было. А что же сейчас? После страшной кровавой бани, продолжавшейся семь лет, мы еще пока имеем очень мало. Мы имеем, может быть, 100 — 120 печатных листов работ об империалистической войне по архивным материалам. Что же касается войны гражданской, то мы имеем только чисто мемуарную литературу, и только, может быть, в этом году кое-что из области научно-исторического исследования появится в печати. А между тем мы ведь знаем, что не сегодня — завтра может разгореться новая война. Мы знаем, как интенсивно наши противники изучают эту войну, мы знаем, что в Германии уже вышло 2 тома истории последней войны и затем по истечении 2-х лет они обещают дать еще столько же. Они, таким образом, опять опережают нас. А между тем описание мировой войны с русской стороны представляет чрезвычайный интерес именно потому, что в России все рухнуло, нет заинтересованных в том, чтобы скрывать правду, и о войне можно говорить только одну правду. Я должен сказать, что те же немцы держатся взгляда: о войне можно сказать не всю правду. С точки зрения военно-исторической науки именно сказать всю правду — это сказать все.

К чему я это говорю? Я это говорю потому, что мы черпаем эти материалы только с архивных полок, и отсюда ясна та тесная связь, которая существует между теми военно-научными учреждениями, которые работают над этой войной, и архивами. Таким учреждением является управление по исследованию опыта войн. Это управление имеет отделения военно-историческое, военно-научное и уставное. Их задача заниматься исследованием этих войн, изучить этот материал и затем преподать его в виде уставов, инструкций, наставлений для боевой подготовки войск и, наконец, развить теорию военного дела. И вот эта база военной науки отсечена совершенно, как кусок мяса от живого организма, и передана в Центрархив. Отсюда ясно, что должен быть самый тесный контакт, самые тесные взаимоотношения между военно-научными учреждениями с одной стороны и затем между Центрархивом с другой. Прежде всего, конечно, в области хранения архива, в области учета всего материала и затем в разработке этого материала, подготовке его согласно тем указаниям, которые дает управление по исследованию войн. Желательно, чтобы в этой области были не одни наши пожелания, которые игнорируются,

но чтобы наши указания имели директивный характер, были обязательны. Между тем мы знаем, что до сегодняшнего дня до 3-х — 4-х тысяч ящиков материалов войны хранятся нераскупоренными; к этому относятся легко и к разборке совершенно не приступают. Еще много есть вопросов, которые непосредственно затрагивают работу военно-научных учреждений почти на каждом шагу, но до сих пор, по крайней мере, эти военно-научные учреждения только высказывают пожелания, а дело не двигается. Желательно, чтобы эта работа была увязана, чтобы было точно установлено, в каких именно вопросах эта связь должна выявляться, чтобы военно-научные органы регулировали непосредственно работу архивов в том смысле, чтобы они вели их в том направлении, которое необходимо сегодня, сейчас для военно-научных учреждений. Есть еще целый ряд вопросов, которые близко затрагивают эту область, и поэтому я предлагаю перенести конкретное рассмотрение этого вопроса в организационную секцию для того, чтобы там можно было разработать вполне определенно, вполне ясно порядок взаимоотношений с военным ведомством. В этой работе должны быть учтены нами военно-научные организации на местах и то участие, которое они могут принять в разработке архивных богатств военно-научного значения на местах.

Председатель. Слово для доклада от Истпрофа предоставляется т. Милонову.

Ю. К. Милонов. Комиссия по изучению истории профессионального движения в России при ВЦСПС в своей деятельности исходит из того положения, что сейчас пока еще не собраны материалы для научной истории нашего профессионального движения. Исходя из этого положения, мы строим свою практическую работу и определяем свои задачи. Мы думаем, что сейчас надо собрать и систематизировать все источники, по которым союзная история может быть написана в дальнейшем. Таких источников имеется 3 группы. Во-1-х, архивные материалы, во-2-х, материалы библиографического характера, т.-е. литературные, и, наконец, в-3-х, — это материалы характера мемуарного. Наша задача не ограничивается тем, чтобы собрать и систематизировать источники; мы стараемся их также критически обработать, потому что в них имеется целый ряд противоречий, требующих выяснения. Все, что возможно, и все, что может быть интересным для будущего историка, мы стремимся опубликовать.

Эта формулировка задачи определяет и методы нашей деятельности, которые сводятся к тому, что мы тщательно обследуем все архивы и книгохранилища, копируем весь относящийся к истории профессионального движения материал, который там имеется. Таким образом, мы постепенно создаем у себя исторический архив профессионального движения в виде собрания копий. Так поступать нас заставляет то обстоятельство, что весь дореволюционный материал в союзных организациях отсутствует. В союзных орга-

низациях имеются только архивы, характеризующие движение после февральской революции. Весь остальной материал приходится искать в архивах бывшей охранки и в архивах таких ведомств, как министерство торговли и промышленности, министерство финансов и т. п. Эти материалы находятся сейчас в ведении Центрархива, и мы стараемся их извлечь оттуда для того, чтобы историк-профессионалист мог оперировать с ним более свободно. Не ограничиваясь этим, мы стараемся приобретать частные архивы и частные литературные коллекции. К сожалению, на руках у частных лиц находится много материалов, но никакими законными средствами обязать их сдать эти архивы нельзя и поэтому приходится становиться на путь покупки. Конечно, мы не перестали вести агитацию в том смысле, чтобы старые профессионалисты сдали имеющиеся у них документы в наши учреждения безвозмездно. Из всего этого мы выбираем то, что может представлять интерес для историка, и публикуем в виде сборников материалов, отдельных монографий, хрестоматий по истории профессионального движения, библиографических и всяких иных указателей, справочников и т. п.

Вот к чему в общих чертах сводится метод работы Истпрофа.

Перед нами стоит несколько проблем теоретической работы, над которыми работают историки Истпрофа ВЦСПС. Из этих проблем надо указать на проблему периодизации всего русского профдвижения. Мы много внимания уделяем на то, каковы периоды истории профдвижения и в связи с какими периодами общественной жизни надо делить эти периоды. Сейчас эти периоды наметились. Мы не считаем принятую нами схему законченной и эту работу продолжаем. Эти периоды следующие: период доорганизационного профдвижения, т.-е. до революции 1905 года; затем период организации и роста профорганизаций, совпадающий с первой революцией 1905 — 7 годов; затем период упадка, когда профессиональные союзы влачили жалкое существование и пользовались всевозможными суррогатами профорганизаций, вроде общественных съездов, съездов фабричных врачей, съездов по борьбе с проституцией, по борьбе с пьянством и т. д. Этот период совпадает с периодом политической реакции 1908 — 11 годов; следующий период охватывает предвоенный подъем с 1912 до 14 года, т.-е. до войны; дальше идет период военный; затем февральская революция и период военного коммунизма, который мы считаем вполне законченным историческим периодом, и на этом пока обрываем свою историческую работу.

Вторая проблема теоретического характера — это вопрос о том, каким образом выделять из всей сложности общественных отношений то, что имеет отношение к работе Истпрофа ВЦСПС. Здесь надо уберечься от целого ряда крайностей. Мы стараемся отгородиться от таких областей, как, например, область истории промышленности, и затрагиваем данные, характеризующие исто-

рию промышленности, только поскольку это необходимо для понимания задач нашей работы. С другой стороны, нужно отгородиться от революционного, политического классового рабочего движения, изучением которого занимается Истпарт, для того, чтобы не было в этом направлении параллелизма. Наконец, кроме всего прочего, вокруг профессиональных организаций существует целый ряд образований, с которыми профессиональное движение было связано и которых игнорировать нельзя. Это организации вроде рабочей кооперации, больничных касс, рабочих клубов и т. п. Таким образом, мы стараемся, с одной стороны, наметить правильную научно-выдержанную периодизацию, а с другой стороны — выделить из всей сложности всего того, что можно захватить, то, что относится именно к истории профессионального движения в России.

Кроме этой проблемы теоретического характера, перед нами стоят проблемы и организационные.

Истпроф это довольно новая и молодая организация, которая пока что еще не имеет разветвленного аппарата по стране, и вот одна из наших организационных задач сводится к тому, чтобы такие аппараты по стране создать. Затем мы стараемся объединить всех тех, кто частным порядком в качестве научных литературных работников работает над историей профдвижения и ни в какой связи с аппаратом профсоюзов не находится. Надо сказать, что в этом отношении положение не особенно блестяще. До сих пор нам удалось объединить только небольшую группу лиц, при чем как раз особенные затруднения встречаются там, где приходится привлекать к этой работе представителей определенного политического течения — коммунистов, потому что тт. заняты административной, государственной и всякой другой работой.

И наконец, последняя задача организационного характера, это — наладить контакт с учреждениями, которые аналогичны Истпрофу по своим задачам, но которые ведут работу в несколько иной области. Здесь возникает вопрос о контакте, во-первых, с Истпартом, во-вторых, с Центрархивом и, в-третьих с такими организациями, как краеведческие, которые попутно в своей работе захватывают и то, что нас интересует. Контакт мы пытаемся наладить и как будто установили даже этот контакт и с такими организациями как Центрархив, с которым вначале были столкновения, а теперь налажены добрососедские отношения. Отношения с Истпартом менее оживленные. Истпарт присылает нам представителя, а мы информируем Истпарт о том, что делается у нас. Тот материал, который попадал к нам, но не имел к нам прямого отношения, мы сдавали туда. Так, например, в начале 1923 года был сдан интересный материал, найденный в Одессе, о создании филиального отделения международного товарищества, т.-е. Интернационала. Контакт с краеведческим обществом выра-

зился в том, что имели представителя на съезде краеведов, но дальше этого дело не пошло. Больше соприкосновений было с Центрархивом, именно потому, что в его ведении и распоряжении находится тот материал, который мы стремимся извлечь, по которому мы изучаем движение и который стремимся опубликовать. Это материал бывшей охранки, всевозможных департаментов, министерств и т. д. Трения между нами и Центрархивом, бывшие одно время, сложились вот на какой почве: опираясь на декрет 1919 года, тт. из Центрархива настаивали на передаче в его ведение материалов по истечении 5 лет со дня их образования. Это требование встретило резкий протест со стороны ЦК отдельных профессиональных организаций, работу которых приходится объединять в Истпрофе ВЦСПС. На этой почве и начались между нами и Центрархивом трения, которые в конце концов благополучно закончились.

Что составляет нашу конкретную цель на ближайшее будущее? Эта конкретная цель сводится к тому, чтобы осветить и изучить профессиональное движение за период 1905 — 7 гг., за период первой революции, собственно первый этап профдвижения, потому что до революции 1905 — 7 гг. профдвижения в России не было. Мы стремимся собрать все материалы, которые характеризуют этот период. Кое-что в этом направлении сделано, кое-что мы предпринимаем, кое-что думаем предпринять. Из сделанного нужно отметить подготовку к печати и издание протоколов 1-й и 2-й конференции профсоюзов, которые до сих пор достаточно хорошо освещены не были. Эта работа нами уже выполнена. Кроме того, мы взялись за обследование всей периодической печати за это время и всего архивного материала, как находящегося в ведении Центрархива, так и находящегося в отдельных заводских архивах. Вот на этих заводских архивах я хочу остановить побольше ваше внимание. Вся работа сводится к тому, чтобы завод за заводом, дело за делом просмотреть все материалы, относящиеся к этим годам.

Надо сказать, что в Центрархиве этот материал находится не в надлежащем порядке. Мы, конечно, не имеем никаких претензий к Центрархиву, потому что эта работа может быть выполнена только в течение долгого периода времени, но это обстоятельство заставляет нас просматривать материал лист за листом, и часто мы в личном деле находим данные об организации профсоюза и т. п. Вот почему мы так расходуем силы на то, чтобы пересмотреть все. Таким же образом мы пересматриваем и всю периодическую печать, потому что она является одним из источников, потому что большей частью периодические издания стали сейчас библиографической редкостью и для исследователей, которые не поставлены в такие благоприятные условия, как работники в Москве, — эта печать просто недоступна. Что касается заводских архивов, то они были в полном пренебрежении. Больше того,

заводские архивы часто продавали бумажным фабрикам на изготовление бумаги материалы, относящиеся к профдвижению. Например, нам удалось натолкнуться на такой случай в Серпухове, а между тем эти заводские архивы содержат часто много ценного материала. Нашему сотруднику удалось проникнуть на бывшую фабрику Морозова в Орехово-Зуеве и там удалось достать материалы относительно забастовки 1885 года. Архив дал возможность дополнить то, что писалось об этой забастовке. Экскурсия на фабрику Гужон дала материалы относительно попытки фабрикантов и заводчиков организации боевого общества, попытки, которая относится в 1902 — 3 гг. и которая была реакцией на зубатовскую политику правительства. Целый ряд других архивов раскрывают тоже интересную картину. Например, обследование Прохоровки дало возможность установить зарплату за целое столетие. Материалы там богатейшие, и при самых незначительных усилиях можно получить самые интересные вещи. И вот мы стремимся эти заводские архивы обследовать и не только обследовать, но и сохранить, потому что к ним, вообще говоря, относятся чрезвычайно небрежно.

Из дальнейших мероприятий в области изучения профдвижения в 1905 г. нужно отметить переиздание старых профессиональных журналов, которые сейчас стали библиографической редкостью, которых сейчас не достать и которые часто являются почти единственным источником. Мы эти журналы переиздаем, руководствуясь примером Истпарта, который издает старые партийные органы, но придаем этим изданиям несколько другой вид, т.-е. снабжаем их историческими комментариями, которые подчас превышают количество листов документального материала.

И, наконец, в этом направлении мы думаем сделать еще следующее. На-днях мы собираем вечер воспоминаний работников центральных бюро профсоюзов для того, чтобы мемуарным материалом осветить их деятельность. Готовим несколько сборников, посвященных 1905 г. Вот этим и ограничиваются наши мероприятия по освещению этого важного момента в истории профдвижения.

Теперь мы переходим к последнему моменту, который мне хотелось затронуть. Это к вопросу о наших отношениях к Центрархиву.

Центрархив опирается на декрет, изданный в 1919 году. Сейчас профсоюзы он рассматривает как государственные организации. Если стать на формальную точку зрения, то такой подход нужно отвести, потому что профсоюзы не публично-правовые, а частно-правовые общественные организации, и нельзя сравнивать 1919 год с тем, что происходит сейчас. Тогда был взят курс на огосударствление профсоюзов, а сейчас этот курс не держится и не проводится. Я незнаком с последними постановлениями,

но знаю, что они лазейку для нас в этом отношении оставляют. Но нам кажется, что на формальную точку зрения становиться не следует. У нас есть желание установить добрососедские отношения, установить контакт с Центрархивом, мы хотим, чтобы Центрархив не поглощал профессионального материала, не брал бы таких материалов, которые он не может обработать, и не ставил бы в такие условия нас, работников, чтобы не было возможности разрабатывать эти материалы. Так что мы согласны на контакт с Центрархивом при известных условиях, которые разработаны ЦК Союзов и утверждены ВЦСПС и Центрархивом. Это является той платформой, на которой мы стоим. Эти условия следующие: мы не возражаем против собирания всех союзных материалов в недрах Центрархива, но настаиваем на создании отдела профессионального движения. Мы думаем, что он должен быть построен на секционных началах, чтобы представители всех союзов могли бы работать там по той отрасли работы, которую они объединяют. Мы думаем, что заведующий этим отделом должен назначаться по соглашению между Центрархивом и президиумом ВЦСПС. Затем мы полагаем, что необходимо, чтобы представитель ВЦСПС был включен в коллегию Центрархива.

Вот те положения, при которых мы хотим наладить свои добрососедские отношения с Центрархивом, так что здесь мне приходится выступать не в качестве оппонента Центрархива, который возражает т. Максакову, а в качестве сотрудника нашего учреждения, который хочет оговорить нашу самостоятельность, которая приличествует такой организации как ВЦСПС и его органы. Этим я заканчиваю свое краткое сообщение.

Председатель. Мы продолжаем дискуссию. Мне напоминают совершенно правильно, что желательно, чтобы выступающие ораторы сообщали, из какой местности и от какой организации или учреждения они выступают.

В. Г. Гейман (от Российской Публичной библиотеки Ленинграда). Мне хотелось бы сказать несколько слов, главным образом, в связи с тем, что вчера сказал т. Маяковский. Для меня совершенно понятно то некоторое чисто профессиональное и ведомственное увлечение, которое сквозило в словах т. Маяковского и которому хотелось, чтобы Центрархив объединял абсолютно все архивные материалы, которые можно только себе мыслить. Вместе с тем мне чрезвычайно приятно было слышать в речах тт. Адоратского и Маяковского признание того, что рукописный отдел нашей Публичной библиотеки сыграл крупную культурную роль и имеет большое значение для науки. Я бы удовлетворился этим и не выступал бы, если бы т. Маяковский не бросил бы мысли, что наше рукописное отделение, имея большое значение в прошлом, впредь не должно пополняться. Это явилось бы какими-то похоронами заживо, странно бы было признать возможным не давать развиваться такому учреждению, за которым

только что признано крупное значение. Я не буду спорить по вопросу о принципиальном разграничении рукописного материала между архивами и библиотеками, — я хочу только остановиться на чисто фактическом отношении к этому делу. Если обратить внимание на материал, который хранится в рукописных отделениях библиотек, и на материал, хранящийся в архивах, то легко установить разграничение. 95% материалов, которые хранятся в архивах, будут представлять собою отражение деятельности учреждений и ведомств, а 95% материалов, которые хранятся у нас, это материалы, которые можно назвать историко-литературным материалом. Мне представляется, что поставить крест на дальнейшем увеличении нашего материала во многих случаях не представляется целесообразным. Я хотел бы отметить, что, например, в рукописном отделе нашей Публичной библиотеки сосредоточены старинные рукописи. Можно предположить, что находки старинных рукописей в дальнейшем будут лишь единичными. Например, пергаментные рукописи до XV века. Такие документы могут быть найдены только в исключительных случаях, и потому нецелесообразно было бы образовывать новые фонды таких рукописей в архивах, а лучше присоединить их к старым фондам, которые уже хранятся в рукописных отделах библиотек. В историко-литературном материале, который хранится в Публичной библиотеке, большинство составляют рукописи писателей — произведения, переписка. Здесь также возможны только некоторые частичные новые находки. В истекшем, например, году Российской Публичной библиотеке в Ленинграде удалось найти целый ряд писем Некрасова, Достоевского, Гоголя. У нас уже имеются такие материалы, и естественно, что новые находки должны присоединяться к старому фонду, а из них не должно создавать новые небольшие фонды при новых учреждениях. Наконец, самый характер материалов требует иного к ним отношения, чем к материалам архивным. Я хочу указать на то, что историко-литературный материал главным образом имеет частный характер, собранный от частных лиц, а материал, который попадает в архив, получается большей частью от учреждений, всем открыт и учтен. Я хочу сказать, что если частные лица сами приносят к нам свои архивные фонды в виде дара, завещания или даже в виде предложения покупки, то к этим предложениям приходится относиться осторожнее чем к фондам учреждений, ибо есть опасность, что, отвергнув приношение частных лиц, предложив им нести свои материалы в какое-то другое место, мы тем самым упустим этот материал, потому что частное лицо может сбыть его на сторону.

Мне представляется, что цель и наша и ваша совершенно одна и та же, это — сохранить архивные материалы. Наше учреждение, существующее сто лет и специально оборудованное, имеющее специальные приспособления для хранения и безопасное в пожар-

ном отношении, является таким местом, попавши куда, архивный материал сохраняется и находится, так сказать, в хороших руках. Поэтому мне не совсем понятно это ощущение не содружества, а какой-то конкуренции, которую я чувствую в словах тов. Маяковского. Для меня более приемлемыми представляются слова, которые сказал сегодня тов. Вишневский, указавший на желательность разграничения в законодательном порядке материалов архивных и библиотечных. Это разделение мне представляется, несомненно, в принципе возможным. В словах тов. Вишневского я вижу еще следующую базу, на которую можно было бы мне опереться в моей точке зрения, это указание на необходимость создания в Центрархиве учета всех фондов, которые известны в хранилищах данного города или даже на пространстве всего Союза. Такой учет этих фондов разрешил бы этот вредный параллелизм, вредную конкуренцию разных учреждений, ибо если в Центрархиве будет значиться весь тот материал, который имеется в музеях и в рукописных отделениях библиотек, то тем самым этот фонд будет учтен, тем самым Центрархив может его использовать, буде потребуется такая необходимость. Смысл моего замечания сводится к тому, что я бы протестовал против слов тов. Маяковского о том, что впредь пополнение рукописных отделений библиотек не должно продолжаться.

Б. И. Анфилов (Центрархив). Тов. Маяковский в своем докладе о взаимоотношениях между архивами, библиотеками и музеями развил перед нами те принципиальные положения, которые должны лечь в основу предстоящего размежевания круга ведомства этих учреждений. Мы в нашей практической деятельности в Москве, помимо этих принципиальных оснований, встречаемся с соображениями совсем иного характера, так сказать, с соображениями «от жизни», и мне кажется, что для съезда было бы небезынтересно ознакомиться с доводами этого порядка. Я буду говорить о некоторых доводах, которые мы слышали от музейного ведомства во время наших недавних сношений с ним по этому вопросу. Известно, что до настоящего времени мы с музейным ведомством не договорились. В ответ на наше предложение сдать нам по принадлежности в государственный архивный фонд те архивные материалы, которые находятся в музеях, и договориться об основаниях этой сдачи, музейное ведомство заявляло следующее: мы огромное количество материалов в период революции спасли, а раз мы его спасли, то мы и должны им ведать. Что касается материалов более раннего происхождения, то вопрос об их сдаче совсем устранялся. Мне кажется, что несостоятельность и более того — странность приведенного возражения совершенно ясна. В нем явно смешаны две различных точки зрения: ведь одно дело — спасение архивного материала, и совсем другое дело заведывание этим материалом. Центрархив в своей деятельности неоднократно спасал такие ценности, как золото, ордена,

медали, драгоценные камни. Тем не менее, он не притязал на то, чтобы получить эти предметы в свое владение, и сдавал их по принадлежности в Госхран или, позднее, в Металлфонд. Другой довод, который мы слышали от музейного ведомства, формулировался приблизительно так: мы, музейное ведомство, более авторитетны, нежели архивное ведомство, мы больше на виду и пользуемся большим признанием со стороны власти и населения. В губернских городах музей — это красивое здание, стоящее в центре, всем известное, привлекающее общее внимание, тогда как об архивах мало кто знает. Поэтому совершенно ясно, что мы лучше охраним в силу нашего авторитета все архивные материалы, которые попали в наше ведение. Внутренняя ценность этого довода так же ясна сама по себе, как и первого, и полемики не заслуживает, но я поддался искушению доложить оба эти довода съезду в виду того, что они представляют собою своеобразное дополнение той суммы доводов принципиального свойства, которая была доложена съезду во вчерашнем заседании.

Теперь я хочу сказать несколько слов по поводу доклада тов. Маяковского. Собственно говоря, доклад этот до такой степени насыщен содержанием, что говорить о нем только на основании прослушания его трудно, — его нужно было бы предварительно изучить. Но поскольку все-таки мною получены от этого доклада определенные впечатления, я должен отметить некоторые положения доклада, которые мне показались не вполне обоснованными. Так, И. Л. Маяковский указывает, что архивному ведомству следует построить по определенной предлагаемой докладчиком схеме систему архивных музеев по всей линии своей подведомственности, начиная от сравнительно мелких архивных единиц — губернских архивных центров, до ленинградского и московского центров, до столичных средоточий архивного материала общегосударственного значения. Эти музеи докладчик проектирует различных типов и с различными уклонами. Однако в числе тех центральных архивных музеев, которые должны быть учреждены при Центрархиве в Москве, он мыслит архивный музей, сосредоточивающий в себе все данные архивного опыта, архивной техники, все то, на чем можно было бы учиться, освежать свои знания, повышать свою квалификацию архивным работникам. О музее такого архивного типа приходится, конечно, слышать здесь с некоторым недоумением. Ведь это не тот архивный музей, какой должен или может вырасти в результате окончательного, твердого размежевания компетенций между Центрархивом и музейным ведомством, — это чисто архивно-педагогическое учреждение, особый институт, который может с большой пользой существовать при каком-нибудь архивном учебном заведении, но который не имеет никакого значения для стоящего перед нами вопроса о размежевании компетенций. Поэтому я полагаю, что предложение тов. Маяковского об организации такого музея не связывается

с его докладом и должно быть устранено. Затем мне представляется, что, полемизируя мысленно с теми доводами, которые мог бы нам привести музейный отдел по вопросу о сдаче нам архивов, и предлагая строить архивные музеи по линии архивного ведомства, тов. Маяковский, может быть, незаметно для самого себя, впадает в то противоречие, с которым он борется, когда дело идет о музейном ведомстве. Тов. Маяковский говорит, что, беря в свои руки архивы, музей занимается не своим делом, но, рекомендуя Центрархиву устраивать самостоятельно архивные музеи, он в то же время находит возможным советовать, чтобы архивные музеи обставлять музейными предметами, воссоздающими историческую среду. По существу, он таким образом рекомендует Центрархиву вторжение в не принадлежащую ему область. Вот то, что мне бросилось в глаза в докладе тов. Маяковского. Я, впрочем, подчеркиваю, что эти соображения второстепенного характера, и с ними вовсе не связано каких-либо серьезных возражений против доклада в целом. Мы должны к этому докладу отнестись с чисто практическим интересом. Доклад содержит в себе целую сводку предложений организационного характера, которые, несомненно, заслуживают того, чтобы быть продуманными и обсужденными в более свободной обстановке, нежели обстановка нашего пленума. Поэтому я полагал бы, что ту часть доклада тов. Маяковского, которая касается предложений организационного характера, было бы желательно перенести в заседание организационной секции съезда

А. И. Милович (Ленинградское губархбюро). О двух интересных докладах вчерашнего вечера было довольно уже сказано, но я хотел бы отметить некоторые стороны этих докладов. Оба докладчика оказались, если можно так выразиться, большими архивными патриотами. Для библиотеки нужно оставить одну печать, для музея — одни вещественные памятники, а в архиве нужно сосредоточить без ограничения и разделения по значению все рукописи, демонстрирование архивных материалов вне архива — недопустимо. Кроме того, при архиве необходима библиотека, может быть, и свой музей. Таким образом, архив явится каким-то универсальным хранилищем культурных ценностей. Вопрос этот, конечно, очень важен и решен он может быть не в нашей аудитории, а путем обмена мнений книговедов, музееведов, как мы это уже отчасти слышали, и это должно быть перенесено на страницы печати. Но вот что мне представляется возможным сказать по этому вопросу в назначенный мне срок. На заре культуры не было, действительно, различия между хранилищами культурных ценностей. Ученые еще доселе спорят, как назвать те коллекции из глинобитных досок, которые были найдены во дворце ассирийских царей. Если смотреть на них как на вещественные памятники, то им место в музее, но по содержанию они представляют собою летописи царей и, наконец, неко-

торые из них являлись своего рода актами государственного права, так как определяли порядок престолонаследия, что давало им место в архиве. Все соединялось в одно, но это было назад 3 тысячи лет. Зачем же возвращаться к такой первобытной старине, когда, после продолжительных усилий, после сделанных достаточно обширных изысканий, проведено разделение культурных хранилищ на архивы, музеи и библиотеки, и когда сами докладчики признавали очень важным в этом смысле такое разделение. Затем была здесь указана связь музея с библиотекой, и можно сказать, что связь библиотеки с рукописью гораздо ближе и существеннее. Ведь рукопись была родоначальницей книги. Такая генетическая связь и дает возможность библиотеке организовать постоянную выставку истории книги и вместе истории просвещения, что мы и находим в витринах больших библиотек, где выставлены древнейшие рукописи (папирус, пергамент), рукописи средних веков и произведения первого книгопечатания (инкунабулы, альдины, эльзевиры) и печать последних лет. Все это обогащает познания, популяризирует историю книги как важнейшего орудия просвещения. Во имя той же просветительной цели нельзя отказываться от посылки архивных материалов на выставку, если будет достаточная гарантия их безопасности и сохранности. Кроме того, в архивах и без того так много специальной работы и так мало сделано в области собирания, регистрации и описания архивов, что еще брать на себя новые обязательства, новую работу будет очень затруднительно.

Н. С. Бурмистров (Нижегородское губархбюро). Главный вопрос это наши взаимоотношения с научными учреждениями. Здесь мы должны определенно высказать взгляд, каковы должны быть наши взаимоотношения с научными учреждениями, и в частности отразить картину этих взаимоотношений на местах. Здесь в центре, как мы видим, работа идет достаточно в контакте, но на местах, повидимому, не везде. В каких, например, мы должны быть взаимоотношениях с истпартами и музеями. Тут наблюдается 3 различных картины: или совершенно отсутствует у губарха связь с истпартом, или губарх подчиняется истпарту, или наоборот, все эти отношения ненормальные. Мы должны иметь самую тесную связь с истпартом и с другими органами, как библиотеки, музеи и т. д. Я приведу опыт Нижнего-Новгорода. Мы сначала связались с истпартом таким образом, что он оказался по схеме как бы под губархом, но когда на съезде истпартов нам указали на опасность этого положения, мы поняли, что этого допустить нельзя. Мы этого не допустили, но очень тесно связались. Так что в этом отношении приходится опасаться двух крайностей: это подчинения друг другу, и третьей — отрыва. Необходимо работать в самом тесном контакте. Контактность в работе, теснейшая связь в таковой — вот нормальные отношения губарха с истпартом.

Сейчас поднят вопрос в отношении библиотечного и архивного материала. Здесь в настоящее время нужно сказать съезду только одно, это высказать свой принципиальный на это взгляд и установить грань, но отнюдь не допускать немедленных изъятий как из архивов в библиотеки, так и из библиотек в архивы, потому что в настоящее время на местах библиотеки, в особенности научные библиотеки, совершенно в таком же положении, как и мы, т.-е. еще не инвентаризировались и не разобрались еще окончательно в своих богатствах. У Нижгубархбюро ненормальностей с музеями и библиотеками нет. Библиотеки и музеи знают, что у меня есть такой материал, который подлежит им, а губархбюро знает, что у них материал, подлежащий нам, но здесь важно одно: он лежит под крышею и в надежных руках. В любой момент его можно оттуда взять

Встает другой вопрос: давать ли музеям экспонаты? Здесь проводился такой взгляд тов. Маяковским, что экспонаты музеям нельзя отдавать, в виду угрожающей им опасности. Это общий взгляд архивистов. Он правилен, но в нынешний момент мы должны сказать, что в музеи революции экспонаты должны давать, несмотря на то, что они могут погибнуть через год какой-нибудь. Мы должны прокричать через эти экспонаты, что архивы занимают в общественной жизни определенное место. Этот крик привлечет внимание к архивному делу и тем заставляет нас не считаться с погибелью документов. Через погибель одного документа спасем сотни. Да ведь эту гибель можно всегда смягчить, а иногда даже оградить, предоставлением дублетных материалов и рядом других мер.

Предъявляют архивным деятелям ряд требований всевозможные организации: и Истпарт, и Институт Ленина, и в частности военные научные общества и т. д. Мы же располагаем очень малым штатом, и все эти требования для нас трудно выполнимы. Например, для Института Ленина я должен был остановить на 2 недели все работы, чтобы дать нужный материал. На местах выполнять эти требования мы можем с трудом, поэтому мы здесь должны привлечь к себе общественные силы. Рассчитывать на то, что нам увеличат штаты в ближайшем будущем, не приходится, поэтому мы должны ставить курс на общественное взаимодействие. Губархивбюро, истпарты и за ними историко-революционные музеи и библиотеки должны объединяться, чтобы втянуть в работу общественные силы и, в частности, держать курс на революционную молодежь, у которой есть тяготение к нашей работе. Мы должны обработать эту молодежь. Конкретно это можно достичь организацией на местах «кружков содействия истпарту и губархивбюро». Эти общественные силы можно использовать плодотворно. У нас в Нижегородской губернии привлечено до 30-ти человек из учащейся молодежи, которые активно работают по разборке архивов и помогают в описывании. Они подготовляются

к нашей работе. Эту мою мысль прошу товарищей обсудить и сказать, можно ли рассчитывать на реальные результаты этого опыта.

Теперь по вопросу об организации музеев при архивах. Очень заманчива картина организовать при губархбюро музей, выставку. Этим можно популяризировать архивное дело и поднять его авторитет и т. д. Но этот путь скользкий, он может отвлечь нас от основной работы. Губархивы не должны становиться на этот путь. Ведь мы имеем уже такой опыт наших предшественников в лице ученых арх. комиссий. Они становились на путь организации при себе музеев, но от этого отказались, предоставив работать музеям. Достаточно известный авторитет, В. Г. Короленко, в бытность свою деятелем Нижегородской ученой архивной комиссии, высказался по этому поводу определенно, что эта деятельность не архивных работников, а музеев.

М. М. Шведов (Крымархив). Т. Адоратский в своем вчерашнем докладе указал, между прочим, на необходимость мероприятий об архивных материалах, находящихся в музеях, мероприятий в смысле изъятия этих архивных материалов оттуда и отдачи их в архивные книгохранилища, отметив необходимость проведения этих мероприятий с соответствующей твердостью. Это положение, диктуемое текущей действительностью, очевидно, и необходимость такого мероприятия доказывать нечего. Мне хотелось бы только проиллюстрировать его и отметить целесообразность проведения этого мероприятия не по линии только учреждений, подведомственных Центрархиву, а в более широком масштабе, дабы на будущее время архбюро были избавлены от возможных обвинений в невыполнении того, чего они выполнить не могут, как говорится, по независящим обстоятельствам. Как поступают архивные материалы в музеи?— вот пример. — Губучреждение получило, по подведомственности от райучреждения, архивный фонд, правда, несколько необычного архивного типа. Куда девать его? Может быть, по тем соображениям, на которые указывалось сегодня здесь, потому, например, что музеи обладают более приличным помещением, этот архивный фонд был передан музею. Когда архбюро узнало об этой незаконной передаче, оно предъявило свои права на этот архивный фонд. Начался спор, кому владеть этим фондом, небольшим по объему, но ценным по содержанию, и спор был решен в пользу музея, может быть, потому, что не хотели умалить авторитет того учреждения, которое сделало незаконное распоряжение.

Затем в докладе т. Адоратского говорилось о рукописных отделениях при некоторых библиотеках. Конечно, дело не в тех рукописных отделениях, которые издавна существуют при известных библиотеках, и не в том, будут ли они теперь пополняться, или нет; мне хотелось бы указать на некоторые библиотеки, которые возникают при теперешних новых научных учреждениях,

напр., при провинциальных университетах. Мне известен один университет, который задерживает у себя архивный фонд, относящийся к концу XVIII столетия, и, повидимому, не предполагает с ним расстаться. Часть такового же фонда находилась при другом университете, что мне достоверно известно. Таким образом получается распыление одного фонда между библиотеками 2-х университетов. Должен сказать, что этот архивный фонд, поступивший в новый университет, никакого отношения к составу библиотеки не имеет. Я и думаю, что если будет сделано соответствующее распоряжение, и оно будет обязательно не только для нас, но и для других государственных учреждений, тогда будет положен конец собиранию и хранению архивного материала теми учреждениями, которые этим не должны быть заняты.

В. М. Корнеева (Саратовское губархбюро). Тов. Канатчиков указал, что Истпарту приходится заниматься собиранием материалов по истории революционного движения, но эти материалы трудно извлечь. Редко где они сохранились, и поэтому нам приходится пользоваться репродукциями, и, главное, я бы сказала, что для Истпарта есть во многих губархах ценные материалы, т.-е. материалы б. жандармских управлений, которые могут дать многое по истории рев. движения в той или другой области и т. д. Почему бы Истпарту находящиеся, положим, при губернской единице эти материалы целиком не использовать? Но Истпарт по временам занимается не теми функциями и непременно претендует на первенство хранения архивных материалов. Вот в этой области Истпарту нужно сделать соответствующее разъяснение, каковы функции его отделов, чем они должны заниматься? Иногда истпартотдел заявляет, что необходимо у него брать разрешение на право работы по архивным материалам губархива. Позвольте, у нас тоже есть по этому вопросу руководство, полученное от Центрархива, кого мы должны допускать и каким порядком допускать к пользованию архивным материалом, т.-е. для извлечения ценного архивного материала.

Тов. Канатчиков сказал, что истпартотделам трудно приступить к издательской работе, в виду их материальной необеспеченности. Я иначе смотрю на это. Средства извлечь они могут от государственного издательства, печатая важные материалы, хотя бы в сыром виде, там, где нет ученых сил для обработки их. Какое-нибудь учреждение может дать 2 — 3 сотни рублей. От изданий будут оставаться средства, и они пойдут на дальнейшую обработку материала.

Попутно я скажу относительно музеев революции. Музеи приходят в архив и берут архивные материалы или карточки б. политических ссыльных. Карточка находится в единственном экземпляре в деле. Они извлекают прокламацию, листовку, которые тоже находятся в единственном экземпляре, и тащат в музей. Нельзя из архива тащить материалы, которые имеют веществен-

ное доказательство и находятся при деле соответствующего лица в единственном экземпляре. Фотографические карточки являются важным материалом и по воспроизведении лишь можно отдавать их в музеи. Товарищ Канатчиков говорит, что у многих архивистов такая тенденция, что они хотят собирать материалы и складывать, чтобы они лежали. Я полагаю, что у архивистов таких тенденций нет. Материалы собираются для того, чтобы они были говорящие, а не лежащие. Но архивы должны находиться в ведении архбюро.

Р. Я. Озолин (Самарское губархбюро). Товарищи, той разрозненности, которая существовала до сего времени в сохранении архивных фондов, настоящий съезд должен положить конец и, таким образом, стать на твердую почву, именно на ту, которая проводится через ЕГАФ. Но есть в работе неясность, потому что профсоюзные организации хотят организовать свои архивы, военные — свои, партийные — свои и т. д. И у нас не получается единства.

Относительно взаимоотношений с научными учреждениями я думаю, что перед тем, как говорить об этом вопросе, нужно принципиально решить вопрос о том, как практически дать возможность разрабатывать архивные материалы с научной стороны. Установить теснейший контакт между тремя единицами, которые сейчас перед нами выступали: с одной стороны, архив, с другой стороны — музей, и с третьей стороны — Истпарт. Здесь должно быть установлено полное единение. Если будут 3 различных управления, то получится то, что и там и тут будут собираться материалы, но пользы не будет никакой. Об этом как раз говорил т. Канатчиков, что в одном месте Истпарт является старшим, в другом — заведующий архивом старшим, в третьем — одно лицо является заведующим двух учреждений.

Относительно привлечения молодежи к архивной работе этот вопрос тоже нужно тщательно рассмотреть, в каком порядке молодежь можно привлекать и каким образом они могут разрабатывать эти материалы. В Нижнем-Новгороде, о чем нам сейчас представитель сказал, молодежь вовлечена в работу, но в других местах молодежь не вовлечена и даже не выработана форма вовлечения. Учащиеся неопытны. Когда вы предоставляете им материал, то они не знают, что с ним надо делать. Разработку материалов нужно вести под руководством учителя или профессора, иначе учащиеся могут по 10 раз копаться в материалах, и пользы не будет. Нужно добиваться того, чтобы извлеченные материалы и исторические очерки они оставляли в архиве для дальнейшей работы, чтобы в том случае, когда придет другая группа учащихся, можно было бы ей не копаться в материалах, а прочесть готовые очерки и в своей работе итти дальше. Я полагаю, что нужно установить самый теснейший контакт со всеми этими учреждениями, и съезд в резолюции должен отметить, чтобы каждый, при-

ехав на место, руководствовался этим и работал по единому плану.

С. К. Богоявленский (Центрархив). Я просил слово по одному техническому вопросу, который возникает в связи с теми докладами, которые мы сегодня прослушали. Мы слышали очень обстоятельный доклад представителя Истпарта, доклады представителей Музея им. Ленина и Музея Революции и в этих докладах мы слышали о том, что Центрархив должен так или иначе помочь по своей специальности этим учреждениям. Несомненно, это обращение вполне законно, но в настоящее время выполнить его в некоторых частях, мне кажется, представляется весьма затруднительным. Мы очень хорошо знаем, при какой степени влажности надо держать старую тряпичную бумагу, как нейтрализовать старые чернила, чтобы они не разрушали рукописи, но относительно новых материалов, по правде сказать, мы ничего не знаем. Эти материалы написаны на бумаге иной консистенции, чем прежняя, написаны на древесной бумаге и чернилами нового состава. Как сохранить эти новые материалы, мы еще не знаем. К сожалению, опыт западно-европейских стран не дает нам в этом отношении ничего поучительного, а между тем необходимо так или иначе поставить этот вопрос относительно консервации рукописей, так как часто ценные документы, написанные в пылу бурного периода, состоят из клочков бумаги, весьма плохого состава, написаны чернильным химическим карандашом, который, как известно, очень быстро выцветает. Я думаю, что многие видели белые листы бумаги, на которых некогда что-то было написано химическими чернилами или химическим карандашом. Для того, чтобы так или иначе ответить на вполне законные запросы различных учреждений, нам надо произвести очень большую и сложную работу. В результатах этой работы заинтересовано очень много учреждений, у которых есть писанные или печатные материалы. Между прочим в учреждениях сохраняются газеты, которые имеют очень большое значение в настоящее время, как один из важных материалов, и надо подумать о том, чтобы сохранить эти газеты. Если мы их оставим на произвол судьбы, то от современных газет через 3 — 4 года не останется почти ничего. Надо так или иначе установить, какими средствами мы можем консервировать весь этот новый материал. Авторитетный голос настоящего собрания, мне кажется, мог бы поднять вопрос о необходимости учреждения архивных лабораторий. Конечно, такая лаборатория требует затрат значительных средств, приглашения специалистов по химии и другим дисциплинам, но я думаю, что настолько много учреждений заинтересовано в успешном ходе работ такой лаборатории, что голос съезда относительно необходимости ее учреждения найдет свой отклик.

А. Е. Тихонов (Новгородское губархбюро). Я, товарищи, заведывающий архивом, Истпартом, Истпрофом и музеем револю-

ции. Не подумайте, что я таких универсальных знаний человек. Я просто дисциплинированный член партии. Если наша партия выбросила лозунг «лицом к деревне», то нужно из города прислать к нам работников, чтобы не было таких ненормальностей. Остановлюсь, главным образом, на взаимоотношениях. Я еще только три месяца работаю, но в процессе работы мне уже пришлось столкнуться с некоторыми недоразумениями. Приходится указать, что у нас от Центрархива имеется распоряжение изъять то-то и то-то. Случайно узнаешь, что в одной из волостей есть ценная библиотека бывшего помещика Муравьева, потомка будто бы декабристов. Едем обследовать. Оказывается, что там имеются две библиотеки, и у одного из владельцев Муравьевых на руках имеется охранная грамота от Главнауки. Тут уж приступать к обследованию нечего. Библиотека лежит в ящиках, она научным материалом не служит, но раз имеется охранная грамота, то брать на учет ее нельзя. Другой помещик сам выразил желание, чтобы губархив изъял часть ценного материала из библиотеки, состоящей из 5 — 6 тысяч экз. Материал, конечно, современный, но есть и архивный материал. Поехали, взяли на учет. Действительно, есть ценный материал по истории польского восстания 1863 года; есть книги на английском, французском и др. иностранных языках. Едем обратно, идем в губисполком получить мандат на изъятие. (С губполитпросветом договорились о том, чтобы изъять эту библиотеку и распределить, что для архива, что для губернской центральной библиотеки, что нужно отправить в центр, что нужно отправить в Ленинград.) Оказывается, что этот Муравьев, который нам сказал, что библиотеку могут расхитить и что ее нужно изъять, уже съездил в Москву и упросил, повидимому, Наркомпрос, т. к. губисполком получил бумажку о том, чтобы не прикасаться к его имению, покуда не разрешится вопрос во ВЦИК'е, а между тем весь материал находится в деревянном здании, в нижнем этаже, всегда подвержен расхищению, огню и чему хотите. Тут мне думается, что Центрархиву с Главнаукой нужно договориться по этому вопросу.

Теперь относительно Наркомпути. У них имеются архивы по железнодорожным станциям. Мы хотим эти архивы сосредоточить в своих актохранилищах. Оказывается, у них есть распоряжение управления Окт. ж. д., что архивы эти не подлежат изъятию в Центрархив. Но мы видим, что архивы продают, их расхищают, уничтожают, а мы предотвратить это явление никаких прав не имеем. Я пишу в управление жел. дор., и мне отвечают, что сейчас не закончены переговоры с Центрархивом.

Есть у нас музей Передольского. Там есть архив Аракчеева, очень ценный, который необходимо было бы изъять. Когда я принял архив и узнал, что он числится у нас на учете, то хотел взять его в наше центральное актохранилище, но оказалось, что у владельца имеется охранная грамота, оставлен ему архив до

1925 года, якобы Передольский разрабатывает какой-то научный труд. Передольский состоит лектором Ленинградского университета. Архив оброс пылью, запущен, и Передольский сам говорит, что он два года не прикасался к архиву. Тут тоже перед нами выплывает какая-то ненормальность.

Руководящих циркуляров со стороны Центрархива мало было. Когда я принял архбюро от моего предшественника, то ознакомить меня с работой, по некоторым обстоятельствам, он не мог. Я ищу разных циркуляров, копаюсь. Есть циркуляры от 1921 г. до 1924 г., но в них руководящих положений и указаний очень мало. Запрашиваю Центрархив, который отвечает: посмотрите такой-то циркуляр. Нашел циркуляр 1922 г., но и там ничего ясного нет. Со стороны Истпарта, действительно, руководящая линия была. Там есть руководящие указания, присылается литература; но ведь мало иметь руководящие указания, надо их проводить в жизнь, вот тут-то и беда: один заведующий Истпартом при других совместительствах не может проводить работу плодотворно, ему необходима помощь губкома, но губком уделить много внимания этой работе не может, — он является лишь передаточной инстанцией между Истпартом ЦК и Истпартом своим, а этого мало. Только когда губисполком с одной стороны, а губком — с другой, изменят свой взгляд на архив и Истпарт, т.-е. не будут смотреть на эти учреждения, как на что-то второстепенное, вернее, последнестепенное, а примут в работе их живейшее участие, — только тогда деятельность означенных учреждений будет плодотворна и окажет большую услугу в деле социалистического строительства.

Относительно Музея Революции предшествующий товарищ указывал, что все экспонаты, хотя бы и музейного характера, хранить в архиве (например: картины, диаграммы, фотографии и т. д.). Зачем это нужно? Может быть, в течение 10 лет все это к изучению и не потребуется, а если эти экспонаты будут находиться в Музее Революции, то по ним можно изучить историю революционного движения, и этим мы воспользуемся.

Я думаю, что связь между этими организациями необходима, но только связь не в одном лице, как, например, я, а связь между учреждениями, между их работой.

Б. М. Я р о в-Ю ж и н (Орловское губархбюро). После большого ряда выступлений мне приходится быть конкретным в ряде таких вопросов, которые все-таки недостаточно освещены. Прежде всего, нужно в законодательном порядке провести вопрос о разграничении сфер деятельности между архивными органами и научно-общественными организациями. В связи с этим вопросом съезду нужно одновременно сказать, что правила об архивных материалах должны распространяться и на специальные хранилища, например, музеи Пушкинский, Тургеневский и т. д. Нужно подтвердить, что эти хранилища с точки зрения истории явля-

ются временными и что вопрос об учете архивного материала в них должен быть разработан в соответствии с общими положениями в работе архивных органов. Затем нужно определить право коллекционирования документов частными лицами. В том случае, если он будет разрешен положительно, — я думаю, это в известной мере будет верно, — мы этим достигнем роста интереса к архивным документам, к собиранию, коллекционированию их отдельными работниками (партийными и беспартийными).

Я вполне согласен с тов. Канатчиковым, что и такое положение не совсем нормально, как у нас, где заведывающий политсекцией является заведывающим Истпарта. Такое совмещение, очень выгодное для губархива формально, фактически очень мало дает. Правда, мы достигли в одном отношении определенных результатов, выпуская примерно через месяц достаточно толстый сборник под заголовком: «Пытки в царской тюрьме», — по материалам Орловского централа.

Приветствую тов. Адоратского в том, когда он говорил, что мы не только склад архивных материалов и документов. Я вчера в своем выступлении как раз об этом-то и говорил. Работу по разработкам нам надо поставить под углом привлечения общественности. Я вчера привел примерную программу работ, а выступление сегодня ряда товарищей подтвердило мою мысль.

Тов. Канатчиков заявил, что мемуарных материалов по истории партии и рабочего движения у нас слишком мало. Я считаю, что Истпарт и даже ЦК партии должны этот вопрос поставить ребром. Ведь нужно признать, что из рядов старой партийной гвардии из года в год выбывают многие. Нужно теперь же подумать о том, чтобы заставить этих товарищей написать мемуары. Тов. Корнеева не права в заявлении, что у нас документов архивных хватит. У нас слишком много моментов в прошлой борьбе, не отраженных документами и которые теперь нужно зафиксировать. Это важная задача момента. Хотя товарищи, о которых идет речь, заняты другими ответственными работами, но можно оторвать их на время от работ и заставить написать мемуары и книжки, по которым будут учиться поколения.

Товарищи из Центрархива затронули технические вопросы о сохранении документов. Тут что-то нужно сделать.

Укажу на скверную привычку у отдельных работников, главным образом из ответственного состава — писать резолюции на самом тексте, вследствие чего нельзя разобрать не только резолюции, но и текст бумаги. Писать надо на отдельных записках или на свободных местах этих листков.

Затем о музеях и выставках. Я считаю, что музеи и выставки надо организовать. Материальная база будет крепче, если они будут при исполкомах на местах, а в центре при ВЦИК'е, но практически это неосуществимо. У нас в Орле при губархиве

имеется 2 музея — Историко-Революционный музей и Постоянная Архивная выставка. Провести грань между ними не так трудно. Музеи должны принять краеведческий уклон по понятным условиям. На месте мы такой уклон музею уже придали.

М. А. Ленский (Тверское губархбюро). Мне кажется, что здесь в работе Центрархива с ведомственными учреждениями наблюдается какая-то неувязка. Здесь говорили об издании дополнительных узаконений, распоряжений, о кодификации узаконений. Но существующие узаконения достаточны и не следует подвергать их никаким уточнениям, никакой кодификации. Они ясно говорят о создании единого государственного архивного фонда для научных разработок как силами Центрархива, так и научными, политическими и профессиональными организациями. Опасения товарищей ведомственников, что с передачей архивных материалов органам губархбюро они лишатся возможности их использования, — не верны. Параллельно создавать архивы ведомственные нецелесообразно. Правда, здесь ряд ораторов высказывался за то, что аппарат губархива не в состоянии предоставить для научной разработки архивные материалы, за отсутствием должного штата сотрудников, могущих привести в должный порядок эти материалы. Можно сильно сомневаться в том, сумеют ли использовать ведомственные учреждения свои архивы при том положении вещей, в каком они сейчас находятся? Я скажу, что нет, потому что ведомственные архивы находятся не в надлежащем месте, хранение их случайное, кое-как и кое-где, и очень часто в помещениях, угрожающих хранению самих архивных фондов, очень часто в деревянных помещениях — и документы растаскиваются. У нас в Твери был ряд хищений архивных материалов из ведомственных актохранилищ, в виду отсутствия надзора, а ведомственные организации толкуют так: мы не сдаем архивных материалов, потому что мы сдаем их своему центральному ведомству. В виду этого наблюдается на местах картина, что представители ведомства или руководители учреждений или предприятий, пересылая свои архивы в центр, жалуются на то, что с передачей архивных материалов ведомственным центрам они будут лишены возможности иметь под рукой необходимые материалы для работы. Позвольте спросить, какая разница для учреждений и ведомств, будут ли их архивные материалы храниться в губархбюро, или в ведомственных архивах на местах? Они всегда могут быть предоставлены для пользования всем научным организациям и ведомствам в любое время. А распыляя этот материал по ведомственным архивам, мы этим самым лишаем научные организации возможности использовать этот материал на месте. В губархивах часто ведут работу научные организации, например, учебные заведения посылают своих студентов, давая им определенное задание. Но материалов этих в губархивах не оказывается, они распылены по ведомственным архивам.

В отношении военного ведомства также нужно сказать, что последнее также не сдает архивных материалов в ЕГАФ, и материалы расхищаются и гибнут. Здесь один из тт. указал, что нужно дать конкретное указание ведомствам о том, где класть резолюции на документах, но, тт., это не наша компетенция. Что касается критерия разграничения материала между музеем и губархивом, этот критерий, по-моему, ясен, его нужно только узаконить. На местах приходится часто сталкиваться с таким явлением, когда нет определенных конкретных указаний на этот счет, а губмузей оспаривает материал у губархива, указывая на то, что этот материал подлежит ведению музея, и, не имея на это конкретных указаний, приходится пасовать, потому что доказать логическими доводами слишком тяжело. Еще кратко я хотел коснуться вопроса о непроизводительном расходовании тех средств, которые затрачиваются ведомственными архивами. Доводы учреждений, что у Центрархива нет средств, а поэтому вы не можете привести в должный порядок архивы, а мы, мол, имеем их и лучше сохраним материалы, не верны. Это те же государственные средства, на которые живут и Центрархив, и губархбюро, и ведомства. Вместо того, чтобы распылять по мелким хранилищам и разбивать архивные фонды, не лучше ли было бы эти мелкие архивные единицы концентрировать в одном месте?

Председатель. Тт., позвольте просить вас выяснить, как мы поступим в дальнейшем с нашим заседанием. Никаких указаний относительно сокращения времени ораторов или о прекращении записи ораторов не поступало, а положение таково. у нас записано еще 8 ораторов. Значит, мы обеспечены временем на 80 минут, т.-е. 1 час 20 минут, потом заключительные слова. Сегодня, следовательно, нам придется просидеть часов до 4-х. Товарищи, вероятно, согласятся со мной, что растягивать дальше прения еще по вчерашним докладам не следует, т. к. это сулило бы 10-дневное существование нашего съезда. Предложение президиума таково: прения во что бы то ни стало по тем докладам, которые были заслушаны, сегодня кончить, хотя бы пришлось просидеть до 4 часов, а вечернего заседания не устраивать. Согласно собрание с таким порядком? Есть предложение закрыть список ораторов? Возражений нет? *Принято.*

А. П. Симанов (Вотское облархбюро). Докладчик от Истпрофа между прочим сказал, что проф. архивы нужно выделить, но я думаю, что у нас нет стольких опытных работников. Центрархив должен дать соответствующее разъяснение на места относительно связи с Истпрофом. Так как мы этого указания от Центрархива не имеем, то на местах очень трудно вести работу. Относительно взаимоотношений с Истпартом тоже нет никаких указаний от Центрархива. Тт., выступавшие от Москвы, говорили, что у нас на местах за архивами очень плохо смотрят. На это нужно сказать, что, б. м., здесь в центре имеются хорошие помещения для

архивов, но в провинции их нет. Актохранилищ у нас почти совсем нет. Приходится хранить в подвалах.

Председатель. Позвольте еще раз поставить вопрос. Если собрание утомлено, то можно сократить время ораторов до 5 мин. или совсем прекратить прения. Предложение такое: ораторам дать по 5 мин., за исключением двух: представителя Главнауки и представителя Центрархива, которым предлагается дать по 10 мин. *Предложение принимается.*

И. П. Миров (Вятское губархбюро). Товарищи, основной вопрос всех предыдущих докладов и всех предыдущих прений, это вопрос о взаимоотношениях архивных учреждений с научными учреждениями, и нужно заметить, что этот основной вопрос является больным, особенно для провинции, для губерний. В провинции научные учреждения и губархивы в большинстве случаев ведут работу несогласованно. Договоренности нет. Сошлюсь на вятский пример. Был такой факт. Когда Истпарт, вполне естественно, интересовался пребыванием т. Воровского в Вятской ссылке, в это же самое время этим же вопросом заинтересовался и один работник архивного бюро. Когда пришлось сличить заметки обоих, то оказалось, что эти заметки, как составленные на основании одних и тех же архивных документов, почти дословно повторяют одна другую. Ясно, что такой параллелизм в работе в наших условиях является неоправдываемой роскошью.

Далее, целый ряд архивных документов и у нас в Вятке и в других губернских городах находится отчасти в музеях и отчасти в библиотеках, и мы, таким образом, имеем здесь полное смешение понятий о работе, о содержании и объеме работы каждого учреждения в отдельности. Этот дефект нам нужно как-то изжить. Но в этом, пожалуй, винить места особенно не приходится, потому что такая недоговоренность и несогласованность имеется и в центре. Отсюда понятно, что центральные учреждения не могли дать своим местным органам руководящих в этом отношении циркуляров или распоряжений. Возьмите архив Октябрьской революции. По линии Центрархива мы имеем распоряжение собирать вещественные памятники, относящиеся к периоду Октябрьской революции, и таким образом организовать нечто в роде отдела вещественных памятников Октябрьской революции, или то же, что музея. Можно привести и другие примеры. Такая несогласованность является большим тормозом в нашей работе, кроме того, что она дает тот параллелизм, который на местах наблюдается. Этого не должно быть и это должно быть непременно изжито, начиная с центра. Я думаю, что центральные учреждения должны определенно договориться о содержании и объеме работы каждого учреждения, так сказать, совместно регламентировать содержание и объем этой работы и уже в регламентированном виде предложить к руководству местам.

М. Н. З а я ц (Истпроф ВЦСПС). Товарищи, я хотел остановиться на двух моментах, о которых тов. Милонов забыл сказать и которые представляют некоторый интерес для архивистов. Я говорю о нашей работе по классификации материалов в союзных архивах и об обследовании архивов дореволюционных. Истпрофом была проделана работа не только по собиранию материалов, но и по разработке их на вполне научных основаниях. Была поставлена задача выработать единый классификатор для всех архивов. Эта задача не могла быть выполнена, потому что мы сразу приступили к выработке единого архивного классификатора для всех союзов. Пришлось пойти по другому пути, пришлось разрабатывать классификаторы по отдельным ЦК профсоюзов. Большинством ЦК такие классификаторы были составлены. А потом была сделана попытка сведе́ния отдельных классификаторов для создания единого классификатора для всех союзных архивов. Конечно, эту попытку нельзя считать вполне удачной, потому что эта работа оказалась такой сложной и трудной, что сделать ее, хотя бы в течение полугода, — в течение какового времени комиссия вела эту работу, — было почти невозможно. Мы захватили период, начиная с 1917 года, и вложить в определенную систему все те проблемы, которые почти ежедневно возникали и выдвигались революцией, было довольно трудно. Кроме того, перед нами стояла задача вложить в единую систему не только материалы, начиная с 1917 года, но и материалы, относящиеся к профессиональному движению дореволюционного периода, одним словом, охватить архивный материал всех периодов и вложить в одну классификационную систему. Некоторые контуры в этом отношении у нас наметились. При ВЦСПС имеется такой классификатор, который удовлетворительным не может считаться, но дает некоторые пути, некоторые указания, как разрабатывать такой классификатор. В данном случае мы хотели бы от архивных работников следующего: так как материалы дореволюционные сосредоточены, главным образом, у вас и выявлять эти материалы и их содержание можете только вы, то вы могли бы оказать нам содействие в создании единого классификатора.

Теперь я перехожу к вопросу об обследовании архивного материала. Просматривая материалы, мы не только стараемся обращать внимание на содержание архивов, но и делаем то, чего вы, может быть, по некоторым финансовым или другим причинам не можете сделать. Делая обследование материалов, мы составляем по ним карточки, эти карточки мы классифицируем по определенным проблемам и таким образом стараемся приблизить материал к читателю, интересующемуся профессиональным движением, исходя из научных методических соображений. Тов. Адоратский в докладе этот вопрос рассматривал в плоскости чисто технической, он говорил о том, как организован читальный зал, какими чисто техническими методами приблизить материал к читателю.

Между тем всякий знакомый с архивами знает, что «дело» само по себе ничего не говорит, что иногда заглавие совершенно не соответствует содержанию материала, так как эти заглавия составлялись по чисто полицейским соображениям. Поэтому мы в настоящее время, просматривая дела ваших архивов, составляем по ним карточки; кроме того, мы составили подробную инструкцию по обследованию архивов, с которой просили бы архивистов ознакомиться, потому что только в контакте с Центрархивом может быть создана более или менее совершенная система карточек. На места разослана эта инструкция. Мы имели сообщение, что Ленинградский совет приступил к систематическому обследованию архивов с целью выявления материалов профдвижения по нашей инструкции. Какие будут результаты, — мы тогда можем сообщить Центрархиву, который может их опубликовать. Далее, в самом Центрархиве намечаются те пути, которые могли бы помочь выявлению этих материалов. По инструкции, данной Центрархивом, все материалы, которые извлекаются из архивов, оставляются в Центрархиве в копиях. Таким образом те материалы, которые мы извлекаем систематическим обследованием, могут помочь выявлению этих материалов, обработке их с точки зрения классификации и пользования ими. Я думаю, что в этом отношении нужно установить известные взаимоотношения между архивными работниками, истпартами и истпрофами, для создания справочной картотеки. Это могло бы очень облегчить те затруднения, которые у вас возникают в зависимости от финансовых условий. Теперь, по поручению тов. Милонова, я хочу ответить на те записки, которые были ему поданы и которые касаются архивной работы, которую я веду в Истпрофе, а именно, как организованы на местах наши союзные архивы и достаточно ли имеется указаний по сохранению этих материалов? Что касается указаний, то мы издали циркуляр за подписью президиума ВЦСПС, и, кроме того, в целом ряде статей в «Вестнике Труда» и «Труд» разбирались эти вопросы. Развивалась мысль, что необходимо сохранять эти материалы, говорилось о ценности этих материалов. Теперь, как организованы на местах союзные архивы? Строение наших архивов предопределяется организационной структурой профессиональных союзов. В некоторых местах архивы сосредоточены при ВЦСПС, но мы стараемся создать архивы на секционных началах, с тем, чтобы были обеспечены интересы губотделов.

С. Г. Григоров (Главнаука Наркомпроса). По таким двум большим докладам в течение 10 минут, конечно, трудно обосновать право музейных и научных учреждений на некоторые архивные материалы, в которых эти учреждения крайне заинтересованы. Поэтому мне придется только осветить несколько моментов, которые могли бы уяснить вопрос о взаимоотношениях между музеями и архивами с одной стороны и между библиотеками и архивами, с другой. Но прежде всего мне хотелось бы обратить внимание на

то, что в тех докладах, которые были прочитаны здесь тт. Маяковским и Адоратским, вопрос о взаимоотношениях между учреждениями и архивами был намечен лишь в области разграничения отношений между этими учреждениями и остались в тени те стороны работы вышеуказанных учреждений, которые трудно разграничить в силу того, что имеются некоторые общие задачи и цели, в смысле изучения тех или иных материалов. Форма взаимоотношений, указанная в обоих докладах, сводилась к тому, что представители научных учреждений или сотрудники музеев должны пользоваться открытым залом для чтения этих документов, но не указывалось, что некоторые документы по существу являются трудно отделимыми от материальных памятников или печатных произведений. Я не буду долго останавливаться на том факте, что рукописи художественные, научные и другие, которые создаются в процессе научной работы или художественного творчества, представляют собою, но далеко не всегда, самостоятельно ценные материалы: они ценны постольку, поскольку они связаны с другими материалами, например, художественные — поскольку они разбираются совместно с печатным произведением. Ведь по существу между рукописью художественной и печатной книгой протекает еще процесс печатания. В процессе печатания эта рукопись изменяется и нельзя поэтому изучать рукопись, не видя перед собою того издания, в которое превратилась эта рукопись. Таким образом, хранение и изучение в центральном хранилище рукописи, не имея одновременно и серии изданий этой рукописи, довольно бесцельно. Приходится все равно их изучать совместно с этими изданиями. Вот почему в конце-концов организуются не только библиотеки с рукописными отделениями, но и специальные литературные музеи, как, например, знаменитый Пушкинский дом, где имеются рукописные, эпистолярные, иконографические материалы и печатные произведения. Организация подобных учреждений есть известный прогресс в области изучения произведений художественной литературы, а не регресс, и если из них изъять все рукописные и эпистолярные материалы, то, в сущности говоря, работа по изучению литературных произведений, естественно, нарушится, просто уничтожится, это будет опять-таки регресс. На этом я не буду долго останавливаться, так как в центре это принимается во внимание Центрархивом, но такой спор происходит, однако, в провинции, и у меня есть факты. Например, в Орле поступили требования об изъятии из Тургеневского музея некоторых литературных материалов. Я остановлюсь более детально на тех недоразумениях и спорах, которые, естественно, возникают по отношению к архивам тех учреждений, которые, сами по себе являясь памятниками материальной культуры, в то же время обладают богатыми собраниями архивных материалов.

Я хотел бы остановиться на вопросе о монастырях, дворцах и усадьбах. Мы знаем, что в монастырях имеются ризницы, которые хранили богатейшие коллекции вещественных памятников. В сущности говоря, с точки зрения истории развития музеев ризница представляет собою одну из форм музея, который был связан обрядами с задачей охраны памятников искусства и быта церковного. Изъятие архивов из такого рода музеев разрывает связь между вещественными памятниками и их описями, которые существуют нередко в нескольких вариантах, начиная с древнего времени до текущего момента. При таком положении изучение самых вещей от этого не только проигрывает, но становится невозможным. Значение архивного документа, значение архивной описи без соответствующего вещественного памятника в большинстве случаев совершенно теряется. В этом смысле отъединение архивных документов от самых вещей, с точки зрения научного исследования, есть регресс, а не прогресс. Раньше, когда ризница не была отделена от рукописных материалов, научные работники имели возможность, занимаясь исследованием вещественных памятников, пользоваться также данными рукописных материалов. Этот вопрос не только в том, что неудобно изучать вещественные памятники в одном месте, а затем ходить в архивохранилище для изучения документов. Дело в том, что процесс изучения какой-нибудь вещи должен происходить путем постоянного сличения архивных материалов с вещественными памятниками, и это сличение делать трудно при разобщении тех и других, приходится отказываться от частых повторных исследований, а от этого страдает работа. Выходом из этого положения явится только скорейшее опубликование соответствующих архивных документов. В случае изъятия архивных документов возникает необходимость скорейшей переписки (дублирования) документов, ибо без этого работать над материальными вещественными памятниками невозможно. Еще сложнее вопрос об изъятии целиком архивов из дворцов и усадеб. Изъятие целого ряда старых архитектурных чертежей, заметок архитектора, относящихся к самым зданиям, которые возможно разобрать только на месте, обозревая здание, изъятие такого рода документов из дворцов и усадеб приведет к тому, что всякая научно-исследовательская работа в них приостановится. Приостанавливается реставрация внутренней обстановки, процесс изменения которой отражался в описях. Подобные описи обычно составлялись в моменты передачи от одного управляющего дворца или усадьбой к другому управляющему дворца. Эти описи являются ценнейшими материалами для того, чтобы расставить обстановку соответственно той или иной эпохе. Спять-таки изъятие подобных документов из дворцов или усадеб поставит в тяжелое положение научно-исследовательские работы, а между тем изучение вышеуказанных документов вне дворцов в значительной степени теряет всякий смысл, ибо, не видя

вещей, нельзя разобраться в подобных описях. Я, за краткостью времени, указал только на отдельные моменты, которые показывают, насколько сложно практически наметить такого рода разделение архивных и музейных материалов и теоретически трудно его обосновать. Ибо, если, например, музей заводит новый инвентарь научных коллекций, то что же, старый инвентарь он должен отправить в архивохранилище? Нет, конечно, нет, он должен образовать у себя свой музейный архив, в котором старая инвентарная книга будет определяющим вещи документом, к которому научный работник будет не раз подходить и не раз пользоваться. Это относится ко всем музейным учреждениям без исключения. Еще на одну сторону музейной работы я хотел бы обратить внимание. Есть определенного характера рукописные материалы, которые теперь более передовые музеи, рассматривающие себя как научные исследовательские институты, накопляют у себя, так, например, заметки и дневники тех научных работников, которые собирали коллекции данного музея. Дневники раскопок, конечно, можно сохранять рукописно только там, где имеются соответствующие вещественные материалы коллекции, а если их отъединить, то от этого теряют свое значение самые дневники и научное значение соответствующие коллекции. Следовательно, не все рукописные материалы, как это говорил тов. Маяковский, должны быть сосредоточены в архивохранилищах. Нужно подойти осторожно к этому вопросу, теоретически достаточно сложному. Нужно найти такие теоретические обоснования архивного и музейного материала, которые бы позволили без ломки учреждений, без задержки работы над научными материалами не архивного характера внутри научных учреждений более совершенно организовывать ту научную исследовательскую работу, которая сейчас налаживается. В этом отношении объединенная разработка архива и вещей — есть безусловно более прогрессивная форма научной работы. Мы можем видеть на практике, насколько, скажем, изучение вещей Оружейной палаты подвинулось за последние 7 лет оттого, что при Оружейной палате есть архив, достаточно богатый для того, чтобы осветить те вещи, которые там находятся, и одновременно, сколько приходится сил Оружейной палате тратить на то, чтобы посылать в Центрархив для выписывания недостающих сведений из материалов Центрархива для того, чтобы осветить ту или иную вещь, ибо приходится делать несколько поездок по одному вопросу. Поэтому изъятие архива из музея очень задержит работу, поставит изучение вещей в условия методологически менее благоприятные.

Теперь я хотел бы остановиться на вопросе о выставке архивных материалов. Тов. Маяковский в своем докладе развивал мысль о том, что нужно строить свои собственные музеи при архивах. Я бы сказал, что это не решение вопроса об использовании с просветительными целями архивных материалов, потому

что архивные документы будут при таком положении разъединены с вещами, и тогда будут только ослабляться значение и смысл вещей и в то же время ослабляться впечатления от архивных документов. Скажем, выставленная дворянская грамота, без изображения других прерогатив дворянского сословия, теряет на три четверти свое значение. Таким образом, вопрос о выставке архивного материала нужно решить или таким образом, чтобы их совсем не выставлять, если заботиться об их сохранности, или, если выставлять, то совместно с вещественными материалами, так как они друг друга дополняют и дают выставке больше цельности и яркости. В этом отношении надо быть последовательным. Если, действительно, архивные материалы гибнут при выставке, то их не нужно нигде выставлять. Если же они не гибнут при выставке в архиве, почему же они должны гибнуть при выставке в музее? Вот те, собственно, соображения, которые я хотел бы дать по поводу этого доклада и сказать, что это резкое разделение в вопросе о взаимоотношениях музея от архивохранилищ, письменных от вещественных материалов является сложным вопросом, который не может быть разрешен простой формулой: рукописные материалы — в одни учреждения, печатные — в другие, вещественные — в третьи. От этого потеряют все три рода материалов, а учреждения не выиграют ничего.

Н. Н. Бакай (Томское губархбюро). Одно обстоятельство заставило меня принять участие в прениях по музейному вопросу в связи с архивами. Перед самым моим отъездом из Томска на съезде при музее с краеведческим уклоном образовалось «Общество изучения Томского края». Это общество ввело в свой устав пункт, по которому собирание и хранение архивных материалов предоставлялось музею. Я указал на противоречие в данном случае этого устава с теми распоряжениями, которые мы имеем от Центрархива. Тем не менее пункт этот устава прошел, может пройти и в других городах и уездах Сибири, что осложнит дело собирания рукописей органами губархбюро. И в этом отношении мое мнение таково: должно быть дано распоряжение, что право собирания и хранения рукописей принадлежит только губархбюро, ибо сибирские музеи, ни губернские, ни уездные, решительно не располагают средствами и силами, если не для собирания, то для описательной работы. Технического аппарата для описательной работы у них нет.

В библиотеке Томского университета хранятся ценнейшие рукописные материалы, именно очень много биографического характера писем и этнографических материалов известных этнографов, историков и публицистов Сибири, Потанина, Ядринцева и Наумова. Мне удалось рассмотреть весь этот материал, когда я состоял в качестве ученого секретаря при Институте исследования Сибири. Материал ценнейший, не вполне описанный и совершенно не систематизированный. Часть этого материала в подлинниках хранилась при кабинете географии универси-

тета. Какая связь в данном случае этих ценнейших материалов литературного и исторического характера с кабинетом географическим при университете? Необходимо объединить подобного рода материалы в губархбюро, ибо у меня на основании 30-летнего наблюдения сибирской жизни есть опасение, что распыление материалов ведет очень часто к их уничтожению. Хранение этих материалов не должно быть даваемо таким учреждениям, как географические кабинеты. Если же хранение материалов литературно-исторического характера уже допущено в библиотеке Томского университета, то необходимо поставить условие, чтобы эти материалы не лежали бы там в течение целых годов под спудом, благодаря чему не были бы совершенно недоступны для исследовательской работы.

В настоящее же время этот богатый материал по оценке литературной и научной деятельности названных исследователей совершенно не поддается использованию.

Что касается Истпарта, замечу, что начиная с 1922 г., когда в Томске образовался отдел Томского Истпарта, заведующий Истпартом обратился в губархбюро с просьбою дать указания по этому совершенно новому делу. Губархбюро откликнулось на это охотно, устроены были совместные совещания, выработан был план работ, который утвержден был губкомом. Никаких шероховатостей во взаимоотношениях Истпарта и губархбюро нет. Мало того, Томский Истпарт выпустил 3 книги трудов, заключающих не только материалы, но и исследовательские работы. Они составлены при участии губархбюро, и там вы найдете три-четыре значительные работы, в том числе одна работа, посвященная Н. Г. Чернышевскому, по совершенно новым материалам, под названием: «К вопросу о последних днях Н. Г. Чернышевского в Сибири». По разыскванию материалов с Истпартом у нас тоже существует полный контакт.

Р. И. Войткевич (Ставропольское губархбюро). Товарищи, прежде всего обратите внимание на то кустарническое издательство, которым занимаются наши архбюро губернские и окружные. Слишком пестрое кустарничество. Но это пока что не наша главная задача. Главная задача архбюро губернских в сегодняшний день собрать весь тот распыленный материал, который имеется, и сохранить его. С этой точки зрения мы должны подходить к вопросу о взаимоотношениях с научными местными учреждениями. Не случайно тт. говорят относительно профорганизаций и относительно кооперации. Я приведу один яркий пример. Когда мне приходилось быть на губернской периферии, как это принято говорить, я зашел в районное профотделение и спрашиваю: где у вас архив? Позвольте, какой архив? А между тем они давно существуют, значит, архивом никто не интересовался и не думал о его сохранности. И это не исключение. Я знаю, что это во многих местах, и поэтому мы видим, что «патриотическая» точка зрения, на кото-

рой стоит ВЦСПС, это ошибочная точка зрения, как и все точки зрения, на которых стоят ВЦСПС, НКПС и целый ряд других организаций, они в корне ошибочны и, я бы сказал, даже не государственны, и вот на каком основании. Они построены на непонимании того, что у нас узаконено: все архивы сводятся в Единый Государственный Фонд, а из докладов явствовало, что пока общественное внимание не докатилось до архива и пока у нас нет ни материальных средств, ни живых научных людских средств, мы не можем, понятно, принять тот колоссальный архивный материал, который сосредоточен во всех этих организациях, мною перечисленных. Самарский представитель говорит, что нужно узаконить ЕГАФ. Закон о ЕГАФ есть, но почему мы его не исполняем? — потому что у нас нет ни средств материальных, ни людской силы, и т. д. и т. д. Вот это заставляет пока что держаться того положения, что архивы находятся временно в наркоматах и т. д. Но когда у нас будут людские силы и средства, тогда, понятно, мы все материалы сосредоточим в архивах, эти материалы систематизируем и дадим возможность научным организациям вести свою разработку.

Я подал записку представителю Истпрофа ВЦСПС, что они сделали в смысле охраны тех архивных ценностей, которые за время революции отложились на периферии? Он даже не ответил мне. Я вполне понимаю, почему он уклонился от этого ответа, — потому что они абсолютно не осведомлены, в каком состоянии находятся их архивы на периферии. Я думаю, что мы, архивисты, прежде всего и раньше всего заинтересованы в сохранении этого материала, потому что смешно было бы при нашей бедности в губерниях заниматься издательством, и я понимаю докладчика, который сказал, что издается много материалов и многие из них далеко не доброкачественные. Этому кустарничеству нужно пока что положить конец и не увлекаться этой работой там, где нет возможности. Наши высшие учебные заведения в недалеком будущем дадут строго научных, хороших марксистов, которые займутся разработкой этих материалов.

В. В. Максаков (Центрархив). Тт., Истпарт — это отдел ЦК партии по изучению истории партии и Октябрьской революции. Этим совершенно четко и ясно определяются его отношения к архивным учреждениям. Истпарт не есть учреждение, ведающее, скажем, даже архивом партии. Никаких иных архивов у него тоже не имеется. Работники Истпарта приходят в архив для того, чтобы изучать те документы, которые имеются там и которые им нужны для истории партии. И, следовательно, единственно о чем Истпарт просит наши архивы, это о том, чтобы они по возможности скорее дали Истпарту эти материалы. Ни Истпарт не может быть под архивом, как здесь говорили, ни архивные учреждения не могут быть под Истпартом, и в большинстве случаев этого и не

наблюдается. А если наблюдается, то это изживается и, вероятно, очень скоро изживется. Здесь уже говорили о том, что необходим какой-то контакт в этой работе. Я думаю, что контакт между Истпартом и архивными нашими учреждениями должен быть тесным. Кое-где этот контакт выражается в форме взаимного представительства. Представители архивных учреждений работают в Истпарте, и представители Истпарта работают в архивных учреждениях. Но организационной тесной связи между этими двумя учреждениями быть не должно, ибо иначе это приведет к тому положению, как здесь рисовалось, что кто-то должен находиться под кем-то. Этого делать нельзя.

В связи с Истпартом был затронут один частный вопрос, что истпарты на местах требуют, чтобы разрешение на занятия в архивах у них испрашивалось. Это, конечно, ненормальность. Но, с другой стороны, было бы ненормально, если бы заведующий губархбюро выдавал разрешения для занятий по материалам, над которыми работает Истпарт. Тут нужно согласованность ввести с органами Истпарта, и в центре эта согласованность есть. Когда к нам приходят научные работники, даже представители научно-исследовательских учреждений и просят материалы, находящиеся в архиве, по изучению истории с.-д., мы не можем им дать эти материалы, потому что сохраняем прежние традиции: тот материал, который находится у какого-нибудь исследователя в обработке, не может быть предоставлен другому исследователю до окончания его работы.

Что касается Истпрофа — тут дело сложнее. Когда представитель Истпрофа выступает не в качестве историка, а в качестве заведующего архивом, в качестве архивариуса всех материалов, которые относятся к профдвижению, — тогда дело осложняется. Когда дело идет о текущих материалах ЦК различных союзов — мы в это дело почти не вмешиваемся, но когда речь идет о тех материалах, которые уже отработаны, которые имеют действительно только историческую ценность, и когда для заведывания этими материалами организуется орган, или, вернее, это руководство передается Истпрофу, — мы должны внимательно подойти к вопросу, что такое Истпроф. Или это учреждение, созданное для изучения материалов по истории профдвижения, или учреждение, созданное для хранения архивных материалов? Я думаю, что сегодня т. Милонов, как один из руководителей Истпрофа, пришел к заключению, что Истпроф не есть архивное учреждение, но только Истпроф немножечко опасается, что мы не дадим ему изучать материалы. Я успокою т. Милонова, что мы возьмем материал профсоюзов только тогда, когда будем готовы. Мы в Москве готовы, но условия, которые поставил т. Милонов, который говорит, что тогда нужно взять в коллегию Центрархива представителя ВЦСПС, — неприемлемы и неприемлемы не потому, что нам нежелательно было бы иметь в своем руководящем составе представителей

ВЦСПС, — ВЦСПС есть орган, который руководит всем рабочим движением в нашей стране, — но потому, что если мы пойдем по этому пути, то мы придем к тому, что превратим коллегию в многочисленное неработоспособное учреждение. Такой коллектив можно создать, но он не будет ни руководить ни вообще что-нибудь делать.

Затем музеи революции. У музеев революции есть тенденция, я не знаю этого относительно центра, но на местах имеется скрытая тенденция превратиться в архивные учреждения. По поводу этой намечающейся тенденции съезд должен сказать одно, что музей — это только музей, а не архив. Нам могут сказать, что Румянцевский музей имеет архив, что Британский музей имеет архив. Но мы, тт., живем в такое время, когда мы являемся единственными в мире, кто имеет орган, объединяющий все архивные учреждения, и пытаемся создать Единый Государственный Архивный Фонд. Ничего подобного до 1918 года в России не было, и ни в одной стране этого нет до сих пор. Естественно, сравнивать положение наше с дореволюционным нельзя и сравнивать положение Советской России с положением Запада тоже нельзя в этой области. Раз есть специальное учреждение, которое концентрирует материалы архивного порядка, то туда и нужно передать эти материалы. Мы говорили, как представляем себе работу музея. Главная его задача — показательная. Архивные учреждения должны дать музеям революции материалы. Это наша обязанность. и мы ее выполняли, выполняем и будем выполнять, но поскольку существует опасение, что музеи превратятся в архивы, нужно договориться, выработать конституцию наших взаимоотношений, в которой будет написано, что музеи архивов не создают, а передают все документы в архивы. (С. И. Мицкевич: — *Это наша смерть!)* Это неправильно. С. И. Мицкевич говорит, что им нужен небольшой фонд архивный, которым они могли бы располагать в том или другом случае. Что значит фонд? Это — архивный фонд, и в этом есть опасность. Я тоже думаю, что нужно иметь переменный фонд, но нужно не увлекаться расширением границ этого фонда, а лучше всего, если фонд этот будет храниться в архиве. Я должен сознаться, что в некотором роде являюсь одним из инициаторов создания музеев революции в России. В 1921 году, в марте месяце я проявил некоторую инициативу, как работник Истпарта, чтобы организовать маленькую выставку Истпарта. Я пошел по линии наименьшего сопротивления. Когда был поставлен вопрос о том, что выставить, я собрал газеты и прокламации, наклеил и послал на выставку во время 10-го партийного съезда. (С. И. Мицкевич: — *А когда музеи перешли в другое ведомство, то...)* Но я должен вам сознаться, что когда я — не сегодня, а два года тому назад — присмотрелся к тому, что я выставил, я испугался. Газеты 1918 года оказались выжженными солнцем. Гектографированные прокламации—редкость 90-х годов—

выцвели,—пропали, документы с некоторыми пометками синим карандашом пропали, а когда их начали собирать обратно в архив, то мы многого не досчитались. Я ни в чем и никого не виню, там, где перевозка, всегда утечка, но утечка архивных документов вещь гораздо более страшная, чем утечка какого-либо другого материала; поэтому я думаю, что мы всеми мерами должны притти на помощь музеям революции в том огромном деле, которое они делают, но нужно договориться о создании музеями архивных фондов, это первое. Во-вторых, документы, представляющие собою уники, не могут быть экспонированы, поскольку есть опасность, что они могут исчезнуть, сгореть от солнца и проч.

В прениях была брошена такая фраза: «мы должны дать, если даже экспонаты погибнут». Я думаю, что этой точки зрения С. И. Мицкевич не разделяет. Если мы такую директиву дадим периферии, то от документов через короткое время ничего не останется.

Теперь о взаимоотношениях музеев старого времени, сложившихся исторически, и Центрархива. Об этом здесь говорил тов. Григоров. Конечно, я не стою на голой формуле, что рукописи должны храниться в архивах, вещественные памятники — в музеях, печатные материалы — в библиотеках. Нас, работников Центрархива, обвинять в этом не приходится, и тов. И. Л. Маяковский тоже этого не говорил. Но сейчас мы ставим вопрос о взаимоотношениях совершенно практически, как быть нам с тем огромным архивным материалом, который накопился и накапливается сейчас в музеях, как в центре, так и на местах? Тов. Григоров говорил о литературных материалах, которые отложились в том или другом музее или которые связаны с рукописями того или другого писателя и с его изданиями. Я думаю, о последнем больших споров между нами не будет, никто из нас не хочет разрушать собраний и коллекций Пушкинского дома или Чеховского музея, или Тургеневского музея, ни других учреждений научно-исследовательского, архивного или музейного характера, которые связаны с именем того или иного писателя или публициста, или политического деятеля. Но, товарищи, скажите пожалуйста, какая связь между Новгородским губмузеем и архивом Аракчеева? Я никакой связи не вижу, при чем должен сказать, что в этом архиве имеются две части, из которых одна находится в архиве, другая в музее. Скажите, пожалуйста, что общего между таким учреждением, как Академия Наук и I-й Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Архив ВЦИК'а был в Академии Наук и только с большим трудом, после большого нажима, удалось получить архив Центрального Исполнительного Комитета из Академии Наук в архивные учреждения. Я перечислю ряд случаев: архив Льва Тихомирова находился в Румянцевском музее. Что он разве связан органически с какой-нибудь комнатой в Румянцевском музее, с какими-нибудь вещественными памятниками, оста-

вшимися от Льва Тихомирова? Нет. Теперь этот архив находится в Центрархиве, и эти материалы сыграли известное политическое значение, потому что опубликованные оттуда материалы изменили взгляд на целую эпоху нашего революционного движения. А между тем они лежали мертвым капиталом, не учтенные даже нами, т.-е. архивными учреждениями, которые должны учитывать эти материалы. Далее, архив Милютина. Какое отношение он имеет к Румянцевской библиотеке? Я совершенно не понимаю. Скажите, пожалуйста, какое имеет отношение к провинциальному какому-нибудь губ. музею архив декабристов, скажем, Муравьева-Апостола, и ряд других таких материалов? Какое имеют отношение к материалам Звенигородского музея материалы Голицына? Правда, Голицын живал в Звенигороде, но, товарищи, среди этих материалов оказывается переписка его с Николаем I. В первые часы и в первые дни после восстания декабристов Николай писал Голицыну, и эта переписка там хранилась под спудом, и только теперь Центрархиву удалось ее оттуда извлечь и опубликовать.

Теперь дворцовые архивы. Здесь некоторые говорили, что нельзя отделить дворец от его архивов. Очевидно, точка зрения музейного ведомства не всегда одинакова. Говорят, что никак нельзя отделять архива от дворца, а между тем материалы очень легко отделяются и отделяются целыми сотнями пудов и даже тысячами пудов, при чем отделяются от дворцового управления, от дворцов и передаются не в архивные учреждения, а на макулатуру, и это делается не где-либо в глухой провинции, а в Ленинграде.

Затем монастырские архивы. Нельзя ни в коем случае трогать эти архивы, потому что нельзя изучать ризницы и содержимое в этих ризницах без тех документов, которые находятся в этих самых ризницах, т.-е. без архивных материалов. Я не знаю, как можно так сузить значение монастырских архивов, как сужает тов. Григоров. Ведь что такое монастырский архив? В них в большинстве случаев отразилась история крепостного хозяйства. Историю народного хозяйства нам нельзя изучать и исследовать, не имея под руками того материала, который хранится в монастырских архивах, потому что монастыри были владетелями огромного количества поместий, с огромным количеством прикрепленных к ним крестьян, и изучать историю народного хозяйства без этого материала нельзя. Что важнее Советской Рабоче-Крестьянской стране: та задача, о которой говорит тов. Григоров, упоминая ризницы, или та задача, о которой я говорю? И когда так вопрос поставим, то вы должны сказать: если у музейного ведомства такая точка зрения на дворцовые или монастырские архивы, мы должны ликвидировать эту точку зрения тем, что эти архивы безусловно взять себе, ибо иначе они погибнут в этой части, т.-е. они, может-быть, и будут у них сложены, потому что я не думаю, чтобы музейное ведомство так широко практиковало передачу материалов на макулатуру, но погибнут в том отношении,

что не будет выявлено содержимое этих материалов, что оно не будет известно и опубликовано, не будет пущено в оборот для научного исследования. Вот каково положение, товарищи. На формуле: в архивах должны храниться рукописные материалы, в библиотеках — книги и газеты, в музеях — вещественные памятники истории, — мы не стоим, но, товарищи, в понимании того, что должно храниться в этих архивах или библиотеках, мы коренным образом расходимся с тов. Григоровым, и думаю, что на этом съезде мы все-таки договоримся, и наш договор будет заключаться в том, что действительно архивный материал должен быть извлечен из музеев и передан в архивные учреждения, а все то, что не может быть извлечено, что действительно органически связано с музеем, дворцом или монастырем, то мы там оставим, но учтем у себя в Центрархиве. Вот какая точка зрения может быть на наши взаимоотношения с музейным ведомством. *(Аплодисменты).*

Председатель. Товарищи, в президиуме съезда сложилось убеждение, что закончить сегодня прения по вчерашним и сегодняшним утренним докладам не удастся, потому что, если мы вздумаем дать заключительные слова докладчикам, то это взяло бы у нас еще целый час, а сейчас уже 20 минут четвертого. Поэтому президиум предлагает заседание сейчас закрыть. Сегодня вечером заседания не устраивать, согласно желанию, высказанному многими членами съезда, а завтра с утра начать заключительные слова докладчиков в таком порядке: сначала дадим заключительное слово Истпрофу, затем Музею Революции. Что касается Истпарта, то, повидимому, он не желает им пользоваться: тов. Канатчиков сегодня заявил, что он не видит в этом необходимости. Что касается Ленинского института, то о нем ни слова не касались в прениях, так что это тоже отпадает. Поэтому я дам слова тов. Маяковскому, тов. Адоратскому, и мы с этим покончим завтра утром. Завтра вечером предполагается заслушать сообщение союзных республик, которое они желали сделать, а затем я поставлю один или два самостоятельных доклада. У нас имеются такие доклады: тов. Невского и проф. Тарле. Что касается доклада и прений по организационным задачам Центрархива и строительства на местах, то эти два сюжета разрешите перенести на завтрашний вечер.

С. И. Мицкевич. Я думаю, что это не рационально. Если немного продолжить заседание и дать по 10 — 15 минут для заключительных слов докладчика, а я, например, ограничусь 5 минутами, то нам все удастся закончить в сегодняшнем заседании.

Председатель. Позвольте возразить против этого. Тов. Мицкевичу достаточно 5 минут, а вот тов. Маяковский желает получить полчаса. Затем тов. Адоратский в пять минут не справится, как он говорит. Так что, конечно, если товарищи

согласны на самопожертвование, то-есть просидеть еще целый час, то, конечно, можно продолжить заседание.

И. Л. Маяковский. Я готов отказаться от заключительного слова и даже предполагал было это сделать. В виду раздающихся голосов я считаю вполне возможным отказаться от заключительного слова и в виду того, что мой доклад на $^2/_3$ состоял из тезисов, и эти тезисы вызвали целый ряд возражений, которые являются недоразумением, что я могу доказать текстуально.

В. В. Максаков. Товарищи, я возражаю против того, чтобы отказываться от заключительного слова тов. Маяковскому, и думаю, что мы это заключительное слово должны заслушать, потому что тов. Григоров в своем выступлении возражал именно тов. Маяковскому. Сейчас я предложил бы ограничиться заключительным словом тов. Мицкевича, а завтра дать заключительные слова другим докладчикам.

Председатель. Дается заключительное слово тов. Мицкевичу.

С. И. Мицкевич. Товарищи, я прежде всего в своем докладе очень мало сказал о музее Института Ленина, который переведен из здания Института Ленина в здание Музея Революции и находится под моим заведыванием. Надеюсь вам его показать при вашем посещении Музея Революции.

Теперь я хочу сказать несколько слов против «империалистическо-архивных» идей, которые выразил здесь тов. Максаков, желая все архивы захватить в свое ведомство. Я думаю, товарищи, что эта точка зрения «главкизма», которая оказала свое губительное действие на промышленность, такую же губительную роль сыграет и в архивном деле. Это будет, действительно, ужас, когда архивы возьмут отовсюду, оторвут от естественной связи с музеями и перенесут в одно место; я думаю, что они будут похоронены на многие десятилетия. Представьте себе, если взять архив из Исторического музея, то музей умрет. Тов. Максаков, когда он из материалов своего архива строил выставку, то он принес туда массу интересного материала, но теперь, когда мы перешли в другое ведомство, то, чтобы получить документы, приходится преодолевать большие трудности, это является очень большой работой; нужно посылать сотрудников, которые не знают архива, которые проработают недели две-три и найдут небольшой материал, затем начнется длинная переписка, и в результате этой переписки мы через месяц-два получим очень небольшой материал. А у нас есть свой архив, которым мы всецело располагаем, который пополняем. Принесут к нам какую-нибудь интересную частную коллекцию, мы ее покупаем, а если все будет объединено, то я не смогу покупать материалы, которые пойдут не ко мне. Скажу: идите в Центрархив, а там скажут: у нас уже эти материалы есть, и продавец уйдет, материалы исчезнут, и мы останемся без всего. Я не стану покупать того, что в данный момент

не могу выставить, — это будет архив. Архив заводить не имею права, значит, утратится возможность приобретения больших архивных богатств, которые находятся в частных руках. Мы, товарищи, лишимся еще с другой стороны кой-чего. Скажем, мне нужно выставить к 12 марта материал к годовщине революции, я отправляюсь в свой архив и говорю, что надо подготовить материал к годовщине 12 марта, и мне через несколько минут показывают что есть в архиве, а через 2 — 3 дня мы готовим выставку. Далее, мы подготовляем расширение какого-нибудь отдела. Мы быстро подбираем тот материал, который у нас есть в архиве, и расширение отдела совершается. Я говорю прямо, если мы лишимся архивов, то это будет смерть музеям революции и музеям вообще. Я считаю, что эта идея чрезвычайно опасная для музеев вообще и для Музея Революции в частности. Если вы примете это, то это будет убийственно для работы нашего музея, оно до крайности затруднит развитие музеев.

Председатель. Разрешите закрыть заседание.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 16 МАРТА

Утреннее заседание.

Председательствуют: *М. Н. Покровский;* после перерыва — *В. В. Адоратский.*

Председатель (М. Н. Покровский). Позвольте объявить заседание открытым. Сегодня нам предстоит заслушать заключительные слова по докладам, начавшимся третьего дня. Первые слова должны принадлежать представителям тех научных учреждений, которые говорили последними. Повидимому, от Истпарта и от Института Ленина нет желающих, по поводу их дискуссии никакой не было. Представителя Истпрофа здесь нет; таким образом, мы переходим к заключительным словам основных докладчиков.

И. Л. Маяковский. Тт., к сожалению, мой доклад был рассчитан на больший срок, чем тот, который мне был предоставлен. В силу этого одна часть моего доклада оказалась не мотивированной, другая часть оказалась изложенной только в тезисах. Отсюда произошло следующее обстоятельство. Тт., выступавшие по моему докладу, именно по части его, изложенной только в кратких тезисах, делали возражения, которые оказались недоразумением. Поэтому я должен в своем заключительном слове коснуться не только самых возражений, а и мотивировки своих предложений. Я привлек данные новейшей архивной литературы Запада именно для того, чтобы обосновать то положение, что понятие об архиве, библиотеке и о музее не может оставаться незыблемым, и поэтому мы не можем стоять все время на одной и той же точке зрения, которая была и 25 и 50 лет тому назад. Мы должны твердо установить, что понятие этих учреждений непрерывно развивалось и развивается в связи с развитием самого общества, и я старался привлечь западно-европейские данные, поскольку это было необходимо для указанной цели.

Перехожу к рассмотрению возражений по существу.

Первый вопрос по существу моего доклада это был вопрос о том, в каком взаимоотношении должны быть архивы и библиотеки, а затем второй вопрос, в каком взаимоотношении должны

находиться архивы и музеи. И вот когда т. Гейман, представитель Публичной библиотеки Ленинграда, выступил с возражением мне, то он прямо выразился, что я его напугал своим докладом. В чем — этот испуг? Т. Гейман прежде всего заявляет, что мой доклад является чисто ведомственным, что моя точка зрения чисто ведомственная: забирай все архивы и больше ничего. Я сам, следовательно, — ведомственник. Т. Гейман говорил, что из моего доклада может получиться следующий опасный вывод: у библиотек будут отняты функции собирания рукописных материалов, что, следовательно, библиотеки в своих рукописных отделениях начнут отмирать, перестав пополняться новым материалом. В доказательство того, что этот вывод совершенно не соответствует моему докладу, я прошу разрешения привести текстуально ту маленькую выдержку из моего доклада, которая, я убежден, докажет тов. Гейману, что такого вывода абсолютно у меня нет. Я доказывал в своем докладе, что рукописные отделения библиотек, исторически в них сложившиеся, есть громадные ценности, сыгравшие в истории науки громадную роль, и указывал, что эти рукописные отделения не могут быть ни передвинуты, ни изъяты. Но я касался вопроса о дальнейшей концентрации рукописного материала, при чем, разумеется, и тов. Гейману известно, что концентрация не есть спасение материала. Я все время говорил, что мы должны отличать спасение материалов от концентрации. И библиотеки тоже спасают материал, но концентрировать материал можно только в том учреждении, которое существует, — в Едином Государственном Архивном Фонде, и поэтому я говорил, что «дальнейшая концентрация вновь отыскиваемого или кем-либо предлагаемого материала» должна быть решительно сосредоточена в Центрархиве.

Следовательно, рукописные отделения будут жить, но они будут пополняться планомерно, систематически, фонд же архивный будет единый. Между тем, тов. Гейман стал вот на какую точку зрения. Нельзя ли, — говорит он, — так сделать, чтобы передавать библиотекам отдельные документы, и тут же добавляет: например, грамоты. Зачем их собирать в архивах, где придется составлять из них искусственный фонд? Пусть лучше они поступают в библиотеки. Здесь есть внутреннее противоречие. С одной стороны, отрицается рациональность создания таких фондов в архивах, а с другой стороны — утверждается рациональность создания таких фондов в Публичной библиотеке. Кроме того, я удивлен, что тов. Гейман, являясь библиотечным работником, не принял во внимание постановления международного библиотечного конгресса 1923 года о том, чтобы библиотеки отнюдь не приобретали отдельных разрозненных документов.

Далее, т. Гейман говорит, что в библиотеки должны сдаваться рукописи определенного научного характера, рукописи - произведения, так как им не место в архивах, которые на 95% содержат ведомственный делопроизводственный материал. Но тогда мы

возвращаемся к старому взгляду на понятие архива, библиотеки и музея. Поэтому я хочу еще раз подчеркнуть, что моя точка зрения на взаимоотношения архивов и библиотек не есть какое-то «расширение» архивов, которые хотят все захватить; наоборот, как тт. убедились на самом тексте моего доклада, я стою за контакт со всеми учреждениями, которые соприкасаются с архивным материалом. Но мы не можем действовать так, как предлагает тов. Гейман, говорящий, что если библиотекам не будет дана возможность включать в себя предлагаемый им рукописный материал, то последний погибнет. Где же тогда будет Единый Государственный Архивный Фонд? Наоборот, и библиотеки должны спасать рукописный материал, оказывая этим помощь Единому Государственному Архивному Фонду. И я в докладе приводил практику Парижской Национальной Библиотеки в этом отношении.

Теперь разрешите перейти к тем возражениям, которые делались по вопросу о разграничении понятий: архив и музей. Здесь я должен прежде всего коснуться выступления т. Миловидова. Тов. Миловидов наградил меня эпитетом «архивного патриота». Правда, он потрепал меня по плечу и поощрил, сказавши: «это хорошо, мы все «архивные патриоты», но затем стал развивать по данному вопросу взгляд, отстающий, по меньшей мере, на 50 лет. Если мы пойдем в разрешении нашего вопроса тем методом, который употребляет т. Миловидов, мы, пожалуй, сможем вернуться к XVI веку, когда существовало и такое различие, что переплетенную рукопись нужно сдавать в библиотеку, а не переплетенную — в архив. Но так как тов. Миловидов коснулся вопроса о рукописях, я должен вновь сформулировать свою точку зрения на рукописи. В докладе я указал, что рукописи-подлинники, конечно, являются безусловно архивным материалом. Об этом спора быть не может. Но затем есть рукописи-копии, рукописи-списки. Как быть с этими списками? Я в своем докладе утверждал, что, ведь, нужно придумывать такую организационную форму устройства и библиотек и архивов, которая соответствовала бы условиям данного момента. Мы должны учесть этот момент, когда у нас существует массовый читатель. Рукопись, списанная, когда-то могла обслужить единичного читателя, но она не обслужит массового читателя. Поэтому механический способ размножения материала является теперь непременным условием для того, чтобы книги могли распространять знания, которые в них находятся. Рукопись, хотя бы она являлась и копией, перестает быть проводником знания и превращается в такой памятник прошлого, как и оригинал. Ведь многие оригиналы рукописей либо утеряны, либо исчезли, либо не найдены, и тогда копии их являются также автографом эпохи. Поэтому такая рукопись не может быть поставлена на одну доску с книгами, созданными механическим путем.

Перехожу к возражениям тов. Бурмистрова. Т. Бурмистров, касаясь вопроса о взаимоотношениях архивов и музеев, утверждал, что я в своем докладе отрицал возможность предоставления документов музеям революции, и с энтузиазмом указывал, что архивы должны давать материалы для музеев, и дошел даже до такого утверждения, что — пусть даже погибнут документы, но они должны попасть в музеи революции. Я абсолютно не утверждал того, что в музеи революции не должны даваться архивные материалы. Я позволю себе и здесь привести текстуальную выдержку из доклада: «Жизнь требует немедленного использования музеями архивных материалов и при том музеями актуального значения, каковыми являются музеи революции. Следовательно, необходимо нам в виду целесообразности данного момента предоставлять таким музеям архивный материал для экспозиции, но при соблюдении следующих условий» — и вот какие условия я указывал: «во-первых, необходимо, чтобы право на обладание предоставленными музею архивными материалами закреплялось исключительно за Центрархивом, во-вторых, архивный материал должен предоставляться лишь для временного использования, в-третьих, экспонирование должно производиться с соблюдением всех предосторожностей, требуемых природой архивных материалов». По этому вопросу очень определенно высказывается В. В. Адоратский в своем докладе и С. К. Богоявленский, что мы не можем игнорировать этой заботы об архивных материалах. Затем следующий мой пункт гласит: «Наблюдение за исполнением последнего требования по сохранности архивного материала должно принадлежать органам Центрархива и подчиненным ему архивам со всеми вытекающими отсюда последствиями». Таким образом, я утверждал, что сама жизнь требует того, чтобы архивные документы были использованы музеями, имеющими для нас особенно актуальное значение. Затем т. Бурмистров касается вопроса о том, нужно ли устраивать при самих архивах музеи — специально архивные музеи, и буквально заявляет следующее: «это не наше дело». Я потом был удовлетворен тем, что один из позднее выступавших товарищей, наоборот, признал, что архивы могут и должны устраивать при себе специальные музеи-выставки. Я этого коснусь несколько позже.

Затем т. Григоров по вопросу об архивах и музеях приписал мне огульное схематическое разделение архивного материала. Он говорит: «по вашему докладу выходит, что все рукописи поступают в архивы, все книги — в библиотеки, все вещественное — в музеи». — Из всего моего доклада, из всех моих предыдущих возражений выступавшим товарищам видно, что именно такого «упрощенного» разделения я не допускал. Дальше т. Григоров говорит: «мало того — это будет изъятие рукописей из библиотек, отдельных рукописей из музеев». Но я уже приводил буквальный текст своего доклада, из которого видно, что

такого изъятия я не только не допускал, а, наоборот, утверждал, что принцип неделимости фонда известного органического собрания должен лежать в основе всей концентрации архивного материала.

Затем тов. Григоров утверждал (правда, он взял очень узкую область — музеев-дворцов и музеев-ризниц), что музеям, имеющим определенные предметы, которые подлежат изучению, нужен архивный материал, а, следовательно, при них должны быть архивы. Я понимаю всю рациональность и необходимость такой работы. Ведь это и будет та исследовательская работа, которую, конечно, музей обязан вести. Но это есть одна из тысячи исследовательских работ. Между тем, став на точку зрения Григорова, мы должны признать, что всякое учреждение, занимающееся исследованиями, должно обладать архивом. Но, ведь, тогда мы возвратимся к тому старому положению, когда у нас даже отдельные исследователи брали документы из архива, основываясь на том, что они нужны им для исследований. Единый Архивный Фонд и Центрархив для того и учрежден, чтобы он, спасши и обработавши материал и тщательно его храня, пустил его в научный оборот. В докладах тов. Максакова и тов. Адоратского это было указано. Следовательно, как допускается к архивному материалу всякий исследователь, так допускается, конечно, и учреждение-исследователь, в том числе и музеи. Музеи используют материал в своих целях, но этот же самый материал нужен не только для тех тем, на которые указывает тов. Григорьев, но и для множества других тем.

Теперь, так как у многих выступавших тт. сложилось какое-то превратное представление о специальных архивных музеях, то я в заключение хочу коснуться этого вопроса. Я утверждал в своем докладе, что вообще экспонирование архивного материала, будет ли он даже древний, следовательно, на более прочной бумаге и красками написанный, на продолжительный срок безусловно вредно. Вы слышали это утверждение и в докладе тов. Адоратского. Даже если краски не выцветают, то портится самая бумага, на которой этот материал написан, и даже самый пергамент: материал коробится и портится, и, что это теперь сознано, я могу привести следующее постановление того же международного библиотечного конгресса 1923 года, на который я уже указывал. На этом конгрессе принято постановление, чтобы все библиотеки приняли постановление, обязательное к исполнению, не выставлять для постоянной экспозиции рукописи всякого рода, древние книги, даже переплеты, потому что постоянная экспозиция вредит непоправимо такому материалу. Исходя из этого положения, я говорил, что здесь может быть такой выход: либо нужно музеям обладать целыми фондами, тогда они будут иметь возможность регулярно сменять экспонируемый материал. Но тогда получится образование при музее архива, что мы должны, по всему

построению Единого Государственного Архивного Фонда, конечно, отвергнуть. Тогда оказывается, что музеи могут иметь только единичные архивные документы, которые они и выставляют постоянно. Поэтому, во избежание всех тех непоправимых ухудшений в архивном материале, которые могут произойти при постоянном его экспонировании, и в целях достижения непрерывного обновления архивных экспонатов, я и утверждал, что, так как необходимо, чтобы архивы, играющие не чисто кабинетно-ученую роль, а и определенную государственную роль, пропагандировали ценности, которые в них находятся, то пропаганда этих ценностей будет достигать наибольших результатов, если мы создадим при архивах специальные музеи-выставки. Исходя из этих соображений, я и строил следующую схему архивных музеев. Я полагал, что, так как архивные музеи будут постоянно обновлять свои материалы, нужно, чтобы эти материалы были пронизаны, как одной нитью, известным цельным уклоном. Тогда они будут служить не только объектом для любопытного зрителя, но и толчком для постановки целых проблем и в архивном деле и, конечно, в истории. Поэтому я и утверждал, что архивные музеи должны быть созданы по следующей схеме. Во-первых, при архивах губернских должны быть устроены архивные музеи с краеведческим уклоном; один из вчера выступавших здесь как раз буквально повторил этот термин. Зная, какую роль сейчас играет краеведение, мы уверены, что здесь не будет никакого обособления архива или архивного музея от прочих учреждений. Наоборот, он сыграет свою определенную роль в системе всех учреждений, пропагандирующих ценность исторических памятников. Затем при автономных и союзных республиках можно было бы устроить архивные музеи с национальным уклоном, которые бы освещали в этих выставках-музеях жизнь данной автономной республики или союзной республики и т. д.

Затем при московских и ленинградских архивохранилищах можно было бы создать музеи с тематически-исследовательским уклоном, тем более, что эти отделения (Ленинградское и Московское) обладают ценностями общего масштаба. Поэтому эти ценности можно было бы выставлять в архивных музеях по темам, соответствующим тем сериям материалов, которые находятся в том или ином богатом архиве. Наконец, следующей категорией архивного музея - выставки должна бы быть центральная архивная выставка при Центрархиве и его отделении в Ленинграде. Такая центральная выставка могла бы быть устроена при самом архивном управлении и могла бы получить уклон архивно-археографический— при чем и здесь я также исходил из целесообразности данного момента. Ведь, мы все чувствуем остроту вопроса о повышении квалификации наших работников, как и всякое учреждение чувствует также остроту этого вопроса. Поэтому повышение квалификации стоит у нас на очереди, и в докладах уже указыва-

лось на это. Несомненно, что центральный архивный музей сыграл бы громадную роль в этом деле.

Мне был сделан упрек тов. Анфиловым в отношении постановки последнего музея. Он говорит, что этот музей будет педагогическим и, следовательно, не связанным с задачами Центрархива. Я называю его не педагогическим, а архивно-археографическим, т.-е. таким музеем, который будет демонстрировать и пропагандировать ценность наших архивных богатств, но он будет существовать не просто для любопытных посторонних зрителей, а для наших архивных работников. В этом отношении, может-быть, и можно назвать его педагогическим, но это не есть противоречие целям архивного дела, так как цель наша создать таких архивных работников, которые были бы действительно квалифицированными, и в этом отношении центральный музей будет играть органическую роль. *(Аплодисменты).*

Председатель. Слово для заключения имеет тов. Адоратский.

В. В. Адоратский. По существу тех положений, которые были выставлены в моем докладе, я в прениях не слышал возражений более или менее серьезных. Я думаю, что та основная точка зрения, которая была выставлена мною в пунктах о смычке Центрархива с научными учреждениями, разделяется настоящим съездом, и мы все стоим на точке зрения Единого Государственного Архивного Фонда и концентрации архивов. Архив есть своеобразное научное учреждение, и в ряде других ученых учреждений архив, кроме своего научного значения, плюс к этому обладает и огромным государственным политическим и экономическим значением. Из этого и вытекает все остальное, а также и разрешение вопроса о взаимоотношениях с другими научными учреждениями. Говоря относительно централизации архивного дела, можно сказать, что оно не возбуждает никаких сомнений в смысле экономии.

Останавливаюсь на взаимоотношениях Центрархива с Истпартом. Этого вопроса касались тов. Канатчиков и тов. Максаков. Мне думается, этот вопрос достаточно выяснен. Но я добавлю следующее. Архивные учреждения не должны быть подчинены Истпарту, потому что, кроме исторических изысканий в архивах, они имеют назначение другое: архив должен выполнять прежде всего свои задачи по обслуживанию государственных органов, а из ученых обществ в первую очередь он должен, конечно, обслуживать интересы Истпарта. В записках, поданных мне, задавались вопросы такого рода. Например: может ли архивный орган допускать к работе частных лиц? Безусловно может. Все, конечно, зависит от обстоятельств, каким материалом они будут пользоваться, — это должно быть учтено. Затем еще такая записка: «к материалам политсекции можно ли разрешить доступ, не спрашивая заведующего Истпартом»? Конечно, можно, потому что архив совершенно не подчинен Истпарту. Если дело идет

о тех материалах, по которым уже производится работа Истпарта, тогда, конечно, надо вопрос согласовать. Товарищ, выступавший от Истпрофа, высказал такую точку зрения, которая в настоящее время находит все меньше сторонников, что Истпроф, как ученая комиссия, должен сам собирать архивные материалы, стать своего рода центрархивом профсоюзов. Это безусловно неправильно и ошибочно, и я думаю, что неправильность этой мысли достаточно была показана, так что я на этом не буду останавливаться. Скажу только, что обслуживание работников Истпрофа нашими архивными учреждениями все возрастает. В 1923 году в наших читальных залах работало 10 сотрудников Истпрофа, в 1924 — 19-ть, а в 1925 — я не имею цифр, не подсчитывал, но уверен, что около 20 разрешений я уже сейчас выдал работникам Истпрофа.

Дальше, я должен сказать несколько слов по поводу выступления представителя военного ведомства. Он указывал на то, что в Центрархиве, в архиве военном имеются десятки тысяч ящиков, которые не раскрываются и, так сказать, совершенно недоступны исследователям, и Центрархив ничего не делает для того, чтобы их разобрать. Я должен решительным образом против этого возразить. Это не соответствует действительности. Тысячи ящиков, действительно, есть, и, несмотря на то, что эти ящики не все раскрыты и разобраны, материалы, которые в них заключаются, все-таки достаются и предоставляются занимающимся по заданиям Военно-Исторической комиссии, по заданиям штаба РККА. В наших читальных залах в 1924 году занималось по выданным разрешениям свыше 100 человек; кажется, было зарегистрировано 116 разрешений. 100 человек занимающихся в архиве это значит тысячи дел, которые были разысканы, пронумерованы, доставлены занимающимся, и эти занимающиеся были обслужены. Несмотря на то, что далеко не все эти архивы разобраны, все-таки работники военных архивов достают требующиеся материалы, выдают справки. Не наша вина, что мы до сих пор не имели подходящего помещения, но сейчас мы это помещение, специально оборудованное, прекрасное помещение для архива Красной Армии имеем, и оно почти готово. Архив туда перевозится, и в недалеком будущем он будет в полном порядке и доступен для занятий. Я скажу больше: несмотря на перевозку этого архива, мы все-таки не прекращаем выдачу справок, потому что ящики, которые нам сдаются по сдаточным описям, нами учтены, и мы приблизительно знаем, где искать тот материал, который от нас требуется.

Теперь по поводу наших отношений с Главмузеем. Т. Григоров, выступавший здесь от Главнауки, говорил о том, что невозможно отделять архивы от музеев, от дворцов, от усадеб и т. д. Это, конечно, совершенно неправильная точка зрения. Мы будем твердо стоять на том, что архивы должны находиться в архивном ведомстве. В частности, об архивах дворцов. У меня есть справка о Петергофском, о Гатчинском, о Детскосельском дворцах, какие

архивы там находятся. Например, в Гатчинском дворце имеются архив Кирасирского полка, архив графа Адлерберга младшего и т. д. Какое отношение эти архивы имеют к данному дворцу? Почему их непременно нужно там держать, где они, может быть, недостаточно хорошо охраняются. Безусловно, такие архивы подлежат передаче. В Детскосельском дворце имеется архив бывш. городской ратуши, часть архива царскосельской полиции, — в какой связи с дворцом они находятся? Почему работа над музеями невозможна без этих архивов? Я этого не понимаю. У меня тут целый ряд сведений подобного рода, но я не буду больше на них останавливать внимания съезда. Относительно архивов усадеб точно также совершенно недопустимо, чтобы чрезвычайно ценные материалы, как, например, архив Бакунина, находились где-то в бакунинской усадьбе и были бы недоступны в конце концов для занимающихся. Мы этот архив извлекли, он сейчас находится в центре и использован и отчасти уже публикуется.

Относительно рукописей литературных произведений говорил уже т. Маяковский. Мы ни в коем случае не притязаем на все решительно рукописи. Если они связаны с какой-нибудь библиотекой, с каким-нибудь специальным книгохранилищем, мы не собираемся их оттуда брать. Мы не хотим забирать рукописи из таких учреждений, как Пушкинский дом или институты, изучающие творчество какого-нибудь писателя. Подобные учреждения, безусловно, имеют все основания хранить у себя нужные для их исследовательской работы рукописи.

Ко мне поступила записка относительно взаимоотношений с краеведческими обществами. В этой записке указывается на то, что здесь почти не затронут этот вопрос. Я должен сказать, что в моем докладе есть ответ на это. Я указывал, что взаимоотношения наши со всякими учеными, исследовательскими обществами непрерывно поддерживаются. Наша работа в архивах более углубленная, научная, она представляет разработку для исследователей, подготовку материалов для исследователей, сюда же надо отнести организацию читальных зал и наши научные издания. Только в этой области и могут быть взаимоотношения. Тут говорят о том, что подчинены ли архивы руководству краеведческих обществ. Безусловно не подчинены, точно так же, как они не подчинены и Истпарту. Должны ли краеведческие общества собирать архивный материал? Конечно, нет, потому что это функция Центрархива.

В заключение я должен повторить, что мы твердо стоим на точке зрения централизации архивных материалов. Мы в этой области довольно многого достигли. Можно сказать, что мы в общем овладели архивным материалом. Нам приходится пока еще некоторые фонды только весьма грубо разбирать в силу тех обстоятельств, в которых мы находимся. Мы не можем пока заняться более углубленной работой в той мере, как это бы нам

хотелось, но и в этом направлении улучшение есть. У нас сделано кое-что и в отношении более углубленной работы, и мы надеемся, что в будущем наше положение будет улучшаться.

Председатель. По примеру предыдущих докладов правильнее всего будет избрать комиссию для выработки резолюции. Состав комиссии можно предположить такой: в нее должны войти по праву все докладчики. Их воля участвовать или не участвовать в этой комиссии, но их право участия неотъемлемо. В комиссию входят докладчики тт. Адоратский, Кривцов, Мицкевич, Канатчиков и Маяковский. Затем я бы предложил добавить комиссию некоторым числом представителей: во-первых, необходимо ввести от провинции двух представителей. Мы предлагаем тов. Бакая (Сибирь) и тов. Войткевича (Ставрополь). Затем в интересах справедливости мы предлагаем ввести представителя Главнауки Наркомпроса тов. Григорова и затем предлагаем ввести одного из представителей Центрархива, близко стоящего к этому делу, проф. Богоявленского. Есть еще какие-нибудь предложения по этому поводу? Нет. *Принимается.*

Комиссия должна выработать резолюцию к утру среды.

Перехожу к следующему пункту повестки дня. Товарищи, наш съезд есть съезд архивных деятелей РСФСР, но на этом съезде присутствуют представители других союзных республик. Позвольте, прежде всего, предложить съезду их приветствовать. *(Аплодисменты.)* Наши гости изъявили согласие сделать здесь информационные доклады о положении архивного дела в союзных республиках. Мы можем быть только благодарны им за эти доклады и установить порядок. На международных конгрессах принят такой порядок выступлений, что представители держав выступают в алфавитном порядке. Мы можем придерживаться также этого порядка, поэтому слово будет предоставлено, прежде всего, представителю Белоруссии, затем Грузии и затем Украины, от имени которой будет два доклада.

Председатель. Слово имеет представитель Центрархива Белорусской ССР тов. М. В. Мелешко.

М. В. Мелешко. Товарищи, позвольте от имени Центрархива Белоруссии приветствовать 1-й съезд архивных работников РСФСР и выразить уверенность, что архивисты РСФСР и БССР будут в содружестве вести свою культурную работу для блага рабоче-крестьянских республик.—После приветствия тов. Мелешко познакомил съезд с историей и условиями проведенной в Белоруссии с 1922 года архивной реформы, структурой управления, работой на местах, с итогами работ всебелорусской конференции архивных деятелей 1924 г. и т. д.[1]

Председатель. Слово имеет представитель Центрархива Грузии тов. Чхетиа.

[1] В полном виде сообщение М. В. Мелешко напечатано в вып. III — IV «Архивного Дела». *Прим. Ред.*

Ш. К. Чхетиа. Центрархив ССР Грузии поручил мне передать вам искренний братский привет и пожелать успешной работы по намеченным вопросам. Президиум съезда в лице М. Н. Покровского выразил нам, представителям союзных республик, благодарность за присутствие на настоящем съезде, взамен и я хочу выразить благодарность президиуму съезда, и в особенности Центрархиву РСФСР, инициатору настоящего съезда, за то, что они дали нам возможность присутствовать на настоящем съезде и тем самым ознакомиться с положением архивного дела в РСФСР и других союзных республиках. По имеющимся у меня материалам, насколько возможно в кратких чертах, постараюсь представить вам краткий обзор деятельности Центрархива ССР Грузии.[1] Свое сообщение тов. Чхетиа закончил пожеланием съезду плодотворной работы по намеченным вопросам. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Слово для доклада имеет представитель Центрархива УССР тов. Тетин.

С. М. Тетин. Товарищи, разрешите мне приветствовать первый съезд архивных деятелей РСФСР от имени украинских архивных работников. *(Аплодисменты.)* На съезде решаются те задачи, которые необходимо разрешить каждому из отдельных Центрархивов, и потому за приглашение на съезд представителей Центрархивов СССР разрешите благодарить Центрархив РСФСР. В дальнейшем можно только пожелать, чтобы такие съезды были бы более или менее периодическими, не реже 1-го раза в год. А теперь разрешите мне приступить к краткому сообщению о проделанной работе на Украине.[2]

Перерыв.

Председатель (В. В. Адоратский). Заседание возобновляется. Слово предоставляется проф. Д. И. Багалею, представителю Центрархива УССР.

Д. И. Багалей. Мое краткое сообщение будет посвящено одному из наиболее острых и больных вопросов нашего, да, думаю, и не только нашего Центрархива, именно вопросу о централизации в нем всех архивных материалов, относящихся к его архивному фонду, в данном случае фонду всеукраинскому, находящемуся за пределами УССР; вместе с тем в нем будет и некоторая общая принципиальная постановка. Дело в том, что по поводу этих материалов ВУЦИК Украины уже возбудил ходатайство перед ЦИК'ом СССР о возвращении на Украину этого именно материала. Но независимо от этой, назовем ее официальной, записки, которая имеет и будет иметь свое значение, я считаю своею обязанностью архивиста и историка представить некоторые данные,

[1] Обзор Ш. К. Чхетиа напечатан в вып. III — IV «Архидного Дела». *Прим. Ред.*

[2] Сообщение С. М. Тетина полностью напечатано там же. *Прим. Ред.*

относящиеся к этому вопросу перед собранием своих товарищей по архивному делу всего нашего Союза.

Вопрос этот и у нас, и в Грузии, и в Белоруссии не получил пока общего решения. Можно, например, указать только в этом отношении на один декрет РСФСР от 1 декабря 1921 г. о возвращении украинскому народу его трофеев. Затем были случаи, когда приходилось решать вопрос о возвращении отдельных документов последнего времени, например, дневников и рукописей покойного Кистяковского. В таком порядке этот маленький вопрос решался здесь в Москве ВЦИК'ом РСФСР и потребовал для своего решения нескольких месяцев. Само собой разумеется, это свидетельствует только о том, что необходимо будет урегулировать этот вопрос в его общем виде. Вы будете, очевидно, — я в этом не сомневаюсь — удивлены, когда я сообщу только о том, в каких разнообразных учреждениях на территории РСФСР находятся архивные фонды Украины.

Начну с бывшего архива министерства юстиции. В этом архиве мы знаем о существовании двух украинских фондов, которые, без всякого сомнения, исторически принадлежат Украине. Первый — это фонд управления так называемой министерской канцелярии, которая действовала, как учреждение, на Украине; делопроизводство ее и составляют эти архивные бумаги. Затем большой фонд, взятый в 60-е годы XIX столетия распоряжением тогдашнего царского правительства из всех губерний, составляющих в настоящее время Украину, — это документы тогдашних местных украинских учреждений — губернских правлений, казенных палат и т. п., количество этих материалов превышает 50 000 дел. Я лично имел возможность давно когда-то взглянуть на эти материалы. Так как они не были разобраны, то я не мог составить надлежащего представления о них. Насколько мне известно, — товарищи работники из Москвы могут меня поправить, и я с удовольствием приму эту поправку, если она окажется, — этот фонд является неприкосновенным в том смысле, что он не подвергался ни описанию ни научному исследованию. Затем есть еще одна группа документов, которая также имеет отношение к архивному фонду Украины, но относительно которой, быть может, возникнут некоторые, правда, чисто формальные сомнения. Это знаменитые малороссийские переписные книги 1666 г. Историки, занимавшиеся этими вопросами, знают, что они в небольшом количестве сохраняются в московском архиве юстиции и составляют плод деятельности украинского населения, — я это подчеркиваю, имея великолепные данные в печатной работе московского архивиста Эйхгорна. Я остановлюсь в нескольких словах на этом памятнике, в виду могущих быть сомнений. Гетман Брюховецкий, когда он круто повернул колесо своей политики и из демагога Запорожской Сечи превратился в верноподданного тишайшего русского царя Алексея Михайловича, согласился на то,

о чем договорился в свое время Богдан Хмельницкий, не исполнивший, однако, этого договора, а именно — сделать перепись населения, чтобы обложить это население поборами. Можно прибавить, что речь шла о поборах не с привилегированных классов, — казаки, как привилегированный элемент, были исключены из этой переписи, — а нужно было обложить мелких горожан, с одной стороны, и крестьян — с другой. Брюховецкий согласился сделать эту перепись, его делегаты, украинские мещане, приехали в Москву и согласились с тем, что будут собирать эти поборы, сделают раскладку и перепись, сделав исключение для привилегированных классов и монастырских крестьян. Что касается содержания этих книг, то могу вас уверить и доказать ссылкою на «Руину» Костомарова, где приведены выдержки из одной переписной книги, а он вообще не занимался внутренними вопросами жизни Украины, и на этот раз сделал исключение, приведя эту выдержку. А теперь эти книги рассеяны и в других отделах архива министерства юстиции, в том числе среди столбцов и книг Сибирского приказа. Почему они туда попали — этого секрета я не могу объяснить. Я не знаю, находятся ли эти книги и сейчас в Сибирском приказе. Московские архивисты, быть-может, дадут нам объяснение этой аномалии. Повторяю, что эти книги, попавшие в б. архив министерства иностранных дел, бесспорно, принадлежат Украине и являются незаменимым драгоценнейшим материалом для ее истории.

А теперь позвольте обратиться к другим, несколько неожиданным хранилищам украинских архивных фондов, я имею в виду Румянцевский музей, — там имеются рукописи литературные украинские в большом количестве, между прочим автографы знаменитого украинского философа Г. С. Сковороды, сочинения которого Украина издала, и книга о котором моего сочинения сейчас печатается, — это естественно. Но что неестественно — это нахождение там архива известного украинского историка П. А. Маркевича — это тот историк, которым зачитывались в свое время непритязательные читатели Украины. Он, как собиратель архивных документов, выдал себя с головой, напечатав в «Отечественных Записках» любопытнейшую по своему интересу историю накопления им этого архивного фонда, который очутился в Румянцевском музее. Он наивно, без всякой хитрости и желания скрывать что-либо, совсем чистосердечно рассказывает о том, как он пристрастился к собиранию архивных материалов. Это была страсть неукротимая, от которой он не мог излечиться. Кто ему помогал в этом деле? Все близкие и дальние дворянские родственники по Черниговской и Полтавской губерниям, т.-е. потомки казацкой старшины. А нужно сказать, что Маркевич был родственником всем этим украинским панам-помещикам. Он захватывает все их материалы, приобретает их всяческим путем, и путем покупки, и путем дарения, и всякими иными предосудительными

путями, о которых мы от него узнаем. Таким образом, он собирает коллекцию. Ему удается собрать 12 000 актов. 6000 этих актов он описывает. В его руки попадает архив гетмана Скоропадского, последнего гетмана Разумовского; в его руки попадает архив правителя Малороссии известного Румянцева-Задунайского. Позвольте привести интереснейший рассказ его о том, как попал в его руки этот последний архив. Проезжая — говорит он — мимо деревни, где была усадьба Румянцева, я решил ее осмотреть. Осмотрел. Заведывал этим домом карлик, который еще служил при Румянцеве и пользовался его доверием, полным и решительным. Я вошел, говорит, в особую дружбу с этим карликом. Решился остаться переночевать. Не только угостил, но дал довольно крупную сумму этому карлику, для того, чтобы он позволил мне выбрать то, что мне нужно из книг и материалов. Архив был в большом беспорядке, прибавляет он, но не прибавляет другого, — что после его отбора этот архив должен был оказаться в еще большем беспорядке. Почему же он был в беспорядке? Потому что, говорит он, тут до меня хозяйничали многие, но при этом, прибавляет он, однако, я еще трижды при помощи этого карлика вывозил целые десятки пудов соответственных материалов. Я полагаю, что сказанного достаточно для соответственных выводов. Обратите только внимание: историк Малороссии, в свое время признанный, чуть ли не канонизированный, Карамзин украинской истории, такими средствами создает свой архив. Теперь для нас понятно, почему мы имеем у себя в Харьковском центральном архиве жалкие остатки материалов Малороссии. Мы теперь понимаем, что второй частью этого архива и является архив Маркевича, который перешел к помещику Лукашевичу, а оттуда в Румянцевский музей, где ему не место, а где ему место — этот вывод следует сам собой из всего сказанного.

Еще один пример, товарищи. — Не знаю, знает ли кто-нибудь из вас, что среди рукописей Академии Наук хранится знаменитейший историко-экономический памятник левобережной Украины конца XVIII века — Румянцевская опись Малороссии. Появление его там простое: был в Чернигове губернатор Анастасиев — чрезвычайный даже для того времени черносотенец. Для того, чтобы подслужиться царским чиновникам, он предложил перевезти в Петербург эту Румянцевскую опись. Она была перевезена. До того времени она описывалась Лазаревским, Константиновичем и мной; ее разрабатывали в экономическом отношении украинские историки, ставили по материалам этой описи краеугольный вопрос о том, когда жилось населению Украины лучше: в конце XVIII в. или в конце царского режима? Части Румянцевской описи имеются и в Киеве и Чернигове. Нужно воссоединить этот материал на основе требований централизации архивных материалов.

Теперь Публичная библиотека. — Тут трактовался вопрос большого принципиального значения: можно ли хранить в библиотеках

историко-литературные памятники? Да, бесспорно можно. Но к хранению в них архивных материалов мы, архивисты, относимся отрицательно. А в Публичной библиотеке Ленинграда вы найдете чисто архивные материалы, как, например, магистратские книги г. Киева или официальные донесения о крестьянских волнениях 1789 г. на Украине.

Третье хранилище — это Археографическая комиссия. Я, правда, откровенно должен сказать, не знаю, в чьем ведении находятся документы этой Археографической комиссии, — повидимому, Академии Наук. Но в свое время оказался среди деятелей этой комиссии чрезвычайно усердный археограф Курдюмов. Он составил чрезвычайно подробное и внимательное описание материалов, поступивших из украинских архивных фондов. Украина предъявляет тут счет не к Центрархиву и ученым учреждениям РСФСР, а к бывшему царскому правительству. Я лично уверен в том и полагаю, что мою уверенность разделяют и все присутствующие, что решение этого вопроса в настоящее время будет «советским», товарищи, и что эти материалы поступят к нам в украинский архивный фонд. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Слово имеет т. Покровский.

М. Н. Покровский. Товарищи, позвольте прежде всего от имени съезда поблагодарить наших гостей за приветствия и вместе с ними пожелать, чтобы наши встречи в такой обстановке повторялись периодически и возможно чаще, а затем по поводу содержания их информаций позвольте несколько дополнить эти информации от имени Центрархива РСФСР. Прежде всего мне очень жаль, что т. Чхетия не нашел нужным отметить (или, может-быть, я прослушал это), что когда зашла речь о возвращении Грузии архивов, которые были эвакуированы на территорию РСФСР, то Центрархив РСФСР без малейшего колебания с первого же пункта всем фронтом пошел навстречу этому желанию и не только вернул то, что находилось в его ведении, но, пользуясь некоторыми персональными взаимоотношениями, добился возвращения того, что находилось в ведении других учреждений, Центрархиву не подчиненных. Например, грузинские рукописи Академии Наук. Это служит гарантией, что никакие национальные пожелания союзных республик не только не встретят с нашей стороны противодействия, но, наоборот, встретят всяческое содействие. По крайней мере, лично я всегда стоял на той точке зрения, что национальные культурные ценности должны быть переданы тем союзным республикам, которые данную национальность составляют: грузинские — Грузии, украинские — Украине, белорусские — Белоруссии и т. д. Для меня лично это совершенно ясно и никакого спора не вызывает. К сожалению моему глубокому, я должен тут поставить, однако, несколько но. Первое но, — они, впрочем, все объективного свойства, но первое в особенности. Я уже указал, когда шла речь о возвращении грузинских ценностей, что тут был получен

ряд вещей, и не находившихся непосредственно в ведении Центрархива. Я не буду рассказывать, какие письма от уважаемых и почтенных представителей этого учреждения я получал. Я должен сказать, что, вероятно, ни один человек, находившийся в моем положении служебном, ни в одной стране мира не получал таких писем. Но это персональная, субъективная сторона дела, а объективная заключается в том, что одно учреждение весьма предусмотрительно немедленно провело чрез Совнарком СССР признание этого учреждения всесоюзным, и я очень сомневаюсь, чтобы вы теперь получили хотя бы один клочок бумаги, например, от Академии Наук, всесоюзного учреждения. В нем, конечно, могут быть культурные ценности всего Союза. Также бывший Румянцевский музей, ныне библиотека имени Ленина, это тоже всесоюзное учреждение.

Д. И. Багалей *(с места)*. Нет, я присутствовал в заседании Главнауки, где этот вопрос не прошел.

М. Н. Покровский. Я не знаю, как Главнаука на это смотрит, и я буду очень рад, если Главнаука найдет в этом случае выход, потому что эта коллекция Маркевича, по-моему, по всем правам принадлежит Украине, но этот вопрос для меня в виду всесоюзного значения Ленинской библиотеки не совсем ясен. Это первое но, которое приходится поставить.

Второе но заключается в том, о чем Дмитрий Иванович не говорил в своем докладе, что на Украине твердо усвоена территориальная точка зрения на украинство, если можно так выразиться. Украинское это все, что когда-либо возникало на территории Украины. Отсюда и ольвийские древности, остатки греческих колоний, которые были там, — это украинское достояние, отсюда те мамонтовы клыки, которые найдены там, — это украинское достояние, отсюда и остатки трипольской культуры — это украинское достояние и т. д. Это относится и к архивам. Архив южного общества декабристов — это украинское достояние. Общество Соединенных Славян, так как оно также на украинской территории было, — это тоже относится к Украине и, наконец, последнее, все, что относится к борьбе Красной Армии с Деникиным, которая была и на украинской территории, — это тоже украинское достояние. Но на эту точку зрения ни один человек в мире не может стать. Мы можем пойти на то, чтобы некоторые украинские собрания и некоторые украинские учреждения обратить во всесоюзные, например, киевский музей, — на это мы можем пойти, но чтобы признать мамонтовы клыки или остатки трипольской культуры украинскими, на это пойти нельзя. Созовите какой угодно ареопаг ученых, они никогда на это не согласятся. В этой плоскости, я боюсь, у нас могут быть расхождения, и я с чрезвычайной радостью должен констатировать, что украинцы сами нашли способ для разрешения подобного рода конфликтов. Они указали на то, что украинский ВУЦИК обратился для возвращения

перечисленных ценностей к ЦИК'у СССР. Если бы обращение было сделано непосредственно к Центрархиву РСФСР, нет никакого сомнения, что все, что находится в его руках украинского в виде фондов, которые могут быть выделены, все это было бы возвращено, но я чрезвычайно приветствую это обращение к ЦИК'у СССР. Найдена, наконец, инстанция, которая, очевидно, будет решать, что национальное, местное и что СССР-овское, общесоюзное. А так как ЦИК СССР, состоя не из специалистов архивистов, никогда не возьмется решать сам этого вопроса, а должен иметь у себя учреждение, у которого он может спросить консультации, какой это документ: СССР-овский или местный, национальный, отсюда следует логическая необходимость архивного управления СССР. С этой точки зрения, что найдена, наконец, увязка наших интересов, я и приветствую заявление академика Багалея. Я думаю, что съезд разделит со мною эту радость, что, наконец, наши конфликты, которые, в сущности говоря, не были конфликтами, потому что мы возвращали Украине все, что она требовала, будут разрешены. Я бы хотел только задать вопрос: что архив гетмана Скоропадского (нового) дошел до вас или нет? Вы говорите, не дошел, и это очень жаль, мы его передавали через Наркоминдел, очевидно, что он где-то по дороге остановился. Но так или иначе, мы его передали для Украины, так что, повторяю, мы все передадим, но так как некоторое расхождение здесь точек зрения будет, то позвольте выразить радость, что найден, наконец, пункт, где эти точки зрения могут увязаться, и что этим пунктом является ЦИК СССР. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Слово предоставляется проф. Е. В. Тарле для доклада о положении архивного дела на Западе.

Е. В. Тарле. Я хочу поделиться со съездом некоторыми из тех впечатлений, которые собрал я за время своего пребывания за границей, откуда я совсем недавно вернулся. Остановлюсь на наиболее бросившихся мне в глаза обстоятельствах и трудностях, которые переживает архивное дело на Западе и в частности во Франции, к которой я ближе присматривался. Основная трудность заключается в полном несоответствии между новыми материалами и теми материальными и персональными возможностями, которые оказались налицо для принятия этих материалов. Прежде всего трудность количественная. В Англии число документов с 4-го августа 1914 года, когда Англия вступила в войну, до настоящего времени, т.-е. за последние 10 лет, уже превысило число всех документов, выработанных Англией за все время ее исторического существования с средних веков. То же самое мы видим во Франции и Германии.

Чтобы покончить с вопросом о количестве, укажу еще на одно обстоятельство, с которым нынешнее поколение архивистов должно будет познакомиться. Дело в том, что, помимо архивных рукописных документов, выстуканных на пишущей машинке,

существует еще огромная документация, которую мне приходилось наблюдать за границей, целый ряд печатных документов, подлинники которых сплошь и рядом не сохранились, а копии напечатаны в количестве 50 — 100 экземпляров. Такого рода документы нужно сохранить. Например, распоряжение какого-нибудь генерала, которое он приказал напечатать и которое должно было действовать 3 месяца, 3 недели или 3 дня. Затем — еще вопрос — где их хранить, в библиотеке или в архиве? На этот вопрос, который встал перед нынешними архивистами, нужно ответить без колебаний: такие документы нужно хранить в архивах. Эти массы печатного материала также бесконечны.

Вторая трудность заключается прежде всего в совершеннейшей необходимости, вдруг представившейся и которой не было после прежних войн, — немедленно разобраться в этих документах. Не научное изучение, которое могло бы временно подождать, но гнетущие политические нужды создают эту необходимость. Тут было сказано, что архивы сплошь и рядом делались и делаются политическим оружием, и так обстоит не только в странах, переживших революции, не только в России, Германии и отчасти в Австрии, но так обстоит и в странах-победительницах, где публикации тех или иных материалов должны послужить ответами на соответствующие публикации враждебных стран. В настоящее время положение таково, что архиву дается задание выяснить: какого числа было то-то и то-то? Выяснить, например, какова была истинная роль такого-то французского посла тогда-то и тогда-то, или, например, выяснить: какова была роль таких-то сановников во время избиения армян в 1915 году. Надо бросать все дела нормально идущей архивной жизни и браться в спешном порядке за массу материалов и оттуда что-то выбирать, а сами-то материалы и в порядок не приведены.

Третья трудность заключается в том, что если этот поток идет в национальном архиве Франции, то он раньше проходит через те или иные ведомственные архивы. В ведомственных архивах положение вещей в Европе (я говорю о Франции, отчасти о Германии и Англии) было до сих пор такое: в архиве сидел один чиновник, у него было один-два помощника плюс барышня, пишущая на машинке. При таких средствах, когда работают два человека, смешно думать о том, чтобы они успели материал, накопившийся по их ведомству, настолько разобрать, чтобы его можно было утилизировать. И эта громадная трудность свалилась на архивные управления Западной Европы в тот момент, когда архивное дело переживает известный кризис.

Давно назревшие реформы еще не совсем завершены, а иные даже не начаты. Средства, которые отпускаются на архивы, были и остаются ничтожными вследствие общего финансового кризиса, который переживают как страны побежденные, так и победительницы. Национальный архив — я беру для примера самый большой

и наиболее мне известный — национальный архив, на который свалились все эти невероятные трудности, остался в таком положении: в нем, кроме директора, 29 архивистов и архивариусов разных степеней, но компетентных; кроме того, есть 12 — 13, иногда до 15 человек низшего персонала служащих — и больше никого. Они были переобременены работой еще до войны. Теперь они часто заняты исключительно текущей работой. Своим постоянным делом — классификацией — они заниматься не в состоянии.

В недрах большинства европейских архивов идет довольно определенная борьба между двумя течениями, борьба, которая назревала еще до войны, но которая выявилась теперь после войны. Первое течение, главенствующее по традиции в количественном отношении, — это течение палеографическое, это архивный состав лиц, окончивших Ecole des Chartes. В архивном отношении эти люди очень подготовлены, прошли очень почтенную и очень нужную по-своему школу и считали с давних пор архивное дело своей привилегией, своей монополией. Подготовленные к чтению средневековых документов, они часто понятия не имеют, как приступить к анализу документов нынешнего времени, к анализу документов новой и особенно новейшей истории. То, что оказывается очень хорошим, когда для целого столетия имеется 10 — 15 страничек и когда каждой страничке, например, по VII веку архивист может посвятить хоть год жизни, все это оказывается до смешного ненужным, когда перед вами встает такая масса документов.

Другое течение, отдавая должное значению старых палеографов, занимается больше социально-экономической историей, а также и вообще более приспособлено к изучению новейших документов. Чтобы справиться с новыми документами, новой документацией, тоже нужны подготовленные люди. В архив нельзя брать человека с улицы, архивное дело по возможности должно быть делом всей жизни человека, всей его карьеры, и, если вам неугодно брать из Ecole des Chartes архивиста-палеолога, то вы должны подготовить новых работников для документов нового времени.

Вы должны понять тяжесть положения архивистов Запада. Сегодня их 29, завтра, если пройдет реформа, их будет 50, 60, 75 человек. Все они должны быть так или иначе подготовлены. Все должны иметь стаж, ведь, в архив не пустят человека с улицы, и все должны зарок дать, что они ничем другим, по крайней мере официально, заниматься не будут. Совместительство запрещено, запрещено настолько, что считаться с этим необходимо. Сейчас мы увидим, как это жизнь обходит. Что же им дает государство? Архивист, 46 лет, проведший в архиве значительную часть своей жизни и снабженный всякими знаками отличия, получает 1.000 франков в месяц, т.-е. 100 рубл. Этих денег ему не хватает. Жизнь в Париже дешевая во многих отношениях, тем не менее такова, что французские чиновники — строго дисциплинированное

сословие, которое с наполеоновских времен имеет свой корпоративный дух и традиции беспрекословного повиновения, — образовали синдикат и готовы устроить и, вероятно, устроят забастовку, требуя повышения вознаграждения. Если 600 фр. вознаграждения требуют низшие почтовые чиновники, то 1000 франков, т. е. только на 40 рублей больше, для архивиста, — разумеется, это чрезвычайно мало. Как они выходят из положения? Они не могут поступить на службу. Они занимаются тем, что берут частную работу, ведут какие-то бухгалтерские расчеты, счетные книги по ночам. Вы понимаете сами, что архивист от хорошей жизни не станет заниматься по ночам бухгалтерией. Один мне говорил, что ему приходится в сутки спать 5 часов. При разорении бюджетов всех держав Европы, трудно ожидать, чтобы государство в этом смысле пошло на какие-нибудь жертвы. Это удручающее положение в высшей степени затрудняет нормальное отправление архивной службы. Гнетущая необходимость разобраться в архивах есть уже сейчас необходимость политическая, неотложная. Как же выйти из положения? Во Франции пришли к необходимости устроить особую библиотеку Великой войны. Они называют ее кратко Bibliothèque de la Grande Guerre. Фактически включили в эту библиотеку то, что так или иначе касается не только войны, но и послевоенных обстоятельств. Когда их спрашиваешь, на каком пункте они хотят остановиться, — потому что нельзя в библиотеку войны бесконечно собирать материалы о дальнейших событиях, — то они говорят, что они предполагают взять десятилетие войны и революции, которые на всех странах отразились, т.-е. берется война и революция за 10 лет, с 1914 по 1924 год. Последним хронологическим моментом берется иногда принятие плана Дауэса, который якобы должен покончить с целым рядом явлений, вызванных войной и после войны продолжавшихся.

Библиотека уже имеется в Париже, в Венсенском замке, залы разделены по нациям и по содержанию книжных сокровищ, появившихся с 1914 года. Русский отдел, что вас должно особенно интересовать, занимает 6000 номеров, при чем под номерами всегда понимаются периодические издания, за сколько бы лет они ни вышли, например, «Известия ВЦИК'а» имеются там под отдельным номером, и таких номеров 6000. Для Парижа, для начала дела, это не мало. Библиотека должна, по мысли многих, стать зародышем не только того печатного материала, который имеется, но и архивного материала, который считается необходимым собирать. В архивах Национальном и в других многие приходят к мысли, что архив войны должен помещаться отдельно; архив будет устроен во дворце Субизов или в другом специальном здании. Этот вопрос еще не разрешен. Во всяком случае предполагается, что это будет огромный архив с совершенно особыми заданиями, в котором будут работать подготовленные к научному и политическому использованию этого материала работники. Во Франции

очень заинтересовались Архивом Октябрьской Революции, потому что в тех сокровищах документов, которые в нем сохраняются, они видят нечто в роде библиотеки «De la Grande Guerre».

Во Франции решили вступить в постоянные сношения с учеными учреждениями советской России, они обратились с предложением к Михаилу Николаевичу Покровскому об обмене документами. Они ждут дубликатов с нашей стороны и готовят такие дубликаты, которые нам нужны, дубликаты для нас ценные, потому что касаются белого движения и являются мало доступными.

Одну из грандиознейших трудностей представляет собою еще вопрос издания документов.

В Германии это дело обстоит несколько проще. Там произошла революция, переменился персонал, и он не так заинтересован, как во Франции и Англии, и не так сторонится, как в первых странах, от мысли о публикации. Но и в Германии сплошь и рядом эта публикация задерживается не только потому, что неудобно печатать тот или другой материал, а потому, что нет соответствующего кадра архивистов. Вас, членов съезда, может заинтересовать вопрос о том, как там относятся к нашему архивному строительству? Как это ни странно, в этой строго бюрократической архивной среде, может-быть, потому, что они существуют на очень скудном экономическом базисе, я видел резко критическое настроение к окружающей действительности. В частности, относительно архивов они готовы произвести самую решительную и крутую ломку и самые решительные опыты. Они очень заинтересованы историей настоящего русского архивного строительства. Увы, этой книги я им преподнести не мог. Я им дал некоторые библиографические указания. Вначале там был такой слух, что после Октябрьской революции архивы подверглись разграблению и уничтожению. Когда они узнали, что это не так (а узнали они об этом довольно давно — еще в 1919 — 20 гг.), тогда они стали с необычайным интересом следить за тем, что у нас делается, и они ждут такой книги, и я бы сказал, что они в праве требовать, чтобы так или иначе мы, русские архивисты, эту книгу написали, при чем написали бы возможно подробнее. Они заявили, кроме того, что наше архивное дело их поражает большим количеством служащих. В этом отношении они хотели бы перенести это к себе. С другой стороны, они заявили прямо, что они должны в точности знать, что делается для дальнейшего архивного образования в России, указывая на то, что без архивного образования нельзя будет и даже с большими силами с делом справиться. Все архивисты Франции знают, что реформы неизбежны, знают, что правительство никогда не возьмет на себя начинания в этом деле, что правительство не интересуется архивами вовсе, а только умеет от них требовать то, что ему нужно для данного дня, что толчок к реформе должен итти из недр самого архива, и с этой точки зрения их интересует

страна, которая так или иначе ломку в архивном деле успела произвести. На этом я кончу свое короткое сообщение.

Председатель: Позвольте объявить перерыв.

Перерыв.

Вечернее заседание.

Председательствует *М. Н. Покровский.*

Председатель. Нам предстоит заслушать два доклада: доклад об архивном строительстве на местах тов. Максакова и доклад тов. Константинова об очередных организационных задачах Центрархива.

Первым предоставляется слово тов. Максакову.

В. В. Максаков. Заранее, товарищи, мне нужно оговориться, что выявить работу губернских архивных наших учреждений в полном объеме я не смогу ни в час, ни в полтора, ни в два, а в моем распоряжении только один час. Поэтому я смогу подвести только некоторые итоги работы на местах. Постараюсь по возможности ввести цифровой материал. Бытовая обстановка, в которой нам приходится работать на местах, ускользнет из моего доклада, но думаю, что товарищи в своих прениях пополнят эту сторону, и тогда мой доклад будет более цельным. Вопросов организационного строительства на местах я почти не буду касаться в своем докладе, это дело тов. Константинова.

В 1918 году у нас был институт уполномоченных. Большую часть этих уполномоченных главное управление архивным делом брало из состава местных работников, главным образом из состава бывших членов архивных комиссий. В 1918 году такие уполномоченные у нас были во Владимире, Костроме, Тамбове, Вологде, Вятке, Самаре, Смоленске и Петрозаводске. Начальной же датой организации самих губернских учреждений на местах следует считать март 1919 года, когда было утверждено Совнаркомом положение о губернских архивных управлениях. В 1919 году сеть местных архивных учреждений захватывает сперва центральные губернии Республики и постепенно двигается на восток по мере расширения территории, занимаемой советскими войсками. К концу 1919 года мы уже имеем губернские архивные управления в 23 губерниях: в Воронеже, Иваново-Вознесенске, Калуге, Орле, Брянске, Пензе, Туле, Нижнем, Витебске, Новгороде, Череповце, Ярославле, Могилеве, Рязани, Самаре, Саратове, Симбирске, Екатеринбурге, Перми, Тобольске, Казани, Уфе и Оренбурге. В 1920 году, с занятием юга советскими войсками возникают архивные учреждения в Ростове, Краснодаре, Ставрополе и одновременно организуются в Пскове, Курске, Великом Устюге и Астрахани. В Омске было образовано архивное управление почти сразу же после ликвидации Колчака, сперва как сибирское

областное архивное управление. Впоследствии это областное архивное управление было переведено в Ново-Николаевск. Оно должно было объединить деятельность всех губернских центров Сибири — Томска, Иркутска, Барнаула, Енисейска. Но в течение долгого времени такого объединения фактически не было. В 1921 году мы имеем новые архивные органы в Рыбинске, Челябинске, Тюмени, Георгиевске, позже в Пятигорске, в 1922 году в Мурманске и в 1923 году в Ленинграде, Владивостоке и в 1924 году в Благовещенске Амурском. 14 июля 1921 года президиум ВЦИК'а издал постановление о взаимоотношениях между Главархивом тогдашним и архивными учреждениями автономных республик и областей, образовавшихся к тому времени. Этим положением было предусмотрено создание центральных управлений в этих областях и республиках. С введением этого положения губернские архивные центры были преобразованы соответствующим образом. В настоящее время почти вся территория республики охвачена сетью губернских, областных и соответствующих в автономных областях и республиках архивных учреждений. Всего сейчас мы имеем 67 совершенно сорганизованных учреждений. Мы в первую очередь могли охватить только губ. и областные центры; проникнуть глубже, в уезды, было, конечно, гораздо труднее. В первые годы гражданской войны даже попыток проникнуть в уезды не делалось. К 1921 г. в некоторых местах удалось эти уездные центры посредством губ. архивных центров сорганизовать, но в том же 1921 году эти уездные архивные учреждения совершенно исчезли. Объясняется это тем, что как раз ко второй половине 1921 года началось сокращение штатов, которое в первую очередь отозвалось на деятельности наших уездных архивных учреждений. В настоящее время мы можем отметить всего лишь несколько губерний и областей, в которых архивные организации имеются в уездах. Всего у нас работников в уездах имеется 137, в большинстве случаев в уездных архивных учреждениях, если их можно назвать таковыми, имеется максимум 2 работника.

Прежде чем говорить более или менее подробно о работе архивных учреждений, необходимо сказать несколько слов о структуре губархбюро. Положение о губ. архивных фондах предусматривало организацию губархивов, как самостоятельных учреждений, непосредственно подчиненных зав. ГАУ. Но 25 мая 1921 года коллегией Наркомпроса было утверждено новое положение о губ. архивных управлениях, которое отняло самостоятельность у этих учреждений; они были включены в сеть учреждений отделов народн. образования, и с этих пор деятельность наших губ. архивных учреждений до издания нового временного положения о них постепенно стала падать. Средств, которые отпускались на ОНО, было так недостаточно, что, конечно, наши архивные учреждения почти ничего не получали. Штаты были

сжаты до последних пределов. И только положение о Центрархиве РСФСР от 30 января 1922 года, которое выделило из состава ОНО наши губ. архивные органы, дало возможность опять восстановить, хотя бы в некоторой мере, наши архивные органы на местах. Временное положение осенью 1922 года уточнило несколько это положение, но оно снизило все-таки до некоторой степени общее положение наших губ. архивных органов на ряду с другими советскими органами в губерниях, подчинив нашего зав. губ. архивных бюро не президиуму исполкома, а секретариату президиума губисполкома.

Нужно откровенно сказать, что положение архивных учреждений остается тяжелым. Архивные наши учреждения до сих пор не располагают более или менее достаточным штатом для той массы работы, которая ложится на плечи этих губ. органов. Штаты губ. архивных бюро, содержавшиеся за счет центра, в первый период существования архивных учреждений выражались в средней цифре 8 — 10 человек. И лишь в некоторых центрах достигали такой цифры, как 15 — 20 человек на губернию, но и эта относительно высокая как будто цифра все-таки значительно отставала от количества работников архивного дела в дореволюционное время в губ. центрах и, конечно, не отвечала тем потребностям, которые вызывались жизнью. Сокращение штатов в 1921 г., о котором я упоминал, еще больше сжало аппараты губ. управлений. В Витебске число сотрудников было 23 и в 1921 году, после сокращения, упало до 8. В Ставрополе с 21 упало до 9, в Иркутске с 16 до 3, в Калуге с 11 до 3, в Тобольске с 6 до 1, в Туле с 9 до 1, Вятке с 9 до 3. Эта картина наблюдалась повсеместно. Непосредственно после сокращения состояние губархивов было положительно катастрофическое.

С 1923 года количество сотрудников губ. бюро начинает повышаться. Здесь была проявлена инициатива самих зав. губ. архивных бюро, которые, опираясь на положение, изданное президиумом ВЦИК, делали соответствующие доклады президиумам исполкомов. В Калуге в 1923 году штат сотрудников выражается в 10 челов., 4 сотрудников бюро давал центр. Положение создалось такое, что средства отпускались Центрархивом, а часть сотрудников получала содержание из местных средств. В Смоленске было 10 сотр. в губ. центре и 11 в уездах и 4 сотр. давал Центрархив. Но это было не всюду. В ряде губбюро положение оставалось все-таки тяжелым. В среднем общее количество сотрудников на губбюро в период 1923 — 24 г. было 2 — 4 чел. С 21 января 1924 года, согласно положению о местных финансах, содержание штатов архивных учреждений перешло на счет местных средств. В некоторых местах личный состав сотрудников не изменился. В других это совпало с увеличением общего количества сотрудников, но в ряде архбюро переход на местные средства привел к сокращению штатов. В Пскове количество сотрудников

с 8 уменьшилось до 6. В Костроме упразднены должности 2 научных сотрудников и т. д. В 1924 г. положение было такое же неопределенное. Колебания наблюдались и в ту и в другую сторону. Все зависело от отношения местной губернской власти к местным губернским органам, но уже с начала организации политических секций положение вещей значительно изменилось. Благодаря этому начинанию, в некоторых губ. центрах удалось добиться увеличения штатов на 1 — 2, даже на 3 сотрудников. В общем же штаты до сих пор малочисленны. Максимальные штаты в 26 единиц на губернию — это в Тверской губ., в Калужской 22, в Смоленской 21, в Иваново-Вознесенской 20, минимальное количество 1 сотр. — это Марийская область, Забайкальское губархбюро. В остальных местах 6 — 8 — 10 сотрудников. Есть 2 — 3 сотрудника. Я приведу цифры, показывающие движение личного состава местных губернских органов, за ряд лет на первое января каждого года.

В 1919 году всего было 190 человек, на губернии 158 и уезды — 32. В 1920 году — всего 335 человек, на губернии 292 и 43 на уезды. В 1921 г. — всего 392, на губернии 289 и на уезды 103. Здесь скачок дала организация уездных архивных учреждений. В 1922 г. всего 462 ч. — на губернии 378 и 84 на уезды. В 1923 г. всего 563 ч. — на губернии 448 и 115 на уезды. В 1924 г. всего 506 — губернские центры 411 и 95 уездные.

Не лишним будет напомнить съезду некоторые данные для характеристики личного состава этих архивных работников. С высшим образованием на 1 января 1924 г. было 22% общего числа работников, с средним 52%, и низшим 26%. В 1925 г. с высшим 21%, со средним 53%, и с низшим 25%.

Членов партии на 1 января 1924 г. было 8 ч. во всей РСФСР — 1,5%, а на 1 января 25 года — 72 — 13%. Членов РЛКСМ было 1 в 1924 г. и 5 в 1925 г. Завед. губ. центрами: в 1923 г. на 70 архивных учреждений завед. членов партии было — 4 — 5,5%. В 1924 г. было — 32 — 45,5%. В 1925 г. — 44 — 67%. К настоящему дню % членов партии в общем повысился. На 1 января было у нас 13%, а на 1 марта — цифры мне дали час тому назад — 20%. Следовательно, в течение этих 3 месяцев % удалось еще больше увеличить. Заведующие политическими секциями, конечно, почти всюду члены партии. Должен сказать, что то изменение в личном составе, которое вы видите, есть результат очень и очень большого нажима со стороны Центрархива, который уж давно пришел к тому, что необходимо, как я говорил и в основном своем докладе, освежить, обновить состав губ. архивных учреждений. Конечно, тт., эти штаты и личный состав нельзя считать удовлетворительными для той работы, которая сейчас должна происходить и происходит в наших губернских центрах.

Не менее острым вопросом, чем вопрос о штатах, является вопрос о средствах на зар. плату, хозяйственные и операционные

расходы. В смысле финансового положения, конечно, наши губ. архивные органы находятся на самом последнем месте в ряде других губ. учреждений. Это в конечном итоге приводило к тому, что от нас уходили работники, которые пришли с самого начала организации архивных учреждений, и к нам не шли новые молодые работники. Несколько улучшилось положение с момента перехода на местные средства.

Но все-таки в общем и целом положение и сейчас далеко не удовлетворительное. Я приведу лишь некоторые данные для иллюстрации этого положения. Скажем, по Пензенскому бюро было 15 рублей золотом на работника, Ставрополь — 14 руб., во Владимирской губернии в 1923 году на 7 сотрудников было отпущено 34 руб., затем 13 руб. на работника. В Смоленской, Нижегородской, Пензенской ставка была несколько выше, но регулярно ежемесячно не доплачивалось 50%. В Ульяновске сотрудники, снятые с госбюджета, некоторое время совершенно перестали получать жалованье, а те, которые состояли на местном бюджете, стали получать 8 р. 10 коп. Это по 10-му разряду. По 11-му несколько больше.

Таково, товарищи, было положение год-полтора тому назад. Сейчас оно, конечно, улучшается, но в общем и целом не так быстро, как бы нам хотелось.

Как удовлетворялись на местах хозяйственные нужды? Ставрополь на июль 1923 года имел 9 р. 50 коп., на октябрь — ноябрь 20 р., на декабрь 30 руб. Владимирская губерния 2 р. 40 коп. в месяц. Ряд месяцев — февраль, март, апрель, май — ничего, затем полгода по декабрь 2 р. 25 коп. Фактически на хозяйственные нужды губернские архивные учреждения в большинстве случаев не получали ничего, а то, что удавалось урывать, это было совершенно случайное. Ряд губернских центров получают достаточное количество кредитов и смогли существовать более или менее сносно. Это можно сказать о Твери, Иваново-Вознесенске, Саратове и еще о нескольких.

Теперь — вопрос о помещениях — один из самых больных вопросов на местах. Постоянно закрепленных за нашими архивными учреждениями зданий или помещений, приспособленных под архивы, нет. Первое время архивные материалы просто собирались в склады, где их можно было на время хотя бы хранить до наступления лучшего времени, когда можно будет найти более подходящее помещение, оборудовать его, произвести разборку, систематизировать материалы и т. д. Первое время в условиях гражданской войны на сохранение материалов от гибели смотрели как на задачу третьестепенную, и помещения отводились учреждениям, наиболее нуждающимся. Нам оставались только складочные помещения. Но по мере того, как мы перешли к более мирному строительству, по мере того, как мы сумели доказать, что наша работа должна быть связана с работой местных губернских

учреждений, нам удалось получить и хранилища. Но все же до сих пор нам приходится получать с мест ряд заявлений о том, что в том или другом губернском центре положение с помещением является угрожающим. Более или менее дело обстоит удовлетворительно в Саратове, Костроме, Рязани, Туле, Иваново-Вознесенске, Владимире, Тамбове, Ставрополе, на Кубани, в Пскове и других центрах, но все это относительно. В той же Рязани собирание материалов советского периода будет приостановлено, если наше губернское бюро не сможет получить нового здания. Отовсюду идут голоса, что нужно закрепить за губернскими архивными центрами те помещения, которые уже имеются, потому что нет никакой уверенности в том, что те помещения, которые сейчас есть, через некоторое время не будут отобраны. А эти случаи приводят к полной дезорганизации более или менее наладившейся работы. В неудовлетворительном положении находится Царицынский, Мурманский, Забайкальский и Монголо-Бурятские архивы. Там архивные материалы хранятся в совершенно неприспособленных помещениях. О положении в уездах, конечно, и говорить не приходится. Там нет постоянных каких-нибудь хранилищ; там архивы, сохранившиеся до сих пор, хранятся преимущественно в полуподвальных зданиях, в подвалах или в комнатах при местном уисполкоме или другом советском учреждении.

Таковы в общих чертах материальные условия работы наших местных архивных органов. Конечно, товарищи, в значительной мере они связаны с отношением местной власти к нашим архивным учреждениям и меняются в зависимости от изменения этих отношений. Я не буду приводить имеющихся в моем распоряжении данных, иллюстрирующих это отношение. Их очень много, и они говорят о том, что во многих и многих случаях между губернскими архивными нашими органами и между губернскими советскими учреждениями есть определенная несогласованность в работе. Причин, конечно, много. Но основное, товарищи, то, что до сих пор мы не в силах были получить в свои архивные учреждения работников, которые бы отвечали всем требованиям, предъявляемым к нам органами власти. Вот присмотритесь к тем данным о личном составе, которые я приводил, и вы увидите, какое слабое представительство еще сейчас имеет в наших архивных органах РКП, а я в своем основном докладе говорил о том, в чьих руках вообще должны находиться архивы. Только тогда, когда к архивным учреждениям со стороны местной власти будет полнейшее политическое доверие, только тогда можно и наладить и развить нашу эту работу. С другой стороны, товарищи, не нужно закрывать глаза и на то, что самая структура наших архивных учреждений на местах страдает до сих пор еще теми дефектами, которые мешают более или менее нормальной работе этих учреждений и нормальной связи с другими органами власти.

на местах. Подчинение губернских архивных бюро президиуму губисполкома через секретариат последнего, конечно, не создает нормальной связи между президиумом и архивным бюро.

Теперь вопрос о взаимоотношениях с другими советскими органами, с которыми мы в своей повседневной архивной практике сталкиваемся, а также и с научными учреждениями на местах. Этот вопрос был затронут нами довольно широко в докладе тов. Адоратского и в прениях по нему. Я не буду на нем долго останавливаться, но скажу, что здесь у нас дело обстоит не блестяще. Спасает положение подчас то, что, как мы видели во время прений, у нас в составе архивных бюро имеются лица, которые связаны одновременно с работой других учреждений. Это дает им возможность размежевывать работу в области архивного строительства, скажем, от музейного строительства. Но это же и порождает ряд других затруднений: такая персональная связь работы учреждений, в общем и целом имеющих специфические особенности, при смене руководящего состава, приводит к очень большим трениям. Вопрос может быть разрешен на местах после того, когда мы, согласовав это с соответствующими ведомствами, дадим определенное твердое руководство нашим товарищам, работающим на местах.

Много ли, товарищи, архивных материалов мы сохранили за это время, работая при тех условиях, о которых я вам говорил? Я сейчас вам приведу некоторые данные о том, что мы сохранили, что мы разобрали, но все-таки скажу, что очень, очень много за эти годы утрачено и утрачено потому, что фактически общее руководство губернскими архивными фондами создать было невозможно за первые годы революции, и архивы гибли и от стихийных бедствий, и от плохого их хранения, и от хищений и т. д.

Нами учтено включительно по 1923 год 17.766 фондов, из них 13.900 дореволюционного периода и 3.866 советского периода. По годам: в 1918 году 127, в 1919 — 713, в 1920 — 1.793, в 1921 — 2.972, в 1922 — 4.880, в 1923 — 7.581 фонд. Тут любопытны цифры последних двух годов 1922 и 1923-го. Дореволюционных фондов в 1919 году было нами учтено 654, за период пореволюционный — 59. В 1922 году дореволюционных фондов 3.723, а пореволюционных 1.157. В 1923 году — 5.331 дореволюционных и 2.250 пореволюционных. Мы здесь видим картину непрерывного роста учета архивных фондов, как дореволюционных, так и пореволюционных, но за последний 1923 год количество учтенных фондов пореволюционных растет большими скачками. Мы, очевидно, стоим перед тем моментом, когда мы сможем сказать, что фонды дореволюционного времени в общем и целом в провинции мы учли и нам придется главное внимание обратить на фонды советского периода. За время с 1918 по 1923 год принято было актохранилищами 6.211 фондов. О том, в каком состоянии поступают архивные материалы к нам

*

от архивохранилищ, я уже говорил в своем первом докладе. В губернские архивохранилища архивные материалы поступают в виде груды разрозненных документов, разбитых, попорченных сыростью и т. д. Все эти архивные материалы очень часто перебрасывались с первого года революции с одного места в другое и, конечно, утратили всякие описи, которые были при них. Так что для разборки этих материалов необходим штат совсем других размеров, чем тот, который имеется сейчас на местах. Кроме того, самые помещения, в которые мы свозим эти материалы на местах, являются совершенно неприспособленными для разборочной работы. Тем не менее за эти годы, о которых я говорил, разобрано у нас в губернских центрах 4.000.241 дело и 326 фондов, объем которых в делах не выражен. На уезды приходится 2.970.000 и 118 фондов. По годам мы имеем такие цифры: в 1918 разобрано 68.000, в 1919 — 179.000, в 1920 — 320.000, в 1921 — 280.000, в 1922 — 1.065.000, в 1923 — 2.330.000, в 1924 — 2.579.000 дел. Большею частью среди фондов, разобранных по тем отчетам, которые мы имеем, значатся фонды жандармских управлений, полицейских управлений, фонды губернаторские, судебных органов и т. д. Количество описанных дел за период 1918 — 1923 годы достигает 1.027.479. Цифра чрезвычайно большая, если принять во внимание те условия, в которых приходится вести эту описательную работу. Должен, конечно, товарищи, сказать, что почти всюду на местах имеется огромное количество материала, не подлежащего хранению в наших архивохранилищах. Но их приходится хранить, потому что нет возможности произвести более или менее сносную отборку макулатуры. В некоторых случаях эта разборочная работа производится, но в общем и целом на местах проявляется известная осторожность в том отношении, чтобы не предназначить к уничтожению материалы, могущие быть полезными для практических целей или для научных целей.

Необходимо, повидимому (мы об этом будем говорить в нашей организационной секции), наметить нам здесь на съезде общую линию в вопросе об отборе из наших архивных фондов т. наз. макулатуры. Разумеется, осторожность, которая проявляется и центром в этом отношении и местами, в этом деле необходима, но необходимо также и поспешить с тем, чтобы разгрузить наши архивные хранилища от огромного количества накопившейся в них макулатуры. Мы намечаем создание особых комиссий в каждом губбюро, в состав которых войдут наши инструктора. Эти инструктора, снабженные соответствующими инструкциями и сами проинструктированные, совместно с представителями местных губ. органов и губ. советских учреждений должны в течение известного периода времени поработать на местах над теми фондами, которые имеются в губ. архивохранилищах.

Общее количество справок, выданных архивными учреждениями, достигает в 1923 г. 12.500; в 1918 г. справки были выданы на местах лишь в количестве 29. Непрерывный рост выдачи справок за 1919 — 1923 гг. говорит о том, что наши губернские органы начали работать вместе с местными советскими учреждениями и что советские учреждения уже начинают понимать, что они могут получать от наших архивов.

В 1918 г. было выдано 29 справок, в 1919 — 662, в 1920 — 1.160, в 1922 — 7.000, в 1923 — 12.000. Эти цифры показывают и непрерывный рост внимания со стороны советских учреждений к нашим архивам. В 1924 г. выдано справок — 46.886 против 12.000 в 1923 году, и из них 33.000 справок выдано учреждениям и организациям и 13.886 частным лицам. В 1918 году мы имеем, по нашим сведениям, по всем губ. учреждениям — 5 лиц, которые работали над материалами; в 1923 году уже зарегистрировано 3.000 лиц, посетивших наши архивы с целью научной работы. Число посещений с 25 в 1918 г. увеличивается до 1.230.000 в 1923 г. Работа над архивами дореволюционного периода нашими губ. органами ведется, конечно, в одном направлении — учет и концентрация главным образом. Но сейчас за последние 2 года, как я уже показал, приведя цифры о количестве фондов, учтенных советским периодом, — сейчас нашим учреждениям приходится волей-неволей подходить к советским органам. Эти последние требуют, чтобы или от них приняли архивный материал, или дали бы им руководящие указания, как им поставить архивную часть своего делопроизводства. Разумеется, товарищи, инструктирование, которое проявляется со стороны наших губ. органов в советских архивах, — это инструктирование очень часто носит формальный характер. Нужно ждать из центра надлежащих инструкций для наших работников на местах. Правила постановки архивной части текущего делопроизводства, о которых мы несколько раз говорили и о которых мы будем еще слушать доклад в секции, — явятся тем руководством, которое, будучи в руках наших работников на местах, принесет огромную пользу. Попыток инструктирования в 1919 г. мы имеем 92, а в 1923 г. 2.184 — по всем губерниям. В 1924 г. нашими губ. архивными учреждениями проинструктировано 2.202 учреждения. Само собой разумеется, в уездах ни о каком инструктировании наших советских органов, как они должны строить свои архивы, не может и быть речи. Туда из губернских центров едут для инструктирования, фактически для руководства по концентрации и по учету, для выявления и концентрации архматериалов — губернские работники. Не имея возможности создать постоянные архивные уездные учреждения, наши губархбюро командируют на места инструкторов, которые выполняют там функции таких уездных архивных учреждений.

Скажу несколько слов о научной деятельности наших архивных учреждений на местах. Разумеется, наши архивные работники на местах не замыкаются всецело в рамках работы исключительно по спасению архивных материалов от гибели, их разборке, систематизации, охране и т. д. Все-таки на местах имеются попытки принять участие и в научной работе над теми материалами, которые имеются в распоряжении архивных органов. Мы имеем довольно обширные списки тех работ, которые изданы на основании архивных материалов, хранящихся в наших губ. арх. хранилищах, при чем очень и очень многие из этих работ изданы теми научными деятелями, которые работают в составе наших архивных учреждений. Я не буду перечислять всех этих работ. Скажу только, что в общем и целом эти работы захватывают главным образом вопросы историко-рев. движения и вопросы краеведческого порядка. Сейчас в связи с юбилеем 1905 г. многие работники на местах проделали довольно большую работу по подготовке материалов, касающихся рев. движения 1905 г. Есть работы по Пугачевщине, есть работы по восстанию декабристов и т. д. Наблюдается большое желание примкнуть к работе по публикации материалов, которая проделывается в центре. Но эта работа почти совершенно не увязана с работой центра. В результате очень и очень часто тот материал, который выбрасывается на рынок некоторыми нашими архбюро, является материалом, не заслуживающим того, чтобы его нужно было бы публиковать. Здесь мы имеем ряд таких фактов, на которых можно было бы остановиться на нашем съезде.

Я уже говорил в своем основном докладе, что в общий план нашего издательства нужно обязательно внести предположения, которые имеются на местах. Необходимо увязать попытки издательских начинаний мест с плановыми предположениями Москвы. Я иллюстрирую двумя примерами то положение в области издательства наших губернских архбюро, которое сейчас имеется. У нас одно из лучших архбюро — это Саратовское, и, естественно, став несколько на ноги, окрепнув, Саратовское архбюро прежде всего, конечно, решило что-либо дать будущим или настоящим исследователям по истории рев. движения. Попытка чрезвычайно хорошая, но тт., работающие в Саратовском губархбюро, не столковались по этому поводу с Москвой. Первое, на что они обратили внимание, — сводки донесений жандармских управлений, составленные департаментом полиции, рассылавшим, конечно, эти сводки во все подведомственные ему губ. жанд. управления. Материалы эти чрезвычайно ценные. Но, во-первых, эти материалы не являются характерными для Саратова. Саратову отведено в этом обзоре, который напечатан Саратовым, — буквально 1 — 2 странички. Обзор обхватывает положение во всей стране. Лучше было бы этот обзор издать, скажем, в Ленинграде, где имеются богатейшие материалы-первоисточники, которыми

можно было бы пополнить эти сводки, представляющие собой некоторую переработку первичных сырых материалов. Я ни на минуту не скорблю о том, что эта книжка появилась в свет. Но я думаю, что Саратов, желая и имея возможность издавать, мог бы дать то, что касается именно Саратовской губернии. Этим он связался бы с местными научными учреждениями и местными органами власти, которые интересуются местными краеведческими вопросами. Здесь налицо неувязка с центром, который мог бы дать Саратову надлежащие указания и, может быть, совместно осуществить саратовское начинание.

Другое, что я имею перед собою, говорит о полном непонимании тех задач, которые нам нужно ставить при издании документов. Одно из губернских архивных бюро издало книгу под заглавием: «Дело архимандрита Зосимы по делу о растлении малолетних в женском Боголюбском монастыре». В этой книге имеется, помимо сырого материала, ряд иллюстраций: портрет этого архимандрита Зосимы во время произнесения проповеди в Боголюбской обители, два портрета Зосимы в двух видах, портрет, снятый в губернской тюрьме, и т. д. Издание такой книги в 5.000 экз., хотя бы с такой, казалось бы, похвальной целью, как объяснили товарищи, с целью антирелигиозной пропаганды, конечно, не дело нашего губернского архивного бюро. Можно было бы найти материал более ценный, нужный и пригодный для той же цели — антирелигиозной пропаганды. В ред.-изд. отдел Центрархива, который должен регулировать это дело, пришел не запрос, стоит ли издавать подобную книгу, а просьба принять меры к распространению этой книги. Конечно, мы предложили впредь не заниматься такого рода издательской деятельностью.

Эти иллюстрации, товарищи, ясно говорят о том, что нам нужно увязать издательское дело, сделать его единым.

Особо я должен остановиться на вопросе об организации политических секций. Этот вопрос возбуждает ряд недоумений на местах, и эти же недоумения высказываются и на съезде. Вопрос о политической секции был нами поднят по двум соображениям. Было необходимо обеспечить охрану материалов, имеющих для государства особо важное значение. Мы полагали, что в политические секции пойдет собранный материал из жандармских управлений, секретной части губернаторов и материал некоторых советских органов, которые уже начали передавать в архив свои материалы, и т. д. С другой стороны, нам нужно было добиться освежения состава губернских учреждений. Мы полагаем и вполне справедливо, что необходимых работников на местах могут скорее дать для целей охраны и разборки материалов, имеющих большое политическое значение, чем для общего заведывания архивными губернскими учреждениями.

Сейчас стоит другой вопрос в связи с организацией политических секций. Каков характер тех фондов, которые должны быть

в этих политических секциях? Я уже говорил о том, что мы мыслим себе в ближайшем будущем организацию политических секций, как архивов Октябрьской революции. Мы понимали, что должны провести резкую грань в материалах дореволюционного времени и пореволюционного времени. Все губернские архивные фонды можно разрезать на две части: на часть историческую — губернские исторические архивы — и архивы Октябрьской революции, на архивы дореволюционного времени и на архивы пореволюционного времени. Политсекции имеют архивы пореволюционного времени. Материалы жандармских управлений займут в политической секции небольшое место, когда будет сконцентрирован материал пооктябрьского периода. Этим я не хочу сказать, что мы должны образовывать два совершенно самостоятельных управления. Мы делим фонды, но управление должно остаться общим. Только так мы понимаем организацию губернского архивного фонда на местах. Я думаю, что такую небольшую реформу, которая по существу не внесет больших изменений в то положение, какое имеется сейчас на местах, мы проведем в ближайшие месяцы.

В своем докладе я не мог перечислить всех фактов, которые в изобилии имеются в моем распоряжении, о тяжелом положении архивного дела на местах за прошлые годы. Но те данные, которые имеются у меня и которые имеются в распоряжении товарищей, приехавших с мест, все-таки не дают мне возможности сказать, что положение в области архивного строительства на местах является угрожающим. Я бы сказал, что все-таки во всех положительно областях нашей архивной работы на местах мы имеем определенные достижения. Я приводил цифры учета, разборки, описания, концентрации материалов, все эти цифры говорят об одном — о неуклонном повышении количества проделываемой нами работы из года в год. Это достигается, конечно, огромнейшим напряжением сил тех работников, которые сейчас работают на местах, но это говорит за то, что мы все-таки идем не вниз, а идем вверх, что все-таки работа с большим трудом, но улучшается. То изменение личного состава, которое я здесь подчеркивал, заставляет нас думать, что в ближайшем будущем мы будем иметь коренное изменение отношения к нашим архивным органам на местах со стороны местной власти, а этим, товарищи, определяется чрезвычайно многое. Ставить вопрос о спасении архивных учреждений от намечающейся будто гибели их, конечно, на этом съезде не приходится. Нужно говорить об укреплении уже существующих аппаратов, о дальнейшем их развитии, о дальнейшем усилении их средствами, штатами и т. д. и об изменении их положения на ряду с положением других советских органов на местах. Те организационные мероприятия, которые необходимо проделать в этом направлении, будут изложены здесь тов. Константиновым. Необходимо нам приложить все усилия к тому, чтобы поставить

наши архивные органы в положение менее зависимое, поставить их на ряду с такими органами, как хотя бы губ. стат. бюро, которые непосредственно связаны с губисполкомом через его президиум. Необходимо, товарищи, конечно, сверху и в кратчайший срок закрепить за архивными учреждениями определенные твердые штаты архивных работников, необходимо закрепить за архивными учреждениями помещения, приспособленные под архивохранилища, необходимо дать отсюда из центра как можно быстрей руководство по организации архивов Октябрьской революции, необходимо уточнить взаимоотношения архивных учреждений с другими научными учреждениями и советскими органами и, наконец, необходимо, товарищи, усилить всемерно руководство центра работой местных учреждений. Это руководство до 1924 года, как я говорил в своем докладе, выражавшееся лишь в эпизодических поездках наших инструкторов на места, конечно, не приводило к каким-нибудь результатам. Необходимо эти поездки, эти командировки превратить в систематические объезды наших губернских центров с тем, чтобы наши инструктора, сами инструктированные надлежащим образом, могли принять активное участие в укреплении наших архивных аппаратов на местах совместно с заведующими губернскими архивными бюро, в течение более или менее продолжительного времени проделывая ту работу, которую нужно проделать. Мы полагаем, что тот кадр инструкторов, который у нас сейчас имеется, усиленный еще новыми работниками, сможет побывать в течение этого года в каждом центре и не день, и не неделю, а в течение, может быть, месячного срока для того, чтобы проделать всю ту огромную работу по организации наших архивных аппаратов, которая до сих пор еще не проделана. Эти наши инструктора должны проделать совместно с органами власти и губернскими архивными нашими учреждениями и работу по отсеиванию ненужного для хранения макулатурного материала, который скопился у нас. До сих пор мы на инструкторскую работу смотрели как на работу ревизионного характера. Я думаю, что нужно на нее посмотреть как на работу организационно-творческую, и если мы подойдем таким образом, то я думаю, что мы сумеем сдвинуть дело с мертвой точки во многих губернских учреждениях, где это дело до сих пор не налажено.

Заканчивая свой доклад, товарищи, я бы хотел выразить одно только пожелание, чтобы в прениях, которые мы откроем по моему докладу и по докладу тов. Константинова, товарищи с мест указали более или менее конкретно те организационные мероприятия, которые нам нужно здесь наметить для того, чтобы действительно наладить связь, отсутствующую до сих пор между нами и губернскими центрами и между губернскими архивными центрами и губернскими органами власти. Я скажу, что, кроме тех мер, о которых я сейчас говорил, мы пока предложить многого

не можем. Может быть, опыт мест может дать в этом отношении нам больше.

В заключение, товарищи, скажу: если мы в 1922 и 1923 году не имели в нашем составе губернских архивных работников ни одного члена партии, то этим в большей мере определялось то тяжелое положение, в котором находились наши архивные учреждения, и если мы имеем неуклонный рост наших партийных работников в составе наших архивных органов, то это заставляет нас думать, что мы сумеем в течение ближайшего года-двух из наших архивных учреждений создать органы, с которыми будут считаться все те учреждения, с которыми нам приходится соприкасаться в нашей работе.

Председатель. Слово для доклада предоставляется тов. Константинову.

М. М. Константинов. Из всех вопросов, подлежащих обсуждению съезда, мы выделили вопрос об очередных организационных задачах Центрархива. Я не думаю, что мне придется доказывать, насколько это выделение организационного вопроса в особый доклад представляет для съезда важное значение. Все, кому приходится работать в Центрархиве, невольно сталкиваются с вопросом о том, как же мы организуемся сами, как учреждение, в центре и на местах и как мы организуем тот объект, который предоставлен нам Октябрьской революцией, в качестве объекта управления, это Единый Государственный Архивный Фонд. Вы знаете, что особенностью архивного строительства в пооктябрьский период является централизация архивного дела и вместе с тем централизация самих архивных материалов. Для того, чтобы эта важная задача, возложенная на нас историческим моментом, была удовлетворительно разрешена, необходимо соответствующим образом приспособить и самую структуру нашего учреждения. Понятно поэтому, что как в прошлом, так и в особенности — я подчеркиваю это — в настоящее время, организационным вопросам, как в центре, так и на местах, приходится уделять все большее и большее внимание. Вот почему даже в тех докладах, которые по существу не касались вопросов организационных, мы постоянно сталкивались с вопросом о нашей организации, о нашей структуре, о нашем организационном строительстве, о наших взаимоотношениях с другими советскими учреждениями и организациями.

Всем известно, что Центрархив действует в настоящее время на основе того положения, которое было утверждено декретом ВЦИК'а 30 января 1922 года. До того, как вам всем известно, управление архивным делом нашей федеративной республики было ведомственно подчинено нар. ком. по просвещению. Эта подведомственность архивных учреждений Наркомпросу была установлена еще в 1918 году, когда декретом 1 июня «О реорганизации и централизации архивного дела» было учреждено впервые

главное управление архивным делом. Это главное управление архивным делом было включено организационно в Наркомпрос, образуя в нем подчиненную часть на правах главка.

Декретом 30 января 1922 года, т.-е. декретом, действующим по сие время, произведено коренное изменение как в ведомственной подчиненности архивных учреждений, так и в самой структуре главного управления. Прежде всего, архивное дело было изъято из подведомственности Наркомпросу и поручено Центрархиву РСФСР, состоящему в ведении ВЦИК'а РСФСР. Заведывание Центрархивом было возложено на управление Центрархива, состоящее при ВЦИК'е и непосредственно подчиненное президиуму последнего, и на губернские отделы Центрархива. Последним было поручено заведывание местными фондами ГАФ.

Оставляя пока в стороне самую структуру Центрархива, я остановлюсь на постановке организационной части архивного дела на местах. В ноябре 1922 года декретом ВЦИК'а было утверждено «Временное положение о губернских и областных архивных бюро», радикально изменившее архивный строй на местах. По этому положению губернские и вообще местные архивные органы были изъяты из подведомственности отделам народного образования и оставлены при секретариатах президиумов исполкомов. Губархивбюро, по этому положению, возглавлялись заведующими по согласованию с зав. Центрархива РСФСР. Они имеют самостоятельную смету, проводимую в установленном порядке по общей смете губисполкомов. В вопросах архивно-научного и архивно-технического дела каждый архивный орган подчиняется директивам, планам и заданиям управления Центрархива. В ноябре 1923 года было, кроме того, установлено очень важное изменение, о котором уже здесь говорилось в докладах, сильно отразившееся на организационном положении наших местных учреждений. Согласно ст. 24 «Временного положения о местных финансах» содержание местных архивных органов с 1 января 1924 г. было целиком отнесено на местные средства.

В настоящее время Центрархив имеет такую структуру. Во главе управления Ц-ва стоит заведующий, а при нем коллегия, членами которой являются: председатель — сам заведующий, затем второй член — это заместитель и третий член — ученый секретарь. Само управление образуется из 2-х отделов, непосредственно руководимых двумя членами коллегии: о б щ е г о и н а у ч н о - т е о р е т и ч е с к о г о. Первый, в свою очередь, разделяется на организационный и административно-материальный подотделы, или, как они называются в положении, на «секции», а второй — на научно-методический и научно-издательский. Соответственно этому было организовано Ленинградское отделение, на котором я остановлюсь особо несколько позже. Таким образом, этими мероприятиями, декретами и положениями управление архивным делом было окончательно выделено в самостоя-

тельную, ведомственную единицу, по своей деятельности носящую в сущности междуведомственный или, вернее, общеведомственный характер. Благодаря этому, архивное дело получает возможность самостоятельного и широкого развития, а архивные учреждения в центре и на местах приобретают возможность более точного определения своих функций и границ своего ведения, а вместе с тем и возможность образования более пригодных организационных форм.

Теперь посмотрим, к каким результатам пришел Центрархив в своей организационной деятельности в целом? Мы не можем утверждать, что все наши ведомственные органы занимают в системе местных управлений надлежащее положение, соответственное тому, которое занимает управление Центрархива при ВЦИК. В речах уже отмечалось, что некоторые наши местные учреждения подчинены не непосредственно президиумам губисполкомов и других исполкомов, а иногда это подчинение проходит через секретариат, через административные отделы губисполкомов. В общем, нельзя признать, что структура наших местных органов и их отношение к другим советским органам выдержаны. Напротив, получается несколько пестрая картина.

В положениях и декретах, которые оформили с внешней стороны структуру Центрархива, есть и другие пробелы и недочеты. Вы их, несомненно, замечаете уже в тех положениях и декретах, на которые я ссылался. Имеется целая сфера деятельности архивных учреждений, которая до сих пор еще не получила ни малейшей регламентации. Я говорю об уездных архивных учреждениях. Дело в том, что, когда началось строительство центрального архива РСФСР, невозможно было — в условиях, в которых это проходило, — охватить всю работу в целом, расширить ее до того, чтобы охватить даже мелкие административные единицы на местах. Понятно, что строение пошло сверху, и только к 1924 или самое раннее к 1923 году оно докатилось до мест и там стало расширяться. В 1924 году, когда наши губархивбюро вынуждены были обратить внимание на уездные единицы, — им пришлось столкнуться с отсутствием регламентации, определяющей отношение уездов к губархам, и указаний от центра на то, каким образом строить уездные органы и увязывать их с губернскими. Пробел чрезвычайно чувствителен, и не мне, конечно, говорить товарищам, приехавшим с мест, как им приходится там разрешать затруднения, вытекающие из этой неопределенности отношений. На местах, где в уездах имеются какие-либо наши органы, в лучшем случае не знают, как эти органы должны жить, действовать, каковы их штаты, как их увязать с губархом, как увязать с местной властью. Там были то бюро, то уполномоченные, то не было ничего, то были архивариусы, то организовались те или иные уездные учреждения или просто архивы, то снова ликвидировались и т. д. и т. д. Я не стану распространяться по части

фактов, свидетельствующих о том положении, какое занимают наши уездные органы на местах. Вы, несомненно, заметили, что рост уездных учреждений по преимуществу относится к последним двум годам. До этого момента, если и росли наши органы на местах, то вы видите, что это относится целиком к губернским и центральным архивам.

Но нельзя не отметить того обстоятельства, что организация наших уездных органов на местах встречает огромнейшие препятствия не только в том, что у нас отсутствуют какие-либо указания из центра местам о правильной регламентации, отсутствуют указания о структуре этих учреждений, — но и в том, что очень часто местная уездная власть не всегда уделяет должное внимание нашим органам на местах, а губернские органы еще менее уделяют внимания нашим уездным учреждениям, если даже они там и имеются. Больше того — это внимание имеет иногда отрицательное значение в виду того обстоятельства, что даже там, где имеются уездные учреждения, мы встречаемся с такого рода фактом, как закрытие этих учреждений, ликвидация уполномоченных, устранение бюро и т. д. Такое отношение характерно не только для отдаленных местных учреждений РСФСР, но и для Московской губернии. Товарищи, работающие в Московском губархбюро, несомненно, подтвердят, что им приходится в последние годы бороться с тем фактом, что уездные архивные органы или закрываются, или лишаются средств содержания, или сокращаются по штату до такого состояния, что штаты почти уничтожаются, и т. д. Вот это-то в значительной мере препятствует какой-либо организационной связи с нашим уездным аппаратом, а несомненно, что без этого уездного аппарата мы обойтись не сможем.

Мне придется еще указать на наши отношения к учреждениям научного характера. Может быть, многие здесь не усмотрят организационного вопроса. Например, какой организационный вопрос в отношениях между Центрархивом и Главмузеем, между Центрархивом и краеведческими организациями? А на практике всем нам приходится сталкиваться с этим, как именно с организационным вопросом. Поскольку у нас отсутствует правильное размежевание сфер ведения, поскольку у нас смешиваются материалы и мы спорим с Главмузеем, принадлежат ли нам материалы, находящиеся в монастырях, музеях, усадебных музеях и т. д., постольку это является нашей организационной деятельностью. Если бы мы имели соответствующие директивы, указания, что вот эта сфера ведения Центрархива, а это вот — краеведческих или других организаций, то тогда наша организационная деятельность сделалась бы значительно легче и значительно проще. Но этот вопрос до сих пор не получил никакого разрешения. В тех положениях и декретах, которые были изданы до сих пор об Едином Государственном Архивном Фонде, нет точных научных определений, что должно

относиться к ведению Центрархива, что должно относиться к ведению музеев и других организаций. Отмечая это обстоятельство, я должен буду указать на то, что соответствующие меры в направлении размежевания этих функций мы уже предприняли. Какое разрешение найдут наши предложения, мы пока что не знаем, но несомненно одно, что по мере выяснения самого материала, как объекта ведения музеев и Центрархива, мы будем иметь в результате точно и определенно ограниченные сферы деятельности.

Постараемся выяснить, какую структуру в результате мы должны будем выработать, как должны будем очертить наши внешние формы и нашу внутреннюю структуру? Эти задачи определяются теми объективными условиями, в которых нам приходится теперь действовать.

Сюда нужно отнести неувязку между центром и местами. На местах не всегда получают точные и ясные указания на взаимоотношения отдельных частей нашего аппарата, на взаимоотношения нашего аппарата и других учреждений, на взаимоотношения центра и мест. Все это, конечно, может быть характеризовано как чрезвычайная трудность в нашей работе, как то, что мешает дальнейшему развитию нашей деятельности. Ведь организационные формы в учреждениях имеют огромное значение постольку, поскольку они приспособляются к той работе, которую должно вести учреждение. Если эти организационные формы не приспособлены, они мешают работе; если они приспособлены — они дают возможность ей развиваться. И вот мы пришли как раз к такому моменту в нашем строительстве, когда мы чувствуем, что эти формы недостаточно четки, недостаточно ясны, недостаточно определенны и не дают нам возможности дальше свободно развивать нашу деятельность. Отчего это происходит? Я попрошу товарищей обратить внимание на следующие конкретные обстоятельства, с которыми нам приходится считаться, как с обстоятельствами, которые вызывают у нас потребность не только в пересмотре наших организационных форм и норм, но и в переделке нашей организации, в искании новых форм, — таких, которые отвечали бы потребностям дальнейшего развития архивного дела в России. Прежде всего, деятельность наших учреждений, и на местах и в центре, за последнее время, за 1923 — 24 год, значительно расширилась. Я не буду напоминать вам цифры, которые только что приводил тов. Максаков, но скажу, что они убеждают нас в том, что работа на местах и в центре возросла именно за последние два года. Если бы мы стали проводить диаграмму, то мы обнаружили бы любопытное явление: те диаграммы, которые здесь выставлены по целому ряду функций наших учреждений, говорят о том, что рост этот идет не по прямой возвышающейся линии, а по параболе. Первые годы мы имеем перед собой ничтожное количество работы учреждений во всех частях нашей деятельности: в выдаче справок, в выдаче дел,

в занятиях в читальном зале, в издательстве, в описаниях фондов — в целом ряде функций мы наблюдаем крайне низкое состояние деятельности. Второй год дает то же самое, третий год — немного больше, четвертый год значительно больше, и дальше линия быстро начинает возрастать вверх, не прямой линией, а кривой, быстро уходящей вверх. Это как раз говорит о том, что деятельность наших учреждений быстро развивается. А если деятельность учреждения во всех частях развивается огромнейшим темпом, достигает огромнейших размеров, если в деятельность эту вовлекается огромнейшее количество людей — большой штат, большие материальные средства, если все это вместе возрастает, то вполне понятно, что это внутреннее содержание деятельности ни в какой мере не могло на определенной ступени развития уложиться в те организационные рамки, которые им были намечены в 1921-м или даже в 1922-м году. Как раз деятельность архивных учреждений во всех частях развивалась с особенной быстротой после того, когда была придана учреждениям Центрархива определенная структура, определенная организация. Вот это-то обстоятельство — именно расширение нашей деятельности во всех областях — и является одним из оснований, которые наталкивают нас на сознание несоответствия этой работы тем формам, которые были ей приданы когда-то в 1922-м году.

Но, помимо этого чрезвычайно важного обстоятельства, имелись еще и другие, которые не учитывались тогда, когда строился Центрархив по положению 1922 года. Прежде всего я отмечу здесь то, что можно назвать ведомственной тенденцией, — вопрос, который у нас затрагивали в своих докладах и в дебатах о взаимоотношениях с другими учреждениями. В практике наших учреждений с этим вопросом приходится встречаться повседневно. Я хотел бы подчеркнуть ту мысль, что эта ведомственная тенденция является результатом довольно определенных объективных обстоятельств. Когда наши ведомства уже значительно сложились и упрочились, когда у них отложился значительный материал, когда у них точно и ясно определились их функции и задачи ближайшего времени, когда государство на них возлагает определенные задачи, которые они должны разрешить, наркоматы стали стремиться к тому, чтобы закрепить за собой архивные материалы, потребные им для их практической деятельности. Это понятно для всякого, — но это должно иметь соответствующие пределы, которые и устанавливаются сейчас нами в отношении к каждому наркомату.

Далее мы сталкиваемся уже с более близко касающимся нашей организационной деятельности обстоятельством — с районированием, которое происходит сейчас в РСФСР. На районировании я остановлюсь несколько подробнее, потому что для нашей организационной деятельности это имеет — на ближайшее время, а, может быть, и на очень продолжительное, — огромнейшее влия-

ние. Производящееся по хозяйственному признаку районирование резко нарушает установившиеся в прошлом границы административного деления, вследствие чего прежние административные единицы с уже устоявшимися архивными материалами и с надлежащей архивной организацией нередко разрезаются на несколько кусков, отпадающих к разным административным единицам. И тут сейчас же возникает ряд сложных вопросов архивного дела, — как, например, распределение архивного материала прежних лет, место хранения материалов, место нахождения архивных органов и проч. и проч. До сих пор множество вопросов, возникавших в связи с районированием, особенно с районированием Юго-Восточного края, Урала и Средней Азии, приходилось разрешать управлению Центрархива без необходимых для этого руководящих указаний, без точной информации с мест, без опыта в прошлом и без определенных положений или декретов на этот счет. Архивно-научный принцип неделимости фондов, которого мы при этом строго придерживаемся, служил особо важным препятствием для решения вопроса о распределении архивных материалов между вновь образующимися архивными единицами. До настоящего времени с вопросом районирования нам приходилось главным образом иметь дело при организации Уральской области, Горской республики, Юго-Восточного края и Средней Азии. Наибольшую трудность в организационном отношении представляли Юго-Восточный край и средне-азиатские республики. Приведу несколько примеров: Горская республика. 28 августа 1924 года было издано постановление ВЦИК'а об упразднении автономной Горской советской республики и об образовании вместо нее двух автономных областей — Северной Осетии и Ингушетии и двух административных единиц — Сунженского округа и Владикавказского, которые входят в Горскую республику, центром которой является город Владикавказ. Таким образом Владикавказ сделался центром трех новых административных единиц. Такого рода разделение этих прежних административных единиц сейчас же вызвало на местах основной вопрос, как разделить фонды, находившиеся раньше во Владикавказе, между этими четырьми или тремя вновь образовавшимися единицами. И затем, если даже их поделить, то где нужно организовать центральный архив каждой из этих единиц, где нужно поместить управление? Я здесь указываю только на то, какая сложность образуется на местах под влиянием этого районирования. Образование самостоятельных советских социалистических республик в Средней Азии, где у нас в свое время был Цуардер Туркреспублики, привело к реорганизации там архивного дела. Цуардел Туркреспублики упразднен, а для заведывания фондами местного значения организованы соответствующие архивные управления по республикам. Для фондов же общего среднеазиатского значения организован Среднеазиатский Центрархив, заведующий которого является уполномо-

ченным Центрархива по заведыванию материалами, имеющими значение шире, чем среднеазиатское.

Значительно сложнее оказался вопрос об организации архивных учреждений для Юго-Восточного края. По декрету ВЦИК'а 13 февраля 1924 года состав Юго-Восточного края был установлен такой: Донская и Кубанская области, Терская и Ставропольская губернии, Грозный; автономные области: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкасская, Адыгейская и Чеченская в существующих границах.

Центром области был определен Ростов-на-Дону. В июне 1924 года ВЦИК установил административное деление Юго-Восточной области в таком виде. Кроме входящих в состав края автономных областей, устанавливается 9 округов: Донской, Сальский, Кубанский, Терский, Ставропольский, Армавирский, Черноморский, Майкопский, Грозненский. Затем были добавлены еще округа, и в настоящее время число их доведено чуть ли не до 20 или 21-го. Я коротко остановился на этом районировании, чтобы показать, с какой сложной обстановкой нам приходится считаться в нашем организационном строительстве. Этот вопрос имеет чрезвычайно важное значение, так как он показывает, что наступит момент, когда мы должны будем считаться с опытом в этой новой области при районировании других областей — Сибири и затем России.

Теперь я перейду к вопросу о том, как мы здесь в центре пытались приспособить наш аппарат к потребностям времени, в какой мере мы учитывали все эти объективные условия, затем чтобы нам в совместном обсуждении наметить соответствующие формы для дальнейшего.

Я, может быть, злоупотребил тем обстоятельством, что увлекся в сторону изложения конкретных условий, — но как мы будем строить наш аппарат, не зная, в каких условиях, из какого материала мы его строим?

Объектом нашего управления, как я уже упоминал, является ЕГАФ. По положению 21 августа 1922 года, ЕГАФ был организован в научном отношении, и эта организация подверглась дальнейшему видоизменению. Тогда были созданы 5 секций, и каждая секция по однородному материалу находилась в ведении управления секции, т.-е. был определенный административно-технический аппарат, который ведал делами этой секции. Т. обр. управление Центрархива непосредственно не могло везде воздействовать на управление архивохранилищами той или иной секции, а через посредствующее звено. По положению 1924 г., утвержденному в мае, эта структура была значительно уточнена внутри, но управление секциями осталось. Мы столкнулись в дальнейшем с тем, что организация архивного материала принимает уже такие формы, что в заведывании отдельными секциями потребности нет. Мы уже изживаем время, когда нужно было собирать материалы.

И в конце 1924 г. был поставлен вопрос о реорганизации секций. В настоящее время секции — научное деление архивного материала. Это первоначальное распределение на несколько частей по определенному научному признаку материала, не вызывающее потребности в каком-нибудь административном управлении, и сделало то, что секции в качестве единиц управления были ликвидированы. Были образованы архивохранилища, в которых сосредоточились более или менее однородные секции в научном отношении, но заведывание ими было поручено заведывающему архивом.

Эта научная организация имеет и для вас на местах огромное практическое значение, но я не буду на ней останавливаться. Укажу только, что деление на исторический архив и архив Октябрьской революции проводится центром и будет проводиться на местах. В сущности организация политической секции на местах представляет основу для той части революционного материала, которая важна в послереволюционную эпоху и образует собой архив Октябрьской революции. Тут надо было бы отметить, что мы признали по целому ряду научных оснований необходимым деление материала на дореволюционный и пореволюционный. Дореволюционные материалы делятся на четыре секции: политическую, экономическую, культурно-бытовую и военно-морскую. Такого же точно деления мы придерживаемся и для архива Октябрьской революции.

Теперь обращаюсь к тому, что у нас сделано в отношении Ленинградского отделения. Считаясь с необходимостью внести определенность и ясность в взаимоотношения губ. архивного бюро в Ленинграде и Ленинградского отделения и учитывая характер деятельности Ленинградского отделения, мы предприняли соответствующие шаги к оформлению Ленинградского отделения на новых началах, соответственно его действительному положению, отвечающему тем требованиям, которые к нему предъявляют в данный момент. Нами было разработано положение, которое уже утверждено коллегией. По этому положению Ленинградское отделение, как представлявшее в сущности нечто равное по своей структуре и положению управлению Центрархива, ликвидируется, и заведывание архивами центральных правительственных учреждений, которые находились в ведении Ленинградского отделения, возлагается на уполномоченного коллегии Центрархива. Этот уполномоченный входит или должен входить на правах члена коллегии в состав коллегии. Ему придается соответствующий деловой управленческий аппарат и, кроме того, штат работников внутри архивохранилищ. Сфера его ведения ограничивается т. о. архивами центральных правительственных учреждений в прошлом. Это Ленинградский исторический архив (ЛИА). Затем, в Ленинграде есть и местные фонды, губернские, м. б., даже и областные, поскольку там образуются областные органы, —

вот этими-то архивами и должен заведывать местный архивный орган, т.-е. губархивбюро или, может быть, областное архивное бюро. В виду того обстоятельства, что в одном и том же пункте надлежало бы в силу упрощения самой структуры иметь единое управление, желательно было бы соединение в одном лице управления ЛИА и архивами губ. или областного значения.

Теперь я должен перейти к конкретным предложениям, которые намечаются нами из всего того, что я до сих пор говорил. На ряду с полной ликвидацией неправильной подчиненности на местах необходимо определить надлежащее место архивных органов в системе советских учреждений республик, областей и губерний (округов, районов). Опыт показал, что даже в случаях правильной подчиненности развитие деятельности архивных учреждений оказывается связанным отсутствием ведомственной самостоятельности.

Поэтому на ряду с установлением правильной подчиненности архивных учреждений должна быть разрешена задача их ведомственной самостоятельности на местах. Губернские, областные и республиканские архивные управления (а в соответствующих случаях — краевые, окружные и районные) должны получить при исполкомах положение самостоятельного отдела. Для этого § 62 положения о губисполкомах следовало бы дополнить пунктом 14-м «Архива». Пользоваться же примечанием к этой статье, разрешающей открывать отделы, не перечисленные в 62 параграфе, по специальному разрешению президиума ВЦИК, — значит, внести в организационное строительство Центрархива на местах вредный разнобой, т. к. это повело бы к индивидуализации самой меры и к пестроте построения аппарата.

Вопрос об организации архивного дела по уездам, районам и волостям трудно поддается общему разрешению, вследствие крайнего разнообразия конкретных условий, с которыми приходится в каждом случае считаться. Возможно лишь дать директиву, учитывая местные условия и не ломая организационного принципа Центрархива. Это не значит, что и в уездах, и в районах нам следует архивные органы превращать в отделы исполкомов так же, как на этом мы будем и должны настаивать по губернским, областным и республиканским исполкомам.

Я думаю, что здесь возможны две формы. Одна форма — архивные уполномоченные, а другая — архивариусы. Удобнее была бы для ближайшего времени, когда перед нами еще не выполненная задача учета, собирания и приведения в порядок архивного материала, — первая форма, т.-е. уполномоченный, у которого должна быть значительная доля самостоятельности, инициативы в деле архивного строительства, но который в архивотехническом отношении подчинен губархивбюро. Значительно

шире и яснее задача наших архивных учреждений при районировании. Разрешения этой задачи следует искать по тому пути, по которому пыталось итти управление Центрархива. Это, во-первых, организация архивных бюро на правах отделов исполкома вновь районированных единиц различных степеней, во-вторых, непосредственное подчинение их президиуму исполкомов и, в-третьих, обеспечение соответствующей самостоятельности им в делопроизводственном отношении, в административном и в отношении твердого штата.

Ведомственную тенденцию, которая проявляется у наркоматов, мы соответствующим образом должны нейтрализовать и нейтрализуем путем соглашения и путем совещаний, которые мы здесь в центре предполагаем устраивать с их архивными работниками. Соглашение, которое мы заключили с отдельными наркоматами по архивным вопросам, сводится к тому, что мы устанавливаем сроки хранения у них материалов.

Таковы мероприятия, которые подсказаны нам объективными условиями архивной деятельности. В какой мере они удовлетворяют потребностям, которые учитываются вами на местах, мы, конечно, можем это узнать только от вас.

Председатель. Объявляю заседание закрытым.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 17 МАРТА

Утреннее заседание.

Председательствует *М. Н. Покровский.*

Председатель. Тт., объявляю заседание открытым. Слово для доклада мандатной комиссии.

А. И. Ольшевский (мандатная комиссия.) Тт., на данном съезде представлены 44 губернии, 3 автономных области, 4 округа, 1 край, 2 области, 7 республик, входящих в РСФСР, и 5 республик, входящих в СССР. Кроме того, представлены наркоматы, научные учреждения и профорганизации. Если желательно, я могу прочесть весь список губерний и учреждений, представленных здесь.

Председатель. Я полагаю, что оглашать список не стоит, т. к. в докладах неоднократно упоминалось о том, какие губернии и учреждения представлены здесь. Кроме того, этот список фигурировал в бюллетене. Таким образом, я полагаю, что нам не стоит тратить времени для оглашения этого списка.

А. И. Ольшевский. Мандатная комиссия, избранная настоящим съездом в количестве 3 человек, утвердила 107 мандатов с решающим голосом и 29 с совещательным. Гостевых билетов выдано 294. Не утвержден мандат с решающим голосом представителю Узбекской республики, как не входящей в состав РСФСР, при чем последнему предоставлено право совещательного голоса. Участвуют в работе съезда заведующие губернскими, областными, окружными и краевыми архивными бюро—50 ч., заведующие политсекциями—14 ч., завед. архивами автономных областей и центрархивами республик, входящих в РСФСР, представители Центрархива РСФСР, Ленинградского отделения Центрархива и представители научных учреждений и общественных организаций—43 ч. По стажу архивной работы делегаты делятся следующим образом: 45-летний стаж работы—1 ч. (т. Яхонтов), от 40 до 25 лет—6, от 25 до 8 л.—11, от 7 до 4 л.—19, от 4 до 2 л.—9, от 2 до 1 года—53 и меньше одного—8. По национальностям: великороссов—74, украинцев—5, белоруссов—1, евреев—7, латышей—4, грузин—1, зырян—1, татар—1, вотяков—1, чувашей—1,

карелов—1, калмыков—1 и проч. национальностей—9 ч. По образованию: с высшим образованием — 38, со средним — 50, с низшим — 3, с домашним — 5 и со специальным образованием — 11. Имеющих печатные труды—43. Партийный состав: членов РКП—60, кандидатов—5, т.-е. 60,75% по отношению к делегатам с решающим голосом, беспартийных — 42, т.-е. 39,25%; мужчин — 102, т.-е. 95,5%, и женщин — 5, т.-е. 4,5%. Возрастной состав: от 21 года до 30 лет — 38, от 31 года до 40 — 28, от 41 до 50 — 26, от 50 и старше — 15. Эти данные относятся к делегатам с правом решающего голоса. Что касается делегатов с совещательным голосом, то их, как я уже указал, — 33, при чем членов и кандидатов партии — 9 человек, остальные — беспартийные; мужчин — 24, женщин — 5.

Председатель. Я полагаю, что нам следует утвердить доклад мандатной комиссии. Возражений нет? *Нет.*

Голос с места. Опубликовать в бюллетене.

Председатель. Я полагаю, что все материалы должны опубликовываться. Есть желание опубликовать данный доклад в бюллетене? Возражений нет? Теперь приступаем к прениям по вчерашним двум докладам. Первое слово имеет тов. Ленский.

М. А. Ленский (Тверское губархбюро). Тт., из вчерашних докладов было видно, что связь с местами налажена еще не так, как она должна была бы быть на самом деле. Эта неналаженность порождает различные трения, которые тормозят работу на местах. Следует принять меры к изжитию этих ненормальностей. В частности я скажу о взаимоотношениях волостных или уездных органов с губархбюро. Они еще не налажены, потому что на этот счет нет точных указаний, каковы же должны быть взаимоотношения местных уездных органов с губархбюро. Поэтому работу на местах приходится вести ощупью. Приходится брать за правило те взаимоотношения, которые существуют с губархбюро и Центрархивом. Но здесь опять-таки встречается следующая неувязка и неясность. Как, например, быть при разрешении вопроса о тех же специальных средствах: куда их отнести, отнести ли эти 50%, вырученные в результате реализации архивного материала, за счет уездных средств, или отнести за счет губархива и Центрархива. На этот счет никаких конкретных указаний нет.

Затем нет конкретных указаний на то, как поступать с актами разборочных комиссий, подлежат ли они санкции поверочной комиссии Центрархива, или их санкционирует губархбюро. Но в губархбюро нет поверочных комиссий, и здесь на этот счет приходится опять-таки руководствоваться априорными соображениями. Отсюда вывод, что в отношении связи с местами работа Центрархива немного отстала.

Теперь я бы хотел обратить внимание нашего съезда на то, что в некоторых губерниях губархбюро подчиняются через орготдел президиуму ГИК'а, в других через секретариат, а в третьих

они непосредственно входят с правом совещательного голоса в президиум ГИК'а. Это разнообразие порождает различные трения на местах. Если заведующий губархбюро подчинен непосредственно президиуму ГИК'а, без всяких посредников, и входит с правом совещательного голоса в президиум ГИК'а, то там дело поставлено более или менее прилично. Президиум ГИК'а с работой губархбюро ближе знакомится и уделяет этой работе больше внимания, он идет на помощь. Если губархбюро подчиняется ГИК'у через орготдел или через секретариат, то президиум ГИК'а не в курсе работы губархбюро и, следовательно, здесь губархбюро уже плетется в хвосте, — остается на последнем месте.

На местах очень важные архивные материалы гибнут за недостаточностью материальных средств. 1917 — 18 гг. мало отражены архивными материалами, потому что архивные материалы за 1917—18 гг. в большей части похищены и израсходованы. В период бумажного голода писали на этих интересных документах. Также нет периодических изданий за 1917 г., потому что они почти все уничтожены. Они продолжают гибнуть и сейчас.

В заключение коснусь самого важного—отсеивания архивного материала. Тов. Максаков сказал, что Центрархив имеет в виду послать инструкторов на места, чтобы они помогли отсеиванию архивных материалов и разгрузке актохранилищ от ненужного хлама. Я думаю, что эти инструктора едва ли могут чем-либо здесь помочь. Здесь нужны не инструктора, а материальные средства, ибо инструктор сам непосредственного участия в разборе архивного материала принимать не будет. Здесь нужны разборочные комиссии, нужны средства. Те же признаки, которые кладутся в основу, что подлежит утилизации и что подлежит хранению, изложены в инструкции Центрархива, и в дополнительных инструкторах на предмет разбора архивного материала, мне кажется, губархбюро едва ли нуждается. Они нуждаются только в средствах.

Еще, товарищи, ненормальное положение в том, что губархбюро крайне нуждаются в средствах, а Центрархив издает циркуляр о воспрещении продажи макулатуры частным лицам, что лишает губархи возможности усилить спецсредства, а вместе с тем и работу. Тверское губархбюро имеет штат сотрудников в 18 человек, из коих на оплате губисполкома только 6 ч., а 12 — на спецсредствах. Если руководиться циркуляром Центрархива о том, чтобы отсеянный архивный материал, который не представляет положительно никакой ценности, продавать государственным учреждениям, то получится, что разборочные комиссии себя не оправдают, ибо разборочная комиссия сможет разобрать только до 100 пуд. в месяц (в составе 6 ч.) и, продавая по цене 60 — 70 к. за пуд, выручит 80 — 90 р., самое большее, а платить этой комиссии нужно 120 — 130 р. Отсюда вывод, что такая цена не оправдает расходов по разборочным комиссиям и губархбюро придется,

если они будут строго руководствоваться этой инструкцией, сжаться и повесить замок на многих актохранилищах, потому что вести работу при штате в 6 ч. невозможно, когда вы имеете 6 актохранилищ плюс обслуживание в губернском масштабе, имеете канцелярию и проч., и проч.

Таким образом, мне кажется, что не мешало бы до некоторой степени изменить это циркулярное распоряжение в сторону расширения прав мест и дать возможность архивный материал, не представляющий никакой ценности, свободно выбросить на частный рынок.

А. П. Гиваргизов (Ростов на-Дону) знакомит съезд с организацией краевого архбюро и подведомственных ему учреждений в связи с районированием. [1]

Г. И. Петровичев (Ярославское губархбюро). Тов., я должен сказать, что я архивный работник очень молодой, один из тех, которые стоят в последней графе по стажу, и все-таки должен сказать, что жилищный вопрос у нас обстоит неблагополучно.

Как вы знаете, ярославский мятеж уничтожил треть Ярославля; у нас масса руин, и до сих пор не восстановленных, жилищная нужда крайне остра, и рассчитывать на получение каких-либо зданий не приходится. У нас есть много старинных и новых церквей, которые находятся в ведении музеев, и тут-то с музеями приходится сталкиваться. Нам нужны помещения. Архивы старых губ. учреждений не все еще свезены, особенно по Ярославскому уезду. Для части архива Октябрьской революции есть помещение, а для части нужно подыскать. В центре города, в Казанском монастыре, имеется церковь, где можно было бы построить 6 ярусов, церковь очень светлая, но работники музея нам ее не дают. Центрархив должен принять все меры через Главнауку, чтобы музеи поделились с нами зданиями.

Здесь говорили о том, что инструктора объездили массу губерний, но почему-то Ярославскую губернию, которая находится в 8-ми часах езды, никто не посетил. Поэтому моя просьба к Центрархиву — направить инструкторов туда, где есть самые больные места, и к нам, в Ярославль, где инструктора принесли бы громадную пользу.

Председатель. Поступило несколько записок о том, чтобы прекратить запись ораторов. Возражений нет? *Нет.*

Голос с места. Кроме этого предложения, у меня есть другое предложение. Сегодня 4-й день съезда. При чем записалось 27 чел. Если 27 чел. возьмут по 10 минут, то мы потратим на это весь день. Я предлагаю высказываться лишь по основным вопросам, по которым могут быть выявлены различные мнения. Все же остальные вопросы перенести на секционные занятия, с тем,

---

[1] Сообщение А. П. Гиваргизова полностью напечатано в V — VI вып. ж. «Архивное Дел». — *Прим. Ред.*

расчетом, чтобы сегодня к перерыву мы закончили прения, вечером заслушали заключительные слова докладчиков и доклад т. Невского о состоянии ленинградских архивов, а завтра с утра начать наши секционные занятия.

Председатель. Товарищ предлагает записавшимся в прениях высказываться только по основным вопросам. Возражения есть? *Нет.* Слово имеет представитель Сталинграда.

В. М. Фиалков (Сталинградское губархбюро). Я хочу остановиться на ряде фактов из работы мест. Те губернии, которые недавно организовали, всего год-полтора тому назад, свои архивные бюро, с трудом сумели добиться утверждения своих штатов. Им было чрезвычайно трудно работать с мизерными штатами и неквалифицированными работниками. В Царицынской губернии архивное бюро организовано в 1923 г., и штат был в то время из 3 человек. У меня уже полгода работают на местах архивариусы, в некоторых уездах есть по 2 чел., но они не попали ни в одну смету, ни в губернскую, ни в уездную, и они заявляют, что если им не будут платить, то они вынуждены будут продать архивы и попасть на скамью подсудимых. Местная власть безусловно пошла бы навстречу, но финансовые органы говорят, что нет средств, в виду дефицитности местного бюджета.

Теперь относительно авторитетности инструкторов. Перед съездом инструктора Центрархива разъезжали по местам. Они дали местам очень много ценных указаний и даже обратились в местные губисполкомы с указанием на те недочеты, которые имеются в архбюро. Архбюро, в свою очередь, также ходатайствуют о том, чтобы поднять продуктивность своей работы и устранить те ненормальности, которые были замечены инструкторами. Секретариаты, при которых мы состоим, мало обращают на нас внимания. Есть циркуляр, что мы будем числиться самостоятельным отделом губисполкома. Проведено ли это где-либо законодательством? — Нет. Если будет постановление ВЦИК'а, то тогда авторитетность мест поднимется. Подходит десятилетие Октябрьской революции. Ведомства сами придут — особенно военные ведомства и другие организации — придут и будут требовать от нас материалы, а мы их не имеем у себя в актохранилищах.

Теперь я хотел бы заметить следующее. Комиссариат требует прислать ему такие-то сведения в двухнедельный срок. Мы должны об этом запрашивать Центрархив, а для этого пройдет две недели. Срок подходит, и они давят через президиум губисполкома, говорят, что мы не идем им навстречу. Губисполком на их стороне и требует: «дайте в двухнедельный срок такие-то сведения, а если нет, то виновные будут преданы суду». Губисполком предлагает выдать дела сейчас же, без всякого запроса, а циркуляр Центрархива говорит, что мы не имеем права выдавать без уведомления Центрархива. Вот ненормальность, о которой нужно здесь говорить. Нужно решить: будем ли мы, выдавая архив, со-

общать Центрархиву, что он выдан нами во временное пользование, будем ли мы запрашивать Центрархив, или самостоятельно разрешать этот вопрос на местах.

Б. И. Евстафьев (НКПС). Мы с живейшим интересом заслушали доклад тов. Константинова; доклад чрезвычайно интересный, но вопросу взаимоотношений Центрархива с наркоматами в нем уделено мало места. Трудно по докладу составить себе полное представление о тех планах, о тех мероприятиях, которые Центрархив намечает в направлении установления контакта в работе с наркоматами. Что Центрархивом осознана необходимость, не скажу, живого общения, а живого влияния на наркоматы, что Центрархив проектирует организацию каких-то совещаний из заведующих архивами наркоматов — это, пожалуй, ясно, но какая роль будет отведена этим совещаниям вообще и в частности в вопросе увязки интересов местных органов Центрархива и наркоматов, какое значение будет придано этим совещаниям, найдут ли они отражение в положении о Центрархиве — эти вопросы, сознаемся, остались для нас неясными. Между тем, вопрос о взаимоотношениях Центрархива в центре и на местах с органами наркоматскими, центральными и местными, конечно, имеет значение более важное, чем то, которое ему уделялось до сих пор Центрархивом и уделено было в докладе тов. Константинова. Нам думается, что эти взаимоотношения с наркоматами строятся Центрархивом не по советской методике. Сила нашей советской методики состоит, между прочим, в том, что советская система в схеме своего госаппарата дает место таким органам, назначением которых является сочетание, согласование интересов отдельных ведомств, обслуживаемых тем или иным наркоматом. Это осуществляется учреждением при коллегиях наркоматов отдельных междуведомственных органов — комитетов, которые являются теми органами, при посредстве которых осуществляется живое общение всех прикосновенных к данному комиссариату ведомств. Возьмите, например, хотя бы такие бьющие жизнью организмы, как транспорт, промышленность, внешняя торговля. В схеме соответствующих наркоматов вы найдете междуведомственные органы — не один, а несколько, которые созданы именно с этой целью. И когда мы говорили вначале о том, что необходимо пересмотреть структуру Центрархива с тем, чтобы обеспечить в этой структуре органическое участие ведомств—пайщиков в работе Центрархива, то, конечно, мы не имели в виду многоголового парламента, которого так опасается тов. Максаков. Мы имели в виду создание при коллегии Центрархива междуведомственного архивного комитета, в котором были бы представлены все ведомства, при посредстве которого осуществилось бы живое общение Центрархива с этими ведомствами. Конечно, если Центрархив собирается только нейтрализовать «ведомственные тенденции», то нельзя придумать лучшего аппарата для этой цели, чем сове-

щание заведующих наркоматскими архивами. Ведь, по мысли Центрархива, они по прямой линии подчиняются Центрархиву, по крайней мере в отношении архивно-техническом. И, конечно, через кого, как не чрез подчиненного, легче всего осуществлять свое влияние на наркоматы. Но дело не в этом, товарищи, дело не в живом влиянии, а дело в живом общении, и мы полагаем, что это живое общение может быть осуществлено только при посредстве создания при коллегии Центрархива, на одной с ней линии, междуведомственного архивного комитета.

Голос с места. Для чего он нужен?

Б. И. Евстафьев. — Наша точка зрения будто находит отзвук, мы находимся в этом вопросе в созвучии и с местными органами Центрархива. Дело в том, что товарищ, выступавший как представитель Северо-Кавказского краевого архивного бюро, обронил ценное словечко: в положении о краевом архивном органе предусмотрено как раз междуведомственное совещание при краевом архивном управлении. Таким образом, это осознано и на местах, и только тогда, когда будет создан такой орган при коллегии Центрархива, только тогда получит Центрархив большую авторитетность, только тогда будет подведена под его деятельность, под его работу должная, вполне авторитетная база, только тогда его регламентирующая деятельность будет прочна. И, в частности, если бы такой комитет существовал, то правила постановки архивной части текущего делопроизводства, на которые, повидимому, Центрархив возлагает большие надежды, конечно, были бы более авторитетны и не привели бы нас к тому грустному сознанию, которое высказал нам тов. Максаков наперед (а приори), что мы, мол, убеждены, что эти правила никого не удовлетворят. Мы, товарищи, убеждены в том же: эти правила, конечно, никого не удовлетворят. Но об этом речь будет впереди.

Тов. Иванов (член съезда селькоров Смоленской губ.). В том помещении, где мы остановились, остановились и представители архивного съезда. Я не являюсь представителем съезда селькоров, потому что селькоры уже разъехались, но многие товарищи просили меня сообщить съезду следующее предложение: чтобы съезд архивных деятелей связался с селькорами и рабкорами республики. В «Крестьянской Газете» имеются подробные наши адреса. Все селькоры, которые были на съезде, а их было около трехсот человек, являются самой главной живительной силой в своем районе и, конечно, они были бы очень хорошими проводниками идеи защиты архивов. Лично я придаю громаднейшее значение археологии и от себя лично и от имени селькоров душевно и сердечно приветствую этот съезд, который давным-давно должен был бы быть.

С. Ф. Юланов (Московское губархбюро). В докладах т. Максакова и т. Константинова было отмечено достаточно ярко, что за последние годы мы видим значительное расширение масштаба

работы губернских и областных архивных бюро. В докладах также было указано, что были совершенно неблагоприятные для работы условия, которые не давали возможности развернуть работу. Это — объективные причины, как-то: недостаточность штатов губархбюро, безденежье, как в смысле оплаты сотрудников, так и в смысле отпуска на хозяйственные расходы, затем жилищные недочеты, частые перемещения архивов по заданиям и распоряжениям губисполкомов и т. д. Эти объективные причины от нас не зависели. Кроме того, есть недочеты, которые, по-моему, зависят всецело от нас — это недоговоренность с различными государственными и научными учреждениями, профессиональными и кооперативными организациями. Затем недочеты инструктажа, на чем было также остановлено внимание съезда. Кроме того, т. Константиновым было отмечено, что в некоторых районах чрезвычайно плохо влияло на ход работы районирование. Естественно, что первая половина этих недочетов будет изжита по мере того, как Советская республика будет прочно вставать на ноги. Она к этому неуклонно идет, и губархбюро, как и весь советский аппарат, также встанет твердо на ноги. Говоря о второй половине этих недочетов, нужно указать Центрархиву на необходимость принять все меры к тому, чтобы этих недочетов не было. В докладе было указано, что не только в губернских архивных бюро были недочеты, но что и в таких важных архивах, как ленинградские, тоже были недочеты.

Тут не только невязка между учреждениями советского характера и губархивом, но и невязка между управлением Центрархива в Ленинграде и губархом. Такая же невязка существует у нас в Московской губернии. Несмотря на то, что мы сидим вместе с Центрархивом, у нас есть недочеты, есть неналаженность, недоговоренность, и думаю, что, поскольку Центрархив примет во внимание наши недочеты, мы совместными усилиями изживем эти недочеты в ближайшее время. Теперь, по-моему, весь гвоздь нашего съезда по данным вопросам должен заключаться вот в чем: нужно отметить отсутствие достаточно ясного и отвечающего моменту положения о губернских и областных архивных бюро. Такого положения нет. То временное положение, которое мы имеем, изданное в 1922 году, — устарело. Его нужно изменить.

Но не только положение о губернских архбюро недостаточно. Вы знаете прекрасно, и это было отмечено в докладах, что совершенно нет положения об уездных архивных бюро. И вот, когда Московское губархбюро подало свою смету, естественно, что оно включило в свою смету и архбюро уездов. Президиумом Московского Совета было категорически заявлено: поскольку нет никаких законоположений о существовании уархов, естественно, что на эти архивы не будет отпущено средств; однако подобные нам учреждения, например, статбюро — отвоевали себе в уездах

по 1 — 2 представителя. По Московской губернии из 17 уездов более или менее прочно существуют только 6 уездных архбюро. Правда, намечается еще одно к открытию, но все это не имеет под собой твердой базы.

Несколько слов относительно взаимоотношений Центрархива с государственными, профессиональными и другими организациями. Центрархив почти в каждом своем циркулярном письме пишет, что нужно взять на учет архивный материал этих учреждений и организаций, хотя здесь на съезде основным докладчиком Максаковым было указано, что этот вопрос еще в центре не выяснен. Я спрашиваю: если в центре вопрос не выяснен, каково же положение на местах? Безусловно, места в чрезвычайно тяжелом положении, ибо как будто бы по всем положениям мы должны принимать все эти архивы на учет или брать себе в актохранилища. С другой стороны, положение Центрархивом не выяснено. У наркоматов и профорганизаций есть нежелательные тенденции организовать самостоятельные архивы; это нужно изжить совместной работой.

У нас нет достаточно ясного положения о губернских, областных архивах и уездных архивах. Концентрация архивных фондов по губернии не закончена, она сделана только на 50%, не говоря уже о концентрации архивных фондов в уезде. Там работы непочатый край, — мы должны к ней приступить.

Б. Д. Плетнев (ВСНХ). В качестве представителя ВСНХ, я приветствую выступления тт. Константинова и Максакова, которые наконец стали на правильный путь и признали, что ведомства должны быть привлекаемы к совместной работе с Центрархивом при выработке тех положений, которыми мы должны руководствоваться в архивном деле. До сих пор этого не было, ведомства до сих пор к органической работе Центрархивом не привлекались. Результат от этого получался печальный. Все многочисленные циркуляры, которые исходили из Центрархива, неизменно носили на себе печать официального, бумажного отношения к делу. Центрархив не учитывал той реальной, жизненной обстановки, в которой нам, хозяйственникам, приходится работать на местах. Чтобы не быть голословным, приведу для иллюстрации ряд примеров. Возьму хотя бы пресловутые сроки хранения архивов в течение пяти лет. Когда мы говорим о каком-нибудь местном органе, этот срок может оказаться вполне достаточным. Когда, например, мы имеем дело с уездным финотделом, т.-е. бывшими казначействами, — там пятилетний срок хранения более чем достаточен. Но картина меняется, когда перед нами встает наркомат, особенно наркомат всесоюзного значения. Архивные материалы, которые накапливаются в его актохранилищах, являются материалами, к которым приходится обращаться не раз, не два, а много раз и расстаться с которыми наркомат не может не только в течение 5, но часто даже и в течение 10 лет. Учтено ли

это обстоятельство Центрархивом? Нет. Деятели Центрархива говорят нам: вы можете выхлопотать себе дополнительные сроки, но наркомат это не сможет удовлетворить. В самом деле, как заранее точно определить срок хранения? Ведь наркомат просто заранее не знает, когда ему могут понадобиться эти материалы. Есть, правда, еще один способ — перевезти свои архивные материалы в Центрархив и там получать необходимые справки. Но справка ведь справке рознь. Весьма ценные материалы, которые мы имеем в наркоматах, часто нужны для работы постоянно, и приходится сотрудникам наркомата ходить порой в весьма отдаленные архивохранилища и там работать над этими архивными материалами. Для этой цели у наркоматов прежде всего нет достаточного штата сотрудников и достаточных средств. При нашем жестком бюджете нельзя позволить себе роскошь путешествия сотрудников ВСНХ с Делового Двора на Девичье Поле или в Зачатьевский монастырь. Кроме того, архивные материалы часто нужны не одному сотруднику, а целой комиссии, которая должна их рассмотреть и изучить. В материалах часто имеются чертежи и детальные расчеты, которые просто пробежать невозможно. Вы их нам на руки не дадите и совершенно, конечно, основательно: сотрудники ведомства могут их испортить, могут обойтись с ними не так, как этого требуют архивные правила. Вы скажете, что нам можно с этих документов снять копии. Но как снимать копии? Снимать их часто невозможно потому, что часто в материалах имеются такие сложные чертежи, что самое снятие с них копий обойдется настолько дорого, что это окажется не по средствам ведомству. Так обстоит дело с отдельными наркоматами, которым безусловно нужны эти материалы, и без которых они обходиться не могут. Пятилетний срок был установлен без всякого согласования с нами.

Еще хуже обстоит дело в отношении местных органов. Я говорю от лица ВСНХ, который объединяет всю госпромышленность. Наши многочисленные предприятия разбросаны по всему пространству Союза, и на местах требования о сдаче архивов часто предъявляются весьма круто. Правильно ли это? Не надо ведь забывать, что на местах справки наводить не так просто, как в Москве, когда для этого приходится путешествовать на Девичье Поле. Представьте себе такую комбинацию: Городищенская ф-ка Богородско-Щелковского треста, находящаяся на ст. Щелково, должна сдать свой архив в Богородское уездное архивохранилище. Что же получается при таком положении вещей? Оказывается, что нужно архивный материал этой фабрики везти 10 верст до ст. Щелково, оттуда в Москву и из Москвы в Богородск. Справки наводить нужно таким же путем. Можно ли, спрашивается, при таких условиях навести нужные справки? Здесь, очевидно, такой кабинетно-теоретический подход, который абсолютно неприменим к отдельным ведомствам и особенно неприме-

ним к органам ВСНХ, интересы которых чрезвычайно многообразны, и которым часто приходится прибегать к помощи не только революционных архивов, но и дореволюционных. В нашей практике приходится ставить ряд вопросов, связанных с производительностью труда, с точным учетом производства, с вопросами калькуляции, и для этого необходимо всемерно пользоваться материалами дореволюционного характера. Если мы их целиком сдадим в Центрархив, то, очевидно, попадем в тупик. Воспользоваться ими мы или вовсе не сможем, или же пользование ими будет весьма затруднительно.

На основании предписания о сдаче через 5 лет архивов в органы Центрархива ВСНХ дал соответствующее распоряжение местам. В связи с этим сейчас идут запросы местных органов: куда же сдавать свои архивы? ВСНХ отвечает: сдавать нужно в уездные архивы. Оказывается, однако, что эти архивы почти нигде не организованы, а если они и существуют, то часто находятся в хаотическом состоянии и хранить архивные материалы и выдавать по ним справки не могут. Я понимаю, что в этом не вина Центрархива, что просто нет денег, нет достаточного штата, что местная власть недостаточно бережно относится к архивному делу. Но, ведь, от этого страдает госпромышленность. Поэтому первое категорическое пожелание ВСНХ — это деловым образом наладить ваши архивы. Передать наши материалы вам мы сможем только тогда, когда будем знать, что у вас будут созданы на местах рационально поставленные актохранилища.

Еще несколько слов относительно сдачи архивов по годам. Центрархив дал предписание сдавать материалы по годам. Исполняя это требование, мы будем дробить наши архивные фонды; мы будем сдавать 1 — 2 года, а потом следующие. Вам достаточно хорошо известно, и это подтверждали здесь авторитетные представители Центрархива, что сохранение единства архивного фонда есть аксиома архивного дела. При условиях сдачи архивных материалов по годам этого единства сохранено не будет. Следовательно, теоретически требование Центрархива есть нонсенс.

Таковы факты, о которых я говорил. Где же выход из создавшегося положения? Выход этот, как совершенно правильно заметил представитель НКПС, заключается в привлечении ведомств к органическому строительству в архивном деле. Здесь речь идет не о какой-нибудь двухпалатной системе, как иронизировали некоторые руководители Центрархива. Необходимо просто создать междуведомственный контактный орган. Когда нам в ВСНХ приходится обсуждать вопросы об урегулировании продажи нашей продукции, то мы привлекаем к этой работе и Наркомвнуторг, и Наркомвнешторг, и другие ведомства и таким образом создаем контактный орган по отдельным вопросам. Эта система, которая применяется во всяком государстве, которая применяется у нас в Совет-

ской России, должна быть применена и в архивном деле. До тех пор, пока вы не станете на ту точку зрения, что ведомства должны быть активно заинтересованы в организации своих архивов, и не признаете, что нельзя ограничиваться только писанием новых приказов и циркуляров, не обсудив их с заинтересованными ведомствами, до тех пор наша общая работа не будет налажена. Органы ВСНХ обычно умели согласовывать свои интересы с Центрархивом, но надо сознаться, что на местах мы болезненно переживали отсутствие органического контакта с Центрархивом и его филиалами. Поэтому к работе архивов как на местах, так и в центре должны быть привлечены представители всех ведомств и в первую голову представители хозяйственников.

М. Н. Покровский. Тт., вопрос о ведомственных архивах имеет своего предшественника — это вопрос о ведомственных учебных заведениях. Этот последний вопрос дебатировался очень оживленно в 1918 г., когда ведомства также доказывали, что им необходимо иметь при себе учебные заведения: НКПС — учебные заведения, которые готовят инженеров путей сообщения, ВСНХ — учебные заведения, которые готовят инженеров для фабрик и заводов, и т. д. На это им возражали тогда не какими-нибудь теоретическими соображениями о стройности, а самым простым деловым практическим соображением. Не следует поручать какому-либо ведомству такое дело, которым оно специально не занимается, ибо совершенно ясно, что это дело у данного ведомства всегда будет на 3-м плане. Ответственного работника для заведывания им не дадут, потому что ответственных работников в распоряжении всякого ведомства очень мало, и в результате это дело будет запущено. И вот тут ораторы, которые будут высказываться после меня, приведут целый ряд фактов, которые иллюстрируют эту сторону дела. Тогда, в 1918 г., вопрос этот, повторяю, решался по отношению к высшим учебным заведениям, и тогда дело было решено категорически, и это выдерживается в смысле сосредоточения высших учебных заведений в ведомстве, которое специально занимается вопросами просвещения и обучения, — в Наркомпросе. Из этого не следует, что другие ведомства не имеют никакого интереса в том, кого для них готовят. Само собою разумеется, что те или другие контактные органы для этого устраиваются, но не следует себе представлять этот контактный орган, как какое-то собрание представителей ведомств, которое на ряду с коллегией Центрархива, — так определенно высказался представитель НКПС (я это записал), — решает дело. Это будет не двухпалатная система, как выразился какой-то руководитель Центрархива, а это будет просто анархия. Это будут две палаты, параллельно ведущие одно дело. Вести это дело должен какой-нибудь один орган. Контакт же с ведомствами может быть осуществлен одним из двух путей. Я приведу вам один пример из деятельности Наркомпроса — ведомства тоже мне достаточно хорошо известного, — а потом из дея-

тельности Центрархива. Образчиком первого контакта является Цутранпрос, хорошо известный работникам транспорта — центральное управление просвещения на транспорте. Что это такое — Цутранпрос? — Это есть не что иное, как отдел Наркомпроса, существующий на правах губоно — губернского отдела народного образования, но где заведующий назначается по соглашению с НКПС, и где вся административно-хозяйственная часть находится в руках НКПС, а вся программно-методическая часть в руках Наркомпроса. Вся эта машина работает под контролем Наркомпроса, но заведующий этим учреждением — заведующий Цутранпросом — входит, во-первых, правда, с совещательным голосом, в соответствующие органы Наркомпроса. Он может присутствовать на заседаниях соответствующих органов Наркомпроса и периодически делает Наркомпросу отчет о своей работе. Ни одна программа ни одной школы на транспорте не проходит без утверждения и без визы Наркомпроса. Это один способ. При этом способе, как вы видите, издержки по просвещению на транспорте несет НКПС, а все направление дает Наркомпрос. Я думаю, что и для Центрархива было бы приемлемо, если бы издержки по содержанию ведомственных архивов несли бы ведомства, а все направление — теоретическое, организационное и т. д. — давал бы Центрархив.

Другой пример я беру из нашей собственной практики. Реввоенсовет — учреждение, которое больше всех пользуется архивами, больше, чем Наркоминдел. Постоянные многочисленные комиссии Реввоенсовета работают в наших архивах. Они ближе всего знакомы с удобствами и неудобствами, и хотя тут, как будто бы, представитель военного ведомства высказывал другую точку зрения, но Реввоенсовет решил передать нам Архив Красной Армии. Мы не просили передать нам Архив Красной Армии. Откровенно говоря, нас этот ценный дар, в смысле административном, несколько загружает. Наше дело было бы проще без него, но мы поняли, что наш долг, раз нам дают этот архив, наш долг специалистов взять его и стараться наилучшим образом его организовать. Реввоенсовет нашел, что самое правильное — передать этот архив нам. Само собою разумеется, что Реввоенсовет сохраняет, во-первых, полное право контроля. Там, в случае с Цутранпросом, контроль идет со стороны Наркомпроса, а тут со стороны Реввоенсовета. Ни на одну минуту мы не отказываем ему в обследовании всех переданных нам архивов. То же самое и относительно работы. Для работы все архивы военные открыты перед Реввоенсоветом, он может туда послать своих работников в каком угодно количестве и т. д. и т. д., но вся организационная часть, весь распорядок устанавливаются Центрархивом. Тот факт, что ведомство, наиболее заинтересованное в том, чтобы пользоваться архивами, совершило такого рода операцию, как передача нам Архива Красной Армии, — этот факт ясно показывает, что

наиболее нормальный путь как будто этот и есть, попросту говоря, передать ведомственные архивы нам с правом контроля и пользования для соответствующих ведомств. Само собою разумеется, что нормы, по которым будут использовываться эти ведомственные архивы, должны устанавливаться на всякого рода контактных совещаниях — об этом никто не спорит, но никоим образом не текущее управление и заведывание архивом, потому что, как показывают многочисленные примеры, мне известные, — я за краткостью времени не буду останавливаться на этих примерах, их приведут работники с мест, — архивы прямо гибнут, оказываясь в руках ведомств. Ими пользуются по мере того, сколько нужно ведомствам, т.-е. другими словами, как у нас иногда российский интеллигент обращается с книжкой: достал книжку, прочитал, посмотрел, что ему нужно, и бросил ее, а иногда даже так делает: выдрал страницу, которая ему нужна, взял эту страницу — «вот это мне нужно», а книжку к чорту. Так же поступают очень часто и с архивами. Само собою понятно, что раз это будет в руках архивного управления, достаточно компетентного и серьезного, то архивы будут сохраняться в целости.

Что касается того, что иногда для ведомственных целей нужно будет всякие планы, карты и т. д. передвигать, то, во-первых, насколько я знаю по деятельности нашей коллегии Центрархива, под гарантией главы или во всяком случае верхушки — коллегии того ведомства, которого это касается, — подобного рода передвижки мы производим в отдельных случаях, но как правило этого не приходится допускать. Я опять-таки сошлюсь на Реввоенсовет. Ведь этим стратегам карты, планы и т. д. нужны, пользуются же они ими, почему же не может делать этого ВСНХ и другие ведомства? Так что, очевидно, все эти соображения, да простят меня представители ведомств, имеют одну только реальную цель: сохранить ведомственные архивы, как пытались сохранить ведомственные учебные заведения. Как с точки зрения государственной пользы и государственных нужд было признано необходимым объединить в одном месте под руководством специалистов все высшие учебные заведения, так, конечно, в одном месте, под руководством специалистов должны быть объединены и все архивы, кроме, разумеется, текущих, которые нужны ведомствам для их текущей работы. Это прямо и оговорено в декрете от 1-го июня 1918 года, что, по соглашению с ведомствами, устанавливается срок, после которого архив передается в ведение, как там сказано, Главархива, а в настоящее время — Центрархива.

Я боюсь, что время мое истекло, но, кажется, минуты две еще мне осталось. Эти две минуты позвольте мне посвятить тому вопросу, которого коснулся выступавший здесь товарищ селькор.

Товарищи, не забывайте, — я это говорил в своей вступительной речи и хочу теперь повторить, что архив есть политическое учреждение. Это вовсе не есть груда старой бумаги, которую

нужно хранить во имя ее древности. Архив — это живое политическое учреждение, и, как живое политическое учреждение, он должен отзываться на все политические нужды дня. Тут приходилось слышать от вас жалобы, что места мало считаются с архивами, мало отпускают на них средств. Да это потому, товарищи, что большинство мест не понимают этой истины, и что вы не умеете им растолковать, что вы им политически нужны, что всякие кампании, скажем, ведомства, ГИК'и, губкомы и т. д. не могут проводить без вас. Это нужно нам при помощи пропаганды разъяснять, и это нужно проявлять фактически, а то поглядите, какая получается картина. Было 150-летие пугачевщины, пришлось оно на то самое время, когда был пущен лозунг «лицом к деревне». Видимо, нужно было постараться выявить все памятники революционного крестьянского движения пугачевщины, которые у нас были, а между тем оказывается, что на местах на это очень мало обратили внимания. Товарищ Ем. Ярославский только случайно нашел в одном из истпартов, даже не архивов, несколько пугачевских дел, и он настаивал, чтобы мы издали циркуляр, и, помнится, мы, по его настоянию, издали циркуляр, чтобы все пугачевские дела, которые имеются на местах, были стянуты в Москву, потому что сейчас изучение крестьянского движения является в данной плоскости очередной задачей. То же самое с 20-летним юбилеем 1905-го года, то же самое с предстоящим 10-летним юбилеем Октябрьской революции и еще целым рядом вопросов. И вот, в этой плоскости чрезвычайно важно, товарищи, связываться с такими учреждениями, как селькоры и рабкоры и т. д., так как в конце-концов нужно не то, чтобы они нам помогли в разборе архива, но мы их можем натолкнуть на известные мысли, и тогда мы через них можем пропагандировать свое архивное дело, получая в то же время от них указания, что в очень плохом положении тот или другой архив и т. д. Поэтому я очень приветствую связь с общественным движением всякого рода, которое идет с низов, и, главным образом, с селькорами, и я считаю, что установление этой связи может принести очень многое, что архив для освещения крестьянского прошлого сделает многое. Вы только подумайте: у нас до сих пор нет своей истории крестьянства, кроме архистарого Беляева, который по научной ценности стоит рядом с Карамзиным. У нас по истории пугачевщины нет своей книжки, как правильно указывал т. Ем. Ярославский. У нас нет ни одной путной книжки, которая была бы понятна крестьянину. Есть или плохие популярные брошюры, или академические сочинения, которые крестьянин читать не может. Старая литература даже фактов не знает, или не умеет показать читателю. Это доказали наши публикации, целый ряд архивных документов скрывался историками. Отчасти это они делали поневоле, поскольку цензура не позволяла опубликовывать некоторые материалы, например, пугачевские манифесты со всеми их комплиментами дворянству. Перед нами сейчас встает

новая картина пугачевщины, и мы должны эту картину показать прежде всего герою пугачевщины — крестьянину. Я приветствую выступление селькора и призываю тт. архивистов стать лицом к деревне, как делает это теперь весь Союз.

С. П. Волков (Ленинградское губархбюро). Товарищи, я взволновался, когда услышал слова представителя ВСНХ по поводу архива ВСНХ. Он указывал, что мы кабинетные работники. Неправда, мы живые работники, а я укажу, что руководители архивного дела ВСНХ есть кабинетные работники, не в обиду будь сказано представителям ВСНХ. Например, перед мною был ряд случаев уничтожения ВСНХ важнейших архивных материалов, ряд случаев, что приказы, изданные ВСНХ на местах, в большинстве случаев не проводятся в жизнь, а подшиты к делу. Представитель ВСНХ сделал заявление, что архивные органы не могут дать архивного материала для работы ВСНХ. Пожалуйста, приходите, для вас хранилища открыты всегда. Я укажу на ряд случаев уничтожения архивного материала у нас в Ленинграде. Возьму архив Дюмо,—существовал такой завод до революции. Там было 900 пудов архивного материала. И что же? Севзаппромбюро хотело продать его. Я задержал продажу и передал его целиком в губарх, и представители ВСНХ приходили и просматривали — «ценнейшие материалы, батюшки, как это так?». Затем второй вопрос. Ленинградское отделение Нефтеторга после наводнения выгрузило весь архив на улицу. Я спас также и этот архивный материал, и представитель Нефтесиндиката приезжал в Ленинград и забрал его в Москву, потому что это важный материал. Почему нам не работать в контакте, почему не передать дела ВСНХ в архивохранилища губарха, где будет храниться весь архивный материал? Ведь от этого будет только громадная польза. Архивы профорганизаций, товарищи, самый больной вопрос на местах. До отъезда на съезд было произведено обследование этих архивов, мы смотрели, что имеется в архивах профорганизаций. Оказывается, что архивы профорганизаций находятся в хаотическом состоянии или покрыты плесенью. Я поставил вопрос об архивах перед учреждениями по профдвижению в Ленинграде. Получил ответ: дать вам архивы не можем, материалы нам нужны, мы их прорабатываем. Я указывал, что есть декрет правительства 1918 г. об Едином Государственном Архивном Фонде. Говорят: на нас это не распространяется. Центрархиву надо обратить на это внимание. Мы должны на местах настаивать, чтобы был Единый Госуд. Архивный Фонд и чтобы все учреждения сдавали в архив свой архивный материал. Теперь коснусь еще организации уездных архивов. Мы не можем организовать уездные архивы, потому что положения о губернских архивах имеем весьма туманные, — необходимо иметь по этому вопросу постановление ВЦИК.

Вопрос о реорганизации ЛОЦ давно дебатировался в центре и на местах. У нас все время была не контактная работа. Ленингр.

отделение забирает фонды губернского масштаба. Правда, губархив этого не делает, но все время у нас была не контактная работа. Теперь коснусь одного. Тов. Константинов указал, что, может-быть, будет проведена реорганизация Ленинградского отделения. Нет, надо обязательно провести ее. Ленинградское отд. есть хранилище дореволюционного периода всех высших учреждений царского времени, министерств и т. д. Давайте, назовем его старым хранилищем, а советские учреждения новыми хранилищами. И во главе этого заведывания нужно поставить человека, которому поручить это дело. Пусть это будет заведующий Ленинградским отделением Центрархива или старого хранилища и вместе с этим заведующий губархивом. Здесь выигрывается в смысле связи с губисполкомом, затем центр не теряет работников на местах, и для губархива также поддержка, так как если заведующим будет зав. губархивом и уполномоченный Ц-ва, то он может перебросить работников туда и сюда, и дело будет подвигаться. Вот на это нужно обратить особое внимание Центрархива.

И. М. Барышев (представитель Крымского арх. управления). Я просил слово для того, чтобы сделать небольшую информацию об изменении в правовом и организационном отношении Крымского архивного управления, так как мне кажалось, что есть кое-что неустановленного в других местах. Но так как прения развернулись и получили должное направление, то я отказываюсь от слова.

А. П. Жаков (Центрархив Татреспублики). Первое, на что я хотел обратить внимание и что уже было подчеркнуто представителем Моск. губ. арх. бюро, это на отсутствие нового положения о губархбюро. Мне совершенно случайно удалось провести сеть архивариусов в кантонах (уездах). Нужно сказать, что без определенного законодательства, без определенного положения — в остальных местах, очевидно, этого провести будет нельзя.

Во-вторых, я хотел отметить выступления тт. из наркоматов. Я думаю, что все мы сумеем с мест подтвердить в один голос, что наркоматы своими архивами пренебрегают, бросают, и от них ничего не получается. В лучшем случае это — груда бумаги, в которой ни они, ни мы не можем разобраться. И эта груда бумаги (случайно сохранившаяся) у них находится в таком ужасном состоянии, что ее трудно привести в порядок.

Тот лозунг, который бросил т. Максаков: «лицом к провинции», нужно бы развить еще дальше так же, как сказал т. Зиновьев в отношении поворота нашего лицом к деревне, т.-е. «всерьез и надолго, навсегда». Только так можно ставить вопрос. До сих пор картина наблюдалась такая, что мы от Центрархива годами не получали ответов.

Дальше. У нас нет связи между собою, и мы не учитываем того опыта, который имеют товарищи на местах: мне думается, что нужно установить формы связи по районам.

Нам нужно обсудить вопрос о сети архивариусов или, во всяком случае, лиц, ответственных за ведение архивного дела при наркоматах, совучреждениях и организациях. Отсутствие этих ответственных лиц особенно больно сказывается на деле.

Дальше, является больным местом то, что архивохранилища в провинции не закреплены за архивбюро, и коммунальные отделы предъявляют большие счета на оплату за пользование этими помещениями. Это явление необходимо устранить.

Еще вопрос, на который я хотел указать, — это на массовое появление на рынке архивного материала. К каким мы средствам ни прибегали, мало что помогало; прибегали и к суду — суд оправдывал, а местная власть не выпускает декрета о запрещении торговли архивным материалом. Мне думается, что в этом отношении нужно Ц-ву принять особые меры и прекратить тем или другим путем продажу на рынок.

Один из тт. указывал на то, что когда дело идет об архивах общественных организаций (профсоюзов, кооперативов), то бывают случаи, что наши представители просто не допускаются до обследования и учета архивов. Вещь недопустимая. Вещь, которую нужно изжить. Ясно, что теми силами, которыми мы обладаем на местах, мы не в состоянии имеющуюся массу архивного материала привести в порядок, и только при помощи наркоматов (если они будут иметь ответственных лиц) мы будем иметь хорошо сохраняемые архивы. Непременное условие: «абсолютно одинаковые правила хранения материалов по ведомствам», даст нам право говорить, что у нас архивное дело поставлено более или менее прилично, поставлено на серьезную ногу.

Б. И. Анфилов (Центрархив). Сегодня пришлось услышать несколько упреков по поводу неудовлетворительности архивного законодательства вообще и в особенности — положения об губархбюро. Поэтому я думаю, что нелишне дать вам справку о том, как у нас слагался тот законодательный материал, который послужил фундаментом для работы Центрархива на многие годы. Для того, чтобы иллюстрировать этот вопрос, я возьму положение о губернских архивных бюро, изданное в ноябре 1922 года. Вы помните, что незадолго перед тем положение губ. архивных учреждений было нормировано декретом о Центрархиве РСФСР, где этому вопросу был посвящен целый ряд статей. Декрет говорил о губотделах Центрархива, как об органах, непосредственно подчиненных губисполкомам и занимающих равное положение с остальными отделами губисполкомов. Можете ли вы думать, тт., что Центрархив, который в основные элементы своей конституции ввел такое определение, мог вслед за тем сознательно и добровольно изменить эту конструкцию, вступив на путь снижения архивных органов в общей системе губернских учреждений. Конечно, этого не было. Ц-в считал необходимым, после издания положения о Ц-ве, в новом положении о губернских архивных

учреждениях лишь развить и дополнить те определения, которые были даны в первом декрете. В частности, он предполагал в этом новом декрете дать разрешение очень трудного вопроса о материальном положении губернских архивных учреждений. Для Ц-ва было совершенно непредвиденным обстоятельством, что довольно широко разработанный им законопроект не получил утверждения и что, наоборот, взамен утверждения, от авторитетного органа власти поступила директива переработать этот проект, исходя из таких-то и таких-то ограничительных положений. При этом в целях экономии Центрархиву предложено было организовать, взамен отделов, архивные бюро при секретариатах исполкомов, «при», но не «под», как думают некоторые. Я подчеркиваю это, и эта разница должна быть ясна всякому, внимательно прочитавшему декрет. Из этого примера вы видите, тт., что мы не свободно выбираем свои организационные формы. Мы, м. б., являемся участниками их создания, даем их первоначальную разработку, но потом они приходят к нам извне в сильно и иногда нежелательно для нас переработанном виде, а иногда и совсем не получают утверждения, как это было с проектами карательных статей, положения об издании архивных материалов и другими проектами.

Н. С. Бурмистров (Нижегородское губархбюро). Т.т., мы видим, что Центрархив при повороте лицом к провинции выявил определенные мероприятия, конкретизировал их, выдвинул предложения, которые необходимо провести в жизнь, и просит от нас только деталей. Решения, выдвинутые в докладах т. Максакова и т. Константинова, таковы: а) выработка положения о губбюро, б) проведение твердых штатов, в) обеспечение арх. учреждений помещениями, г) уточнение взаимоотношений с научными и др. учреждениями, д) усиление руководства со стороны Центрархива местами, е) переименование губархов в отделы со всеми положениями отсюда, ж) организация в уездах филиалов губархов. Безусловно, это все необходимо провести, нужда в этом назрела на местах и нам придется высказать в добавление наши пожелания в этом отношении. Я начну с вопроса о штатах. Здесь необходимо безусловно разбить губерн. архивы и областные на 3 категории: для 1-й категории — штат 25 ч., для 2-й категории — 20 ч., и 3 кат. — 15 ч. Это как минимум. В отношении помещения, по-моему, нам придется держать курс исключительно на такие помещения, как церкви и соборы. Общественное мнение содействует нам. Нужно подтолкнуть только Главнауку. Мне недавно пришлось с ними тянуть дело в течение 2-х мес. Но общественное мнение в этом отношении нам явно сочувствует; и в отношении занимаемых теперь помещений приходится сказать одно, что их надо закрепить за нами.

В отношении усиления руководства Ц-ва необходимо высказать пожелание, чтобы инструктора объезжали все места минимум 2 раза в год. Затем, чтобы не было таких случаев, что циркуляры

посылаются, при чем на Кубани их получают, а в Самаре нет. Кроме того, необходимо инструктированию архивного дела отвести определенную страницу, а, может быть, и несколько страниц, и поставить инструктирование по технической части через журнал «Архивное Дело». Этого требует сама жизнь.

Теперь о создании уездных единиц. Мы видим, что, несмотря на отсутствие директив, места эти единицы сумели выделить и установить. Следовательно, жизнь требует этого. Здесь только речь о том, будет ли это уполномоченный архивариус, или архчасть. Мое предложение сводится к тому, чтобы иметь на местах архчасти в количестве 2 — 3 человек. У меня в одном из мест имеется такая архчасть из 3-х человек, и результаты работы великолепные. Кроме того, нам необходимо заняться организацией уездных хранилищ. Это нужно провести, потому что иначе мы не можем стянуть наши архивы. По вопросу, поднятому представителями ведомств, я заявляю определенно, что ведомства хотят возвратиться к ведомственным архивам, т.-е. совершенно умертвить архивы, — мы допустить этого не можем. Мы должны заставить ведомства иметь ведомственных архивариусов с подчинением их в смысле технической постановки дела нашему руководству, потому что у них на местах существует полный хаос. В частности у нас Нижегородский ВСНХ не имеет ведомственного архивариуса, который мог бы правильно поставить архивное дело. Мне хотелось бы внести предложение о том, чтобы Центрархив тверже проводил пункт положения 1922 г., где говорится, что зав. губархом не может быть уволен, снят с должности без согласия Центрархива; чтобы Ц-хив поддерживал заведующих губ. архивных бюро и не допускал ГИК снимать их с работы без согласия Центрархива, потому что нам, новым работникам, которые проводят твердую линию по упорядочению архивного дела, приходится в президиуме проводить свою линию иногда при возражениях.

Ведомственные архивы нельзя организовать, а между тем эта тенденция у ведомств определенно есть. Организация ведомственных архивов разрушит централизацию архивного дела, омертвит архивы и лишит их значения политического орудия пролетариата. Вместе с тем комитет или организацию из ведомств мы также не можем допускать, потому что в этом комитете будут представлены исключительно ведомственники и исключительно ведомственные точки зрения, а мы знаем, что наши ведомства, хотя бы НКПС, достаточно тысяч пудов архивного материала продали, как им ненужного, через что много ценного пропало безвозвратно. В Нижнем-Новгороде продажа была прекращена только тогда, когда дело о продаже было передано прокурору. В частности госпароходство продало и угнало на фабрику не мало архивов бывших пароходных фирм. Иногда приходилось принимать очень сильные меры вплоть до выездов и задерживать на пути. В этом отношении мы должны указать, что контакта в работе с ведом-

ствами можно продуктивно достичь не через комитет администраторов, а через ведомственных архивариусов, и в законодательном порядке нужно определенно сказать, что ведомственные архивариусы должны быть подчинены в своей работе органам Центрархива и губархивам, а в административной линии своим ведомствам, чтобы ведомственные архивариусы отчитывались в своей работе перед нами и пользовались нашей поддержкой, так как они своими ведомствами задерганы, — «дай им то, дай другое и не разговаривай». НКПС и ВСНХ и другие ведомства, когда берут дела из своих архивов, то они возвращают их обыкновенно без тех документов, которые нужны были тому или другому инженеру, архитектору и т. п. Только при поддержке с нашей стороны ведомственных архивариусов, а с их стороны нас — мы сможем заставить их иначе относиться к архивному делу.

В. В. Максаков (Центрархив). Поступили записки по поводу доклада о пугачевщине тов. Покровского. Дело в том, что доклад о пугачевщине вряд ли удастся сделать так, как предполагалось раньше, но, может быть, к концу нашего съезда будут доклады не нескольких тов., как раньше намечалось, а доклад тов. Покровского будет один, если, конечно, мы сможем найти для этого время, потому что наша повестка очень растянулась.

Председатель. Объявляю перерыв до 5 часов.

Перерыв.

Вечернее заседание.

Председательствует *М. Н. Покровский.*

Председатель. Товарищи, считаю наше собрание открытым. Слово в порядке записи предоставляется тов. Мирову.

И. П. Миров (Вятское губархбюро). Товарищи, мы все знаем и неоднократно на этом съезде слышали, что наши архивные учреждения и в центре и на местах не пользуются тем авторитетом, которым они должны были бы по праву пользоваться. Из разговора с одним из заведующих архбюро я даже услышал такую вещь, что этот самый товарищ был назначен в архивное бюро в наказание за какой-то проступок. А у нас в Вятской губернии был случай, когда один из заведующих уфинотделом в наказание получил снижение до должности уездного архивариуса. Эти факты не дают нам гарантии, что и в дальнейшем архивные органы не будут соответствующей властью рассматриваться как места для ссылки. Положение такое ненормально. Выход можно видеть именно в том положении, которое на места разослано Центрархивом. Если раньше губернские архивные бюро были в виде каких-то придатков к секретариату губисполкома, то теперь новым положением им предоставляются права отделов губисполкома. Но здесь вся беда в том, что Центрархив, разослав это положение, не позабо-

тился, чтобы это положение было декретировано соответствующей властью. И на местах с этим положением местная власть, несомненно, считаться не будет. Отсюда понятно, что положение должно быть непременно декретировано. Кроме того, положение сравнительно неполно: оно говорит только исключительно об областных и губернских архивных бюро. Но самое наименование «бюро» не отвечает характеру и содержанию работы. В термине «бюро» нет указания на функции управленческого аппарата. Поэтому мне кажется, что гораздо целесообразнее присвоить архивным органам название управлений, что говорило бы о присвоении этим органам управленческих функций.

Положение не говорит об организации и построении архивного аппарата в уездах. Необходимо в положении указать, как нужно организовывать архивные органы в уездах. Еще более необходимо указать на организацию архивного дела в волостях. У нас плохо обстоит дело с архивным материалом в губернии и уездах. Но еще хуже обстоит дело с архивами в волостях и особенно сейчас, когда идет укрупнение волостей. В скверном положении не только архивы бывш. волостных правлений, но и архивы волсоветов и волисполкомов, которые теперь ликвидированы, в связи с укрупнением волостной единицы. Я не говорю о том, что необходимо и в волостях учреждать специальные должности волостных архивариусов; достаточно охрану и упорядочение архивного материала в волостях поручить какому-нибудь должностному лицу в укрупненном волисполкоме. Необходимо установить, чтобы наши губернские, уездные и даже волостные архивные органы, будет ли это отдельный архивариус, отчитывались в своей работе перед соответствующими исполкомами. Это обстоятельство побудит самих архивных работников к более вдумчивому и серьезному отношению к делу.

Еще одна мера, которую можно предложить, в целях оживления архивной работы на местах и в целях ее регулирования, это — устройство архивных съездов — губернских и областных и, может быть, только областных. Необходимо, чтобы на этих съездах всегда присутствовал представитель Центрархива, потому что на съездах могут возникать такие вопросы, которые местные работники сами разрешить не в состоянии. Я уже не говорю о том, что эти съезды должны быть, если хотите, соответствующим образом рекламированы и освещены в местной прессе.

Наконец, товарищи, я коснусь еще только одного вопроса, вопроса о междуведомственном совещании. Совещания такие безусловно нужны и безусловно полезны, но мы, архивные работники, готовы строить эти совещания совершенно не по тому рецепту, который в настоящее время нам предлагают представители хозяйственных учреждений. Если они считают себя пайщиками и из Центрархива хотят создать какое-то акционерное общество или товарищество на паях, то они ошибаются, и ошибка их стоит

в прямом противоречии с декретированным уже положением о едином государственном архивном фонде. Они — не пайщики, они только клиенты и если бы с этой точки зрения подошли к вопросу о взаимоотношениях с Центрархивом, то, несомненно, они никогда не требовали бы комитетов и совещаний с характером законодательным. Мы, архивные работники, признаем целесообразность и необходимость этих совещаний, но говорим, что такие совещания и должны быть совещаниями, а отнюдь не комитетами.

П. В. Черкасов (военное ведомство). На съезде довольно определенно выяснилось течение, враждебное к представителям ведомств, когда они защищают свои интересы. Я тоже представитель ведомства и всецело присоединяюсь к товарищам из ВСНХ и НКПС. Мы в нашей повседневной работе постоянно наталкиваемся на такую невязку и осложнения, которые нам затрудняют работу. М. Н. Покровский сказал, что в этом вопросе некоторая невязка есть, что два года тому назад Реввоенсовет думал так, а теперь иначе. Да, ведь, прошло с тех пор два года. Я умалчиваю о той борьбе внутри военного ведомства, которая происходила при передаче архива. Чтобы не нарушать принципа единого фонда, была сделана уступка, но формы взаимоотношения выработано не было. И вот через два года выяснилось, что увязки нет. Мне очень помог докладчик проф. Тарле, который обрисовал насущные задачи, поставленные себе англичанами, французами и немцами по организации архивов мировой войны. Если бы спросить докладчика, кто стоит у этого дела, то, конечно, ответ был бы один: генеральный штаб, потому что он заработал это кровью. Но пусть принцип единого фонда у нас остается нетронутым. Как же практически осуществить возможность работы при этой централизации? Она возможна. Нужно было бы так сделать, как это предлагал тов. Максаков, когда он говорил относительно связи Центрархива с Истпартом. Ведомствам было бы крайне желательно в интересах пользы дела иметь в коллегии Центрархива своего представителя. На это ответили: никак невозможно. Давайте придумаем другой вариант. Мы слышали от тов. Константинова, что прежде был заведующий военно-морской секцией, а теперь его выбросили, а я говорю: нет, дайте нам заведующего военно-морской секцией и проводите его по двойственной линии: по линии хозяйственной, административной и по линии архивно-технической с подчинением Центрархиву, а по линии архивно-научной с подчинением штабу РККА. Эта увязка даст возможность, оставляя архив в ведении Центрархива, вести работу так, как нужна она управлению по исследованию войн.

Я хочу добавить, что смену старых служащих нужно сделать. Центрархив ее и делает, но делает не в том направлении, как нужно для того, чтобы те, которые туда вошли, не были слепы, не были немы, не были глухи. Они слепы, немы и глухи, и когда приходят в архив слушатели военной академии, имея в своем рас-

поряжении всего два месяца, они нуждаются, чтобы им сказали, где и что найдут, иначе они как в лесу теряются, работают 25 дней по розыску нужных дел, разбираясь в громадной карточной системе, и только на 25 день набредут на то, что им нужно. Часто бывает, что они ничего не успевают сделать по своей теме.

Вернувшись вчера с заседания, я нашел у себя требование сведений для съезда начальников управлений СССР. Сведения нужно было дать немедленно относительно состава армии в 1914 году, очень детальные сведения. Это можно было бы сделать очень просто, позвонив по телефону в архив. На самом деле это не так просто. Нужно написать в Центрархив, оттуда получить разрешение, с этим разрешением итти в архив и там самому их искать.

Т. Т. Спожинцев (Уральское обл. архбюро). Товарищи, каждый из нас знает, что главная задача — сохранение архивов и приведение их в порядок. Здесь уже указывали, что в некоторых случаях из-за недостатка средств и помещений это не представляется возможным. Архивы приходится оставлять при местных учреждениях и организациях. В таком случае необходимо архивные материалы взять на учет, и у нас не будет их усыхания и утечки. Уральский архив, в котором я состою работником, имея трех человек, все-таки в своей работе имеет некоторые достижения. В 1924 году все архивы по всем учреждениям и организациям были взяты на учет. В 1925 году по получении циркуляра началась такая же работа по учету и приведению в порядок архивов церквей.

Губархив через губисполком дал распоряжение взять все архивные материалы на учет по уездным городам и сельским местностям. Несмотря на распоряжение, ответов нет. Связь с учреждениями и организациями была поставлена слабо. Это зависит как от Центрархива, так и от самих местных работников. Центрархив своевременно разослал руководящие материалы, но губархивы, в частности я могу указать на свой губархив, не знакомили с архивным делом учреждения и организации. Для того, чтобы улучшить взаимоотношения и связь с таковыми, необходимо ставить доклады в губисполкомах и в разных учреждениях и организациях. Связь с научными учреждениями необходимо проводить через взаимные совещания. Это уже у нас проводится иногда. В отдельных национальных автономных республиках необходимо ввести больше работников преобладающей национальности. В наш губархив с мест, из уисполкомов поступают материалы на киргизском языке. Недавно нам пришлось принять работника-киргиза.

После съезда нам необходимо будет ознакомить губисполкомы и др. учреждения и организации с положением архивного дела, подчеркнуть, что учреждения и организации пользуются архивами, что губархив имеет политическое значение. Нужно ознакомить с положением архивного дела также и губком. Если это будет

сделано, то учреждения и организации пойдут нам навстречу и будут нам оказывать поддержку.

Председатель. Товарищи, от президиума есть следующее предложение. Записалось у нас 13 человек, каждому по 10 минут. Это составит 2 часа 10 минут. Кроме того, заключительные слова двух товарищей. Это—минимум час. Потом тов. Невский должен сделать информационный доклад о революционных архивах Ленинграда. Это — 30 минут. У нас времени не хватит. Поэтому в президиуме возник вопрос, не сократить ли время ораторам, вместо 10 минут дать 5 минут или, может быть, некоторые товарищи откажутся в виду повторения по одним и тем же вопросам.

Р. И. Войткевич (Ставрополь). Уже принято предложение о том, чтобы не повторяться. Поэтому, я думаю, что трех минут хватит для каждого выступающего.

Голос с места. Я предлагаю 5 минут.

Председатель. Есть два предложения: 3 минуты и 5 минут. Кто за первое предложение, прошу поднять руки. Кто за 5 минут? *Меньшинство.*

И. Л. Татаров (Ленинград). Я отказываюсь от слова, так как за 3 минуты ничего не скажешь.

В. В. Максаков (Центрархив). Я бы попросил продлить слово тов. Татарову. Ленинградские товарищи совершенно не выступали, а их выступление было бы чрезвычайно важно. Поэтому я предложил бы дать тов. Татарову 10 минут.

Председатель. У нас от Ленинграда есть два товарища: Татаров и Николаев. Может быть, сделаем таким образом, что дадим высказаться этим двум товарищам и предоставим им по 5 минут. Я бы предлагал тов. ленинградцам, как исключение, предоставить этот срок. Возражений нет? *Принимается.*

Председатель. Слово предоставляется тов. Татарову.

И. Л. Татаров. Товарищи, я затрудняюсь за 5 минут хоть сколько-нибудь полно изложить те соображения, которые у нас имеются, но постараюсь отдельные моменты все-таки осветить.

Дело в том, что наш съезд, в отличие от съезда 1921 года, идет под знаком советизированного архива. Эта линия для ленинградских товарищей и для ленинградских архивов — уже пройденная ступень. Прежде всего, о нашем историческом архиве. Поскольку основные фонды его стянуты, надо сейчас дело поставить так, чтобы архив мог развернуть свою работу целиком и полностью. Первым условием для этого является реэвакуация целого ряда фондов, которые были у нас взяты в 1918 году в Москву. Это — целый ряд материалов, необходимых для комиссариатов, а еще больше для потребности научной. Три основные группы материалов, которые были вывезены из Ленинграда: одна группа — это цельные фонды, другая группа — это отдельные части фонда, не связанные между собой, и, наконец, третья группа — это разрозненные дела.

Но все эти три группы имеют ту особенность, что ими в отдельности пользоваться настоящим образом нельзя. Если в Москве цельный фонд, то у нас имеются исходящие и входящие книги. Если взята часть фонда, то у нас имеется карточный каталог, имеется весь справочный ориентирующий аппарат, без которого по-настоящему серьезно пользоваться этим фондом нельзя. Наконец, последней категорией пользоваться нет никакой возможности.

Дальше, нам необходимо вести целый ряд работ научно-архивного свойства. Нам необходимо построить картотеку историко-революционных фондов. Без вывезенных материалов мы этой работы проделать не сможем. Это требует еще одного: чтобы в Ленинграде сейчас по возможности была развита и проявлена инициатива в области научно-архивной работы.

Еще одна сторона имеется у нас, которая является очень важной для работы архива, — это договоренность с комиссариатами, с целым рядом учреждений. Мы должны здесь поставить одно серьезное условие. Вероятно, это будет характерно для всех губархбюро. Это условие о том, чтобы в законодательном порядке было проведено такое постановление, чтобы те учреждения, которые получают от нас документы в подлинниках, отвечали бы за их сохранность, и об этом было бы сказано, что они отвечают. Иначе мы не гарантированы от пропажи очень ценных документов и материалов.

Наконец, сейчас в общереспубликанском масштабе нужно было бы проявить такую архивную деятельность, которая могла бы регулировать и направлять работу по изданию источников.

Р. Я. Озолин (Самарское губархбюро). Хотел бы здесь указать представителям ВСНХ и военного ведомства, что требование об оставлении в их распоряжении нужных им для справок архивов обличает неправильный взгляд ВСНХ и военного учреждения. По декрету архивы учреждений через 5 — 10 лет должны быть сданы в ЕГАФ.

К. Н. Лукьянчиков (Воронежское губархбюро). Товарищи, я скажу только несколько слов о том, в какой обстановке, при каких условиях мы, архивные работники, действуем. Наша работа протекает при самых антисанитарных и антигигиенических условиях. Большинство товарищей, конечно, хорошо знает, что мы работаем часто в холодных, неотапливаемых помещениях, темных амбарах, сырых подвалах. Архивные дела, которые мы своими руками разбираем, перетаскиваем, перелистываем, бывают покрыты слоем густой едкой пыли. Хотя у нас есть прозодежда — халаты, нас это мало спасает. Большинство архивных работников рано или поздно делаются жертвой какого-нибудь заболевания. У нас есть свои профессиональные болезни: туберкулез, экзема, ревматизм, заболевания глаз. Это вы все знаете. Между тем мы в отношении зарплаты ничем не отличаемся от работников канцелярского

характера. И вот я вношу такое предложение: Центрархиву следовало бы в соответствующих учреждениях поднять вопрос об отнесении работы архивных тружеников к категории профессий, вредных для здоровья. Какое это будет иметь значение? Во-первых, это даст вам право на получение ежегодного отпуска не на две недели, а на месяц.

Затем мы имели бы право претендовать на повышение зарплаты и усиленную пенсию. В данный момент пенсионный вопрос, перед которым стоят наши старшие товарищи, обстоит довольно остро. В других ведомствах уже сделаны некоторые шаги. Так, Наркомпрос выработал свой пенсионный устав, Наркомпочтель тоже имеет свой пенсионный устав, а мы еще остаемся ни при чем. И вот, я думаю, что Центрархиву следует неотложно озаботиться принятием соответствующих мер.

К. И. Воинова (Центрархив). На выставке съезда видим формы учета и методы, применяемые при описании материалов в московских архивах. Видим, что каждый архив ведет эту работу по своему разумению. Без сомнения, в недалеком будущем научно-теоретическая коллегия подведет к одному знаменателю весь опыт и выработает общие формы учета и научного описания. «Разнобой» вредит делу. Теперь наш съезд проходит под знаком организационного объединения. И я надеюсь, что будущий съезд пройдет под знаком общих форм учета и т. д., а для этого необходимо, чтобы все формы опыта и научного описания, карточки и проч., все, что делается на местах, было прислано в центр, в научно-теоретическую коллегию, и было достигнуто единообразие. Если в Ленинграде наши товарищи обладают большим опытом, они могут свой опыт здесь приложить: центробежное стремление нужно изжить. Нужно ли перевозить обратно в Ленинград все то, что было увезено оттуда? Зачем опять возить взад и вперед? Ведь Центральный Исторический архив в Москве. Вместо того, чтобы архивы возить в Ленинград, давайте остатки перевезем в Москву. У нас здесь центр, здесь находятся все наркоматы и здесь, действительно, архивные материалы будут использованы во всю. Говорили здесь, товарищи, что Центрархив занимается сменой сотрудников и делает эту смену совершенно неправильно. Я три года работаю в Центрархиве и вижу, что все старые спецы, которые работали раньше, продолжают работать и теперь и работают в контакте с коммунистами. Мы пользуемся их опытом, и у нас с ними самые лучшие отношения. И если у нас происходила смена сотрудников, то это относится к партийным товарищам, которые не уживаются у нас, так как в архиве им скучно, они не могут работать в нашей архивной обстановке и уходят. Тов. Черкасов — представитель военного ведомства — высказывался здесь очень определенно по адресу Центрархива неблагоприятно, но мне кажется, что он судит по работе два года тому назад, когда он еще

сам работал, относительно того, что делается сейчас, он не совсем в курсе дела.

Ш. К. Чхетиа (Центрархив ССР Грузии). Я хочу коснуться того упрека, который был сделан по моему адресу уважаемым М. Н. Покровским, в связи с моим информационным докладом, заслушанным съездом вчера. Во избежание недоразумений или сомнений считаю нужным заявить следующее. Я говорил, что командированному в 1920 году грузинским правительством специальному лицу в Москву для получения архивных материалов, исторических документов и древностей, которые тогда находились в Москве и других городах РСФСР, в виду неблагоприятных обстоятельств, не удалось выполнить свою миссию. В конце доклада я выразил уверенность, что Центрархив РСФСР по отношению к Центрархиву ССР Грузии и в дальнейшем будет держаться той линии, которой держится вообще Советская власть. Очевидно, эти два момента из моего доклада послужили поводом для уважаемого М. Н. Покровского бросить мне упрек в очень мягкой форме. Заявляю, что под «неблагоприятными обстоятельствами» я разумел отнюдь не враждебное и отрицательное отношение Центрархива или соответствующих органов РСФСР к Грузии и ее справедливым требованиям, а ту обстановку и ту политическую конъюнктуру, которая в то время существовала в России, в виду гражданской войны, которая не позволяла российской власти соответствующим образом реагировать на просьбу Грузии о реэвакуации древностей, которые принадлежали Грузии. Затем, товарищи, я считаю нужным заявить, что при практическом урегулировании вопроса о возвращении нам древностей и исторических документов уже в 1922 году, т.-е. во время Советской власти в Грузии, когда тут работала наша ученая комиссия, Центрархивом РСФСР и, в частности, т. Покровским было проявлено самое объективное, самое добрососедское и сочувственное отношение к требованиям нашей комиссии и не было ни одного случая, чтобы Центрархив РСФСР не пошел бы нам навстречу. Сейчас я хочу поправить свое невольное упущение и приношу благодарность Центрархиву РСФСР, который оказал нам очень большую поддержку и услугу. *(Аплодисменты).*

Р. И. Войткевич (Ставропольское губархбюро). У меня есть один вопрос, который, я думаю, заинтересует весь наш съезд. Товарищи, прежде всего и раньше всего нам нужно установить обмен опытом работы на местах. Каким образом это сделать? Товарищ Максаков в своем докладе говорил, что одним из лучших архбюро является Саратовское. Мне кажется, что если мы посмотрим на работоспособность всех архбюро, то они похожи друг на друга, как пара туфель из одной кожи. Это достаточно подтверждает наш съезд. Но если тов. Максаков сказал «а», то нужно сказать и «б». Тов. Максаков сказал: «одно из лучших», разрешите указать, почему оно одно из лучших и что у него хорошего есть,

чтобы мы — все остальные бюро — могли подтягиваться по этому образцовому бюро. Прежде всего, если мы приступаем к устройству какой-нибудь вещи или какого-нибудь дела, то просим дать модель. Такой моделью в данном случае является Саратовское бюро. Я говорю это для того, чтобы этот вопрос связать с вопросом об обмене опытом, а у нас в этом вопросе Центрархивом не сделано абсолютно ничего. Я приветствую издание Центрархива «Архивное Дело», но этим еще не исчерпывается вопрос, это не дает обмена опытом между местами и центром. Нужно создать еще какой-нибудь, может быть, двухнедельный бюллетень.

А. С. Николаев (Ленинград). В первую голову я должен обратиться к съезду с большим челобитьем по тому тяжелому вопросу, который стоит сейчас перед Ленинградом, — по вопросу о помещениях. Нам настоятельно нужно просить о проведении в ближайшее время твердого закона о забронировании помещений. Мы уже проделали бесконечное количество переездов, как летучие голландцы. Мы переезжали в 1918, 1919, 1920, 1921 и 1922 гг. Казалось бы, что дело устроилось наконец, а сейчас опять на нас в этом отношении свалилось целое бедствие. Благоустроенный, хороший архив, с приличным оборудованием, с устроенным уже справочно-ориентирующим аппаратом, сгоняют неожиданно с места. Почему? Да по той простой причине, которую констатировали все вы: мы учреждение мало авторитетное, с которым мало считаются. Мы просто бедные родственники, которые живут в доме богатого и властного родственника, который, если ему самому, хотя бы из прихоти, нужно помещение, изгоняет бедного родственника без всяких разговоров. Мы живем на Чернышевой площади бесконечное количество лет. К нам въехал откомхоз; помещение мы и охраняли, сохранили, а теперь откомхоз, у которого в составе появился только что рожденный отдел, гонит настойчиво нас прочь. Это вопрос общий. Нельзя тут полагаться на более или менее сильное начальство, потому что начальство разное бывает: одно мягкое, другое сильное, одно уступчивое, другое податливое. Разные темпераменты бывают. Нам нужен решительный закон, на который можно опереться, иначе все дело наше проваливается в пустоту. Вопрос о помещениях — самый основной вопрос; без разрешения его мы без конца будем делать все одну и ту же работу.

Другая тема, которую мне поручили возбудить некоторые товарищи, связана с происходящим закономерно омоложением и освежением архивов. Вводятся молодые силы, создаются кадры красных архивистов. Архив делается, — и в этом его грядущая сила, — политически-сильным учреждением. Но и старые силы отходят. Приходится болеть за судьбу старых товарищей, которые вложили уже весь свой труд, силу и энергию в наше дело. Отпускать людей прямо на улицу — это вещь тяжелая. Прошел закон о пенсиях для народных учителей и библиотекарей. Совершенно

необходимо, чтобы и на таких скромных работников, как наши архивисты, этот закон был бы распространен; тогда мы будем иметь покойную атмосферу; тогда старые работники-специалисты могут спокойно отдавать свои силы и свой труд на стройку нашего большого дела.

Затем, товарищи, мне хочется затронуть еще одну тему. То бесконечное повторение одного и того же, что мы слышали от одного, другого и третьего, свидетельствует об одном. У нас есть бесконечное количество наболевших вопросов, и это бесконечное количество наболевших вопросов нам приходится лишь в редких случаях выносить на общее обсуждение. Мы оторваны друг от друга. Что делаете вы на местах? Что делается в Москве? Что делается в Ленинграде? Мы не знаем, ибо у нас нет органа, при помощи которого мы могли бы общаться. И с этой точки зрения, для будущего сильного нашего строительства, для создания сильных кадров красных архивистов и для того, чтобы поставить наше дело на надлежащую высоту, нужно прежде всего, чтобы мы сами представляли реальную ценность, а представлять реальную ценность мы будем лишь тогда, когда мы будем знать и понимать наше дело, а чтобы знать и понимать наше дело, надо непременно нам общаться. Нам нужен журнал, который выходит не в 3 года 2 раза, а по крайней мере два раза в один год, чтобы там была широкая и большая хроника, в которой отражалось бы все то, что есть в нашем деле сильного. Управление непременно организует большой текущий журнал, в котором мы найдем источник постоянного общения по многим теоретическим и практическим вопросам, ибо если мы сами не будем познавать и не сможем передать грядущим поколениям наши знания, то наша созидательная работа будет слаба и поверхностна.

Н. Н. Бакай (Томское губархбюро). Пользуясь 5 минутами, я позволю себе обратить ваше внимание только на некоторые принципиальные вопросы и то не всей Сибири, а одной ее части, именно Томской окраины. Прежде всего, мне бы хотелось обратить ваше внимание на те факты архивного строительства, которые едва ли возможны в Европейской России. Сообщу только один факт. Томское губархбюро должно было в течение очень долгого времени вступить в переписку и даже в борьбу за охрану архива старейшего высшего уч. зав. Сибири — Томского гос. университета. Томский гос. университет создан, как, может быть, многим известно, благодаря не правительственной, а общественной инициативе, и, несмотря на сравнительно кратковременное свое существование, университет растерял свой архив. Томское губархбюро, заметив, что архив университета тает не по дням, а по часам, тает на раскурки с одной стороны, с другой стороны на вырезку чистой бумаги, должно было принять репрессивные меры, и только таким образом возможно было получить часть архива, представляющую только одну треть того богатства, которым обладал архив Томского уни-

верситета. В нем нет не только документов, в целом рисующих бытовую сторону университета, — а эта бытовая сторона университета несколько отлична от бытовой стороны университетов Европ. России по совершенно понятным причинам, — он потерял и документы чрезвычайной важности официального характера, например, протоколы за несколько лет гос. испытательных комиссий, и в настоящее время квалифицировать работников, окончивших университет, не представляется никакой возможности. За последние годы губархбюро получает требования о личных справках из Нью-Йорка, из Вашингтона, из Египта и лишено возможности в данном случае удовлетворять эти требования за отсутствием официальных документов.

Теперь я укажу на другие затруднительные вопросы. Томское губархбюро находится в чрезвычайно неопределенном положении в вопросе о районировании. Мы не знаем, что с нами будет. Областным городом является Новониколаевск. Но Новониколаевск не имеет ни одной архивной организации, ни одного архивного учреждения. Томск обращается теперь в уездный город или в окружный. Спрашивается, куда должны будут поступать архивы и архивные фонды, которых в Томске находится около 250.000 дел? Если их придется передать в Новониколаевск, то произойдет значительная утечка и, наконец, просто порча материалов.

Что касается вопроса об архивах ВСНХ, то должен заметить, что в Томске совершенно утерян архив Совнархоза, и только самую небольшую часть удалось захватить, и то в совершенно разбитом виде. Вот в каком положении находятся дела ВСНХ, который так энергично отстаивал свои претензии. Томское губархбюро просит содействовать закреплению за ним его помещений, потому что без закрепления помещений мы лишены будем возможности устроиться на продолжительное время и спокойно работать.

Н. С. Бурмистров (Нижегородское губархбюро). Товарищ из Вятки говорил, что нам нужно стать на точку зрения ведомственных совещаний. Эта точка зрения, повидимому, у представителя из Вятки только потому, что он слишком молодой архивист и стаж его работы 2 — 3 месяца. На практике этого допустить нельзя. Моментально представитель из Вятки очутится под давлением этих ведомств, то-есть губархбюро будет на правах научной архивной комиссии, которым поручались архивы совершенно не нужные и ценные только с палеографической точки зрения.

Председатель. Мы покончили со всеми ораторами. Имеется еще сообщение месткома Центрархива относительно выработки условий в отношении архивных работников в смысле санитарии. Слово предоставляется тов. Горбацкой.

И. В. Горбацкая. Товарищи, мне не сейчас пришла в голову мысль выступить с сообщением, не после того, как один из товарищей задел профессиональный вопрос. Местком еще вчера подал

заявление президиуму съезда о разрешении выступить по этому вопросу перед закрытием съезда.

Здесь, товарищи, очень много говорили об архивном деле. Я хочу несколько слов сказать об архивных работниках. Затем здесь много говорилось о сохранении документов. Я хочу несколько слов сказать о сохранении здоровья людей, работающих над документами. Я очень рада, что один из товарищей делегатов предвосхитил мое намерение и выступил по этому вопросу. Это лишний раз доказывает, что мое сообщение уместно и явится небезынтересным для представителей с мест.

Мы все работаем в чрезвычайно тяжелых условиях. Эти тяжелые условия разделяются на два основных момента: тяжелые условия устранимые, с которыми мы при содействии администрации постепенно как-будто справляемся. Другая же часть этих условий совершенно неустранима, она связана с нашей работой по существу. Мы при самых идеальных мероприятиях по охране труда никак не можем изжить в архивах пыли, не можем иметь в актохранилищах должную температуру. Это все влечет за собой определенные результаты и очень печальные.

Я сейчас имею возможность огласить некоторые цифры. У нас сейчас в Москве происходит всеобщее медицинское освидетельствование наших сотрудников на предмет установления состояния здоровья для определения характера профессиональной заболеваемости с одной стороны, а с другой для установления того, в какого рода «ремонте», если можно так выразиться, нуждаются наши сотрудники к предстоящему летнему сезону, когда начнутся отпуска.

Сейчас успело пройти через медицинское освидетельствование 99 человек, и вот какие цифры о заболеваемости представил нам врач.

Туберкулезом — нашей самой страшной и характерной болезнью архивиста — у нас из 99-ти человек больны 33 человека, при чем указано, что это уже есть туберкулез определенный и ярко выраженный. 17 чел. из 99 больны далеко ушедшим процессом, вполне активным (2-я стадия и т. д.), 16 — больны в начальной форме, но резко выраженным туберкулезом. 19 чел. из 99 признаны резко малокровными, но оговорено, что это малокровие под большим сомнением. Мы можем тут прямо сказать, что $^2/_3$ из этих 19, если уже не заражено скрытой формой туберкулеза, то они в наших условиях обречены на заболевание в самое ближайшее время. Затем установлен целый ряд нервных заболеваний, сердечных, ревматических, почечных и т. д.

Я должна оговориться, что эти цифры касаются хронически больных, которые сейчас пришли на осмотр в обычном своем состоянии. Нам дают справку из амбулатории, которая обслуживает наших товарищей, что посещаемость сотрудников Центр-

архива исключительно большая. Число всяких случайных заболеваний, особенно простудного характера, очень велико.

Врач сказал мне, что можно с уверенностью сказать, что приблизительно от 60 до 70% сотрудников Центрархива, посещающих амбулаторию, больны туберкулезом в разных видах.

Между прочим, я должна сказать, что этот осмотр не всесторонний. К сожалению, мы не попали под диспансеризацию, которая происходит сейчас по всей Москве. Это очень характерно и вот почему: не только широкие слои населения и разные общественные круги и группировки не изжили еще предрассудков и ложного взгляда в понимании значения архивного дела, но даже то учреждение, или, вернее, медицинская часть того учреждения, которому мы подведомственны, не знает еще до сих пор условий нашего труда. И так как в той комиссии, где решался вопрос о диспансеризации сотрудников учреждений ВЦИК, не было случайно нашего представителя, мы отнесены, как это ни странно, к категории канцелярских служащих и, конечно, поставлены для диспансеризации в отдаленную очередь. Только после категорического и настойчивого заявления о вредности нашей работы нам предложен был до того, как наступит наша очередь для всесторонней диспансеризации, медицинский осмотр. Но и этот осмотр дал яркую картину уже в самом начале.

Много раз комиссия по охране труда и местком Центрархива поднимали вопрос в надлежащих учреждениях об изучении наших условий труда, о том, чтобы нашу работу, наконец, признали вредным производством и включили в список таковых, а из включения в этот список вытекает целый ряд компенсаций, привилегий и т. д., установленных существующим кодексом законов о труде для производств вредных для здоровья. Но мы никак не могли пробить брешь, как не могли заставить хоть сколько-нибудь заинтересоваться нами, и только в последнее время, после огромных затрат энергии и сил, удалось, наконец, сдвинуть это дело с мертвой точки, и сейчас нами как будто несколько заинтересовались, т.-е. приступили к нашему изучению. Уже было сделано от губернской охраны труда обследование, материал которого разрабатывается. Они предполагают произвести опыты над нашей пылью в отношении ее качества, состава, количества и т. д. и потом после научной проработки двинуть дело дальше. Мы ставим себе задачей в конце концов довести дело до Наркомтруда, чтобы в законодательном порядке добиться того, чтобы работа в архивных органах была и формально признана вредной для здоровья, чтобы наше «производство» было включено в список вредных производств, конечно, во всероссийском масштабе. На полумерах мы не хотим остановиться, мы ставим себе задачу добиться этого признания в законодательном порядке и во всероссийском масштабе. Товарищи, обращаюсь к съезду с просьбой своим авторитетным заключением, своим авторитетным

заявлением помочь нам в разрешении нашей трудной задачи. Для Наркомтруда и в предварительных профессиональных инстанциях и учреждениях по изучению профболезней будет иметь известный авторитет определенная резолюция в этом отношении съезда, и я прошу съезд нам в этом отношении помочь, а мы уже со своей стороны приложим все усилия к тому, чтобы довести дело до конца.

В. В. Максаков. В связи с сообщением представителя месткома Центрархива, я думаю, что съезд должен был бы принять некоторые предложения, которые должны заключаться в следующем. Съезд должен признать необходимым провести через соответствующие медицинские учреждения обследование условий работы архивных деятелей как в центре, так и на местах с тем, чтобы в короткий срок результаты этого обследования коллегией Центрархива были учтены, необходимые мероприятия для признания нашего производства, если будут для этого данные, вредным или особо вредным, или требующим каких-либо льгот в отношении работников нашего учреждения, были приняты.

Председатель. Если будут какие-нибудь предложения, предлагается внести их в письменной форме президиуму. Заключительное слово имеет тов. Константинов.

М. М. Константинов. В прениях по докладу не было высказано каких-нибудь принципиальных возражений против намеченных Центрархивом условий организационного строительства. Это говорит о том, что Центрархив с достаточной полнотой наметил те очередные организационные задачи, которые подлежали обсуждению съезда и которые должны подлежать разрешению в ближайшее время в деятельности наших центральных и местных учреждений. С особенной остротой в наших прениях выплыли такие вопросы, как вопрос о взаимоотношениях с ведомствами. На нем останавливаться не буду, так как он лежит в плоскости административных взаимоотношений. Остановлюсь лишь на взаимоотношениях с одним музейным ведомством. Я должен довести до вашего сведения, что с музейным ведомством вопросы в значительной мере осложнились на почве распределения архивного материала, находящегося в фактическом пользовании различных местных музейных учреждений. Так же, как и другие ведомства, музейное ведомство стремится к тому, чтобы попавшие в его руки исторические ценности сохранились в его ведении, независимо от того, какой научно-исторической ценностью отличаются те материалы, которые остаются там. Они подходят к этому чисто практически, что данные материалы находятся в той или иной связи с предметом вещественного, показательного свойства, и поэтому их никак выделить нельзя. В силу этих соображений они отказались выдавать нам архивы, которые по существу ни в какой мере исторически не срослись с музеями, где эти архивы находятся. Мы предприняли для разрешения этого вопроса

такие меры, как выработку определенного соглашения с музейным ведомством по распределению этих материалов. Это соглашение была направлено в Главнауку, и о судьбе его мы пока ничего не знаем. По всей вероятности, оно будет рассматриваться в соответствующих ученых инстанциях, и вопрос будет в ближайшее время так или иначе разрешен.

В сфере организационных предложений нужно отметить следующее. Товарищи особенно настойчиво подчеркивали отсутствие регламентации для уездных наших органов. Повидимому, здесь мы имеем перед собой наше больное место. Нужно, повидимому, не спорить по вопросу о том, как быть с уездными нашими учреждениями, а признать, что во всех мелких административных единицах, в особенности таких, как уезды, а, может быть, и меньше, как волости, должен быть наш местный аппарат для того, чтобы собирать, хранить и приводить в порядок архивные материалы местного значения. Можно спорить только по вопросу о том, какую форму придать нашему аппарату, но я уже останавливался в своем предложении на такой форме, как уполномоченный. Существенных возражений товарищи против этого не сделали. Более пригодной формы для того, чтобы на месте установить нашу работу, чем уполномоченный, не найдем; организовывать бюро в составе нескольких человек, видно, не удастся в ближайшее время, и если местам это удастся, то, по всей вероятности, удастся в сторону расширения архивного аппарата, работающего над архивом, но не управляющего. Это было бы, конечно, желательно.

В отношении губернских наших управлений у нас нет разногласий насчет того, чтобы нашим губернским органам придать необходимую долю самостоятельности и правильное положение в системе местных советских учреждений. Здесь раздавались голоса о том, что развитие губернских архивных учреждений и их работа тормозится потому, что губернские учреждения не самостоятельны и что поэтому самый авторитет их падает, а отсюда возникают и все другие последствия. Я слышал один или два голоса, которые свидетельствовали об авторитетности наших учреждений, что кое-где этот авторитет есть, но, как общее правило, нужно признать, что такого авторитета у наших губархов нет. Мы это знаем, но для того, чтобы придать авторитет местам, необходимо удовлетворить те требования, которые были мной выставлены в докладе и подтверждены выступающими товарищами, — это придать самостоятельность нашим губернским архивным управлениям. Не будем спорить о слове: бюро или управление,—комиссия, которая будет разрабатывать этот вопрос, по всей вероятности, уточнит это название, но для нас важно оформить положение и придать нашим губернским органам ведомственную самостоятельность и непосредственное подчинение президиуму исполкома. Затем необходимо, чтобы наши местные учреждения имели возможность эту самостоятельность исполь-

зовать авторитетным способом, а для этого нужно обеспечить им самостоятельность штатов. Я вполне разделяю уверенность товарищей, что мы долгое время еще не выберемся из тех сложных условий, которые мешают развитию авторитетности наших учреждений, если у нас не будет предложена местам какая-нибудь форма штатов, какая-нибудь устойчивая единица. Правда, товарищи, нужно сознаться, что это чрезвычайно трудная задача, это значило бы все разнообразные условия, в которых существуют наши местные архивные учреждения, обобщить каким-то положением о штатах. Это чрезвычайно трудно, но установить какие-нибудь нормальные штаты, к которым будут приспособляться и которые в силу потребностей будут расширяться или уменьшаться, нужно, —и на этом следует, конечно, остановиться.

У нас не был затронут вопрос о положении центрального управления в областных автономных республиках. Совершенно очевидно, что если мы ставим наши губернские учреждения в определенное положение авторитетности, самостоятельности, то центральные управления областных автономных республик заслуживают, может быть, бо́льшего внимания в этом отношении. От губернских учреждений поднимаясь несколько выше к тем учреждениям, которые именуются областными при новом районировании, или краевыми, мы встречаем положение, как я уже подчеркивал в докладе, значительно сложнее. Дело в том, что до сих пор нет еще точного положения о самом районировании Юго-Восточного края, а наша организация поэтому должна как будто бы в значительной мере приспособляться к этому новому районированию. И сейчас она не может найти точных и определенных форм, но мы должны итти по определенному, ясно очерченному пути — это создание наших отделов при краевых исполкомах на правах самостоятельных отделов. Краевая активная организация силою вещей должна возникнуть в ближайшее время, и наша задача должна будет заключаться в том, чтобы сейчас уже наметить те или другие, но непременно конкретные, формы, которые мы придаем нашим краевым органам. Если краевой отдел Центрархива займет в системе государственных учреждений — исполкомов — соответствующее самостоятельное место — отдела, то этого будет уже достаточно для того, чтобы наш аппарат на местах соответствующим образом развивался и действовал. Конечно, если мы говорим о такого рода краевом управлении, то мы должны придать ему и соответствующие штаты и соответствующие формы управления, должны быть заведывающий, заведывающие отделениями архива, канцелярский штат и т. п. (Голос с места: *Раздутые штаты.)* В том, чтобы штаты раздувались, конечно, никакой потребности нет. Это во-первых, а во-вторых — и возможности нет. Поскольку с одной стороны сталкиваются местные средства и местная власть, а с другой стороны Центрархив, постольку обнаруживается какая-то средняя

линия, на которой обе стороны сходятся, и, очевидно, учитывая потребность в архиве с одной стороны и с другой — его обеспеченность материальную, придется установить нормальные штаты, которые потребуются для того или иного края.

Несколько остановлюсь еще на организации областного архбюро в Сибири. Об этом ничего не говорилось в докладе и не было сказано в словах товарищей, здесь выступавших. Кажется, только тов. Бакай указал на те трудности, в которых приходится работать в Сибири. По каким-то обстоятельствам деятельность этого Сибархбюро к последнему времени почти замерла. Чем это объясняется, я затрудняюсь сказать, но так или иначе обнаружилась уже давно оторванность этого Сибирского арх. бюро от местных губернских архивных учреждений; да и в то время, когда фактически это Сибархбюро существовало, ему было подчинено только пять губернских архивных учреждений, а в Сибири у нас значительно больше. Управление Центрархива установило непосредственную связь со всеми губернскими архивными учреждениями Сибири. Там, где не было архбюро, как, например, в Улала (Ойратская республика), затем в Якутской республике, там эту связь мы постарались установить. Благодаря тому, что мы установили непосредственную связь с нашими местными учреждениями, тем самым мы архивное строительство на местах в Сибири ведем отсюда, из центра. Само собой разумеется, что сейчас происходящее там районирование осложняет нам эту работу. В Сибирь у нас был послан инструктор, который обследовал дальневосточные и иркутский губернский архив. Результатом этого обследования и должен был получиться материал, который позволял бы нам судить о том, как нам строить архивные учреждения в Сибири. Но инструктору из-за съезда не удалось закончить этой поездки, и вся Западная Сибирь пока что осталась не обследованной.

Теперь я перейду к управлению Центрархива. Относительно управления Центрархива в моем докладе было сказано только одно, что по положению 1922 года был построен определенный аппарат. В дальнейшем, товарищи, по мере развертывания этой деятельности, осложнения самой работы, по мере учета опыта, по мере того, как управление Центрархива связывалось все больше и больше с местами, эта деятельность управления Центрархива в значительной мере развивалась, вызывала потребность в изменении некоторых частей управления Центрархива. В силу того, что работа расширялась, функциональные отделы, административно-материальный и организационный, в значительной степени выросли, а, следовательно, видоизменились, превратились по существу в отделы управления Центрархива. Очевидно, сама жизнь потребовала уже устранения промежуточных форм, которые когда-то составляли общий отдел и затем отдел научно-теоретический. В дальнейшем, таким образом, организационный

отдел выявился как вполне самостоятельный, со сравнительно большим штатом. Отдел распадается на две основных части: на информационную и инструкторскую часть. Потребность в расширении информационной части сейчас с каждым днем все больше и больше вырастает. Значение информационного аппарата ясно. Его задачи — собирание сведений об архивах, взятие их на учет, суммирование этих сведений, сообщение туда наших инструкций, наших положений и т. д., сообщение материалов, необходимых для руководства, на места, сообщение сведений в печати, а, может быть, и каким-нибудь иным способом, о деятельности наших учреждений.

Инструкторская часть, совершенно неразвитая в прошлом, развилась за последнее время, особенно когда стал вопрос о том, что местные губархи, центральные наши актохранилища и учреждения нужно инструктировать в архивной части. Задача заключается в том, чтобы развить этот аппарат, придать ему соответствующие размеры и должное качество.

Нужно еще остановиться на взаимоотношениях с ЛОЦ. Более подробное знакомство с деятельностью ЛОЦ привело коллегию Центрархива к убеждению в том, что ЛОЦ нужно реорганизовать. Нужно наросшие там организации и учреждения, которые страшно увеличили штат, отсечь и оставить для управления там архивами уполномоченного, придавши ему незначительный штат для заведывания, для управления и для внутреннего инструктажа. Управление Центрархива должно руководить деятельностью архивных учреждений в масштабе РСФСР, должно инструктировать советские учреждения по части постановки текущих архивов, собирать материалы архивных учреждений, руководить всей административной работой. ЛОЦ этого не выполняет. Оно ведает архивами отложившимися, по историческому своему развитию законченными. Перед ЛОЦ одна ближайшая организационная задача — это сокращение сети разбросанных по Ленинграду архивных хранилищ, сжимание с 76 до 11 — 12 хранилищ и только. Это должно быть выполнено в ближайший год, до ноября месяца. И тогда у ЛОЦ останется непосредственное заведывание архивохранилищами твердо закрепленными, научная проработка архивных материалов, приведение их в такое состояние, когда научная работа может беспрепятственно развиваться в архивах. Все архивное строительство в губернии и заведывание местными фондами должно быть отнесено на счет Ленинградского губарха. В этом и состоит размежевание деятельности между Лен. губ. архивным бюро и бывшим ЛОЦ. Ленинградский исполком также пришел к убеждению в необходимости свести управление Ленин. отделением до заведывания непосредственно архивами центральных учреждений. Когда было сделано представление со стороны губарха и Ленинградского губисполкома в Совнарком, — последний занял ту же позицию, т.-е. согласился создать в Ленинграде представительство

в лице уполномоченного для центральных архивов и образовать местное губ. архивное бюро, уточнив его деятельность и определив его границы.

Положение о ленинградском уполномоченном коллегии Центрархива, разработанное в комиссии, принято плановой комиссией и утверждено коллегией Центрархива. Оно подлежит проведению в жизнь в самое ближайшее время.

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Максаков.

В. В. Максаков. Я сперва отвечу на записки, которые мне подали.

И в речах и в двух записках меня спрашивают, почему я назвал Саратовское губархбюро самым лучшим. Я не говорил в своем докладе, что оно самое лучшее; я говорил, что оно одно из лучших. Меня спрашивают: а есть ли еще какие-нибудь бюро, работающие хорошо? Конечно, есть. Может быть, они лучше Саратовского губархбюро, может быть, несколько хуже, трудно это учесть, но ряд губархбюро, где работа поставлена в общем и целом по сравнению с другими относительно хорошо, я нахожу. К таким мы относим: Смоленское губархбюро, Нижегородское, Иркутское отчасти и еще некоторые другие.

Меня просят назвать и самые худшие, — от этого я воздержусь по вполне понятным причинам.

Чем определяется то, что заставляет меня назвать эти бюро лучшими? С деятельностью Саратовского губархбюро я познакомился, помимо отчетов, имеющихся в распоряжении Центрархива, из доклада зав. Саратовским истпартотделом на совещании истпартов во время последнего партийного съезда. В Саратове товарищи, стоявшие во главе архивбюро, установили действительно нормальные отношения с местной губернской властью. Когда там появился истпарт, то зав. истпартотделом тесно связал свою работу с работою губархбюро. Организационно не связывая себя с губархбюро, он жил жизнью архивного бюро, и в конце концов при содействии истпарта губархбюро с первых же шагов смогло поднять свой авторитет настолько, что получило достаточные средства для того, чтобы произвести перегруппировку фондов, закрепить за собою помещения, увеличить свой штат до двух десятков человек и получить довольно значительное количество сверхштатных работников. Вот почему приходится назвать это бюро одним из лучших.

Следующий вопрос: можно ли допустить выделение секретных столов губернаторов из архива губернатора для включения в состав политической секции?

По первоначальной нашей мысли, политсекции так и организовались. Туда должны были войти и секретные столы губернаторов, полицейских управлений и т. д., как более ценные с точки зрения истории революционного движения. Конечно, это условно; в общем

и вне секретных дел много есть материала, который нужен для историка революционного движения, но в первую очередь хотелось выявить материалы секретные. Это, конечно, влечет за собой разрушение фондов в целом. Мы на это шли при тех исключительных условиях, при которых мы начали организовывать дело. Я думаю, что в дальнейшем в этом надобности больше не будет. Но если условия таковы, что нельзя вместить в оборудованном хранилище весь этот фонд, а хранить его нужно целиком, то, может быть, нужно выделять фонд секретный.

Записка: «Все ли архивные фонды пореволюционные должны войти в архив Октябрьской революции, или только такие, которые имеют политическое значение, например, жандармских управлений, губернатора и т. д.?»

Тут, очевидно, недоразумение. К пореволюционному фонду жандармские управления не имеют отношения. Повидимому, товарищ имел в виду сказать не о пореволюционном фонде, а о дореволюционном фонде. Я должен сказать, что из обоих докладов, где я касался этого вопроса, совершенно ясно, что я разумею под архивом Октябрьской революции не актохранилища, содержащие в себе наиболее ценные в историческом и политическом отношении фонды, а все фонды пореволюционные. Вы можете эти пореволюционные фонды, в свою очередь, разделить на те или другие секции. Это уже дело внутренней перегруппировки фондов, и, может быть, вы это сделаете по признаку наиболее ценного в политическом, историческом и других отношениях. Целесообразно было бы, как говорил тов. Константинов, произвести деление по тем секциям, по которым мы вообще делим наш архивный материал: политическая, экономическая, историко-культурная и военно-морская.

Записка: «Почему Центрархив не напечатал еще годового отчета всех губархов?»

Да потому, что большинство губархов таковых еще не присылало, т.-е. несвоевременно присылало. К тому же отчеты до сих пор составлялись таким образом, что составить из этого общий отчет трудно. Теперь мы посылаем на места более или менее точный план, по которому нужно эти отчеты составлять; вероятно, в ближайшее время мы будем получать эти отчеты по кварталам, и в ближайшем будущем составим и для вас годовой отчет.

Записка: «Будут ли губархи иметь свои печать и штамп?»

Лично я этому вопросу не придаю такого значения. Мы считаем, что этот вопрос, повидимому, будет разрешен лишь в общей связи с вопросом о положении губернских архивных управлений, как их здесь хотят назвать, в общей сети советских учреждений на местах. Я должен сказать, что некоторые отделы губисполкомов также печати не имеют, и это все-таки, повидимому, не так уж сильно отражается на их работе. Но если это действительно приносит определенный вред, то мы сможем в том

положении, которое будет нами разработано, подчеркнуть, что губархив это учреждение, имеющее печать.

Записка: «Как поступать с макулатурой, когда фабрика предлагает 80 коп., а частный рынок платит 2 рубля?»

Речь идет о том, что мы настоятельно рекомендуем за последнее время продавать макулатуру государственным органам, а не частным спекулянтам. Мы это рекомендовали потому, что вокруг нашей макулатуры происходит величайшая спекуляция, с которой необходимо как-то бороться, и одним из средств борьбы является иметь дело не с частными предпринимателями, а с государственными органами. Разумеется, здесь могут быть изъятия. Вот такое положение совершенно ненормально, когда госорганы дают 60 — 80 коп., а частный покупатель 2 рубля. Мы в курсе той вакханалии, которая образуется вокруг макулатуры, так что мы дадим в нужный момент по конкретному вопросу конкретный ответ.

Относительно твердых штатов здесь уже много говорилось. Я скажу, пользуясь случаем, товарищи, что лично считаю невозможным установление твердых, раз навсегда определенных штатов губархбюро. Надо учитывать реальные потребности данного времени в данном губархбюро, определять ориентировочные штаты на определенный срок, на год, скажем. Для этого необходимо всем губернским архивным учреждениям предварительно составить ясный, определенный и твердый календарный план своей работы с учетом своих возможностей и применительно к этому можно, действительно, закрепить определенный штат. Но такие планы могут быть составлены максимум на год, никак не больше. Практика наша говорит, что и этот срок, я об этом говорил вам в первом докладе, не дает возможности выполнить действительно план, который вы намечали.

Относительно ставок задано мало вопросов. Сейчас намечается ликвидация 17-ти разрядной сетки. Как это отразится на местах, я не знаю. Предстоит установление определенных должностей; каждой должности будет намечено определенное вознаграждение, возможно, по поясам, так что архивист будет получать определенную ставку, в каком бы учреждении он ни служил, так же, как и архивариус, как библиотекарь или инструктор, или консультант и т. д. и т. д. Я думаю, что Центрархив положение учтет и соответствующие меры примет для того, чтобы не пострадали наши места.

Два слова по поводу заявления, которое сделал здесь товарищ Чхетиа. Тов. Чхетиа здесь упомянул, что на вчерашнем заседании по его адресу заведующий Центрархивом М. Н. Покровский будто бы бросил упрек в связи с вопросом о передаче национальных культурных ценностей. Я должен заявить, что тов. Покровский, конечно, упоминая в своей речи об этом факте передачи, имел в виду, очевидно, только подчеркнуть наше действительное отно-

шение, отношение Центрархива РСФСР к вопросу о передаче союзным республикам культурных национальных ценностей, находящихся в наших хранилищах. Конечно, тов. Чхетиа, ни о каком упреке с нашей стороны, со стороны Центрархива, по вашему адресу не могло быть и речи.

Теперь перейду, товарищи, к тем прениям, которые сегодня имели место по нашим докладам. Прения развернулись по двум линиям. Несколько неожиданно для меня — по линии вопроса о ведомственных архивах, архивах пореволюционных и по линии нашей внутренней работы на местах. Конечно, в первую очередь мне приходится остановиться на вопросе об архивах пореволюционных, хотя этому вопросу я уделял внимание и в первом докладе. Я понимаю, конечно, товарищи, ту остроту, которую приняли прения по этому вопросу у нас на съезде. Я говорил в своем первом докладе, что мы до некоторой степени находимся на переломном моменте: будем ли мы, Центрархив, органом, управляющим фондами только дореволюционного времени, или мы действительно будем Центрархивом РСФСР, управляющим всем Единым Государственным Архивным Фондом, который сложился и отлагается в нашей республике. Повидимому, мы вплотную подошли к разрешению этого вопроса, и не удивительно, что всех нас вопросы, связанные с вопросом о пореволюционных фондах, чрезвычайно волнуют. Многие и многие из выступавших здесь товарищей часто даже чересчур задорно подходили к этому вопросу, выступая против «ведомственных тенденций» представителей ведомств, которые у нас здесь присутствуют. Я должен, товарищи, прежде всего, сказать, что мы понимаем совершенно определенно те декреты, те законоположения, которые существуют у нас насчет того, что нужно разуметь под Единым Государственным Архивным Фондом и под Центрархивом РСФСР. Никаких сомнений на тот предмет, имеем ли мы право, или нет, ведать архивом пореволюционного времени, в нашей среде не существует. Почему это так? А вот потому, что мы действительно считаем, что архив есть живое политическое учреждение, и архив нам нужен не только для того, чтобы обслуживать ведомства, учреждения в их практической работе, но и для политических задач государства. Я уже не говорю о научных задачах, вопрос о которых можно еще не выпячивать, ибо нам могут сказать, что еще не настало время для научно-исторического изучения и исследования наших архивных материалов, которые отложились после революции, хотя и это будет не совсем так.

Если мы, товарищи, подходим таким образом к архиву и тем самым к архивным материалам пореволюционного периода, то совершенно ясно, что оставлять их в руках ведомств, даже внимательным образом относящихся к архивам, нельзя. Не для того мы делали буквально революцию в области архивного дела, чтобы на седьмой год нашей революции ликвидировать завоевания этой

революции, признать, что теперь мы можем поставить точку. Этой точки мы не поставим, даже запятой не поставим, а, наоборот, мы сейчас поставим вопрос о расширении сферы ведения архивов учреждений. Мы подходим к фактическому овладению материалом пореволюционного времени, отложившимся в советских учреждениях. Это представители ведомств должны твердо, раз навсегда себе усвоить. Представители ведомств говорят нам, что мы плохие хозяева материала. На это мы отвечаем: мы еще не были хозяевами этого материала. Когда будем, — посмотрите, скажете, плохие мы или хорошие хозяева. Какие вы хозяева, мы знаем довольно хорошо, очень хорошо. Здесь товарищи из Нижнего Новгорода, товарищи из Ростова, товарищи из Ленинграда, и я думаю, что большинство товарищей, здесь присутствующих, в частных беседах и на этой трибуне говорили о том, какие вы, товарищи из ведомственных архивов, хозяева в области архивного дела. Я не хотел говорить о наших ведомствах ни одного слова. Что вспоминать грехи прошлого! Но когда товарищи говорят от имени ведомств, как официальные представители, говорят о нас, то я должен вспомнить грехи архивных работников этих ведомств. Вот вам список проданных различными учреждениями архивных материалов на макулатуру, разных материалов без уведомления Центрархива об этом. В одном месте продано 10.000 пудов без ведома архивного центра. Если вы таким образом обращаетесь с архивным материалом — можно ли вас считать хорошими хозяевами? Вы говорили (я отсутствовал, но стенограмму читал), что тысячи ящиков у нас лежат в одном из архивов, что мы их не разбираем и мешаем вам работать. А как вы думаете, эта продажа десятка тысяч пудов дел на макулатуру лучше, чем наше отношение к архивному материалу, который мы держим в ящиках, или хуже? Это было в Ростове, а что делается в Саратове, что делалось во всех других городах! Если об этом рассказывать, это было бы очень скучно и долго. А что делается в Москве? — Совсем недавно сперва шесть тысяч, затем две тысячи, потом одна тысяча пудов были проданы различными учреждениями на макулатуру, без всяких сношений с нами. Как вы, представители ведомственных архивов, относитесь к этому? Не знать этого вы не можете. В каком виде ваши архивы находятся, вы знаете и скажите прямо, хорошо ли они охраняются, не гибнут ли архивы у вас?

Представитель ведомства говорил: «Как можем мы дать материал вам? Мы, хозяйственники, нуждаемся в этом материале, как в манне небесной. Да нипочем, да никогда, вы — губители дела, а не строители архивного дела». Товарищи, так говорить, а потом продать на макулатуру архив министерства торговли и промышленности — я не знаю, как это назвать. *(Аплодисменты.)* Это было сделано Ленинградским промбюро в 1922 г. Работать по истории торговли и промышленности недавнего прошлого,

к сожалению, не можем теперь в полной мере. Материал продан и продан не нами, продан так, что мы его уже никогда не увидим. И проданных таким образом материалов мы найдем немало. Приведенных фактов совершенно достаточно для того, чтобы раз навсегда покончить с легендой, что ведомственные архивисты являются действительными хранителями архивного материала, а что революционеры в области архивного дела, работники Центрального Архива РСФСР, являются варварами.

Мне здесь было приписано, что я будто бы требую обязательной сдачи архивов по истечении пятилетнего срока хранения. Ничего подобного я не говорил и говорить не мог. Здесь один товарищ говорил, что нельзя требовать у нас, у ведомства, материал, которому прошло только пять лет. Тогда я спрашиваю: сколько нужно? Он говорит, что и семь лет мало, и восемь лет мало, и десять лет мало. Тогда что-нибудь одно: или совсем материала не будете сдавать, или установить определенный срок. Вот что я говорил. Что мне на это ответили? Для того, чтобы разрешить этот вопрос, нужно создать «парламент» вместо существующей коллегии Центрархива. Я не буду останавливаться на этом проекте, т. к. на нем уже останавливались подробно, и тов. Покровский определенно и ясно поставил вопрос о таком «парламенте». Мы должны внести в это дело ясность. Мы высший орган в республике, ведающий архивным делом. Интересы ведомств, которые связаны с нами в этой области, вероятно, учитывали при создании этого органа, и мы сами, интересуясь вопросом об архивах ведомств не для каких-либо своих целей, — мы существуем для этих ведомств. Я так и говорил открыто. Мы, конечно, учитываем в своей работе интересы и потребности этих ведомств. Я указал совершенно конкретно, как эти интересы мы учитываем. Мы заключаем конкретное соглашение с каждым ведомством о сроках передачи, о формах передачи, о способах передачи архива и т. д. Ряд учреждений материал нам передают. Нам, может быть, было очень тяжело принимать этот материал, не будучи вполне к этому готовым. Но мы приняли этот материал, и эти учреждения передали нам его почти без всяких условий. Я скажу больше. Мы ставили условия. Нам говорят: принимайте материал через каждый год. Мы говорим: нет, мы не можем, вы слишком часто будете обращаться к нам за справками, предлагаем пять лет, три года.—Нет, давайте два года. Это учреждения очень авторитетные. Некоторые из их материалов у нас, и никаких недоразумений до сих пор у нас нет. Заканчивая, я должен сказать, что тут почему-то товарищи представители ведомств подошли к нам действительно как к какому-то враждебному учреждению. Я с самого начала в своем первом докладе подчеркнул, что мы должны проявить сугубую осторожность в вопросе об овладении ведомственными архивами. Мы должны проявить максимум либерализма, говорили мы, чтобы интересы

ведомств ни в коем случае не были нарушены. Вот что мы сказали, а представители ведомственных архивов как будто с какой-то предвзятой мыслью пришли к нам и стали говорить вещи совершенно недопустимые. Я думаю, что после этих разъяснений мы с представителями ведомств будем легче договариваться.

Теперь по вопросу нашей работы на местах. Я внимательнейшим образом не только слушал речи всех товарищей, которые здесь выступали, но и записывал почти все мысли, которые здесь высказывали товарищи, и должен откровенно сказать: нового мне почти ничего не дано было здесь. Это не значит, что мне не дано было ничего интересного. Чрезвычайно много интересного, но я многое нащупывал из тех отчетов, которые были в моем распоряжении, из бесед со своими инструкторами, которые объехали много мест, и из тех бесед с товарищами с мест, которые мне пришлось вести за эти дни, и в своем докладе я сознательно стремился обнажить действительное положение вещей на местах и я решил проверить свои данные здесь. Вот почему я выступил с просьбой о продлении прений по моему докладу. Нас обвиняли, что мы слепы, немы, глухи. Но мы кое-что слышим и видим, в общем и целом мы все-таки информированы достаточно хорошо, хотя прямо скажу, что основной недуг наш — это отсутствие действительной, живой органической связи, о чем говорил здесь тов. Николаев, между нами — центром и периферией. Одной письменной информации было, конечно, недостаточно. Я внимательно прислушивался, я внимательно вчитывался потом в свои заметки и пришел к заключению: все то, что мы здесь говорили, и я и товарищ Константинов, товарищи с мест всецело это подтверждают. Подтверждают они, что положение у нас тяжелое, но никто из них не заикнулся о том, что положение у нас катастрофическое. Никто не сказал, что положение угрожающее. Это те приблизительные выводы, которые и я сделал в конце своего доклада. Нужно сказать, может быть, прямо, что мой доклад был оптимистичен. Я не раскаиваюсь в том, что сделал несколько оптимистические выводы в конце своего доклада. Действительно, положение у нас не только не катастрофическое, даже не угрожающее, положение у нас в общем и целом удовлетворительное — нужно прямо сказать. Я теперь напомню вам то, что говорил здесь проф. Тарле. Он говорил о штатах архивных учреждений там на Западе, а мы с вами тоже говорили о штатах. Что же получается? Там завидуют тому, что есть у нас. Товарищи, это факт, и это говорит нам проф. Тарле, который понимает значение вопроса о штатах для архивов.

Дальше о материальном положении работников архивов, которому я здесь тоже уделял внимание. Проф. Тарле вам привел разительный пример: архивист с 15-летним или даже большим научным стажем, с рядом научных трудов, один из известнейших архивистов Франции получает 100 р. в месяц. Сравните с нашим

положением. Я думаю, что плакаться нам теперь уже особенно не стоит. Вопрос о помещении очень больной, острый вопрос, который всеми нами здесь затрагивался. Вспомните, какие разговоры идут там на Западе о том, куда перевезти все архивы войны, огромнейшие фонды, которые отложились за эти годы и для которых нет помещений. Проф. Тарле не рассказал нам подробно здесь, в каком состоянии там эти фонды, он только намекнул на состояние этих архивов, и то, что он сказал, было очень интересно. Я рекомендовал бы всем, не только нам, работникам Центрархива РСФСР, а и работникам архивов военного ведомства, подумать об этом. В ведомственных архивах на Западе имеется один заведывающий, у него два архивариуса и машинистка. И что же там на Западе говорят по этому поводу? Там говорят о том, чтобы скорее пришла революция. Во всяком случае, проф. Тарле сказал, что они признают, что мы своей революцией вообще, а в области архивного дела в особенности, проделали очень много. Тот опыт, который мы проделали, они считают чрезвычайно благотворным для архивного дела. Они внимательнейшим образом прислушиваются к тому, что мы делаем. Они ждут этой революции или реформы в области архивного дела, но реформа сверху у них проведена быть не может. Проф. Тарле говорит: не будет этого, повидимому (он, очевидно, передавал слова архивистов, с которыми ему приходилось беседовать), ибо правительство не интересуется архивами вовсе. Вот вам культурный Запад, а ведь мы «варвары». Нет надежд, — говорит он, — что правительство сделает что-нибудь в отношении архивов. Это будет сделано там лишь под давлением «общественного мнения» или под давлением революции. После того, когда мы заслушали здесь товарища, приехавшего с культурного Запада, где привыкли с чрезвычайным уважением относиться к культурным ценностям, где придают большое политическое значение архивам, где умеют с этой целью пользоваться архивами, и после того, как посмотрим, что делается у нас, то должны сказать, что не так плохо у нас. Проф. Тарле называл самое огромное актохранилище — Национальный архив, который считается образцовым в своей постановке. И вот, что же там оказалось? Один директор и 29 архивистов и архивариусов, не считая обслуживающего персонала. Некоторые товарищи, знающие положение в Ленинграде и Москве, могут подтвердить, что у нас положение не хуже. Определенно можем сказать: — даже лучше. С сознанием полной ответственности за свои слова мы могли бы сказать, что у нас положение с архивным делом удовлетворительно. Какие у нас грехи? Они есть. Я не буду повторять всего, что здесь говорилось, но отмечу основное. Основное, как я уже сказал, — нет тесной органической связи между работниками центра и работниками мест. Это органический наш недуг, нужно его изжить. Почему мы не изжили его до сих пор? Много было причин, и одна причина та, что мы все

время находимся в процессе переорганизации, как здесь, в центре, так и на местах. Вот почему у нас не было той органической тесной связи в виде съездов и конференций, о которых мы не только думали, но и выносили ряд постановлений. Почему мы не разрешали на местах созывать съезды? Потому, что на местах происходила та же реорганизация. На местах некому было разговаривать друг с другом. На места некого было послать из центра, чтобы там дать руководящее начало. Вот почему мы высказывались против того, чтобы эти съезды созывались до того момента, пока мы все с вами не съедемся здесь, не наметим общей линии нашей работы, не поделимся нашим опытом. Почему мы не выпускали «Архивное Дело»? Тут много причин и хозяйственно-технического характера и отсутствие работников для этого дела. Что такое «Архивное Дело», которое нам нужно? Нам нужно, чтобы наш архивный журнал не превратился в академическое издание, которое не отражало бы потребностей революционного архива. Ведь мы имеем перед собой действительно красных архивистов, которые только что вошли в это дело, мы имеем товарищей, которые еще не знакомы с азбукой архивного дела. Теперь у нас есть постановление, чтобы этот журнал выходил через каждые 3 мес. обязательно; 4 книжки в год вы будете получать. Теперь, когда мы видели вас, вы видели нас, когда мы уже знаем потребности и запросы нашего читателя — красного архивиста, мы сумеем создать тот журнал, который действительно явится для вас настольной книгой. Мы будем через каждые 2 недели посылать вам бюллетени, которые вы видите здесь на съезде. Мы будем высылать на места информацию о деятельности коллегии Центрархива, научно-организационной коллегии и всех основных отделов Центрархива. Там будет отражена вся внешняя сторона работы наших архивных учреждений. Бюллетени, «Архивное Дело», конференции, съезды, которые мы будем созывать теперь, все это даст нам возможность действительно установить органическую связь друг с другом.

Теперь отвечу на несколько существенных вопросов. Здесь говорили, что необходимо поддерживать заведующих нашими архивными учреждениями в случаях их столкновений с местными властями и т. д. Я считаю это недоразумением. Какое же руководящее учреждение не должно заботиться о том, чтобы его работники на периферии находились в условиях, при которых они могли бы быть застрахованы от каких-либо недоразумений с теми или иными учреждениями, с которыми они соприкасаются. Я вам могу привести ряд фактов и перечислить ряд фамилий товарищей, которые имели столкновения на местах и нуждались в нашей поддержке; эту поддержку они всегда получали.

Нет нормальной письменной связи между центром и местами,— говорят здесь. Циркуляры в одном месте получаются, в другом нет, в одном случае доходят, в других нет. В этом не повинен

*

Центрархив так же, как он не повинен в том, что из одного архивного учреждения заведующий посылал в течение полугодия еженедельно отчеты и рапорты, а Центрархив ни одного из этих отчетов и рапортов не получил. Кто здесь виноват? — Конечно, не Центрархив и не этот заведующий. Я думаю, что это недостаток механизма других учреждений. Мы выясним, в чем тут суть, и сумеем это ликвидировать. Ставить в вину Центрархиву эти недостатки механизма почтового ведомства на пленарном заседании нашего съезда, я думаю, не было больших оснований.

Вопрос о том, как надо организовать отсеивание макулатуры: через посредство особых разборочных комиссий, или оставить тот порядок, который сейчас существует? Этот вопрос будет стоять у нас в секции. Но я сейчас должен решительно заявить, что отказаться от института проверочных комиссий в центре мы не сможем. Нельзя всецело это дело передать на места. Я думаю, товарищи поймут, что вопрос уничтожения макулатуры чрезвычайно важен. Мы идем на некоторый либерализм в этом вопросе, и я проявил этот либерализм в том, когда сказал, что пошлем на места наших инструкторов, проинструктировав их достаточным образом, чтобы они, в свою очередь, наметили общий подход к вопросу об уничтожении того или другого архивного материала в том или другом фонде, который подлежит разборке.

Нам здесь говорили, что придется сидеть месяцами, придется разбирать чуть ли не годы ту макулатуру, которая накопилась за это время. Не для этого товарищи инструктора поедут туда, — не для того, чтобы разбирать самим дела, а для того, чтобы на месте, ознакомившись с фондами, с их характером, с их состоянием наметить общий подход в работе по разборке. Я думаю, что наши инструктора вместе с архивистами, работающими там, вместе с работниками советских учреждений, которые имеют тесную связь с этим фондом, смогут это проделать.

Два слова о Ленинграде. Здесь один из выступавших товарищей обмолвился. Он неудачно сказал об автономии и даже о максимальной автономии, которую нужно предоставить Ленинграду, и немало напугал некоторых делегатов. Я думаю, что это он обмолвился. (Голос с места: *Это опечатка*). Мы будем считать, что это опечатка.

Ленинградский Исторический архив и работники в нем — это учреждение, с которым очень и очень приходится нам считаться в нашей архивной практике. Там накопился большой опыт, и этот опыт должен быть учтен в нашей работе. Из этого, конечно, следует, что нужно изыскать способы использования этого самого опыта. Я думаю, что та реформа, которая будет нами проведена, даст нам возможность действительно найти пути к использованию этого накопившегося опыта у товарищей, работающих в Ленинграде. Я только проявляю известную осторожность в вопросе о том, что товарищи-ленинградцы считают воз-

можным у себя уже перейти к такой работе, как научное описание архивного документа. Здесь тов. Татаров сказал, что мы можем сейчас, используя опыт наших работников, от простых элементарных описей перейти к научным описаниям. Я, товарищи, думаю, что тов. Татаров, повидимому, хотел подчеркнуть, что в Ленинграде в составе работников имеются кадры архивистов, могущих в этой области дать нам чрезвычайно много. Я думаю, что никто здесь из присутствующих в этом не сомневается, но к тому, чтобы перестроить общий план работы Ленинградского отделения в сторону научно-архивной работы, может быть, научно-исследовательской работы, нужно подойти с осторожностью, увлекаться этим нам нельзя. В том же Ленинграде, тов. Татаров, вы же знаете, какие сейчас огромные задачи по перегруппировке фондов. Здесь тов. Николаев на этой трибуне говорил, что на ЛОЦ сыплются почти каждый день удары, что не сегодня — завтра или 1 октября ему, как заведующему архивом, может быть, со всем его прекрасно оборудованным архивом бывшего министерства народного просвещения, цензуры и т. п. придется ехать неизвестно куда. Предлагают помещение — огромную казарму, которая требует 200 — 300 тысяч рублей на ремонт. Вам необходимо спешить найти помещение самим, чтобы вас силою не заставили выехать в какую-нибудь казарму. Вы должны найти сами подходящее помещение и перегруппировать свои фонды таким образом, чтобы они были укрупнены, чтобы они находились в немногих актохранилищах, а не были разбросаны по всему Ленинграду и чтобы уже не было той угрозы, о которой говорил тов. Николаев.

Вот это задачи первоочередные, которые стоят перед ленинградцами и которые вряд ли дадут возможность углубления работы в ту сторону, о которой говорил тов. Татаров. Он, повидимому, только хотел подчеркнуть, что необходимо в той или другой мере использовать опыт наших старых работников, ленинградских архивистов, опыт их в области архивно-научной и издательской работы. Это, товарищи, мы делали, делаем и будем делать.

Заканчивая свое заключительное слово, я должен сказать, что мы действительно находимся на переломном моменте. Но вся работа нашего съезда совершенно определенно подчеркнула, что мы идем вверх, что этот переломный путь нас ведет в сторону дальнейшего оживления работы, дальнейшего повышения нашей активности в этой самой работе. Все предпосылки налицо к тому, что мы в очень короткий промежуток времени сможем действительно укрепить наше положение на местах. Для этого, конечно, нужно сделать те шаги, о которых мы говорили и по поводу которых мы здесь примем определенное решение.

Я считаю, что наше молодое учреждение — Центрархив РСФСР, — которое возникло действительно, как я говорил, только под влиянием революции, — можно прямо сказать, если бы не было Октябрьской революции, мы не имели бы Центрархива,

не имели централизованного архивного управления, — что оно вопреки всем ведомственным препятствиям, которые сейчас есть на его пути, выйдет на нужную дорогу и покажет путь Западу. *(Аплодисменты).*

Председатель. Позвольте выбрать комиссию для выработки резолюции по заслушанным докладам в следующем составе: докладчики: тт. Максаков и Константинов и тов. Озолин. Возражений нет? *Принимается.*

Председатель. Слово по личному вопросу имеет Черкасов.

П. В. Черкасов. Товарищи, я не думал, что мое слово о трех тысячах ящиков так взволнует тов. Максакова. Мы сюда пришли для того, чтобы увязать нашу работу и еще раз повторить, что мы кровно заинтересованы в том, чтобы архивные материалы уцелели, чтобы они возможно лучше были сбережены и сохранены; поэтому все то, что сообщил сейчас тов. Максаков, меня поражает и удивляет. Мы не знали о продаже ведомствами архивов на макулатуру. Своим предложением я имел в виду так связать работу ведомств и Центрархива, чтобы мы работали в тесном контакте, чтобы не было инцидентов в смысле разрушения архивных ценностей. Больше никакими решительно соображениями я не руководствовался.

Председатель. Заседание закрывается.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 18 МАРТА.

Организационная секция.

Утреннее заседание.

Председательствует — *М. М. Константинов.* Секретарь — *И. Ф. Истнюк.*

Председатель. В порядке дня у нас предложены следующие вопросы: о поверочных комиссиях, о текущих архивах и затем об архивном образовании.

Предлагается первым поставить вопрос об архивном образовании, вторым — о поверочных комиссиях и третьим — о постановке архивной части. Но в виду неприбытия на съезд докладчика по первому вопросу тов. Цвибака, слово по докладу о поверочных комиссиях предоставляется тов. Богоявленскому.

Регламент: 45 мин. предоставляется докладчикам, содокладчикам — 25 мин., для прений по 5 мин. и заключительное слово — 15 минут.

С. К. Богоявленский. Тезисы доклада «О задачах поверочной и разборочных комиссий».

С точки зрения архивиста, не может быть априорного суждения о бесцельности хранения определенных разрядов дел.

Стремление изучить действительный быт народа, развитие краеведческих интересов не допускают пренебрежительного отношения даже к самым мелким провинциальным фондам.

Теснота хранилищ заставляет озаботиться их разгрузкой.

Составление списков дел, которые утрачивают свое значение по истечении определенного срока, поможет определить только то, что не нужно для делопроизводства и деловых справок, но не определит исторического значения того материала, который заключается в этих делах.

Просмотр в натуре всех дел, подлежащих уничтожению, безусловно необходим.

Помимо определения практической и научной ценности подлежащего уничтожению материала, просмотр необходим также в виду повторяющихся случаев, когда обнаруживается несоответствие содержания дела его заголовку.

Просмотр должен найти свое отражение в описи, которая имеет целью, с одной стороны, дать представление об уничтожен-

ных частях фонда и, вместе с оставшимися частями, о фонде в целом; с другой стороны, сохранить некоторые данные о тех делах, которые были уничтожены, а впоследствии возбудили интерес в связи с возникновением новых вопросов; наконец, дать надлежащий материал для работы поверочной комиссии.

Составление описей уничтожаемому материалу ложится тяжелым бременем на немногочисленных сотрудников губернских архивных бюро. Для облегчения этой работы можно допустить составление суммарных описей для некоторых частей архивных фондов, при чем составление списка этих частей должно быть произведено в центре с большою осторожностью после внимательного учета пройденного опыта.

Уничтожение материалов, относящихся к периодам революции и гражданской войны, должно производиться с сугубой осторожностью и вследствие нарушения в эти периоды обычных форм делопроизводства и вследствие частого отсутствия основных документов, когда второстепенные получают особое значение.

Было бы полезно составлять общий обзор материала, освещающего эти периоды, отметить в нем пробелы и дать на места указания, по каким хронологическим датам в той или другой местности должны быть сохранены, по возможности, все материалы.

Вопрос об уничтожении архивного материала должен рассматриваться в нескольких инстанциях, так как в таком ответственном деле, как уничтожение архивных материалов, ошибки непоправимы. Можно привести ряд примеров, когда поверочная комиссия не соглашалась с постановлением разборочных комиссий и спасала от уничтожения ценный материал.

Разборочные комиссии свои представления об уничтожении архивных материалов должны направлять в поверочную комиссию в таком виде, чтобы поверочная комиссия имела твердые основания для своих заключений. [1]

Председатель. Прошу желающих высказаться по этому вопросу.

А. С. Николаев (Ленинград). Надо обратить внимание на то, что вся наша работа сейчас во многих местах протекает под ударом необходимости производить в ближайшее время концентрацию помещений; в виду этого, в вопросе уничтожения архивных дел мы не имеем нормальной спокойной обстановки. К этому надо вообще прибавить, что у нас накопилось безмерное количество материала, не имеющего никакой внутренней ценности и дублирующегося в центральных и местных учреждениях. Для облегчения работы по выделению не подлежащих хранению материалов центр тяжести сводится к тому, чтобы установить методические способы, которые бы эту работу облегчали. В этом отношении одним из

[1]) Доклад С. К. Богоявленского в полном виде печатается в журн. „Архивное Дело".

практических мероприятий может явиться следующее нововведение: уничтожение определенного однородного материала производится в целом ряде мест одновременно по указаниям центра, и ему предшествует детальное внутреннее изучение состава данного фонда. Я думаю, что мы сейчас в целом ряде мест производим с одинаковым напряжением и одинаковыми затруднениями однородную работу. В целом ряде учреждений, например, имеются так называемые счетные разряды или счетные отделы учреждений с более или менее однородным составом дел. Вот если бы мы приступали к этой работе, когда методически данный фонд в одном каком-либо случае был бы уже изучен, четко был бы проработан его состав, накоплены были бы отдельные наблюдения, связанные с наиболее трудными случаями при выделении из него материалов, то работа в составе других однородных фондов была бы в значительной степени облегчена. Другое, с чем нужно решительно порвать, это — незыблемость в нашем сознании некоторых категорий материалов, по традиции переходящих как незыблемые из поколения в поколение; надо бросить священный страх перед уничтожением некоторых категорий дел, которые на самом деле являются по существу сплошь и рядом самыми ненужными, а между тем мы к ним подходим с пиэтетом только потому, что так мы к этому привыкли из поколения в поколение. Иллюстрирую это примером. Везде масса так называемых личных дел: но личное дело от личного весьма отличается. Бывают личные дела, в которых есть бытовой материал, такое личное дело, конечно, имеет интерес, но сплошь да рядом личное дело это просто прохождение человеком службы с казенным констатированием того или другого в его жизни служебного факта. Таких дел — гибель. Эти дела, ведь, целиком заменяются рядом печатных изданий; мы имеем большое количество разного рода справочников, которые всецело покрывают содержание того или другого дела. Вот если мы четко и внимательно соберем справочный книжный материал, который будет во многих случаях покрывать содержание архивного материала, у нас значительно будет облегчена возможность уничтожения целых групп дел. Мне кажется, что было бы весьма важно, если бы центральная поверочная комиссия поставила вопрос о таких ударных группах подлежащих уничтожению дел, конечно, произведя предварительную методическую работу над определенным ударным фондом и дав архивным учреждениям сводку этих методических наблюдений. Иллюстрирую это таким примером: мы натолкнулись на вопрос о возможности или невозможности уничтожать исходящие и входящие журналы. В больших ведомствах журналы эти очень разнообразны. Мы имеем целый ряд типов входящих и исходящих журналов: — общеминистерский, департаментский, разрядный и т. д. Изучив вопрос о входящих и исходящих журналах широко и всесторонне, мы устанавливаем, что нужно к этому материалу относиться бережно, потому что он

входит в справочно-ориентирующий аппарат, но весь его хранить не следует; кусочно его уничтожать нельзя; его нужно изучить в широкой плоскости определенного периода, установить параллелизм в отдельных его группах, выбрать наиболее полные по содержанию журналы; только эти группы и подлежат хранению, остальное может быть совершенно спокойно уничтожено, потому что сохраненная часть совершенно покрывает уничтожаемую. В нашей ленинградской практике есть еще больной вопрос, это вопрос относительно так называемых печатных материалов. Я говорю о большом количестве трафаретных книг, печатавшихся различными ведомствами для ведомственных нужд. Из таких книг некоторые представляют собою даже большой интерес. Надо просить все наши архивные учреждения собирать в составе справочно-ориентирующего аппарата такие книги. Всю остальную массу надо решительно уничтожать. Необходимо предоставить нашему ведомству право на уничтожение этих материалов, потому что постановка самого вопроса — кому принадлежит это право, тормозит нашу работу: эти книжные материалы никому ненужные лежат, загружая помещения и являясь тормозом в работе. Я прошу продлить мне время, так как я должен остановиться еще на маленьком вопросе. *(Время продлено).* — Докладчик указывал на необходимость установления некоторых архивных заповедников, т.-е. тех фондов, которые вообще не подлежат разбору в отношении выделения материала на предмет уничтожения. Это очень важно. Надо знать, что такой-то материал является заповедным и трогать его нельзя. Иначе получается огромная совершенно праздно проводимая работа, на которую затрачивается большое количество рабочего времени. К функциям контрольных органов (поверочных комиссий) надо прибавить дачу руководственных указаний. Я приведу здесь пример. Были испытательные комитеты в разных местах. В этих испытательных комитетах бесконечное количество лиц держали экзамены на всякого рода звания: материал этих экзаменационных комиссий большой. Возникает вопрос: представляет ли он интерес, или нет? Здесь столкнулись различные точки зрения. Одни говорят, что этот материал интересен, другие нет. Сам материал находится в хаотическом состоянии. Если мы не будем заранее знать, каково должно быть отношение к этому материалу, то огромное количество работы, потраченное на изготовление описей к нему, будет пустым делом; поэтому очень важно иметь в данном случае предварительные указания со стороны поверочного органа. Итак, основной вопрос — это внесение строгой организованности в постановку всего дела. Для текущего момента необходимо установление твердого права нашего ведомства на уничтожение печатных материалов такого характера, о котором я говорил. Необходим целый ряд принципиальных указаний о том, как надо приступать к работе, потому что это даст в результате большое сохранение рабочей силы и энергии на местах. Послед-

нее замечание. Вопрос уничтожения дел вновь и вновь выдвигает вопрос об упорядочении действующего делопроизводства. Его надо, наконец, упорядочить. *(Аплодисменты).*

М. Н. Покровский. Товарищи, всякому историку свойственна любовь к старой бумаге, и это очень ценное качество историка. Человек, который не любит фактов в их конкретности, не может быть историком. Человек, которого интересуют только выводы, будет публицистом, будет теоретиком, но это не историк. Но всякая добродетель имеет свою оборотную сторону. Чистые добродетели встречаются только в очень плохих нехудожественных романах; в жизни всякая добродетель может превратиться в порок. Несомненно, что у наших историков великое почтение к старой бумаге, конечно, представляет собою, с одной стороны, необходимую честь нашей основной добродетели — любви к факту, а с другой стороны — большую слабость, которая, в конце концов, обращается против нас. Вот, например, входишь в какой-нибудь наш старый архив, с их бесконечным множеством документов под самыми заманчивыми заголовками и думаешь: ведь, никогда рука человеческая до всего этого не дойдет. Чем ближе к нашему времени, тем документы более интересные, и тем этот факт становится неопровержимее. Вся та масса бумаги, которую оставил XIX век, — категорически за это можно ручаться, — никогда ни при каких условиях не будет просмотрена. Вот почему для самого историка в конце концов важно разделить, сделать как-то более компактной эту массу документов, чтобы была какая-нибудь надежда, что это будет разработано. Я вам приведу конкретный пример: я занимаюсь сейчас предысторией японской войны. Чем я пользуюсь? Сборниками документов, которые подготовлены с одной стороны Витте, а с другой стороны Куропаткиным, с третьей — Абазой. Эти люди были антагонисты, люди, друг друга ненавидевшие. Поэтому они брали документы разного характера. Приходится из этого исходить и, может быть, удастся этим ограничиться. А если бы я пошел непосредственно в архив министерства иностранных дел и начал там читать бумагу за бумагой, я бы просидел над этой работой 10 лет и в конце концов ничего бы не кончил. И это только часть картины, а мне пришлось бы пойти и в архив военный и в архив морского министерства. Итак, совершенно ясно, что какой-то подбор документов для нас, историков, совершенно необходим, просто для того, чтобы мы могли работать, чтобы мы не утопали в этой массе бумаги. Несомненно, что наши архивы хранят массу лишней бумаги, которую хранить совсем не следует. Документы в архиве, говорят, уникальны, единственные в своем роде. Но это не верно: есть документы абсолютно не уникальные, и к таким принадлежит как раз делопроизводственная переписка. К уникальным документам принадлежат документы частного характера, которые как раз, по словам предшествующих ораторов был аппетит уничтожать: письма, дневники, некоторые

секретные бумаги. Это абсолютно уникальные вещи. Если их уничтожать, то ничего не остается по данному вопросу. Сюда относится и дело декабристов, в котором, как упоминал докладчик, имеются собственноручные показания декабристов, собственноручные резолюции Николая. Если это уничтожить, то мы останемся в данном вопросе без всякой истории. Но возьмите делопроизводственную переписку: она почти всегда плюральная, а не уникальна. Во-первых, всякое учреждение, отправляющее бумагу в другую высшую инстанцию, всегда оставляет у себя «отпуск», черновую,— так что два экземпляра уже есть. При чем некоторые отпуска гораздо интереснее, чем беловой экземпляр. Они гораздо более непосредственно отражают действительность, нежели беловая бумага. Затем снимаются копии. В министерстве иностранных дел был обычай литографировать наиболее интересные документы для рассылки их в соответствующие посольства и т. д., и можно голову прозакладывать, что тот или иной документ, не абсолютно секретный (потому что абсолютно секретных документов нельзя было доверить литографии), но важный, что он находится в целом ряде мест и хранить его, как унику, не имеет никакого смысла. Поэтому нам нужно относиться к архивам, как мы относимся к книгам, с той только разницей, что книга, предполагается, всегда заключает в себе вещи интересные, а документы могут быть только в единственном виде интересные, а другие экземпляры могут быть не так важны. Далее, почти всякий документ, пересылаемый куда-либо, имеет при себе сопроводительную бумагу. Весь смысл этой сопроводительной бумаги заключается в том, что если на самом документе нет даты, эта сопроводительная бумага эту дату устанавливает. Это ее единственный смысл. Никакого решительно интереса сама по себе она не имеет. Я привожу только отдельные примеры, но их можно умножить до бесконечности. Я категорически утверждаю, что наши архивы, и местные и центральные, хранят в себе по крайней мере в пять раз больше бумаг, чем должны хранить для цели исторического исследования, и вот для нас самым важным моментом и является момент отбора бумаг, которые можно утилизировать. Для этого нам нужны в данный момент очень широкие штаты. В конце концов может оказаться, что даже из документов уникального характера найдется много стереотипных, которые не дают ничего нового. Милюков был прав, говоря, что каждый историк, просмотрев определенное количество стереотипных документов, останавливается, так как дальнейший просмотр не дает ничего нового для уяснения данного процесса или явления. И с этой точки зрения умно составленные сборники документов — а теперь их умеют составлять, но не всегда удается их печатать — могут для исследователя заменить огромные груды бумаги — на эту работу можно пустить наших будущих историков, подготовляющихся сейчас студентов. Это единственное средство получить материал для сколько-нибудь широкого исследова-

ния: выделить несколько сборников таких документов, и по ним изучить действительность, вместо того, чтобы пересматривать несколько тысяч документов. Отсюда вытекает положение наше в отношении приведения в ясность наших архивов. Мы, архивисты, по возможности должны просмотреть все и по возможности всему составить опись. Это, как выражаются моряки, авральная работа. Но, чтобы выполнить эту работу, мы должны сказать: дайте нам втрое, вчетверо, впятеро больше народа, чем у нас сейчас есть. Мы зато вам приведем архивы в такое состояние, что историк сможет в них работать, тогда как сейчас, особенно по отношению к архивам наиболее интересным — архивам новейшего времени,— историку работать невозможно, ибо он тонет в этих материалах. А если мы приведем архивы в такой компактный вид, то работать в них можно будет. Это наша очередная задача — прочистка архивов, при чем государству не придется нести больших расходов, потому что из всех бумаг — $^4/_5$ или $^2/_3$ во всяком случае будет утилизировано, продано по рублю за пуд или сколько причитается. Это процентов на 75 покроет содержание штатов. Вот какая огромная работа стоит перед архивами, и она вытекает из того преимущества, о котором говорил проф. Тарле, что у нас есть единый архивный фонд. И чем больше мы будем дробить архивы, тем больше, конечно, будет искушения сохранить все, до малейшего ключка. В бытовом отношении все интересно, и талантливый историк из любого ключка бумаги сумеет воссоздать целую картину — вспомним Ключевского. Но и Ключевский всего материала не обнимет, если только родится второй Ключевский. Одно время у нас была чума настоящая «бытовая», по отношению к музеям. Был музей дворянского быта, музей царского быта, музей купеческого быта, только, кажется, не было музея поповского быта. Хотя такой музей был бы довольно интересен. Настроили этих музеев, а потом начали уничтожать, потому что нельзя же гнаться за всеми бытовыми зайцами. Эта слабость каждого историка увлекаться бытовой стороной дела ни в коем случае не должна поощряться. Нужно наши архивы привести в такое состояние, чтобы в них можно было работать, а теперь в таком состоянии находятся только наши древлехранилища, т.-е. хранилища древних документов, для нас менее интересные, а по новейшей части архивов работать невозможно, там люди тонут в куче документов. Вот какая задача стоит пред разборочно-поверочными комиссиями: сохранить только ценное, что есть в этих фондах, а остальное утилизировать.

В прениях выступали: т.т. М. А. Ленский (Тверь), А. Е. Тихонов (Новгород), А. А. Черных (Алтай), А. П. Жаков (Татреспублика), А. П. Гиваргизов (Ростов н/Дону), Э. Г. Гипари (Кубань), С. Д. Яхонтов (Рязань), В. М. Фиалков (Сталинград), С. П. Волков (Ленинград),

В. В. Максаков (Москва), М. К. Любавский (Москва), Я. П. Колганов (Моск. губпрос.).

Выступавшие в прениях товарищи поддержали мысль А. С. Николаева о централизации руководства работами разборочных комиссий мест и самого уничтожения материалов, мысль о планомерном руководстве из центра посредством составления и рассылки на места списков подлежащих уничтожению дел и фондов; все согласились с тем, что нужна организация и определенный план работ по разборке архивов на местах. В губархбюро выделение макулатуры, как выяснилось из слов товарищей, — основная и неотложная работа в данное время. Существующая организационная связь с центром вполне отвечает моменту. Предложение одного из товарищей, чтобы местным разборочным комиссиям было разрешено самостоятельно решать вопрос об уничтожении материалов и Центрархиву в этих случаях давать последующие извещения о состоявшихся постановлениях по вопросу об уничтожении материалов, поддержки не встретило. Выражено было пожелание, чтобы инструктор, приезжая из центра, вникал в содержание работ разборочных комиссий и помогал тем комиссиям, которые стоят на недостаточной высоте. Уделено было внимание в прениях вопросу, из какого принципа (научного или практического) исходить при разборке архивов. Большинство высказалось за научный принцип. Представитель Татреспублики привел конкретный пример того, как важно при разборке архивов учитывать сохранность всех фондов известного периода времени. Из архивов эпохи гражданской войны и революции вообще в Казани целый ряд бумаг и документов, которые как-будто бы не нужно было сохранять, приходится сохранять, так как они косвенным образом могут восстановить утраченное; например, военные архивы в Казани в момент прихода чехо-словаков почти совершенно погибли; их можно установить только косвенным путем через другие наркоматы и организации. Поэтому всякий раз при рассмотрении и разборе этих дел необходимо учитывать, в какой мере сохранился разбираемый архив, можно ли погибшие из него документы восстановить или заменить, и если есть такой фонд, то этот побочный материал должен быть сохранен.

Подняты были в прениях некоторые частные вопросы. Например, о том, как должен разрешаться вопрос о сохранении или уничтожении архивных материалов в спорных случаях: простым большинством или, по крайней мере, большинством $^2/_3$ членов комиссии, или иначе как; — вопрос о необходимости для Центрархива сговориться с наркоматами о сроках хранения материалов; указаны были меры борьбы с хищением архивных материалов на местах, — и предложено Центрархиву поднять вопрос и провести в законодательном порядке мероприятие, чтобы ни одна станция отправления ж. д. или водного транспорта и ни одна фабрика без ведома архивного бюро не принимала архивных мате-

риалов. — Предложение А. С. Николаева рассматривать как макулатуру личные дела вызвало возражение со стороны тов. Волкова, который указал надобность личных дел для восстановления трудстажа лиц, например, по пенсионным делам.

В. В. Максаков. Товарищи, среди нас нет разногласий по тому предмету, что нужно сейчас подойти вплотную к вопросу об отсеивании макулатуры в наших хранилищах, но по организационному вопросу, связанному с этим, здесь говорилось мало. Как мы организуем это дело на местах? Что касается центра, тут дело обстоит проще. В центре имеется поверочная комиссия, и то, что делают разборочные комиссии, то санкционируется поверочной комиссией. В отношении мест мы знаем, что поверочная комиссия иногда задерживает санкцию на уничтожение того или иного материала на довольно продолжительное время. Случается, что заключения разборочной комиссии не утверждает поверочная комиссия. На местах не могут уничтожать материал, не получивши санкции поверочной комиссии, и этим работа тормозится. Если мы вплотную подошли к этому вопросу, то нужно разрешить организационный вопрос. Я бы напомнил о проекте, о котором я говорил дважды, но как-будто не встречая сочувственного отзвука со стороны съезда. Я думаю, что работу по отборке макулатуры нужно производить особыми комиссиями, не только теми разборочными комиссиями, которые существуют на основании декрета 1919 года, а комиссиями при участии представителей Центрархива. Раньше мы этого сделать не могли, но теперь мы сумеем это сделать. Это не значит, что такие разборочные комиссии должны проделать всю разборку и фактическую отборку материала. Эти комиссии при участии представителя Центрархива, инструктора или того или другого научного сотрудника, который для этой цели из центра будет направлен, могут наметить в том или ином фонде часть фонда или отдельные серии дел, которые несомненно подлежат уничтожению, при общем ознакомлении с характером этого фонда. Я думаю, что мы это могли бы сделать. Если мы этого не сделаем, я убежден, что мы или будем продолжать отборку и уничтожение тех материалов, которые нельзя уничтожить, потому что в провинции разборочные комиссии мы не сможем создать достаточно авторитетными, или мы будем проявлять чересчур большую осторожность в этом вопросе. И то, и другое плохо. Присутствие более или менее авторитетного представителя центра даст возможность спокойно эту работу делать, а в сомнительных случаях мы будем посылать заключения на окончательное утверждение поверочных комиссий. В тех случаях, в каких сомнения не возбуждает разрешение того или иного вопроса, решение таких разборочных комиссий, при участии представителя Центрархива, может быть окончательным, с последующим уведомлением об этом поверочной комиссии. Я думаю, что нам это нужно учесть в той резолюции, которую мы здесь примем по этому поводу. Иначе у нас останутся одни

благие пожелания о необходимости разгрузки архивохранилищ, а положение будет то же самое.

М. К. Любавский (Москва). Товарищи, которые высказывались до сих пор, говорили, что необходима прежде всего известная организованность работы разборочных комиссий и известное направляющее руководство из центра. Говорилось затем о необходимости составления определенных инструкций, которые облегчили бы работу разборочных комиссий, говорилось затем о перечне тех дел, которые могут подлежать уничтожению. Во всех этих предложениях, мне кажется, была одна предпосылка, что работу по отборке макулатуры нужно произвести раз навсегда. Мне представляется, что это совершенно неосуществимая вещь. Работа, которую мы в настоящее время производим, по моему мнению, должна быть только предварительной, безусловно необходимой для того, чтобы очистить помещение, так сказать, от архивного хлама. Работа эта, конечно, неокончательная. Работу эту по отборке ненужных материалов должно производить и в будущем и только при этих условиях, по моему мнению, возможно действительно отобрать то, что не имеет значения. Если же мы поставим себе задание теперь же и сразу произвести уничтожение документов по спискам и инструкциям, то я глубоко убежден в том, что мы погубим громадное количество нужного исторического материала. Наше воображение не обнимет никогда всей суммы тех документов, которые действительно подлежат уничтожению. С. К. Богоявленский ясно показал, как иногда дело, которое, казалось бы, не имеет никакого значения, при недостатке других материалов, оказывается ценным. Поэтому я думаю, что в настоящее время может итти речь только о предварительном отсеивании материалов, но в будущем работа должна производиться и дальше. Работа эта безусловно необходима. Здесь уже Мих. Ник. Покровским ясно было указано, что в конце концов могут накопиться такие груды архивного материала, которые станут совершенно недоступными. Присоединяясь к этому вполне, я решительно буду протестовать против того, что это сейчас нужно сделать раз и навсегда. Если мы поступим так, то совершим громадную ошибку. Работа по отсеиванию макулатуры должна производиться в будущем, параллельно с развитием исторической науки, с изданием источников и т. д., и только тогда будет гарантия, что мы не сделаем крупных ошибок. Мих. Ник. угнетен тем, что очень трудно разобраться в архивном материале. Но что же делать? Ведь так же одинаково трудно ориентироваться и в громадной библиотеке, куда приходит исследователь. Но все-таки так или иначе он ориентируется. Каким образом? Путем каталога, хороших описаний и т. д. Точно также и в архивных материалах. Если у нас архивы будут описаны достаточно хорошо, поверьте, что каждый ученый найдет сразу, что ему нужно. Здесь указывалось, что каждое ценное зерно обвалено в мусоре, в роде, напри-

мер, сопроводительных бумаг. Да, если хотите, это мусор, но устранять его надо осторожно. Документы, лишенные сопроводительных бумаг, могут ставить иногда исследователя в недоумение, что это за документы, какого они происхождения, куда, откуда и зачем они посылались. Но это не значит, что я стою за сохранение всего поступающего в архивохранилище материала. Сейчас у нас одна злободневная задача. Это выкинуть за борт то, что безусловно не нужно хранить. Но то, относительно чего могут быть сомнения, что это может в будущем пригодиться, — это нужно оставить. А в будущем, по мере развития исторических знаний, по мере устройства самых архивов — выяснения того, что в них имеется, выяснения дублетов документов, работу по отбору документов и их уничтожению необходимо продолжать.

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Богоявленский.

С. К. Богоявленский. Прежде всего я остановлюсь на тех соображениях, которые приводил т. Николаев. Его предложения действительно желательно было бы так или иначе осуществить и внести известную организованность и упорядоченность в дело уничтожения архивных материалов.—Одним из оппонентов, однако, было указано, что практически провести одновременное уничтожение фондов одинакового характера по различным губернским архивам чрезвычайно затруднительно. На архивной конференции 1921 года, докладывая о деятельности разборочных и поверочных комиссий, я указывал на очередные задачи их и сказал, что можно было бы разгрузить губархбюро, уничтожив, например, дела контрольной палаты и т. д. Результатов от этого не получилось. И действительно, когда я посещал некоторые из губернских архивных бюро, то я видел, что нет возможности подойти к уничтожению материалов, которые бы дали возможность освободить помещение. Предложение очень хорошее, но практически чрезвычайно трудно осуществимое. Но попытку все-таки не мешало бы сделать. И другая попытка, которую бы не мешало сделать, это предварительное сношение разборочных комиссий с поверочной, т.-е. разборочная комиссия посылает в центр сообщение, что она намерена приступить к разбору таких-то фондов, запрашивает, как это сделать, какие недоумения могут быть, — одним словом, можно высказать все свои соображения, которые основаны на наблюдении над этим фондом или на других данных. Эта предварительная переписка поверочной комиссии с разборочными весьма желательна, и надо сказать, что т. Николаев, высказывая эту мысль, очень много помогает делу. Поверочная комиссия, я думаю, не откажет в сообщении своих мыслей и соображений разборочным комиссиям.

Затем в других возражениях, мне кажется, было некоторое недоразумение. Один из оппонентов указывал, что нельзя не пересматривать все целиком, что, может быть, внутри дел найдутся интересные сведения, и приводил пример, что в делах мирового

судьи иногда маленькое дело имеет большое значение. — В своем докладе я указывал, что обозначать такие группы нужно с большой осторожностью, и этим делом должен заняться в известной степени центр, который должен дать указания, какие группы он считает такими, которые можно не подвергать детальному рассмотрению. — Затем один из оппонентов указал на значение разборочных комиссий, что работа их доминирует над работой поверочной комиссии. — В этом, конечно, никто не сомневается. Поверочная комиссия в таких случаях, когда она была бы в сомнении, что разборочная комиссия работает недобросовестно, не могла бы вынести никаких решений. Несомненно, что все тут покоится на взаимном доверии. Конечно, больше делает разборочная комиссия, поверка бывает всегда слабее, чем само действие.

Я должен согласиться с мнением М. Н. Покровского, что много лишнего храним, но, что именно лишнее, — предусмотреть чрезвычайно трудно. Я думаю, что в дела какого-нибудь Пензенского, Алатырского и других уездных судов никто не заглядывал, пока не развилась интенсивная разработка документов по Пугачевщине. Тогда дела этих судов также должны разбираться, и там найдутся, может быть, сведения о Пугачевщине. Конечно, лишние дела подлежат уничтожению, и тут весь разговор о том, чтобы не уничтожить того, что ценно, и тут может быть разная мера, потому что каждому кораблю свое плавание. М. Н. Покровского интересуют такие центральные крупные вопросы, для которых важны основные крупные документы, но не надо забывать, что нужно и какому-нибудь местному любителю-краеведу оставить известную долю материалов.

У меня остается еще одно замечание по поводу высказанного т. Максаковым относительно уничтожения дел на местах с последующей регистрацией в поверочной комиссии.

Мне кажется, что это очень опасный шаг, который уничтожает несколько инстанций, совершенно необходимых в таком ответственном деле. Несомненно, что будут посланы из центра очень опытные инструктора-архивисты, которые могут разобраться в разных делах. Но инструктор может иметь известный уклон своих умственных и научных симпатий и политических интересов и может проглядеть то, что для другого может быть чрезвычайно интересно. Опыт поверочной комиссии показал, что необходимо пересматривать решения разборочных комиссий.

Председатель. Прения закончены, внесено предложение избрать комиссию для выработки резолюции по докладу тов. Богоявленского. Возражений нет? *Принято.*

Слово для доклада предоставляется тов. Цвибаку.

М. М. Цвибак. Товарищи, доклад мой об архивном образовании не будет преследовать цели разобрать существующие формы архивного образования, а постарается ответить на один кардиналь-

ный вопрос, который ленинградские товарищи и хотели бы предложить вниманию съезда. Я коснусь главным образом архивного образования в стенах университета. Архивное образование должно ставить себе задачу подготовлять работника, которого мы привыкли, к сожалению, я бы сказал, называть совершенно несоответствующим его работе словом — археограф. Собственно говоря, под этим словом мы подразумеваем нечто весьма древнее, весьма далекое от современной жизни, но по существу метод издания, метод разработки, выработанный на древних материалах, должен быть приспособлен к сегодняшнему дню. И вот этот метод научного издания документов, задача его разработки должна находиться в тесной связи с задачей подготовки работников архивов. Говорилось неоднократно, что старый архив был обращен лицом к прошлому. В настоящий момент архивное образование должно целиком повернуться в сторону от старого, дореволюционного древлеведения и от задач изучения материалов древности, от задач палеографии. От них надо оставить лишь определенные технические навыки. Мы стоим перед вопросом о создании красного архивиста, у которого был бы марксистский подход, который понимал бы задачи архива, как политического органа и т. д. Такие работники важны и нужны не только для Центрархива, но также и для его органов на местах, для научной работы в таких учреждениях, как Истпарт, Истпроф и т. д. Здесь т. Кривцов говорил о том, что научное издание документов сейчас захватывает не только центральные органы — Истпарт ЦК РКП (б) и Институт Вл. Ил. Ленина, но этот вопрос начинает получать права гражданства и в истпартах на местах. Нельзя ограничиваться подготовкой на краткосрочных курсах. Архивные курсы в лучшем случае, если у них поставлено образование на должную высоту, могут подготовить два типа работников. С одной стороны, в архивных курсах нуждаются тт., которые знакомы с архивной работой как организаторы архивного дела, т.-е. как административные работники, нуждающиеся в технической подготовке. Такие тт. не собираются работать самостоятельно, без помощи специалистов. Они в своей работе должны брать на себя задачу политического руководства, но задач специально архивных они не могут брать. Такие тт. могут получить большую пользу от архивных курсов, и в этом отношении архивные курсы продолжают иметь большую ценность. Другая задача архивных курсов может быт направлена в сторону подготовки работников узкой практической специальности, т.-е. того, что мы называем архивариусом в отличие от специалистов в полном смысле этого слова — архивистов. Такие работники, имеющие большой практический стаж, нуждаются часто в подготовке — в знакомстве с новыми методами и новыми достижениями. Невольно приходится поставить вопрос, можем ли мы рассчитывать набрать из лиц, имеющих высшее образование, такой кадр работников, который мог бы соответствовать целиком требованиям,

стоящим перед красными архивистами. Мы не можем гарантировать, что мы подготовим красных архивистов из лиц, имеющих высшее образование. Мы не можем дать этой гарантии по вполне определенным причинам, которые каждому ясны из знакомства с нашим положением в области народного образования. Если бы мы решились опереться на лиц, имеющих высшее образование, то какие же слои из числа имеющих высшее образование пошли бы на архивные курсы? Я бы сказал, что пошли бы почти исключительно безработные, которые кончили высшее учебное заведение, но по своей специальности работы не могут найти. Можно констатировать, что задача подготовки красных специалистов архивного дела сталкивается с необходимостью опереться на основные социальные слои, из которых можно черпать необходимых работников по архивному делу, и этими слоями являются рабфаковцы, работники на местах, рабочие и крестьяне. Вот тот подход, который должен быть в архивном образовании.

Я хочу остановиться на тех недостатках, с которыми до сих пор сталкивались на курсах, и на целом ряде таких моментов, которые гибельно отражались на их работе. Работа часто тормозилась оттого, что ставился вопрос о необходимости общеобразовательной подготовки по историческим, экономическим и политическим вопросам. Эта общеобразовательная подготовка ложилась тяжелым камнем на работу курсов по специальности, и в то же время это являлось необходимым в силу того, что слушатели курсов нуждались в самом элементарном политическом воспитании. Дальше, когда мы брали работников архива, т.-е. тех товарищей, которые работали до 2-х часов в архиве, а с двух часов шли на курсы, то оказывалось, что они готовились к этим курсам не с 2-х часов, а с 12-ти часов, и вся их практическая работа поглощалась целиком курсами. Это сильно отражалось на работе отделений. Краткосрочные курсы, конечно, еще не отжили свое время, и нужно поставить конкретно вопрос: как мы будем строить эти краткосрочные курсы? Мне представляется, что основными требованиями для краткосрочных курсов могут быть вот какие: на эти краткосрочные курсы должны приниматься работники архивного дела, уже работающие в архивной области. Никакого приема на архивные курсы людей со стороны не должно быть. Я, конечно, не имею в виду командированных — нужно предоставить широкую возможность командировать на такие курсы всем учреждениям, связанным с архивным делом, и всем учреждениям, имеющим архивы. Но никаких поступлений со стороны на архивные курсы допускать нельзя. Курсы должны быть построены так, чтобы товарищи, работающие на них, были бы только слушателями курсов, чтобы они параллельно с этим никакой работы не вели, кроме практических занятий, которые требуются программой курсов.

Теперь спрашивается: где лучше и легче всего строить эти краткосрочные курсы? Такие курсы могут и должны быть курсами переподготовки. Такие курсы должны быть при каком-нибудь архивном ВУЗ'е. Эти курсы будут подобны тем, которые у нас имеются по переподготовке учителей, врачей и т. д. Только ВУЗ, который тесно связан с архивным нашим ведомством, с Центрархивом, может создать курсы для переподготовки.

Можно ли ограничиться только курсами в деле переподготовки архивных работников? Мы не должны пройти мимо другого способа поднятия квалификации архивных работников в специальных научно-технических кружках. Такие научно-технические кружки должны организовываться при наших архивных органах и в центре и на местах. Недостаточно было бы эти кружки строить разбросанно, нужно, чтобы кружками для поднятия квалификации архивных работников руководил Центрархив.

Теперь я перейду к вопросу непосредственно о самом ВУЗ'е. Какой ВУЗ для подготовки красного архивиста нам нужен? Мне представляется, что специальный ВУЗ, вроде как бы архивного института, по-моему, был бы вреден: такой архивный институт подготовлял бы человека чересчур узкого, человека, имеющего все недостатки старых архивных работников, тех архивных работников, которые были «древлеведами». Красному архивисту такого ВУЗ'а не нужно. Место архивного образования при этнолого-лингвистическом факультете. Этот факультет ставит в числе своих задач подготовку работников для местной работы преимущественно, подготовку работников в области различных видов краеведческой работы для всего СССР. Было бы целесообразным известное размежевание архивного дела от чисто-археологических и тем более искусствоведческих дисциплин. Область теоретических дисциплин, общественных, главным образом, исторических должна быть достаточно полно представлена. Специальные дисциплины, такие отрасли, как общее изучение источников, изучение определенного типа источников-документов, так называемая дипломатика, изучение способов изданий этих документов, — все это должно быть ориентировано на материалы современные, понимая под современными материалами — материалы XIX и XX веков. В таких условиях мы сумеем подготовить в течение 3 лет работников-архивистов, которые нам нужны. Имеются ли у нас такие школы? Имеется отделение, называющееся архивно-археографическим, которое находится при Ленинградском университете и до сего времени входило и входит как один из циклов в археологическое отделение. Но сейчас в течение полутора или двух лет оно имеет совершенно самостоятельную жизнь, совершенно самостоятельное существование. Разделение на архивную специализацию начинается с первого года обучения на этом отделении. Оно имеет в числе преподаваемых предметов предметы общественно-научные, как политическая экономия. Серьезное место занимают

затем предметы исторические. Предметы исторические преподаются преимущественно такие, с которыми приходится сталкиваться современному красному архивисту, поэтому главное внимание уделяется новейшей истории Запада и России. Далее идут предметы архивные: история архивного дела, источниковедение, изучение способов письма. Я думаю, вполне законен вопрос: кто же в этом ВУЗ'е учится, каков там контингент студентов? Нужно сказать, что в этой области мы имеем две черты: одна слабая, говорящая против нас, другая сильная, говорящая за нас. Количество студентов у нас на первом курсе 28, на втором курсе у нас 22 и на третьем курсе — 3 человека. Третий курс в этом году кончит ВУЗ. Выпуск, как видите, такой, который по количеству своему имеет ничтожное число. Малое количество студентов в нашем ВУЗ'е объясняется тем, что вообще это такой ВУЗ, в котором очень большого количества студентов быть не может. Непопулярность архивного дела в широких кругах отразилась отрицательно на составе слушателей отделения. Но есть и другая сторона, которая говорит в нашу пользу. Она касается пока только первого курса. Вообще, если мы хотим говорить о перспективах наших ВУЗ'ов, то мы должны обращать внимание главным образом на первый курс. На первом курсе из 28 человек имеется 13 членов РКП, из которых большая доля с большим партийным стажем, и есть группа с небольшим стажем, и группа РЛКСМ — 6 г. Так что члены партии и комсомольцы составляют 65%. Процент этот хорош для ВУЗ'а, даже и не архивного. Беспартийных 9 ч. На втором курсе членов РКП и комсомольцев 9 на общее число 25 студентов. Относительно второго курса можно констатировать, что и этот курс вполне соответствует задачам советского строительства.

Теперь материальный момент. Мне кажется, что места должны быть заинтересованы в этих архивных отделениях. Места должны командировать своих работников, главным образом молодежь. Они не должны считаться с тем, что им придется учиться три — три с половиной года, это не такая уж большая цифра, так как специальные учебные заведения, готовящие инженеров, отрывают своих работников на гораздо больший срок. Места должны будут обеспечивать стипендиями командированных ими, особенно это касается наших автономных областей и республик. Представляется совершенно достаточным для обеспечения возможно планомерного притока сил затрачивать на студентов от 4 до 5 тысяч в год. Эта сумма могла бы обеспечить нас выпуском 30 — 40 товарищей в год. Если бы Центрархив мог давать дополнительно к наркомпросовским стипендиям 10 или 15 рублей в месяц на человека, этого бы было достаточно.

И нужно сказать еще, что задача создания красных архивистов должна итти не только по пути симбиоза между организаторами и политиками этого дела и архивными специалистами, но и по пути

создания из организаторов архивного дела, из работников, вооруженных умением политического руководства нашего архивного строительства, настоящих красных специалистов. Завтрашний день уже требует настоящих красных специалистов архивного дела, а не только умеющих руководить. Вот задача, которая перед нами стоит и мимо которой нельзя пройти, ибо это значило бы поставить под вопросительный знак существование нашего архивного строительства на большой промежуток грядущих лет. *(Аплодисменты.)*

Перерыв.

Вечернее заседание.

Председатель *М. М. Константинов.* Секретарь *И. Ф. Истнюк.*

Председатель. Разрешите, товарищи, открыть заседание. Слово для доклада имеет тов. Вишневский.

М. С. Вишневский. Товарищи, я предполагал прочесть на съезде доклад методического характера о подготовке архивных работников, но по ряду причин этот доклад я снял. В данное время я выскажу лишь несколько соображений общего характера по этому вопросу.

В годы революции подготовкой архивных работников, главным образом, были заняты Центрархив и Ленинградский университет. Внимание Центрархива было сосредоточено преимущественно на переподготовке своих работников. Для осуществления этих задач Центрархив с 1919 г. почти ежегодно организовывал краткосрочные курсы. Университет же на археологическом отделении по циклу архивно-археологических дисциплин с трехгодичным сроком обучения имел задачей дать своим слушателям общее историческое образование и теоретическую подготовку в области архивоведения. При разрешении вопроса о подготовке архивных работников было бы весьма кстати подытожить работу как архивных курсов, так и университета и выяснить, что нам более нужно и что нам больше дало — работа ли курсов или университетская подготовка, и нам попутно удалось бы выяснить: достаточна ли та подготовка, какую давали нашим работникам архивные курсы при Центрархиве и университет своим слушателям; отвечает ли она тем требованиям, какие мы предъявляем к архивному работнику в наших учреждениях; вполне ли удовлетворяли учебные планы и методы занятий тем целям, какие мы себе ставили и ставим при развертывании архивных работ? Если бы нам удалось ответить на эти вопросы, мы легче и лучше бы разрешили и организационные вопросы: кто и как должен заниматься делом подготовки основного кадра архивных работников — Центрархив на своих курсах или университет; какова должна быть продолжительность сроков обучения — 3 года или 1 год? Главным недостатком

университетского преподавания была излишняя многопредметность и сугубая его теоретичность. Университет, будучи оторван от непосредственного архивного строительства, естественно, мало или почти совсем не удовлетворял тем требованиям, какие предъявлялись органами Центрархива к делу подготовки архивного работника. За годы революции университет дал архивному ведомству всего лишь несколько (не больше 5) архивных работников. В ином положении были архивные курсы, и это обусловливало иные результаты их работ. Архивные курсы при Центрархиве в своей деятельности имели не мало недостатков, но, строя свои программы на учете тех заданий, какие стояли перед архивными учреждениями в их плановой работе, приспособляя методы занятий к актуальным потребностям архивного строительства, они давали нашим работникам то, что им нужно было в их повседневной работе в архивохранилищах.

В настоящее время архивные учреждения заканчивают черновую работу по концентрации, разборке и размещению фондов. В ближайшем будущем предстоят работы по выявлению содержания архивных материалов, предстоит массовая постановка работ по инвентаризации важнейших материалов, сосредоточенных в наших архивохранилищах, по составлению характеристик и обзоров отдельных фондов и групп материалов, по составлению различных указателей, справочников, путеводителей и т. п. Указанные описательные работы должны пойти в ином направлении, чем это делалось до революции: в условиях нашего времени мы не можем затрачивать столько сил, средств и времени, сколько, например, затрачивалось на такие описания как описания материалов синода. На очереди у архивных учреждений стоят работы и по подготовке к изданию архивных материалов и ряда исторических очерков о самих архивохранилищах.

Эта новая полоса постановки очередных работ в массовом масштабе должна быть развертываема в последовательном и в строго плановом порядке. Для их проведения нужны работники с общей научно-исторической и подлинно архивно-производственной подготовкой. Подготовка эта может принести нужные результаты только в том случае, если общая теоретическая ее сторона, учебные планы и методы занятий будут самым тесным образом увязаны с подлинно-производственной практикой и потребностями современного архивного строительства. Может ли университет гарантировать эту увязку? Едва ли. Для удовлетворения провинциальных нужд в подготовленном архивном работнике нужен более гибкий аппарат чем аппарат университета с трехгодичным сроком обучения, и тут имеющийся у Центрархива опыт подсказывает, что в разрешении вопроса о подготовке архивных работников нужно итти тем путем, которым он шел в течение ряда лет, организовывая специальные архивные курсы. Улучшив общую и методическую постановку преподавания на таких курсах, углубив проработку

специальных дисциплин, Центрархив, несомненно, достигнет больших и нужных результатов. При этом Центрархив должен мобилизовать все, что должно содействовать правильному разрешению вопроса, и всех, кто непосредственно в нем заинтересован, и тогда мы сможем создать спокойную и надлежащую обстановку для работ курсов.

Председатель. Слово к содокладу имеет т. Пресняков.

А. Е. Пресняков. Тт., я думаю, что одним из самых ярких впечатлений, которое мы унесем с нашего съезда, по крайней мере мне лично представляется, будет та мысль, как значительны и как сложны те требования, которые в настоящее время предъявляются к работникам архивного дела. Реформа архивного дела, поднятая в революционный период и достигшая большого размаха и большой сложности, сдвинула архив со старых основ. Архив теперь не учреждение, только удовлетворяющее потребности отдельного научного исследователя, который пойдет сюда искать нужный ему материал, или не учреждение, помогающее ведомственному чиновнику получать справки по текущему делопроизводству. На съезде единодушно говорят о том, что эта организация активная, действенная, участвующая в современном строительстве государства своими материалами, своими знаниями и своей работой. С этой точки зрения приходится к этому вопросу подходить теперь. Перед нами встает огромная ответственность, которая современными условиями работы возлагается на архивиста. Эта ответственность, прежде всего, в том, что он должен стремиться вполне овладеть всем материалом, который находится в его заведывании, в его хранении и представляет собою объект его работы. М. Н. Покровский говорил очень наглядно о том, что нужно от архивиста ученому исследователю. Ученый исследователь, работая в обстановке нового времени, когда количество материалов колоссально, легко будет им подавлен, стало быть, надо препарировать этот материал, систематизировать, привести в порядок. К тому же сводятся и требования государственного строительства. Я помню, какую научно-исследовательскую работу приходилось производить некоторым работникам ленинградского отделения на запросы военного комиссариата, например, в связи с организацией старых рекрутских наборов, справки о которых им нужны были, когда они систематически стали обдумывать свой порядок укомплектования Красной Армии. Я помню, как в вопросах хозяйственного строительства, например, заводского дела, подъема промышленности обращались к архивам с такими запросами, на которые ответить можно было, только действительно владея содержанием архивных фондов. Вот какие большие требования предъявляются к архивисту. Он должен быть разносторонне осведомлен в методах изучения явлений, для дальнейшего изучения которых служат хранимые и изучаемые им материалы. Историк-архивист настоящего времени не может быть только архивариусом. Он должен быть

научно-подготовленным исследователем архивного материала. Содержание архивного фонда чрезвычайно сложно, и хорошо подготовленный архивист, который был бы хозяином содержания архивного фонда, требует прежде всего большого и серьезного образования. С этой точки зрения, я и думаю, что когда говоришь в данное время об архивном образовании, то меньше, чем когда-либо, возможно сосредоточивать свое внимание только на тех чрезвычайно важных сторонах дела, которые прежде всего приходят в голову, когда говорят об архивной подготовке — изучении техники, теории и практики архивного дела.

Позвольте теперь с другой совсем стороны подойти к этому вопросу. Высшие учебные заведения переживают сейчас период пересмотра методов преподавания: на первый план выдвигаются работы семинарские, работы, которые в отношении гуманитарных наук мы начали называть термином, применяемым больше к физико-математическим предметам, — лабораторным методом. Задача этой реформы в том, чтобы вместо пассивного восприятия преподавания аудитория сама вырабатывала знакомство с предметом. Что для химика лаборатория, то для нас, историков, архив, куда студенты идут за материалом. Затем высшим учебным заведениям поставлена и другая задача: переломить разрыв высших учебных заведений с жизнью, с жизнью тех организаций, тех учреждений, тех производств, которым они родственны по специальности. Эта вторая задача перед ВУЗ'ами ставится в двух плоскостях. Первая предполагает, что учащийся может и должен периодически участвовать с учебно-педагогической целью в текущей производственной работе учреждений. Вторая заключается в том, что практические занятия требуют работы на местах, работы в учреждениях, над тем материалом, который в учреждениях, родственных данному ВУЗ'у, производится. Вот в каком смысле реформа университетского преподавания факультета общественных наук идет навстречу потребностям архивного образования. Для того, чтобы удовлетворить потребности нового метода преподавания в ВУЗ'ах, студент должен стать архивистом, должен участвовать в работе этого учреждения и на этом учиться.

Эти соображения заставляют нас защищать мысль о том, что теснее должна быть связь между подготовкой архивиста и архивным образованием вообще и постановкой дела в ВУЗ'ах.

В прениях приняли участие тт.: В. М. Фиалков (Сталинград), Н. С. Бурмистров (Нижн.-Новгород); А. П. Симанов (Вотская область); Р. Я. Озолин (Самара); А. П. Жаков (Татреспублика); А. П. Гиваргизов (Ростов-на-Дону).

Выступавшие товарищи подтвердили, что революция к архивистам предъявляет совершенно новые требования и вопрос о подготовке, о квалификации архивистов сейчас стоит очень остро. Жизнь требует осведомленных архивных работников, стоящих

на уровне современных научных взглядов. Ждать, когда университеты через 3 — $3^1/_2$ года выпустят красных архивистов, нельзя, и необходимо Центрархиву озаботиться созданием курсов (в зимнее время более желательно), через которые провести переподготовку данного состава работников и в первую очередь работников с мест. Архивные деятели провинции, вышедшие в большей части из ученых архивных комиссий, отстали от уровня современных знаний и современных интересов научного изучения архивных материалов. Подготовка на краткосрочных курсах не может быть отложена, так как через год-полтора архивы, покончив с черновой предварительной разборкой архивных фондов, должны будут приступить к научной разработке материалов, к научному их описанию и изданию. Научная работа потребует от архивиста осведомленности в современных научных исторических воззрениях. Товарищи с мест согласились с возможностью проводить элементарную подготовку своих работников чрез архивные кружки при губархбюро; в Нижегородской губ. эта подготовка осуществляется в кружке содействия истпарту и губархбюро. Указано было на полезность создания временных практических семинариев при губархбюро для переподготовки сотрудников в соответствии с новыми требованиями архивного дела и архивных курсов для переподготовки архивариусов действующих советских учреждений в целях поднятия их квалификации, или же, в крайнем случае, устройства периодических совещаний архивариусов губ. учреждений и уездных исполкомов для инструктирования их по вопросам архивной техники и архивного законодательства. Отмечена была важная роль в деле архивного образования архивных выставок, которые надлежит время от времени устраивать при наиболее организованных местных архбюро. Общее мнение о необходимости поставить вопрос об архивном образовании практически выразил полнее всех тов. Гиваргизов, заявив, что Центрархиву необходимо создать смену для старых архивных работников, постепенно уходящих со сцены, — и для этого нужно предоставить возможность молодым силам из числа членов РКП (б), РЛКСМ и профсоюзов, интересующихся историческими и экономическими науками и архивным делом, — получить соответствующую научную подготовку в специальных ВУЗ'ах. Практической мерой в этом направлении было бы предоставление каждому из местных архивных бюро по 1 — 2 бесплатных и обеспеченных стипендиями вакансий на археографическом отделении археологических институтов или университетов. Наилучшей мерой в этом направлении было бы открытие хотя бы одного на всю РСФСР археографического института; при существующих педфаках и рабфаках ввести занятия по архивоведению, дабы нашу молодежь воспитать в смысле понимания ценности архивов.

М. А. Ленский (Тверь) категорически высказывается за то, чтобы подготавливать научных архивных работников только

в высших учебных заведениях, на специально открытых для этой цели особых факультетах. Распыление сил и средств в виде краткосрочных курсов не приведет к желательным результатам, ибо курсы есть паллиатив, на который непроизводительно затратятся силы и средства, в которых республика нуждается.

М. Н. Покровский. Тт., все мы согласны в том, что необходима подготовка архивистов, и я до последнего выступления — до выступления т. Ленского — думал, что мы все согласны по этому вопросу, но т. Ленский внес новые нотки, или, вернее, он напомнил те ноты, о которых мы слышали в докладе т. Цвибака и в речи проф. Преснякова. Необходимо вновь остановиться на этом вопросе. До его выступления я хотел отказаться от своего слова, потому что все были согласны и все говорили одно и то же. Весь вопрос заключается не в том, нужно ли подготовить образованных, опытных архивистов, а в том, как и где их подготовить. Их надо подготовить, конечно, не в какой-то неопределенной стране и в неопределенное время, а в РСФСР и в ближайшие годы, в 1925, 1926 и 1927 году. Вот о чем идет речь. Я должен сказать, что т. Цвибак и проф. Пресняков не убедили меня в том, что нужен архивоведческий факультет; самое большое это то, что они внушили мне мысль, что, может быть, через лет 10 нам придется к этому делу подойти. Позвольте изложить почему. Надо сказать, что в старое время в высших учебных заведениях любили теории всякого рода. Так, например, теорию кооперации, теорию архивоведения, теорию музееведения и т. д. Позвольте поделиться опытом Наркомпроса. Говорили, что есть теория музееведения и надо эту теорию разработать. Руководствуясь этими соображениями, была создана музейная секция при государственном ученом совете; эта секция начала работать, и мы увидели, что эта секция ничем другим не занимается и ничего другого не может придумать, кроме того, что делает и дает музейный отдел. Там та же самая инструктивная музейная работа, вопросы экспозиции и т. д. Мы убедились, что никакой теории музея, отдельной от практики, нет и придумать ее нельзя. То же самое было и с нашей кооперацией — с этим важным вопросом для СССР. То же самое, читались курсы по кооперации, создавались высшие кооперативные институты для проработки теории кооперации, и это было до тех пор, пока не пришли к нам тт. коммунисты-кооператоры и не спросили: зачем вы это делаете? Есть история кооперации — это простая вещь. Затем есть всевозможного вида практические кооперации — потребительская кооперация, производственная кооперация, сельскохозяйственная кооперация и жилищная кооперация, и изучать эту музыку можно на практике с конкретным материалом в руках, а читать обо всем этом лекции — никчемное дело. Такой опыт привел к убеждению, что эти разговоры о теориях есть отражение старой приверженности к книге, а жизнь сейчас нас от книги влечет и властно тащит

к практической работе. Сейчас в связи с этим в зубах навязло стремление связать высшие учебные заведения с производством, т.-е. перенести высшие учебные заведения на само производство — для техников на фабрику, для транспортников на железную дорогу или пароход, а для архивистов — в архив. Теоретическая подготовка, которая нужна для того, чтобы пойти в архив простому работнику, уверяю вас, чрезвычайно проста и овладеть этой теоретической работой при наличии некоторого образования крайне нетрудно. Если мы возьмем человека простого, мало грамотного, то его придется обучать 5 лет не в высшем учебном заведении, а придется провести через четырехлетку, а затем через школу повышенного типа до семилетки и затем уже двигать дальше. Я здесь подразумеваю человека, который прошел через семилетку, который курсом семилетки овладел, и для такого человека года для теоретической работы, для заслушания лекций и работы в семинариях, для того, чтобы овладеть достаточными сведениями об архиве, совершенно достаточно. После этого его можно послать в архив на практическую работу. Мне будут возражать и скажут, что такой человек не имеет размаха, он не может организовать архивного фонда и т. д. и т. д. Это верно, но он может заниматься простой рядовой работой. Мы не можем ждать 3 года для того, чтобы получить красных архивистов. Конечно, кроме рядовых работников, у нас должны быть инженеры архивного дела. Такими инженерами архивного дела всегда были и будут историки. Говорят, что Западная Европа выдвигает новую теорию, которой предполагается отделить историка от архивиста. Я этой теории не знаю, но могу вам напомнить другую теорию Западной Европы, которая стремилась отделить историка от ученого. Из этого ничего не вышло. Вы знаете, что историк всегда останется ученым и архивист — всегда будет историком. Возьмите вы архив б. министерства юстиции. Припомним всех его деятелей, начнем хотя бы с Калачева, продолжим Нилом Поповым, затем Самоквасовым, Цветаевым, а теперь М. К. Любавским, — может быть, он меня сейчас посадит в калошу, — проходил ли он какие-нибудь специальные архивные курсы или нет? Полагаю, что никогда не проходил. Это, может быть, уже минус. Теперь мы должны быть больше европейцами, и наших будущих архивных инженеров мы должны обучать архивной технике. Это верно, но мы что для этого должны сделать? Мы должны брать готовых историков, кончивших ВУЗ'ы, прошедших исследовательский институт истории или красной профессуры, т.-е. будущих профессоров истории, и им дать необходимую архивную подготовку, может быть, даже посылать за границу, чтобы посмотреть, как организованы там архивы. Это вполне допустимая вещь. Но нельзя готовить в ВУЗ'ах массовых работников. Такая масса и не нужна. Такие работники нужны в количестве десятков, а не сотен или тысяч. Только такой настоящий сформированный историк, с вполне выработан-

ным научным мировоззрением, может быть архивным инженером, а в качестве массовых техников 2-го разряда, так называемых средних техников, могут быть образованные слегка люди, скажем, кончившие семилетку и затем пропущенные через одногодичные, может быть, двухгодичные курсы. Я, со своей стороны, полагаю, что одногодичных курсов будет достаточно, и так как такого рода публику можно готовить в очень большом количестве сразу, то мы этим удовлетворим ту потребность, которая имеется. Но во всяком случае не нужно нам такое учебное заведение, которое нам описывали, которое подарит мир в ближайшее время тремя архивистами. Что оно даст? Историков? Нет, конечно, не историков и, конечно, не таких историков, как те, которые стояли и стоят, например, во главе архива министерства юстиции, бывшего, конечно. Ясно, что это не историки, а просто студенты, и их только 3 человека. Что же нам с ними делать? Таким образом мы готовим не работников, не каменщиков, не архитекторов, а что-то среднее, ни то, ни другое, а что-то такое, что, простите, никому в настоящее время, да, я думаю, и никогда не нужно. Поэтому я решительно высказываюсь против этого типа архивного образования, вполне признавая, что архивное образование нужно и нужно в двух видах: первое — архивное образование массовое. Потом может быть уклон в соответствующих техникумах советской работы. В таких техникумах может быть разработан архивоведческий уклон. Таких массовых работников нужно будет большое количество. С другой стороны, нужно подготовить наших молодых историков, настоящих сложившихся историков к тому, чтобы они могли взять в свои руки и руководить архивом, ибо там нужны специальные работники. Здесь нужна практическая работа, нужны заграничные командировки, нужно все то, при посредстве чего готовят ученых, потому что будущих архивистов-организаторов иначе, как учеными, себе представить нельзя. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Ко мне поступило предложение о прекращении прений. Есть два записавшихся, угодно их выслушать? Я голосую предложение дать высказаться двум записавшимся. *(Предложение отклонено, и прения закрыты.)* Для заключительного слова слово предоставляется тов. Цвибаку.

М. М. Цвибак. Товарищи, собственно говоря, здесь против выдвигаемой точки зрения мы имели одно чрезвычайно яркое и обоснованное выступление — это выступление М. Н. Покровского. М. Н. Покровский устанавливает два типа архивных работников. Один тип — это практики, которые нужны в большом количестве и которых можно подготовить из имеющих известную грамотность, кончивших нашу трудовую школу 2-й ступени. Я бы согласился с этой точкой зрения на подготовку работников для архивной практики, работников, которых в архивном деле нужны десятки и сотни. Теперь перейдем к архивным работникам дру-

гого типа. М. Н. Покровский сделал экскурс в историю б. архива министерства юстиции, экскурс, построенный не на вскрывании, как обыкновенно делает Михаил Николаевич в своих исторических трудах, всего явления в целом, а на изучении его верхушки — его заведывающих. Поскольку архив министерства юстиции был определенным научно-историческим архивом, его руководящие работники, конечно, должны были быть историками и историками не заурядными, я бы сказал, крупнейшими историками своего времени. Можно ли считать, что после высшего типа работников, которые встречаются единицами, следующей ступенью будут архивариусы, будут практики, которые будут подготовляться в течение одного года. Я думаю, что это неправильно. Мне представляется, что нужны несколько более широкие кадры чем те кадры, которыми мы располагаем в лице вполне научно подготовленных историков. Дело в том, что историк занимается высшей исследовательской работой, он обобщает материал. Нужно сказать, что обобщать материал можно в тех случаях, если этот материал будет соответствующим образом препарирован. Кроме мастера и кроме инженера, составляющего план постройки дома, фабрики или завода, есть еще инженеры-техники, инженеры, которые работают по этим планам. Вот я и думаю, что препарировать документ для историков могут только инженеры архивного дела, а простые техники не сумеют препарировать. Мы слишком бедны научными силами красных историков, чтобы давать им возможность заниматься специально архивной работой, заниматься препаровкой архивных документов, заниматься изданием архивных документов, научным описанием архивных дел. Я думаю, Михаил Николаевич, было бы очень хорошо, если бы мы имели специальные кадры для этой работы.

М. Н. Покровский *(с места)*. Они этим и теперь занимаются.

М. М. Цвибак. Я знаю, что они этим занимаются, но они занимаются собиранием выдержек из документов, созданием специальных изданий архивных документов, связанных со своей научной работой. При современных условиях мы не можем себе ставить слишком широкой задачи, чтобы каждый из наших архивистов научного уровня, — а не архивариус, — был бы законченным историком, чтобы он стоял на уровне историка, ибо Мих. Ник. совершенно правильно отметил, что такие люди исчисляются не тысячами, а я бы сказал — и не сотнями, а они исчисляются в лучшем случае десятками. Нам нужно создание среднего инженера в исторической области. Этот средний инженер исторической области не будет историком-исследователем, но он будет историком-препаратором для историка-исследователя в полном смысле этого слова.

Не аргумент, что у нас 3 человека на III курсе. Я считаю, что у нас создана нужная, ценная организация. М. Н. Покровский,

говоря, что только через 10 лет понадобятся новые выпуски ученых архивистов, по-моему, обманывается. Может быть, мы никого не переубедили, может быть, задача упрочения и осуществления нашего ВУЗ'а в ближайшем будущем не осуществится, но я выражаю категорическую уверенность, что 10-летний срок для создания этого органа очень большой срок, — по-моему, жизнь потребует его скорее. До конца взвесить все обстоятельства этого вопроса сейчас нельзя, и я бы считал целесообразным сейчас подтвердить те пункты наших разговоров, по которым никаких разногласий нет. Это следующие пункты: пункт о создании и о переподготовке наших низовых работников, пункт, касающийся подготовки практических работников, которых нужно ждать не 2 — 3 года, а которые нужны сейчас. По этим пунктам нет никаких разногласий и в том, что говорил Мих. Ник., и в том, что говорили тт. с мест, и в том, что говорили докладчики. Везде отмечалось, что эти работники, в одной своей части архивисты, в другой организаторы и руководители архивного дела на местах, которые нуждаются отчасти в теоретической подготовке, должны готовиться на краткосрочных курсах.

Что касается центрального вопроса, то я думаю, что нам специальный ВУЗ нужен. Тут раздавались голоса, что нужно устроить кафедры при педагогических учреждениях. Но это по существу одно и то же. Но только, пожалуй, гораздо более сложная и громоздкая вещь.

Что касается того, что только историк может быть таким работником, о котором мы все говорили, мне кажется, что нужно этот вопрос взвесить с практической точки зрения. Верно, что историк всегда будет прекрасным ответственным руководителем архивного дела, но нужно взвесить вопрос, сколько нужно этих работников и насколько мы нашими еще редкими кадрами историков-марксистов сможем пополнить этот безусловно дающий себя чувствовать недостаток работников в архивном деле, который налицо сейчас и который с каждым днем будет увеличиваться. Чем больше будет расти архивное дело, тем больше будет сказываться недостаток у нас в красных специалистах-архивистах.

М. Н. Покровский *(с места)*. И белые покраснеют.

М. М. Цвибак. Пока они покраснеют, Мих. Ник., — они состарятся и умрут.

Председатель. Предлагается избрать комиссию по разработке резолюции. Возражений нет? *Принимается.*

М. М. Цвибак. Я бы предложил ввести в эту комиссию М. Н. Покровского, или, если Мих. Ник. не сможет, — кого он предложит. Для меня является чрезвычайно сложным и трудным выносить резолюцию после нашего собрания, ибо у нас вполне определенного мнения не было. Я, конечно, остался при своем мнении, Мих. Ник. — при своем, и прежде, чем выносить резолюцию, нам нужно решить, в каком духе может быть решение.

М. Н. Покровский. Я сам не смогу быть, потому что времени не хватит. Я бы просил т. Карнееву.

Председатель. Намечено в комиссию шесть человек, но тут предлагается семь. Кто за шесть человек, прошу поднять руки. Мало. Кто за семь? *Большинство*. Принимается семь человек.

Голосую предложенный список в целом: кто за предложенный список? Прошу поднять руки. *Большинство*. Кто против? *Один*. Список принимается. Значит, комиссия утверждена — просим своевременно приступить к занятиям.

Дальше, товарищи, у нас на очереди доклад т. Голубцова о Центрархиве и советских учреждениях. Но тут имеется предложение устроить пятиминутный перерыв.

Перерыв на пять минут.

Председатель. Заседание возобновляется. Слово предоставляется т. Голубцову для доклада на тему: «Центрархив и архивы действующих учреждений».

И. А. Голубцов (Москва). Должен сказать, что к своему докладу я приступаю вне связи со всеми работами съезда, так как по болезни я не участвовал до сегодняшнего дня на заседаниях съезда. Связать свой доклад с теми дебатами и теми точками зрения, которые уже высказаны были на съезде, мне, вероятно, не удастся, потому что я не вполне в курсе их. По этой же самой причине я готов до некоторой степени сузить свою тему, не беря на себя обязанности рассмотреть этот предмет с точки зрения административно-правовой, с точки зрения административно-правовых отношений между Центрархивом и архивами действующих учреждений. А теперь позвольте перейти вкратце к изложению своего предмета. (В дальнейшем приводим тезисы доклада, так как в основном доклад И. А. Голубцова вошел в состав изданных Центрархивом «Правил постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР» (М. 1925, 44 стр.).

Тезисы доклада: 1. В основу построения отношений Центрархива РСФСР к архивам действующих учреждений должны быть положены декреты 1-го июня 1918 г., 26 августа 1919 г. и положение о Центрархиве 1922 г.

2. Организация архивов при действующих учреждениях необходима и не противоречит декрету 1918 г. о централизации архивного дела.

3. Под архивом учреждения надо разуметь состоящее при учреждении хранилище законченных производственных дел, книг и прочих письменных материалов, ненужных для текущей делопроизводственной работы и потому сданных из канцелярий для временного хранения до передачи их Центрархиву.

4. Архивы могут устраиваться как для обслуживания всего учреждения в целом, так и для отдельно расположенных самостоятельных частей (отделов) учреждения, а также и для нескольких самостоятельных учреждений одного ведомства. Последние так же, как и первые, хранят материалы лишь до передачи их органам Центрархива.

5. Термин «текущий архив» неудачен и может приводить к недоразумениям. Мало оснований имеют за себя и такие термины, как «постоянный архив», или «центральный архив», или «общий архив», получающие смысл лишь при наличности в отделах учреждения «текущих архивов», как установлений одного с ними порядка. Термин «центральный архив» можно применять лишь к главным архивам наркоматов и других высших ведомственных органов, имеющих задачей предварительную до передачи Центрархиву централизацию архивных материалов нескольких подведомственных им учреждений.

6. Архивы учреждений являются промежуточной инстанцией между учреждениями и Центрархивом: они обслуживают нужды учреждений с их делопроизводством и в то же время в интересах Единого Государственного Архивного Фонда принимают меры к сохранности материалов, подлежащих включению в ЕГАФ.

7. Эти две задачи положены в основу выработанных Центрархивом «Правил постановки архивной части в учреждениях РСФСР».

8. Планомерность пополнения ЕГАФ требует:

а) строго формального разграничения текущего делопроизводства от архива учреждения,

б) учета всех архивов учреждений и хранимых в них фондов,

в) единообразного и регулярного порядка в передаче дел из канцелярий в архивы учреждений и из этих последних в органы Центрархива,

г) детальной разработки сети архивохранилищ Центрархива и их состава.

9. Сохранность архивного материала требует:

а) технической подготовки материалов к хранению самими канцеляриями, а не архивами (формирование дел и нарядов, подшивка бумаг, нумерация листов, обложки и пр.),

б) занесения единиц хранения в охранные или сдаточные описи, помимо справочных картотек,

в) строгого учета хранимого в архивах и выдаваемого для пользования материала,

г) отдельного надлежаще оборудованного и строго охраняемого помещения для архива, а также ответственного заведующего архивом.

10. Экономия труда и упрощение дела требует:
   а) замены всех охранных и сдаточных описей материала единой годичной описью, которая в копиях служит и сдаточным и охранным документом,
   б) запрещения на делах каких-либо новых нумераций (сдаточной, архивной) помимо канцелярской,
   в) введения в архивах книги сдаточных описей, как основы учета и порядка в архивах,
   г) освобождения архивов от всякой систематизаторской работы над материалами.

11. Желательны: издание декрета об архивной части действующих учреждений, пересмотр порядка уничтожения сдаваемых учреждениями архивных материалов, разработка сети и плана пополнения архивохранилищ Центрархива, участие Центрархива в дальнейшей работе РКИ по унификации и рационализации структуры и системы делопроизводства в госучреждениях.

В обсуждении доклада приняли участие товарищи: С. П. Волков (Ленинград), Г. С. Рябиков (Астрахань), А. И. Румянцев (ВСНХ), Е. И. Дорофеева (Наркомзем), С. Д. Яхонтов (Рязань), В. В. Максаков (Москва).

Надобность и своевременность выработки «Правил» отмечена всеми товарищами, в силу тех условий, что в учреждениях архивных работников почти нет, архивом ведает или управдел, или секретарь, или делопроизводитель, — издаваемые Центрархивом «Правила» помогут изжить это явление и упорядочить архивы учреждений. На местах советские учреждения не подготовлены к сдаче своих дел. Никаких общих архивов, инструкция для которых разработана Московским Советом, не существует. Центрархиву необходимо срочно переработать декрет 1918 г., где следует точно назвать, какие фонды и какие учреждения должны сдавать таковые в ЕГАФ, чтобы губархбюро имели основания извлечь из недр учреждений те архивы, которые застряли в них, как дела старых лет, так и особенно материалы за 1917 и след. годы. Центрархиву необходимо пресечь стремление ведомств централизовать свои архивные материалы. Хотя представитель ВСНХ и заявлял, что ведомства к такой централизации не стремятся, однако товарищами были названы случаи, когда определенные дела были выделены из архива местного учреждения и предназначены были к отправлению в центр. Губархбюро своим вмешательством предупредило случай разъединения фондов, вредного в научном и практическом отношении. «Правила» помогут ликвидировать такие печальные явления, как сдача архивов в беспорядочном, хаотическом виде, и то, что каждая организация и учреждение имеет свой самостоятельный архив. По вопросу о соглашении Центрархива с учреждениями мнения разделились. Одни стояли на той точке зрения, что подобных соглашений не следует производить, так как есть ЕГАФ и учреждения должны, подчиняясь

декрету, сдавать в установленный срок архивные материалы. Другие отстаивали надобность увязки архивной работы ведомств с работой местных органов Центрархива в форме междуведомственных совещаний, каковые мыслились товарищами не в виде законодательных совещаний, а как совещания о порядке хранения, сдачи архивов, постановки архивной работы и т. д. В виду разнообразия постановки делопроизводства в учреждениях (одни учреждения подшивают дела, другие создают конверты для бумаг, третьи — регистраторы), высказано было пожелание, чтобы делопроизводства учреждений велись о д н о р о д н о, именно по системе подшивания дел. Высказано было также пожелание, чтобы Центрархив настаивал, чтобы учреждения имели помещения для своих архивов и отдельного архивариуса, ответственного за сохранность и упорядоченность архива учреждения, — назначение которого всегда бы согласовывалось с местными органами Центрархива.

А. И. Р у м я н ц е в (ВСНХ). Разрешите внести некоторую фактическую поправку. Товарищ докладчик, когда он говорил о Центральном архиве ВСНХ (правда, он высказал это с оговоркою, что не знает конструкции и деталей развертывания провинциальных архивных отделений ВСНХ), высказал предположение, что архивы местных учреждений могут стягиваться в центр, тогда как они представляют собой материал, интересный для местностей. Это не совсем правильно. Центральный архив ВСНХ учитывает местное значение архивных материалов. Еще в 1923 году был издан приказ по ВСНХ № 297, которым учреждались архивы при губернских и областных советах народного хозяйства и промбюро. В эти архивы и поступают архивные материалы местностей. Этот же приказ говорит и о передаче архивных матералов в губархивы, с ведома Центрархива ВСНХ, который ведет учет этим материалам и следит за их движением. Затем я хочу сказать относительно 5 лет, в течение которых учреждения хранят архивные материалы у себя. Я просил бы разъяснить, как нужно понимать эти пять лет, с какого срока? В проекте «Правил постановки архивной части текущего делопроизводства в госучреждениях и предприятиях РСФСР» статья 128 говорит следующее: «учреждения сохраняют архивные материалы в продолжение пяти лет». Но как считать эти пять лет? Год заведения дела не считается, год поступления дел в архив не считается, год сдачи в Центрархив РСФСР также не считается; следовательно, дело поступает в Центрархив РСФСР на 8-й год после его начала? В статье приводится пример: дела 1918 года должны поступить в Центрархив РСФСР в 1925 году.

Е. И. Д о р о ф е е в а (Наркомзем). Вопрос о пятилетнем сроке — больной вопрос всех наших учреждений. Докладчик все время ссылался на декрет 1918 года, где говорится о сохранении всех документов в учреждениях в течение пятилетнего срока. С 1918 года прошло уже 6 — 7 лет, но во многих учреждениях дела еще в таком виде, что к ним приступиться нельзя. Над

этими материалами надо проработать еще пять лет, чтобы привести их в порядок, поэтому не пять, а десять лет пройдет до сдачи их в Центрархив. Затем, если не будет никакого руководства со стороны Центрархива над делопроизводством, то архив будет действовать по-своему, а делопроизводство по-своему. Необходима связь архива с делопроизводством.

В. В. Максаков. Я взял слово для того, чтобы сказать, что те прения, которые сейчас у нас происходят, в особенности выступления представителей ведомств, идут не по той линии, по которой нужно развертывать прения. Темой наших прений должно быть текущее делопроизводство советских учреждений и как его увязать с нами, т.-е. с Центрархивом. Между прочим, ни тот, ни другой оратор об этом почти не говорил. Я считаю, что они главным образом и должны были сказать, где они видят препятствия к осуществлению тех правил, о которых нам сегодня докладывали. Я объясняю это, очевидно, некоторой неосведомленностью. По крайней мере, представитель ВСНХ здесь говорил о том, что те правила, о которых сегодня здесь докладывали, повидимому, кем-то аннулированы и т. д. Содержание этих правил сегодня здесь докладывалось. Они уже согласованы с РКИ, и здесь нам нужно ваше мнение. То, что вы говорили о сроках, тоже недоразумение. Неужели так неясно сказано в декрете, неужели так неясно говорил здесь т. Голубцов, с какого срока нужно считать 5 лет? Представители ведомств, которые здесь выступали, должны быть знакомы с декретом, в котором ясно говорится, что мы не имеем даже права требовать немедленно после истечения 5-летнего срока все дела к себе. Материалы, необходимые для повседневной практической работы, учреждение может сдавать в другие сроки, а в какие — для этого нужно установить соответствующее соглашение между Центрархивом и представителем того или другого ведомства. Т. Голубцов точно разъяснит, что мы считаем конченным делом. Что касается представителя Наркомзема, то нужно опять-таки сказать: вот вам налицо результат того, как подходят к архивному делу представители ведомств. У них хранятся дела 60 гг. и они сами говорят, что не знают, что такие дела у них хранятся. Как же так, ведь вы заведуете архивом и вы не знаете, какие у вас дела хранятся? (Представитель Наркомзема с места: *В отделах*). Я считаю, что зав. центральным архивом учреждения должен знать, что хранится и в отделах. Тем более, о делах, которые не нужны в текущем делопроизводстве: о делах министерств. Если товарищ не собрал в одно место эти материалы, не учел, не выявил, то он плохой архивист. Мы хотим, чтобы ведомственные архивисты прислушались к нашему голосу. Мы прислушиваемся к ним, как вести текущий архив. Но пусть и они прислушаются к нам. Сейчас такой согласованности нет. Представители ведомств, которые выступают, показывают, что они очень и очень оторваны от нас. Когда будет такая согласован-

ность, тогда нам легче выработать правила, а им применять эти правила на практике.

Председатель. Заключительное слово предоставляется т. Голубцову.

И. А. Голубцов. Товарищи, в докладе я ознакомил с тем проектом правил, который выработан и уже утвержден. Эти правила постановки архивной части текущего делопроизводства в государственных, кооперативных и общественных учреждениях РСФСР очень обширны. Они заключают в себе до сорока страниц листового формата и до 130 статей с приложением и форм. Содержание их весьма разнообразно.

Отвечу на вопросы. Прежде всего о сроках хранения. Достаточно учреждению заявить о нужде для его работы в таких-то материалах, чтобы заставить Центрархив вступить с ним в сношения. Тов. из ВСНХ вполне верно указал, что мы исчисляем срок, как срок пребывания материала в архиве учреждения, не считаясь с тем, центральный ли это архив ведомства, или это просто архив учреждения. Мы не кладем в счет: год заведения дела, следующий год, как год сдачи дел истекшего года в архив, при чем эта сдача может быть проведена обычным учреждением до 1 июля, учреждением же более длительного производства до декабря месяца; наконец, исключается из счета и тот год, когда фактически дела переходят в Центрархив. Общая тенденция — дать возможность удлинить срок хранения дел при учреждениях, сделать его не строго пятилетним. Этого требуют интересы учреждений, которые имеют более или менее длительную нужду в материалах. Если бы мы не пошли навстречу в этом отношении, мы бы создали необходимость по всяким отдельным случаям разговаривать с ведомствами и учреждениями. Правила дают самый длительный срок, какой можно было установить, не противореча декрету; декрет говорит о пяти годах хранения «со времени окончания дел», таким временем мы считаем год сдачи в архив дел прошлого года и отводим пять полных лет на пребывание дел в архиве учреждения. (См. подр. гл. 1-ю).

Вторая глава говорит о подготовке канцелярских дел к сдаче в архивы учреждений и отводит этому делу 30 статей. Эта глава целиком отвечает пожеланию тов. Волкова, который настаивал на необходимости издания инструкции по делопроизводству. Должен оговориться, что этот отдел выходит до некоторой степени за пределы компетенции Центрархива: ставить делопроизводство в учреждениях — это область ведения НК РКИ. Поэтому здесь даны только те нормы, которые захватывают делопроизводство не с точки зрения системы делопроизводства, а лишь с точки зрения подготовки дел к хранению в архивах. Центрархив, однако, полагает, что во многих учреждениях еще существует старая журнальная система и существует привычка к порядковой нумерации дел. Но он видит, что уже есть практика

карточных систем, системы десятичной и т. д., и он этому не противоречит. Но надо сказать, что в «Правилах» Центрархива не дано конкретных указаний, как связать эти системы с требованием годичных описей, — сделаны лишь небольшие оговорки о том, в каком направлении желательна эта увязка, но детально этот вопрос не разрабатывается, потому что это — дело НК РКИ, который, между прочим, совершенно одобрил всю эту главу и весь проект «Правил» в целом. Учреждения, идущие к реформированию своего делопроизводства, должны будут, конечно, предъявить свои требования в случае неувязки требований Центрархива с их новыми пожеланиями и стремлениями.

Обязанности заведующих архивами учреждений в «Правилах» определены (см. гл. 4-ю). Должность заведующего архивом учреждения предусмотрена. Пусть иногда исполнение этой должности будет возлагаться на кого-либо по совместительству, напр., в каком-нибудь мелком учреждении на делопроизводителя, — важно, чтобы было ответственное лицо, заведующее архивом.

Вопрос о порядке сдачи архивов учреждений при упразднении последних и при смене заведующих (по сдаточным актам) в «Правилах» разрешен (см. гл. 7-ю) так, как предлагал т. Яхонтов, т.-е. с обязательным составлением актов.

В особой (9-ой) главе говорится о надзоре за ведением архивов в учреждениях со стороны начальников учреждений, со стороны органов Центрархива и, наконец, о наблюдении за исполнением правил со стороны исполнительных комитетов.

Как видите, «Правила» охватывают почти всю жизнь архивов учреждений. Здесь мы находим ответ на многие вопросы, которые были поставлены на прениях. Спрашивают, как поступать согласно новому проекту с теми архивами, где каждая архивная единица имеет свой архивный номер, а «Правила» устанавливают, чтобы никакой нумерации, кроме канцелярской, не производить. Я должен сказать, что это рассчитано на будущее время, т.-е. для дел с 1925 года. Если же архив, о котором идет речь, имеет выдержанную архивную нумерацию, то этой нумерации надо придерживаться.

Задают вопрос: нужно ли требовать от учреждения организационную схему, структуру учреждения в ее исторической последовательности? При чем указывают на то, что это требование представляет гарантию целостности фонда. Это требование структуры учреждений за прошлые годы было выставлено в некоторых циркулярах Центрархива, и вообще это материал для циркуляра; поэтому оно в «Правила» не вошло. Спрашивают: что я разумею под запрещением архивным учреждениям заниматься систематизацией дел? Как быть с теми материалами, которые выгребаются вновь образованными архивами учреждений из углов? Ясно, что при таком состоянии дела вся работа по наведению порядка, в том числе и систематизация бумаг, должна ложиться на архив, раз другого органа нет. Вот, кажется, и все вопросы,

которые были детально затронуты. Что же касается вообще «Правил», то в ответах ведомств мы имеем больше положительных отзывов чем отрицательных. Многие ведомства ответили прямо, что они возражений не имеют. Сторонник карточных систем в делопроизводстве Майзельс говорит, что, несмотря на удобства карточных систем, не надо упускать из виду того, что в РСФСР есть еще масса учреждений, которые до сих пор ведут делопроизводство по традиционной журнальной системе, и нельзя быть уверенным, что все сразу перейдут на карточную регистрацию бумаг. Поэтому и мы должны держаться такого порядка, который мог бы теперь же войти в оборот в большинстве учреждений. Мы должны так составить свои правила, чтобы их не трудно было применить и к новым системам.

Председатель. Предлагается избрать комиссию для редактирования предложения. Предлагается список. *Принимается единогласно.*

Заседание закрывается.

Архивно-техническая секция.

Утреннее заседание 18-го марта.

Председатель — *К. И. Воинова.* Секретарь — *Б. И. Анфилов.*

Председатель. Товарищи, в том собрании, откуда мы сюда перешли, когда пленум еще не кончился, был поднят вопрос о том, как у нас пойдут занятия секций и сколько времени дается докладчикам. Там было постановлено окончить занятия к 2-м часам завтрашнего дня. Очевидно, времени у нас будет недостаточно, и нам придется регламент пересмотреть. Президиум предлагает для доклада 45 мин., содокладчику 25 мин. *Принимается.*

Слово для доклада об архивной терминологии предоставляется тов. Анфилову.

Б. И. Анфилов (Москва). Товарищи, в архивной практике уже довольно давно назрела потребность в единообразном понимании тех специальных терминов, которыми насыщен наш обиход. Многие из них понимаются в высшей степени широко, и очень часто приходится сталкиваться, во-первых, с чрезвычайно разнообразным толкованием терминов и, во-вторых, с недоумениями по поводу действительного значения того или иного из них. Отсюда возникает задача — как-нибудь упорядочить это дело, привести эти термины к единообразию. Эта задача была поставлена на очередь довольно давно. Занимались ею и в Ленинграде и позднее в Москве. Ленинградские архивисты работали при отделении Центрархива и в кружке, посвященном памяти А. С. Лаппо-Данилевского.

В Москве еще в 1922 году при научно-теоретическом отделе Центрархива была создана комиссия по составлению архивного руководства, вам хорошо известного. Уже в этом руководстве было дано определение некоторых терминов. Далее, в 1924 г. научно-теоретической, ныне научно-организационной коллегией Центрархива была предпринята работа по объединению всего этого материала и по принятию окончательных формул архивных терминов. Здесь, конечно, нужно иметь в виду, что мы в нашей работе имеем дело с таким материалом, который сравнительно трудно определяем. Легко дать разрешение математической формуле. Разрешение таких формул во всем мире одинаково. Сравнительно легко подойти к единообразному пониманию тех или иных определений абстрактного характера. Теоретически-юридические формулы очень похожи одна на другую во всех странах мира. В нашем же случае можно получить, собственно, не формулы, выражающие сумму каких-нибудь отвлеченных признаков, не формулы чисто теоретического типа, а просто концентрированное сжатое описание того или иного явления архивной жизни. Эта задача — дать сжатое описание различных явлений архивной работы — является трудной задачей, в виду того, что эти конкретные явления разным лицам представляются неодинаково. Кроме того, в тех или иных местах разновидности одного и того же явления архивной жизни обладают некоторым своеобразием. Это своеобразие влияет на лиц, работающих над определениями, и сплошь и рядом в том или другом месте определение получает несколько специфический уклон. В силу этого определения неизбежно должны носить и условный и, может быть, компромиссный характер. Вероятно, и те определения, которые мы вам доложим, будут носить точно такие же черты.

Чтобы убедиться, насколько трудно дело определения архивных терминов, я воспользуюсь определением из книги голландского архивиста Фрюина термина «архивный фонд»: «Архивный фонд есть совокупность письменных, чертежных и печатных документов, официально полученных или составленных учреждением или одним из его должностных лиц, поскольку, по крайней мере, эти документы были предназначены остаться на хранении в этом учреждении или у этого должностного лица».

Это определение было одобрено ассоциацией голландских архивистов. Тем не менее, уже с первого взгляда видно, как оно несовершенно. В нем много условностей, неточностей, встречаются такие выражения, как «поскольку», «по крайней мере» и т. п. Оно расплывчато, в нем нет той категоричности, которая должна быть присуща законченной формуле определения. По содержанию оно значительно уже нашего понимания термина «фонд» и с ним, как мы увидим, явно расходится. Никто из нас не мыслит под архивным фондом только сумму входящих и исходящих, отложившуюся в данном учреждении.

Определением Фрюина не покрываются в составе фонда даже такие материалы, которые возникли, например, в результате работ какой-нибудь комиссии, созданной при данном учреждении из посторонних специалистов. Фрюин сам чувствует неполноту своего определения и в дальнейшем тексте его книги мы видим, что он отступает от цитированной формулы и поясняет, что, собственно, не только учреждения и не только должностные лица учреждений, но и частные лица могут образовывать фонды. Но почему-то он сохраняет изъятие для семейных архивов. Таковые, говорит он, архивными фондами не являются и являться не могут. Каждый товарищ, знакомый с нашей, хотя бы ходячей еще, неоформленной идеей архивного фонда, ясно понимает, что нам с Фрюином согласиться невозможно. К вопросу о термине «архивный фонд» мы вернемся еще впоследствии и будем говорить о нем вне зависимости от определения, которое дает Фрюин. Этим определением я воспользовался только для того, чтобы показать, как условно удается определить архивные термины.

Московская комиссия при определении терминов отправлялась от понятия Единого Государственного Архивного Фонда. Мы признали наиболее целесообразным начать с широкого и объемлющего определения и, следовательно, избрали путь, противоположный тому, которым шли ленинградские архивисты. Они начали свои определения с самой малой архивной величины — единицы хранения. По нашему определению, «Единым Государственным Архивным Фондом называется совокупность всех архивных материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству и состоящих в ведении специального государственного органа».

Применяя это общее определение к конкретному государственному фонду РСФСР, получаем для него следующее определение: «Единым государственным архивным фондом РСФСР называется совокупность всех архивных материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству и состоящих в ведении Центрархива РСФСР».

В обеих формулах видим одно и то же, только во второй дано вместо общего указания конкретное название архивного органа РСФСР. Дать историю оглашаемых мною определений в продолжение отведенного мне времени невозможно, поэтому я буду ограничиваться краткими справками о тех логических основаниях, по которым мы принимали то или другое определение. Как антитезу доложенному мною определению, я дам определение ленинградских товарищей, с которыми мы не согласились. Ленинградцы определяли Единый Государственный Архивный Фонд как совокупность архивных материалов, хранящихся во всех русских архивах независимо от того, состоят ли они в ведении Главного Управления Архивным Делом, или других общественных и ученых учреждений, или частных лиц, а также в рукописных отделениях музеев, библиотек и др. подобных хранилищ.

Вы видите, товарищи, что в ленинградском определении отсутствуют признаки, указывающие на моменты объединения, связанности всего архивного материала общим центром. В нашем определении мы, наоборот, указываем на момент принадлежности известной совокупности архивных материалов государству, во-первых, а, во-вторых, на то, что эта совокупность состоит в едином ведении, т.-е. централизована в государственный архивный фонд. Конечно, о физической концентрации материалов мы здесь не говорим, хотя концентрация для известной, может быть, подавляющей части архивных материалов является неизбежным следствием централизации. Однако она не представляет собою существенного признака. Что касается ленинградского определения, то в нем не указан признак объединения архивных материалов единым центром заведывания, и поэтому материалы, о которых говорится, как о государственном едином фонде, предстают перед нами в децентрализованном виде. По всем этим причинам мы признали неудовлетворительность ленинградского определения, отказались от него и перенесли центр тяжести на моменты, характеризующие централизацию, и думаем, что при определении Единого Государственного Архивного Фонда это было совершенно неизбежно.

Следующий термин у нас «архивный материал»: «архивным материалом называется письменный или иной графический материал делового, научного или повествовательного характера, являющийся непосредственным выражением прошлой деятельности учреждений, организаций и лиц и подлежащий хранению в интересах научного или практического использования». Определение, которое я вам доложил, также полезно сопоставить с ленинградским. Архивный материал по ленинградскому определению есть «письменный или графический материал в рукописном и печатном виде, являющийся отложением деятельности учреждений и отдельных лиц и принимаемый архивами на хранение в целях использования для науки и для наведения справок практического характера». В примечании к приведенному определению указывается, что в виде приложений к письменным материалам в архивы принимаются и различные вещественные предметы, например, вещественные доказательства, являющиеся в виде приложений к судебному делопроизводству, а также образцы, модели и пр. Все эти предметы также называются архивным материалом.

Даже при малой требовательности к архивным терминам, это определение не может быть признано в качестве такового. Это не определение, это краткий очерк, очень сжатый, но все-таки очерк на тему об архивном материале. Нас интересует в определении концентрированная форма. Этого необходимого условия здесь нет. Несоразмерность частей определения тоже бросается в глаза. Вторая часть, где говорится о приложениях, равновелика первой части, в которой устанавливаются существенные признаки определяемого понятия. Это делает термин мало удобным для использования.

И хотя принципиального различия между нашей формулой и формулой ленинградских товарищей нет, но думается, что наша формула, как более сжатая, более сконцентрированная, именно и отвечает в большей степени деловой потребности.

Третий термин такой: «архивом называется учреждение, специально занятое хранением, систематизацией и описанием, в целях научного и практического использования, сосредоточенного в его помещениях архивного материала. В переносном значении архивом называют, во-первых, помещение, в котором хранится архивный материал, во-вторых, всю совокупность архивных материалов, хранимых в архиво-учреждении, и третье: собрание архивных материалов, объединенных происхождением от одного учреждения или лица (архив Воронцова), или составленное отдельным учреждением или лицом (Щукинский архив)». Таким образом, мы в нашей московской формуле архивом называем прежде всего учреждение, считая, что это наиболее употребительное значение термина. Мы оговариваемся, что архивом называется и помещение, в котором хранятся архивные материалы, и совокупность материалов, которые хранятся в данном архиве, и, наконец, собрание архивных материалов, объединенных определенным происхождением от того или другого лица, но из этих разнообразных значений пришлось решительно выдвинуть на первое место то, которое чаще всего употребляется и с которым связана наиболее обычная, наиболее широко распространенная ассоциация. Мы полагали, что именно понимание архива, как учреждения, и будет этой формулой. Для параллельных значений термина, о которых я сейчас говорил, мы вынуждены были к основному определению дать некоторую прибавку. Конечно, технически это несовершенно, но поскольку слово «архив» употребляется в жизни в различных смыслах, обойтись без этого было совершенно невозможно.

Обращаемся к ленинградскому определению того же термина: «Архивом называется совокупность архивных фондов, сосредоточенных для хранения и практического использования и объединенных общим управлением».

Вы видите, что ленинградское определение носит как будто бы синтетический характер. В нем есть попытки объединить все те разнообразные значения термина, которые я в расчлененном виде вам доложил по московскому определению: здесь есть и архивный материал, и указание на его объединение, и учреждение. Но называть архивом прежде всего совокупность архивных материалов неправильно в виду того, что архив в самом широком словоупотреблении это — прежде всего учреждение, хранящее и ведающее документы, что здесь затушевано. Здесь же совершенно неосновательно опущены остальные принятые в обиходе значения термина. По указанным причинам нам пришлось от ленинградского определения отказаться.

В нашем словоупотреблении встречаются термины: «архивохранилище» и «актохранилище». Между прочим, этот последний термин попал и в наше законодательство: он употребляется в декрете о центральном архиве РСФСР от января 1922 г., а также в декрете о губернских архивных бюро того же 1922 г. Таким образом, термин «актохранилище» введен в обиход законодательным порядком. Однако, несмотря на его узаконенность, он вызывал и вызывает много возражений и нареканий со стороны некоторых архивистов, которым этот термин кажется неточным. Иногда совершенно насильственно, термину «актохранилище» присваивается то значение, которое может быть выведено из точного филологического расчленения слова. При этом говорят, что так как в архивах хранятся не только акты, но и материалы литературные, научные и какие угодно, то нельзя называть хранилища архивного материала а к т о хранилищами. Конечно, это название является вполне оправданным, так как в хранилищах архивного материала все-таки преобладают материалы юридического характера. Однако, идя навстречу приведенным возражениям, мы на ряду с термином актохранилище поставили термин архивохранилище и дали обоим такое определение: «архивохранилищем (актохранилищем) называется помещение, в котором хранятся архивные материалы». Это определение уже не вызывает никаких сомнений и возражений. Ленинградские же архивисты, несмотря на то, что и им приходится встречаться с этим термином и что он введен в обиход законом, на этом термине не остановились. Но надо думать, что против нашего определения они возражать не будут.

Следующее наше определение, это — определение архивного фонда. Это очень трудное определение. Как раз по поводу этого определения т. Князев будет делать параллельный доклад. Комиссии пришлось рассмотреть в связи с этим термином довольно большое количество дискуссионного материала и очень долго искать определения. Формула, к которой мы пришли, такова: «архивным фондом учреждения или лица называется вся совокупность архивного материала, органически отложившаяся в процессе деятельности этого учреждения или лица». Таким образом, в основу определения мы положили производственный принцип — процесс деятельности, который, с одной стороны, образует определенные материалы, а с другой стороны, притягивает к ним другие материалы. Этот процесс деятельности и является той осью, тем основным стержнем, вокруг которого группируется архивный фонд, при чем под нашим определением мы одинаково мыслим архивный фонд как официального происхождения, так и частного лица. В процессе деятельности и учреждения, и отдельного должностного, и отдельного частного лица одинаковым образом могут отлагаться архивные материалы, которые являются для данного процесса деятельности органически с ним спаянными.

Ленинградские архивисты дают фонду такое определение: «Архивным фондом называется совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных в архиве в одно обособленное целое, под одним общим названием и обычно имеющих самостоятельную для данного собрания архивную нумерацию».

«Архивным фондом могут быть группы архивного материала, а) являющиеся результатом деятельности учреждения или лица — фондообразователя, б) собранные учреждением или лицом — фондособирателями — из результатов деятельности других учреждений или лиц, и в) исторически сложившиеся или специально образованные в самом архиве».

Это определение термина носит слишком общий характер. Мы не могли с ним согласиться по принципиальным соображениям. Нам казалось, что слишком много таких моментов, которые не допускают даже компромиссного принятия этой формулировки и включения ее в нашу окончательную объединяющую формулу. Прежде всего мы видим здесь определение архивного фонда как совокупности единиц хранения архивного материала. Ленинградские тт. начали свое определение с определения единицы хранения. Мы же не определяли единицы хранения и затем, когда мы дошли до этого термина, то не стали его определять за ненадобностью вообще. Таким образом, введение понятия — единица хранения, как вспомогательного для определения архивного фонда, являлось для нас неприемлемым. Определение архивного фонда, как обособленной группы архивного материала, представлялось для нас значительно более простым чем введение сюда промежуточного термина.

Основным же пунктом нашего несогласия с ленинградским определением термина был характер связи, который ленинградцы мыслили для материалов фонда. Мы эту связь видели в органичности процесса отложения данного материала, а ленинградцы — во внешнем объединении материалов или в известной доле придавали значение и этому внешнему объединению; вспомним их «собранные» или «специально образованные» группы архивного материала. В частности, они считают фондами материалы, объединенные в одно обособленное целое по сознательно принятому признаку. Мы не могли согласиться с ленинградским определением архивного фонда еще и потому, что под их определение подходили не только естественно образовавшиеся объединения материалов, но и искусственно созданные объединения, т.-е. коллекции, собрания того или иного архивного материала, которые являлись уже в результате определенной целевой деятельности архивных работников или в результате какого-нибудь ведомственного или частного начинания. Такой материал мы фондами не признаем.

Термины, мною прочитанные и кратко прокомментированные, были утверждены научно-теоретической коллегией Центрархива и получили санкцию коллегии Центрархива — высшего органа Центрархива. Есть еще у нас в работе некоторые термины, которые не

получили окончательного утверждения, но которые уже комиссией сформулированы. Я их доложу. Товарищи, которые перейдут для работы в организационную секцию съезда, с этими терминами встретятся в правилах постановки архивной части делопроизводства. Это определения терминов — «дело» и «наряд». Должен сказать, что эти термины сейчас идут вне той нисходящей последовательности, в которой термины определялись в комиссии. Нам пришлось эти термины выдернуть из общей очереди определений именно потому, что нужно было дать их в готовом виде для правил постановки архивной части делопроизводства. Окончательные формулы этих определений таковы: «Делом называется обособленная группа бумаг, связанных единством предмета или общностью корреспондента».

«Нарядом называется совокупность бумаг, соединенных по однотипности внешней формы и не имеющих характера переписки. (Доклады, протоколы, удостоверения)».

У ленинградцев мы также видим определение этих терминов, но мне представляется, что наши определения проще и четче. Они получили санкцию специалистов делопроизводственников при согласовании правил постановки в Рабкрине СССР и Рабкрине РСФСР. Это уже дает терминам известную внешнюю, я бы сказал, авторитетность.

Для того, чтобы закончить разговор о тех терминах, которые определялись в московской комиссии, скажу еще, что думали и дискуссировали по вопросу об определении терминов «разряд» и «единица хранения». Оба эти термина были признаны нами не требующими определения и не требующими сохранения в архивном языке, в лексиконе архивных понятий. Комиссия высказалась за то, чтобы эти термины изъять из обращения. Для того, чтобы выявить перед вами наш терминологический материал, мне пришлось проводить все время параллели с определениями, данными ленинградскими товарищами. Их определения принесли нам огромную пользу, дали целый ряд готовых точек зрения, так как представляли собой уже проработанный материал. Элементы этих определений в известной мере были нами и усвоены. В конце концов я думаю, что работа московской комиссии на ряду с работой ленинградских товарищей и всех других товарищей, которые эту работу делали раньше, в данном случае объединяется, приводится к некоторому итогу, а в заключение, может быть, и к цели. Нужно было выйти из разноголосицы, притти к упорядочению, нужно было достичь уточнения нашего делового языка в интересах того дела, которым мы занимаемся.

В заключение докладчик высказал мнение, что, несмотря на утверждение этих терминов коллегией Центрархива, каждый желающий может внести по поводу их то или иное пожелание, внести то или иное изменение.

Председатель. Слово имеет т. Князев для содоклада.

Г. А. Князев (Ленинград) заявляет, что он ограничен временем. Предметом своего доклада он избрал одно понятие «архивный фонд». Сделав несколько критических замечаний по поводу доложенного Б. И. Анфиловым определения этого определения, Г. А. Князев прочел тезисы своего доклада «К вопросу об архивном фонде», снабдив их некоторыми комментариями. Тезисы доклада следующие:

I. В архивной практике существуют два понимания термина «архивный фонд»: узкое и широкое. Необходимо условиться принять одно из них и сделать таковое обязательным.

II. Это вызывается необходимостью иметь точный, всеми одинаково понимаемый архивно-технический язык, иначе никакое научное архивное строительство, отчетность и статистика — не могут быть точными и продуктивными.

III. Определение термина «архивный фонд» в узком смысле, предлагаемое «Руководством по приему, разбору и составлению описей архивного материала», изд. в Москве в 1922 г., является простым синонимом слов: «архивный материал, принадлежащий какому-нибудь учреждению или лицу». При этом одно определяемое понятие (архивный фонд) определяется другим понятием (учреждение), которое, в свою очередь, требует определения.

IV. «Архивный фонд» в этом узком понимании есть термин чисто теоретический и не всегда соответствует какой-нибудь реальной группе архивного материала на практике, потому что архивный материал некоторых учреждений вошел целиком или частично в состав других учреждений.

V. Определение термина «архивный фонд» в широком смысле, предлагаемое ленинградскими архивными работниками, имеет в виду устойчивую, реально существующую самостоятельную группу архивного материала, объединенную в одно обособленное целое по какому-либо сознательно принятому признаку, и которая является учетной групповой единицей.

VI. Так как архивный материал, принадлежащий какому-нибудь учреждению или лицу, может составить архивный фонд или войти в состав какого-либо другого фонда, то в целях точного учета и удобства научного использования ведется двойной учет:

1) архивных фондов (в широком смысле) и

2) учреждений или лиц — фондообразователей или фондосоставителей, — архивный материал которых составляет тот или иной фонд или часть фонда.

VII. Итак: или следует принять термин «архивный фонд» в широком смысле, и тогда будем иметь учет реально существующих обособленных групп архивного материала и их фондообразователей или фондосоставителей, или принять термин «архивный фонд» в узком смысле, т.-е. как синоним архивного материала какого-нибудь учреждения или лица, и тогда

необходимо создать новый термин для обозначения реально существующей обособленной группы архивного материала.

Председатель. Слово по докладам имеет т. Андреев.

А. И. Андреев (Ленинград). Вопрос о выработке архивной терминологии в недрах нашего учреждения, собственно, вопрос весьма сложный. Сведения тов. Анфилова в отношении ленинградских архивистов прерываются на весьма давней дате, относятся к 1921 году, когда на первой всероссийской конференции я делал доклад о некоторых архивных терминах, в том числе и об «архивном фонде». В московском проекте невозможно установить, что вкладывается в это понятие. Говорят, что архивный фонд есть отложившийся архив учреждения, тогда как само учреждение не поддается определению. Здесь определение определяется тем, что, в свою очередь, требует определения. Когда мы давали определение Единого Государственного Архивного Фонда, то мы понимали под ним архивные материалы, находящиеся не только в непосредственном ведении Центрархива, но также и те архивные материалы, которые рассеяны или рассыпаны в разных хранилищах и которые не находятся в непосредственном ведении Центрархива. Давая такое определение, мы мыслили, что рано или поздно эти материалы попадут в ведение Центрархива. Мне думается, что та схема терминологии, которая предложена здесь т. Анфиловым, имеет в виду то, что должно быть, но не учитывает того, что, помимо долженствующего, есть еще моменты того, что есть и что надо изжить.

И. Н. Третьяков (Ленинград). Ленинградцы исходят от более мелких определений и уже затем переходят к более общим определениям. Я думаю, что это верно. Для того, чтобы дать определение крупному понятию, нужно сначала дать определение более мелким понятиям, которые входят в это крупное понятие. Спорить об этом не нужно. Сами ленинградские товарищи, до некоторой степени, отказываются от своей схемы архивной терминологии.

В 3-м пункте проекта есть некоторые погрешности. Здесь говорится, что «архивным фондом называется учреждение, специально занятое хранением, систематизацией и описанием в целях научного и практического использования в этом помещении архивных материалов». Все прекрасно знаем, что на практике встречаемся не только с работой в помещениях, где находятся архивы, но также и с тем, что приходится собирать архивные материалы. Об этом моменте здесь ничего не сказано. Ленинградский проект точно и ясно упоминает о всех таких моментах. Он гласит: «Архивом называется учреждение (здесь между прочим говорилось, что не учреждение, а помещение, — ничего подобного: ленинградцы точно говорят об учреждении), предназначенное для собирания, приведения в порядок, описания и хранения письменных и графических материалов в рукописном и печатном виде, являющихся отраже-

нием деятельности учреждений и отдельных лиц и служащих первоисточником в целях использования для науки и для наведения справок практического и научного характера».

Что касается термина «архивный фонд», то здесь в основу положен ведомственный принцип. Но на практике мы встречаемся с таким явлением, когда главную роль играет не ведомственный принцип, но принцип чисто архивный. Архивные работники группируют в фонды материал по разным признакам. Материалы могут собираться в фонды и по ведомственному признаку, могут собираться и по другому какому-нибудь случайному внешнему признаку; архивные материалы могут объединяться в отдельные группы даже в стенах самого архива.

Ясно, что ведомственный учрежденский принцип в основе не лежит, и это основное определение или основная позиция, которая дается в определении термина «архивный фонд» московскими работниками, не верна. Это слишком узкое определение, а для того, чтобы определение было более верным, нужно принять более широкое определение, которое охватывало бы все виды архивного материала, который у нас на практике существует. Я скажу, что здесь в московской терминологии говорится об одном лишь виде архивного материала. Против этого вида спорить никто не может, но в архивном деле приходится сталкиваться с многочисленным количеством других разнообразных видов архивного материала. Различные виды архивного материала создают новые методы, новые подходы к работе. Мы находимся часто в большой зависимости от самого архивного материала, от характера архивного материала, поэтому логически или теоретически представить себе точное определение архивной науки безусловно немыслимо; нужно исходить из действительности, а не теоретически строить схему, которая не совпадает с жизнью.

В. В. Максаков (Москва). Голые формулы практикам архивного дела мало что дадут. Терминология не должна устанавливаться в кабинетах, она должна устанавливаться и уточняться из опыта, взятого из жизни, того практического опыта, который мы сейчас имеем в наше революционное время в архивной работе. Я должен сказать, что в течение этих лет мы не имели твердо установленных терминов и в конце концов, понятно, мы должны были подойти к разрешению этого вопроса. Я призываю всех тов., которые в данной комиссии, подойти так к этой работе, как подошел предшествующий оратор. Совсем не понимаю того, что здесь говорилось о праве данной секции рассматривать поставленные здесь вопросы. Конечно, секция не только в праве высказывать суждения, но и принимать определенные решения. Для того и вопрос о терминологии поставлен, чтобы учесть тот опыт, который имеется у тов., приехавших с мест, и переработать то, что здесь дано научно-технич. комиссией. Если коллегия Центрархива вынесла то или иное решение по данному вопросу, то этот

вопрос она соответствующим образом может перерешить в духе тех пожеланий, которые будут сделаны товарищами с мест. Я убежден, что только тогда, когда будет услышан голос работников-практиков, только тогда можно будет иметь настоящие результаты нашей работы. Мы все-таки редко видим работников Ленинграда, еще реже работников из провинции. Мы работаем главным образом московским опытом. Разумеется, этого опыта недостаточно. Я думаю, что товарищи, продолжая работу в секции, будут иметь в виду, что результаты работы будут учтены коллегией Центрархива как голос всех архивных работников, работающих на местах.

К. И. Воинова (Москва). Товарищ Третьяков правильно сказал о том, что нужно исходить при определении архивных терминов из жизни. Если мы рассмотрим термины, которые выработаны в Москве, то увидим, что определение термина «архив», данное Москвой, является действительно жизненным, исходящим из практики, а определение Ленинграда теоретично и не учитывает действительного положения вещей. Архивы не собирают материалы, это у нас делает организационный отдел, архив же занимается только хранением, научным описанием материалов и их систематизацией для того, чтобы давать справки наркоматам и представлять материал для исследователя-историка. При определении термина «архив» в Москве исходили как раз из фактического положения вещей.

В. А. Домбровский (Москва). Не только для Москвы, но, как мне кажется, и для каждой губернии момент «собирания» в определении термина «архив» в настоящее время является совершенно излишним. Почему? Да потому, что в губерниях собиранием материалов должно заниматься губернское архивное бюро, а не каждый архив в отдельности. Нет никакой возможности архивисту заниматься на местах одновременно хранением и собиранием материалов. Момент «собирания» в нынешней практике является совершенно не вытекающим из жизни, а является теоретически перенесенным, если память мне не изменяет, из практики германских архивов.

От т. Князева мы слышали возражения против выражения, что архивным фондом называется вся совокупность. Князев возражает против слова «вся» на том основании, что у нас почти нигде нет полностью и целиком органически отложившихся материалов, почти везде отсутствует это самое «все». Но возражения против практики нашей и указаний из этой практики слышали ли мы? Нет.

Затем, я хотел бы сказать тов. Андрееву, что нельзя закрывать глаза на действительность. У нас нет ни законодательной, ни иной возможности забирать архивный материал у частных лиц. Если в моем личном распоряжении есть архивный материал, который не принадлежит ни б. императорской фамилии, ни б. крупным

деятелям контр-революции и эмиграции, то я спрашиваю: имеет ли право государственная власть у меня, частного лица, взять архивный материал и включить его в ЕГАФ? Не имеет, и не может этого сделать. Следовательно, если момент «частных лиц» будет включаться в ЕГАФ, то это будет практическая и теоретическая путаница. Нужно включать в ЕГАФ только то, что действительно находится в распоряжении органов, ведающих ЕГАФ'ом и что имеется налицо. Не следует включать и того, о чем пока идет спор и что, быть может, будет впоследствии включено в ЕГАФ.

И. Ф. Чирцов (Кубанское окрархбюро). Здесь мы слышали представителей Ленинграда и Москвы. Позвольте мне, представителю провинции, сказать несколько слов. Всякое определение не должно быть ни широким, ни узким. Беру первое определение: «Единым Государственным Архивным Фондом РСФСР...» (читает текст московского проекта). Это определение слишком узко. Я попросил бы т. Анфилова расшифровать слово: «официальный», которое, думаю, не удовлетворит архивных работников на местах.

Теперь беру другое: «Архивный материал...» (оглашает). Сказано: «письменное и иное»... (оглашает). Это тоже не вполне, с моей точки зрения, удовлетворительное определение архивного материала. Если мы отбросим слово «архивное», то получим: «письменные и иные материалы и т. д.». Что это за материал? Возьмем надпись какого-нибудь персидского царя на кавказских горах. Из этого определения следует, что это архивный материал. Меня более удовлетворяет широкое определение ленинградских работников, оно гораздо шире.

С. Н. Валк (Ленинград). Несомненно, доложенный проект терминологии — предварительный. В нем говорится, напр., что в состав архивного материала входит материал делового, научного или повествовательного характера. Противопоставление «научный» и «повествовательный» неправильно. Возможно говорить: «научный и не научный», «повествовательный и не повествовательный», ибо «научный» — есть «повествовательный»

Третий пункт третьего параграфа содержит определение архива. Здесь определенно говорится, что архивом называется «собрание архивных материалов, объединенных происхождением от одного учреждения или лица». Но если вы прочтете § 5, то увидите, что точь-в-точь то же называется архивным фондом: «архивным фондом учреждения или лица называется вся совокупность архивного материала, органически отложившаяся в процессе деятельности этого учреждения или лица». Точь-в-точь одно и то же, а в одном случае это названо архивом, в другом — архивным фондом. Дальше, если возьмете всю совокупность того, что называется архивом в 3-м пункте, то я мог бы спросить, что архивом не называется, потому что все, что угодно, включено в понятие архива. Во втором пункте архивным материалом называется материал, являющийся «непосредственным выражением» прошлой

деятельности учреждений, организаций и лиц. Мне непонятен термин «непосредственная деятельность». Почему во втором пункте то, что является результатом деятельности лица, названо «непосредственным выражением деятельности», в пятом пункте это же названо «отложившимся в процессе деятельности». Или это две различные вещи и надо их разделить, или это одна вещь, и тогда надо брать один термин?

Председатель. Заключительное слово предоставляется тов. Князеву.

Г. А. Князев. В заключительном слове мне, собственно, нечего и говорить, возражений почти не слышал. Обратил я особое внимание на слова «вся совокупность архивного материала». И не мог не обратить на это внимания, т. к. эти слова придают термину «фонд» очень узкое значение. Определение фонда по-своему правильно, но оно теоретическое, практически нам непригодное. Нам нужно нечто устойчивое, определенное. В ленинградском определении термина «архивный фонд» эта устойчивость есть. (Докладчик читает определение термина). По этому определению термин «фонд» — реальная архивная группа, обособленная в архиве по какому-либо сознательному признаку. Первый признак, по которому нам нужно конструировать фонд, — это — учреждение или лицо, от деятельности которых материал отложился. Тут, следовательно, расхождений с московским определением у нас покуда нет. Но московское определение на этом и кончается, тогда как мы предлагаем и другие признаки, по которым может конструироваться фонд, если невозможно сконструировать фонд по первому признаку. Вот тут-то и начинается наше расхождение с московским определением. Мы предлагаем считать архивным фондом и такую обособленную архивную группу, которая собрана учреждением или лицом из результатов деятельности других учреждений и лиц, а также и такую группу архивного материала, которая исторически сложилась, или специально образована в самом архиве. Но, повторяю, это относится ко всему многообразию архивного материала; при конструировании же новых фондов преимущество отдается тому же признаку, что и в московском определении, но без добавлений слов: «вся совокупность», и с указанием, что это должна быть обособленная в архиве группа архивного материала.

Б. И. Анфилов. Возражений против терминологии было высказано довольно много. Нам нужно притти к единогласию, принять к употреблению некие определенно компромиссные, заведомо условные формулы, лишь бы они стали общими. Это дело практическое, а отнюдь не научно-теоретическое. Тогда все было бы ясно, хорошо, понятно.

Прежде всего коснусь соображений тов. Князева. Конечно, я принципиально не могу с ними согласиться. Т. Князев указывает на необходимость двойного учета архивных материалов и только

в этом двойном учете он видит выход из положения. Для него понятие фонд должно обнимать все существующие разновидности группировок архивных материалов. Но мы думаем, что вопрос разрешается вовсе не так, как полагает т. Князев. Не нужно придавать понятию фонд того значения, которое ему вовсе несвойственно. Почему я говорю: «несвойственно». Не потому, что существует какая-то непререкаемая природа фонда, зная которую мы могли бы установить безусловное понимание этого выражения. Я имею в виду не эту природу фонда, а то понимание, которое сложилось для этого термина с самого начала его появления в архивном обиходе. Фонд, как естественное образование, противопоставляется искусственно созданным собраниям, коллекциям, тем обособленным группам материалов, которые образованы по сознательно, как выражается т. Князев, избранным признакам. Как раз, по нашему мнению, эти сознательно избранные признаки не только несущественны, но прямо противопоказуются для этого понятия Если же мы заботимся об известном учете архивного материала, о его статистике, то здесь мы должны итти другим путем, не жертвуя понятием фонда в том его значении, в каком он широко применяется со времени возникновения пореволюционной практики архивного дела. Для этого нужно учитывать архивный материал не только по фондам, но и по иным обособленным группировкам, которые имеются, кроме фондов. Наша терминология еще не дошла до определения таких понятий, как «собрание», «коллекция» архивного материала и т. д. Но несомненно, что она должна будет до этого дойти. Тогда и эти единицы учета получат свои официальные наименования. Таким образом, учет материалов единого ГАФ должен заключаться не только в учете фондов, как естественных образований, но и в учете всех самостоятельных группировок архивного материала, включая сюда и искусственно созданные.

Тов. Князев употребил такое выражение: «нельзя делать архивных фондов, — из нескольких листов делается архивный фонд». Это выражение в устах т. Князева звучит странным противоречием, т. к. он сам выступает здесь как делатель архивных фондов, по крайней мере в своих убеждениях. Ведь он сам предлагает понимать под фондами группы материалов, образованные по сознательно избранным признакам, т.-е. искусственные образования, целевые фонды, деланные фонды.

Что касается возражения т. Князева по поводу того, что у нас не существует определения таких понятий, как учреждение, и что поэтому мы принуждены в наших определениях пользоваться другими неопределенными понятиями, то, конечно, с этим согласиться никак нельзя. К вопросу терминологии мы подходим как к практической задаче, но отнюдь не как к делу уточнения понятий до наивысшего предела. Понятие «учреждение» — всем хорошо известно. Юридический анализ этого понятия для нас излишен,

оно всем понятно и ясно из повседневной жизни. Если бы мы стали на такой путь, то мы обязаны были бы определять каждое слово, которым мы пользуемся. В результате получилось бы не практическое, концентрированное описание явлений архивной жизни, явлений той архивной реальности, в которой мы живем и которая дает задачи терминологической комиссии, но какое-то просто схоластическое упражнение. Конечно, против этого приходится возражать самым решительным образом.

Итак, т. Князев понимает под архивными фондами объединенные в одно обособленное целое по каким-то сознательным признакам группы архивных материалов. Мы эти сознательные признаки не считаем признаками. Эти группы, по мнению т. Князева, являются и учетными единицами. Но я должен сказать, что наша терминология открывает более короткие пути к учету. В одних случаях может учитываться фонд, но в других случаях можно и нужно учитывать коллекции, собрания и т. д.

Возражения тов. Андреева о термине ЕГАФ основаны на явных недоразумениях. Возражая против нашего определения, тов. Андреев нашел нужным добавить к нему понятие, которого здесь нет: «непосредственное ведение». Ни о каком непосредственном ведении, как видно из прочитанного мною и из имеющегося у вас на руках определения, здесь не говорится. Здесь говорится о ведении вообще. Если вспомним наши декреты, то увидим, что там встречаются такие выражения: «ведение непосредственное», «общее ведение», просто «ведение». В «непосредственном ведении» Центрархива, как говорит декрет 1922 г., находятся архивные материалы б. высших госуд. учреждений; в общем ведении Центрархива находится ЕГАФ; в непосредственном ведении губ. архивных бюро находятся губ. архивные фонды и т. п. Понятие «ведение» в данном случае широкое и для нас всех, для большинства, азбучная истина, что в ведении Центрархива находятся не только все материалы, которые он сконцентрировал у себя, но, как я об этом говорил уже при первом выступлении, и те, которые, по закону входя в состав ЕГАФ, находятся в пользовании других учреждений. Декрет 1-го июня, первый архивный закон, сразу указывает практический путь, как это пользование устанавливается. Ведомство, заинтересованное в том, чтобы сохранить архивный материал в своем пользовании, вступает с Центрархивом в определенные соглашения. Поскольку это так и по закону и по нашей практике, постольку совершенно ясно, что понятие «ведение», имеющееся в нашем термине, не может вызывать возражений. И библиотеки, и музеи, и всякого рода учреждения, не сдавшие почему-либо по сие время Центрархиву архивные материалы, которые по закону должны быть сданы, не могут считать эти материалы своими; они имеют их не в ведении, а на условиях пользования, зачастую даже не оформленного соглашением, фактического. Поэтому перенос логического ударения в этом определении на то понятие, которое

в определение вовсе не включено, представляется мне совершенно неправильным и странным.

Т. Валк указал, что сопоставление понятий: «научный», «деловой», «повествовательный» неудачно. Но мы давали определения применительно к практическим целям; материал «повествовательный» в узком смысле в нашем определении противопоставляется чисто научному именно потому, что он имеется в хранилищах историко-культурной секции и в некоторых др. в довольно большом количестве. Мы и вводим термин «повествовательный» в смысле такого противопоставления.

Кроме того, едва ли можно утверждать, что научный материал всегда имеет повествовательную форму. Неточность есть, но практически нам казалось удобным ввести это разделение.

Затем относительно термина «фонд». Совершенно ясно, что фондом мы считаем совокупность архивных материалов, сгруппировавшихся в результате деятельности учреждения или лица, а архивным материалом мы считаем те материалы учреждения или лица, которые характеризуются присущими им определенными признаками. Признаки эти в нашем определении ясно указаны и в определении фонда они не повторяются.

Тов. Чирцов поспешил с противопоставлением нашего определения ЕГАФ определению ленинградских товарищей. Мы не могли принять во внимание точку зрения ленинградцев, поскольку она не была нам известна, и, пока я ее себе не усвоил, судить о ней не берусь. Тов. Чирцов упускает из виду, что для ЕГАФ характерен признак объединения, а это объединение достигается посредством ведения фонда определенным органом власти. В этом самая суть ЕГАФ. Что касается указания на соединение в составе ЕГАФ материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству, то, ведь, таков действительный состав ЕГАФ, — в чем же здесь неточность? Что же касается термина «архивный материал» в редакции Ленинградского отделения, то в нем мы видим просто отказ от дачи этого определения.

Председатель. Предлагается избрать комиссию для составления резолюции. Нет возражений? *Принимается.* Срок выработки резолюции 5 час. вечера. Нет возражений? *Принимается.*

Перерыв.

Вечернее заседание.

Председатель — *К. И. Воинова.* Секретарь — *Б. И. Анфилов.*

Председатель. Объявляю заседание открытым. Слово для оглашения резолюции, выработанной комиссией по докладам тт. Анфилова и Князева, имеет тов. Анфилов.

Б. И. Анфилов оглашает резолюцию.

Председатель. Есть какие-либо предложения?

Голоса с мест. Утвердить.

Председатель. Есть предложение утвердить. Нет возражений? *Принимается.* Слово для доклада о составлении и публикации архивных справочников и указателей имеет тов. Николаев.

А. С. Николаев (Ленинград). Все мы хорошо знаем, что публикация научных описаний была еще несколько лет тому назад довольно широко поставлена в архивах. Кто из нас не знаком с архивными описаниями министерства юстиции, министерства народного просвещения, архивов Морского, Сенатского и т. д.? Дело подготовки научных описаний шло вообще интенсивно; в жизни отдельных архивов оно занимало едва ли не одно из центральных мест, изыскивались и отпускались необходимые средства, на описание выделялся кадр постоянных и при том лучших работников. Теперь все это дело с 1921 — 1922 года стало: Центрархив (это ясно видно из доклада тов. Максакова) ничего не израсходовал на издание архивных научных описаний. Внешним образом это обстоятельство можно было бы объяснить вообще тяжелым экономическим положением, отсутствием необходимых денежных средств. Но дело, видимо, обстоит далеко не так: если бы Центрархив признал продолжение начатых архивных изданий настоятельно необходимым, он, конечно, потеснил бы денежными средствами публикацию архивных материалов, сумев дать нечто и на печатание научных описаний. Очевидно, вопрос в чем-то другом.

В среде самих архивных работников при постановке дела научного описания начали уже возникать большие сомнения и колебания. На них полезно сосредоточить внимание.

Каждый архив дело научного описания вел по-своему, по своей системе, по своим методам; сам же архив устанавливал порядок и очередь описываемых материалов, руководствуясь своими местными соображениями; архив же устанавливал и хронологические рамки предпринимаемых описаний. Итак (и это в высшей степени существенно), у каждого архива был исключительно свой субъективный и индивидуальный подход к делу.

Возьмем реальные результаты деятельности любого архива в этом направлении. Дело начиналось так. Сотрудник или группа сотрудников, изыскав средства, приступали к решению вопросов, что описывать. К сожалению, при решении этого существенного вопроса обыкновенно отсутствовала еще выявленность всех фондов данного архива. Приступая к этой работе, архив не имел перед собою полной картины всех своих фондов: выбор описываемого делался лишь из части всего выявленного материала, тогда как налицо имелся и не выявленный материал, иногда при том весьма в большом количестве. Приступив к научному описанию определенного фонда, архив остается в неведении, какие из других фондов наиболее данному фонду родственны по содержанию, ближе по происхождению. С хронологическими

рамками дело обстоит так: в любом архиве всегда налицо был неизбежный местный патриотизм; имеется налицо также переоценка своего материала; создается неудержимое стремление опубликовать непременно весь свой материал. Значит, начинать, естественно, надо с древнейших фондов, со старейших групп материала, имея в виду со временем описать его весь в строго хронологической последовательности. Обычно система описания строится на выявлении содержания отдельных архивных единиц. Фонд взят. Механически по хронологическим граням раздроблен между отдельными сотрудниками-описателями. Каждый из них основной своей задачей имеет выявить выпукло перед исследователем данную архивную единицу: дело, по существу, непременно сведется к выявлению содержания этой единицы. Как общая норма, сотруднику дается лишь внешняя схема: он должен дать старый заголовок, поместив его в строго определенном месте, создать и поместить в определенной топографической последовательности новый, им созданный, переработанный заголовок, указать шифр, отметить число листов, датировать начало и конец архивной единицы. По выполнении этой внешней схемы (она тоже в отдельных архивах субъективна), описатель исключительно переходит к выявлению внутреннего содержания архивной единицы, неизбежно работая субъективно. Перед ним исследователь, которому он всячески стремится облегчить будущую исследовательскую работу; описатель стремится, концентрируя внимание исследователя на тех или других частях описываемой единицы, выявить разнообразную полноту ее содержания. Если в этой части научного описания взять трех опытных описателей, если одновременно посадить их за эту работу, дав им возможные указания для координации работы, то мы, конечно, получим все-таки три разных описания, с тремя разными уклонами, ибо неизбежно на описании скажутся субъективные психологические особенности каждого описателя. Том описания готов. В нем 30 печатных листов, т.-е. 480 страниц; на странице в среднем дано описание 10-ти архивных единиц. Всего в томе, таким образом, их описано до 5.000. Работа трудная и кропотливая; в год три специалиста-сотрудника (работоспособных и усердных) с трудом приготовят такой том. В архиве будем в среднем считать до миллиона описываемых единиц. При нарисованных таким образом совершенно реальных условиях, производя описание в хронологической последовательности и вырисовывая полноту содержания отдельной архивной единицы, мы произведем научное описание в данном случае приблизительно в двести лет, издавши двести томов. Конечно, цифры при реальном подходе получаются нереальными. Конечно, организовывать в широком государственном масштабе такое дело, в такой обстановке и при таком подходе совершенно немыслимо.

Обратим внимание на другую сторону дела. Научное описание делается для исследователя. Он, при наличии научного описания,

облегчает себе пользование архивным материалом. Если приглядеться к положению наших исследователей со второй половины XIX века и пристально всмотреться в содержание их исследований, то, как общий факт, можно установить, что не исследователь ведет за собою архивный материал, а архивный материал ведет за собою исследователя. Придя в архив, соприкоснувшись с крайне дурным справочно-ориентирующим архивным аппаратом, почувствовав его несостоятельность, не имея перед собой полной картины выявленных фондов, не обладая возможностью без собственного напряжения определить структуру и происхождение архивного фонда, пользуясь по большей частью старыми безграмотными канцелярскими описями и инвентарями, — исследователь самостоятельно пускается в вылавливание архивного материала. Всякий давно служивший архивный работник видел перед собою не мало исследователей, медленно утопавших и наконец совершенно утонувших в море архивной бумаги. У исследователя при современном состоянии справочно-ориентирующего архивного аппарата никогда нет уверенности, что он овладел всем архивным материалом; сплошь и рядом он садится на часть необходимого ему материала, иногда притом на совершенно случайную часть. Если путем большого труда и огромного напряжения он овладеет данным архивом, у него нет никакой гарантии, что в других архивах его же материал не имеется в более полных и выпуклых своих частях. Работа исследователя страшно затягивается. Накопленный материал, сплошь и рядом ему ненужный, но отнявший много времени, составляет лишний и тяжелый груз, тормозящий настоящую исследовательскую работу. Меняется тема. Создаются при жидком исследовании огромные приложения материалов. Стоит заглянуть в библиографию, чтобы убедиться, как с конца XIX века пухнут диссертации: небольшой томик исследования и два огромных тома приложений, нагруженных сырым материалом, — обычный вид диссертации той эпохи. Легче, конечно, обстояло дело, когда объектом исследования были явления до XVIII века. С переходом же в восемнадцатый, а тем более в девятнадцатый века положение научного работника делалось безысходным: архив исследователю не помогал, и он неуклонно тонул в волнах бумажного моря».

Итак, подводя с одной стороны итог результатов архивно-описательской работы и вникая в положение исследователя, настоятельно требующего архивной помощи в своей научно-исследовательской работе, мы должны согласиться, что Центрархив не без основания не израсходовал ни одного рубля на издание архивных описей.

Вся постановка этого дела требует большой и настоятельной реформы. Следует совершенно сознательно, исходя из осознанных ошибок, решительно отказаться от прежних путей научного описания и искать новых методов работы.

Прежде всего и безусловно надо отказаться от всякого рода индивидуальных в этом отношении подходов. Как бы хорошо ни

были выношены методы отдельных работников или отдельных архивов, как бы любовно ни была проводима сама работа, от нее нужно отказаться до того момента, пока работа не будет организована в масштабе всего Центрархива. Должен быть создан постоянный, без перебоя работающий центральный аппарат, который должен стать в сердцевину всего дела. Ему неуклонно принадлежит общее руководство и выработка общих форм. Он — центр, в котором имеются налицо перечни всех фондов. Каждый фонд раскрыт до минимального общеобязательного предела. Все архивные учреждения регулярно и систематически, по твердо установленной норме присылают в него все новые и новые выявляемые и раскрываемые фонды или части фондов. Центр суммирует части фондов, теоретически объединяя разрозненное топографически. Вот основа, первая основа в постановке всего дела.

Работа, организованная центром, прежде всего строго планомерна и реально контролируема. Каждое архивное учреждение СССР в первую очередь заботится о выявлении имеющихся в его составе архивных фондов и их частей. Здесь, по моему глубокому убеждению, необходимо сделать одно существенное примечание. Нам в процессе работы трудно дается строго выдержанное, а тем более строго проведенное в жизнь определение (содержание и объем) архивного фонда. Не следует подводить реально существующее под те или другие, быть может, очень логические и веские, теоретические положения. Архивное учреждение имеет дело с реально у него существующими собраниями архивных материалов. Если эти последние реально цельны, если для них имеются самостоятельные инвентарные описи, их надо брать за минимальную единицу выявления. Во всяком случае на первой очереди у создаваемого центрального аппарата должна встать ясная задача: перед всеми архивными учреждениями СССР должна быть поставлена задача выявления фондов или частей фондов. Неизбежна руководящая принципиальная инструкция, которая твердо и определенно наметит, что подлежит выявлению. На первых стадиях работы точность этого указания безусловно необходима. Естественно, чтобы местные архивные учреждения привносили в это дело меньше всего своих теоретических сомнений, колебаний и перестроек, а фиксировали бы реально у них существующие архивные фонды или части архивных фондов.

Начатая в архивных учреждениях СССР работа по выявлению частей фондов или самих фондов должна базироваться на хорошо проработанной центром карточке, на которой будет производимо выявление. Должны быть указаны минимальные пределы самого выявления. Определенный минимум сведений, без которого карточка не может считаться удовлетворительной, должен быть четко проработан и установлен центром. Здесь потребны самые точные, самые примитивные, самые, если можно так выразиться, азбучные указания.

Карточки в строго определенные сроки поступают в местные центры; изготовляются дубликаты для самого местного учреждения и для Москвы. Карточки контролируются местными центрами, исправляются и перерабатываются до отправки их в Москву.

Одновременно с началом проработки отдельных архивных фондов или их частей в местных учреждениях заводятся формуляры этих архивных фондов или их частей. Что такое архивный формуляр фонда или части архивного фонда? Это — лист бумаги установленного, строго определенного образца. Графика формуляра опять-таки до мелочей должна быть продумана центральным аппаратом, должна быть по возможности проста и не обременена излишними мелочами и подробностями. В составе местного учреждения, в порядке учета на карточках архивных фондов или их частей строго ведется образование для каждого архивного фонда или его части соответственного формуляра. Внешняя страница формуляра, строго разработанная центральным аппаратом, систематически заполняется потребными данными. Если в жизни фонда происходят какие-либо изменения, это неизбежно немедленно отражается в соответственных графах формуляра. Внутрь формуляра изо дня в день подкладывается черновой материал, постепенно накопляющийся в руках архивного работника от соприкосновения с фондом при текущей работе. Разъясним примерами. Появился исследователь в архиве, занимается он данным фондом. Следует вложить в формуляр листок со сведениями об исследователе, теме исследования, использованных делах. Получено в архиве сведение о выпуске исследователем книги или статьи на основании материалов данного фонда, — следует наименование статьи и книги с точным указанием числа страниц, отметив на листке, вложить в формуляр. Выслано ли дело по требованию учреждения, снята ли фотография или воспроизведение с того или другого документа в составе данного фонда, опять-таки следует немедленно сделать соответственное указание в черновых материалах формуляра и т. д. Словом, формуляр отражает все происходящее в жизни фонда. Центральному аппарату необходимо подробно и детально остановиться на разработке соответственной инструкции, касающейся формуляра, ввести формуляр в жизнь архивных учреждений и считать формуляры фондов или частей неотъемлемою частью справочно-ориентирующего аппарата данного архивного учреждения.

Вся постановка работы в архивных учреждениях должна вестись так, чтобы в глазах архивных служащих изучение архивных фондов являлось бы первейшей и настоятельной задачей в архивной работе. В этом отношении следует культивировать прикрепление служащих к большим архивным фондам. Переброска работников с одного места на другое, связанная с прекращением его прикрепленности к определенному большому фонду и нарушающая его длительную,

систематическую, но зато углубленную работу по изучению фонда, должна считаться абсолютно недопустимой. Во всяком случае, при всякой переброске и всяком перемещении архивного работника должно самым решительным образом считаться со степенью его прикрепленности к изучению того или другого архивного фонда. Архивный же работник неукоснительно обязан всякое свое знание, полученное при изучении архивного фонда, отражать в формуляре фонда.

Итак, на протяжении всех учреждений СССР центральным аппаратом планомерно заведена работа по выявлению архивных фондов и их частей, по составлению карточек, отображающих эти фонды, и по созданию определенных формуляров, ведущихся по данной единообразной форме, в которых изо дня в день накопляется черновой материал.

Большинство наших фондов происхождения делопроизводственного. В свое время эти материалы, образовывавшиеся в канцеляриях, департаментах, отделах, отделениях и т. д., служили для удовлетворения потребностей текущей жизни. Материалы эти для разных служебных целей были обрабатываемы. На основании обработки дел были издаваемы юридические сборники, разрабатывавшие круг определенных юридических вопросов, отчеты, отражавшие периодически деятельность учреждений, книги личного состава, отмечавшие подробно, с отдельными сведениями о каждом из служащих в составе учреждения в данный период, сметы доходов и расходов и т. д. Все эти книги, не имеющие, как книги, в настоящее время ценности, представляют большой интерес для архивной работы: на их основании легко изучать историю, структуру и состав фонда. Необходимо, чтобы центральный аппарат, проработавши список подобного рода печатных изданий, предложил местным учреждениям неукоснительно направить их энергию на собирание и изучение такого книжного материала.

К определенному фонду, следовательно, необходимо иметь соответственное книжное собрание. Оно, конечно, не должно быть мертвым материалом в архиве: при изучении архивного фонда и этот материал должен быть изучен, суммирован и введен в формуляр фонда.

Таким образом, для местных учреждений, но при неизбежном систематическом руководстве центрального аппарата, открывается ряд работ, к которым можно и немедленно приступать.

Слой первый — выявление в составе местного архивного учреждения фондов и их частей: установление целостных архивных комплексов; обоснование этой целостности (признаки внутренние и внешние); составление нормальной архивной описи к целостному комплексу. При составлении нормальной архивной описи особое внимание должно быть обращено на заголовок. Нельзя ни в коем случае доверять канцелярскому заголовку архивной единицы: заголовок непременно выверяется архивным работником на осно-

вании содержания дела; все лишние ненужные слова решительным образом из него выбрасываются, но существо содержания в заголовке должно быть четко отражено и в этом отношении скупиться на слова не следует.

Слой второй — собирание относящегося к данному фонду книжного материала, его изучение в непосредственной связи с архивным материалом, его систематизация. Результатом работ этого слоя явится общая характеристика всего книжного материала, характеризующего данный фонд или часть его, и библиографический перечень.

Слой третий — изготовление формуляра фонда и трех карточек для картотеки.

Слой четвертый — составление текста, отражающего результаты всего изучения данного фонда или части фонда. Материал этот имеет войти в состав справочника. Части справочника механически слагаются из: а) характеристики печатного материала, связанного с фондом или его частью, и библиографического указателя; б) перечня центральных дел в фонде или его части, отражающих структуру, строение и происхождение фонда; в) характеристики внешнего состояния фонда или его части; г) статистических данных о фонде или его части; д) нормальной описи.

Этим кончается работа местного учреждения. С течением времени при дальнейшей углубленной работе над фондами результаты сводного материала для справочника, естественно, будут освежаться и входить в состав новых изданий справочника. Работа в местных учреждениях может вестись, конечно, при условии постоянного систематического руководства и контроля со стороны центрального аппарата.

Этот последний имеет в своем распоряжении постоянно стекающиеся к нему карточки. Суммируя их по теоретическим предпосылкам и практическим заданиям, центральный аппарат ставит на очередь издание тех или других справочников. Местные учреждения поставляют весь имеющийся в их распоряжении вышеобрисованный материал для справочника.

Углубляться в дальнейшее построение работ и указывать виды и типы справочников и указателей, конечно, в данное время бесцельно. Это дело будущего.

Совершено ясно одно: пора начать в государственном масштабе научное описание архивных фондов, строить же его надо на началах организованности и коллективности.

В обсуждении доклада А. С. Николаева приняли участие тт.: Я. П. Колганов (Московский губпрос); К. И. Воинова (Москва); А. М. Рахлин (Москва); В. А. Домбровский (Москва); Б. И. Анфилов (Москва); Е. А. Краснопевцев (Акмолинское губархбюро).

Выступавшие по докладу товарищи останавливались, главным образом, на двух сторонах доклада: именно, на вопросе орга-

низации картотеки материалов ЕГАФ и составлении справочников. Признав важность этих вопросов, своевременность их возбуждения и правильность проектируемой докладчиком схемы их разработки, большинство оппонентов указывало на трудности составления картотеки и даже пока невозможность осуществления в целом проекта А. С. Николаева. Предлагали сначала испытать и исследовать план докладчика в порядке лабораторном, провести изучение его в порядке специально поставленного опыта. Отдельные стороны выдвинутых в докладе работ проводятся в некоторых архивохранилищах Москвы. Представители Историко-Революционного Архива и Архива Октябрьской Революции поделились результатами своих опытов в том же направлении, что предлагает А. С. Николаев, и внесли некоторые дополнения. Так, в АОР канцелярские заголовки на делах оставляются, но рядом пишется другой архивный заголовок, определяющий дело, — и разница этих двух заголовков ясна. В описании же старый заголовок не пишется. В Ист.-Рев. Архиве составляется подсобный алфавит имен и фамилий, встречающихся как в заголовках дел, так и в самом производстве суд. палаты или окружного суда.

В отношении картотеки указано было, что если на карточку занести лишь название фонда, — этого мало; описание его — большая длительная работа. Для экономических архивов трудно подыскать рубрики для карточки, заполнение которых давало бы полную картину фонда (отдела его и содержания), особенно, если функции учреждений, отложивших фонды, не были четко определены юридически и фактически. Создавать карточку можно лишь на основе коллективного труда. Взгляд А. С. Николаева на значение картотеки только в ведомственном отношении, как подсобного аппарата для работы Центрархива, побудил некоторых товарищей внести поправку, которая, признавая важное значение в ведомственной работе картотеки, выдвигала очевидное значение картотеки ЕГАФ для широких общественных, научных и государственных практических целей вообще, т.-е. не только в интересах работы Центрархива, но и всего государства.

Вполне согласившись с докладчиком о необходимости собирания сведений не только по истории фонда, но и по истории учреждения, в результате деятельности которого образовался фонд, — полезности собирания разного рода ведомственной литературы, каковая является ценнейшим дополнением к архивному материалу, выступавшие тт. указали, что классификация библиотечного материала по системам чисто библиотечным, напр., десятичной, в архиве не применима, — в архиве следует всячески связывать печатный материал с фондом. В связи с собиранием печатных источников вокруг фонда, некоторые товарищи высказали мысль о полезности составления справочников революционных деятелей по партийной, советской и профессиональной линии, каковые весьма полезны при работе над фондами пореволюционного периода.

Обсуждение доклада закончилось кратким заключительным словом докладчика, который ограничился выяснением частных вопросов, так как в основном его доклад не вызвал возражений.

Председатель. Предлагается избрать комиссию для выработки резолюции по докладу. Возражений нет? *Принимается.*

Перерыв.

Председатель. Слово для доклада на тему «Приемы научного издания архивных материалов» предоставляется А. И. Андрееву (Ленинград) и для содоклада на тему «Приемы издания историко-революционных документов» — С. Н. Валку (Ленинград). [1]

Тезисы доклада А. И. Андреева «О приемах научного издания архивных материалов».

1. Малая разработанность правил издания письменных памятников в западно-европейской и русской археографии. Трудность формулировки подобных правил и замена их введениями к издаваемым отдельным видам памятников.

2. Необходимость систематического свода правил, касающихся издания памятников письменности: такой свод всесторонне знакомит всякого, кто стремится к возможно более точному установлению и воспроизведению подлинных текстов, с теми из них, которые оказываются более или менее общепринятыми, и ставит на очередь выяснение тех, которые еще нуждаются в формулировке.

3. Отношение западно-европейских историков и археографов к вопросу о возможности и желательности выработки систематического свода правил, касающихся издания письменных памятников (Крумбахер и Жири); решение съездов: а) немецких историков в 90-х годах XIX в.; б) англо-американских историков 1921 г Взгляд Бернгейма.

4. Выработка правил издания текстов — одна из задач археографии с начала XVII в. Существующие на Западе своды правил, касающихся изданий письменных памятников (сборники правил, принятых Саксонской и Вюртембергской историческими комиссиями, Рейнским историческим обществом, Исторической комиссией при Бельгийской Академии Наук, Англо-Американским историческим комитетом и др.).

5. Краткий исторический обзор выработки правил издания русских повествовательных и документальных текстов. Археографическая Комиссия в Петербурге (1834 г.) и ее труды по выработке

[1] Доклады А. И. Андреева и С. Н. Валка напечатаны в полном виде в журнале «Архивное Дело»: доклад С. Н. Валка в вып. III — IV; доклад А. И. Андреева — в вып. V — VI.

правил издания текста. Деятельность других археографических учреждений. Работа по тому же вопросу архивных учреждений XIX — XX вв. «Правила издания Сборника грамот Коллегии Экономии» (1922).

6. Обзор содержания некоторых из указанных выше правил и их недостатки. Правила Англо-Американского комитета и Петроградского отделения Главархива. Желательность частичной переработки последних (вопросы правописания) и их нового издания.

7. Отсутствие единства взглядов в вопросе об основных приемах научного издания текстов (спор немецких археографов Линднера и Квидде).

8. Односторонность существующих сводов правил издания текстов. Необходимость выработки правил издания текстов нового времени, как задача современной западно-европейской и русской археографии. Возможный подход к решению этой задачи у нас.

Тезисы доклада С. Н. Валка «О приемах издания историко-революционных документов».

1. Издание текстов не может ставить себе задачею фотографически точное их воспроизведение; задачею издания должна быть редакционная обработка данного издателю текста с точки зрения определенных научных требований.

2. Эти научные требования сводятся к требованиям как относительно приемов воспроизведения текста, так и относительно справочно-археографических элементов издания.

3. С такой точки зрения, основною задачею издателя в вопросах воспроизведения текста должно явиться сочетание двух положений: дать, во-первых, такое воспроизведение текста документа, которое возможно точно отображало бы издаваемый документ со всеми присущими ему особенностями; дать, во-вторых, этому тексту такого рода редакционную обработку, при помощи которой достигалось бы исправное его чтение.

4. Обычно установленное исправление чтения документа распадается на: 1) выбор одной его редакции из всех имеющихся наличных и на связанное с этим подведение вариантов (рецензия текста); 2) исправление избранной для издания редакции с точки зрения грамматически-синтаксической (эмендация текста).

5. В отношении к документам историко- революционным как вопросы рецензии текста, так и его эмендации должны разрешаться не обще, а в зависимости от данной разновидности документа: документы официального происхождения, с точки зрения рецензии, должны печататься в беловом виде, с точки зрения эмендации — допускают как перемену орфографии, так и синтаксические исправления; из партийных документов те же вопросы рецензии и эмендации текста всего резче должны вставать в противопо-

ложном своем значении при издании некоторых писем, где необходимо сохранение как орфографии, так и синтаксиса подлинника, а также точное воспроизведение хода работы над ним.

6. Технически подобная задача должна разрешаться различием текста издания и подстрочных к нему сносок: помещая в тексте здания исправное чтение документа, издатель в то же время дает в соответствующих сносках все утрачиваемые особенности издаваемого подлинника (т.-е. варианты и несправности).

7. Археографически-справочные элементы при издании отдельного документа должны сводиться к составлению заголовков документа и к совокупности контрольно-археографических сведений (легенды).

8. Заголовок отдельно издаваемого документа должен включать, как общее требование, датировку его, а также его обозначение с точки зрения разновидности (письмо, прокламация, отношение), происхождения (лица, учреждения) и предметного обозначения.

9. Легенды должны включать как археографические сведения (описание издаваемого документа; архивно-библиотечный шифр), так и указывать основания данных ему в заголовке определений (в отношении принадлежности и хронологии).

10. Внешний вид издаваемых документов должен носить однообразно-выдержанный характер. Резкое различие текста документа от редакционного текста должно быть проведено путем применения курсива исключительно для редакционных частей издания (все подчеркнутые места документа передаются разрядкой, с соответствующими оговорками в примечаниях). Перенося все разночтения и варианты в сноски, издание может в тексте сохранить лишь один вид редакционных обозначений — прямые скобки — для дополнений текста документа.

Н. Ф. Бельчиков (Москва). До сих пор были очень большие расхождения между требованиями, которые предъявляли филологи к документу при его издании, и способами, которыми пользуются историки.

Вопрос о том, как издать документ, как возможно точнее его воспроизвести, у филологов больше проработан. С. Н. Валк цитировал М. Л. Гофмана, как одного из видных представителей метода точного воспроизведения документов. М. Л. Гофман сторонник окончательной редакции текста, стоит за сохранение последней воли поэта. Этот принцип многими теперь оспаривается и вполне основательно. Нам известно, что поэт Богданович несколько раз переделывал свою «Душеньку» и в каждой редакции он портил текст. Одоевский переделывал свои «Русские ночи». Для нас «Русские ночи» представляют памятник философской мысли 40-х годов. Но Одоевский переделывал «Русские ночи» в 60-е годы и дал новую редакцию произведения. В редакции 60-х годов «Русские ночи» стоят на особом счету потому, что Одоевский, любо-

*

мудр 30-х годов, сильно ретушировал свое произведение в 60-е годы, а всякая ретушировка видоизменяет первоначальный рисунок.

Но есть и обратные случаи, когда позднейшая редакция более важна.

Какие выводы нужно сделать из этого? Я думаю, что для архивистов необходимо соблюдать при издании документа точность подлинника. Вопрос о том, насколько данная редакция и какая именно редакция является более ценной, этот вопрос должен решаться вне поля зрения архивиста. Мы должны издавать все существующие редакции. Исследователь, подходя к документу с точки зрения истории или политики, решит, какая редакция для него является наиболее важной и ценной. Он выберет ту редакцию, которая отвечает его заданиям. Таким образом, если мы положим в основу волю поэта или автора вообще, то вопроса о ценности редакции не разрешим.

С. Н. Валк отстаивает ценную мысль о том, чтобы издаваемый документ был снабжен критическим комментарием, это особенно важно сейчас. Вопрос о типах комментариев надо разработать детально.

В. А. Домбровский (Москва). Мне недавно было поручено приступить к изданию письма Николая I к Паскевичу Эриванскому по поводу венгерской революции 1848 года. Это письмо со всей точностью было мною лично переписано и сдано для исполнения в машинописное бюро. Но когда я получил это письмо переписанное на пишущей машинке, то я его совершенно не узнал. Из этого письма совершенно исчез дух середины XIX столетия, со стороны формальной и со стороны филологической; конечно, основное содержание письма осталось. Меня это в высшей степени заинтересовало, почему это так произошло? Вместе с тем я никак не мог согласиться с правильностью такого подхода к изданию документов. Я в ответ получил следующее возражение. Во-первых, типографский и всякий прочий способ печатания у нас сейчас таков, что очень трудно напечатать документ с соблюдением транскрипции подлинника. Сейчас в типографии очень трудно найти буквы «ять», «и» десятеричное, так что лучше печатать по нашей современной орфографии. Во-вторых, все такие документы должны быть доступны и понятны широким массам рабочих. А если вы напишете: «разумейте, язьцы, и покоряйтеся, яко с нами бог», то никто этого не поймет. Мы же, архивисты, должны приближать документы к широким массам.

Отсюда я делаю такие выводы. Документ безусловно должен печататься в транскрипции подлинника, потому что только в таком виде он будет доступен исследованию со всех точек зрения, с точки зрения языка и с какой угодно другой точки зрения. Если же мы станем на точку зрения, которая сейчас проводится в жизнь, то мы получим целый ряд нелепостей, которые мы и наблюдаем. Я думаю, мы не должны отдавать преобладания исключительно моментам содержания документов и исключительно

удобствам техники. Мне кажется, мы должны преодолеть это и обязательно стать на ту позицию, на которой сейчас стоит Институт Ленина в издании документов Влад. Ильича. В тех случаях, когда нужно наши архивные богатства приблизить возможно больше к массам, нужно применять не издание подлинных архивных документов, а надо применять другие способы, напр., популяризацию, какие применяются в других областях.

М. Н. Покровский. Сообщение тов. Домбровского о том, что Центрархивом документы, которые печатаются, не только с точки зрения орфографии, но и с точки зрения синтаксиса и отчасти содержания преобразуются в такой вид, что они должны быть доступны для всякого крестьянина и каждого рабочего, меня крайне изумило. Мне совершенно неизвестно о существовании такого принципа. Я должен сказать, как коммунист и историк, что от этого принципа мы должны отмежеваться. Мы не имеем никакого права давать в руки крестьянина и рабочего фальсифицированные документы, заключающие в себе не то, что в действительности написано. Нашим первым долгом перед пролетариатом и перед крестьянством является быть правдивыми. Если мы находим неудобным печатать тот или иной документ по тем или иным соображениям, то мы можем его вовсе не печатать. Выкидывать же высокопарные фразы, в роде таких, как: «разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог», совершенно ни с чем не сообразная вещь. Мы печатаем и белогвардейские документы, напечатали их уже достаточное количество. Мы здесь делаем комментарии, которые дают понятие читающим рабочим и крестьянам, что это за документы, но мы их вовсе не фальсифицируем. Нельзя какую-нибудь прокламацию Колчака, в которой говорится о большевиках, перевернуть наоборот так, чтобы это относилось не к большевикам, а к белым, чтобы это было доступно рабочему. Здесь просто недоразумение, которое можно отнести к маленьким ошибкам механизма, и я уверен, что оно уже исправлено. Другой вопрос, как писать: по старой орфографии или по новой? Два предшествующих оратора говорили о том, что надо непременно печатать по старой орфографии. Я с этим не могу согласиться и думаю, что здесь действует та же самая бытовая чума, о которой я говорил в предыдущем выступлении. Конечно, ценно сохранить в бытовом отношении характерные начертания, но не всегда это нужно. В некоторых случаях это безусловно нужно. Напр., мы сейчас печатаем показания декабристов, собственноручные их показания, тут безусловно нужно сохранить их орфографию. Мы стремимся дать такой текст, который избавил бы историка исследователя от необходимости обращаться к архивному подлиннику. Я должен сказать, что орфография декабристов чрезвычайно интересна. Орфография Рылеева очень своеобразна. Когда дело выйдет из печати, вы это увидите и поймете, почему мы не считали себя в праве изменять эту орфографию. И мы обязательно должны были

соблюдать здесь старую орфографию. Но возьмите пугачевские документы, — например, обращение к киргизам, переведенное с татарского языка; орфография здесь тоже своеобразная, но это орфография безвестного канцеляриста, который переводил с татарского языка, а м. б. и с какого-нибудь другого, манифест Пугачева. Как он перевел, неизвестно; вполне возможно, что при переводе он здорово его исказил. Зачем же сохранять орфографию этого канцеляриста? Зачем это нужно? Совершенно ясно, что мы имеем полное право переписать этот манифест по современной орфографии, и этого вполне достаточно. Или возьмите документы конца XIX века, которые нам приходится печатать теперь, подготовляясь к юбилею 1905 г. Не требуют ли они печатания по старой орфографии? Зачем нужно воспроизводить твердый знак, ять и т. д.? Ведомственная переписка, относящаяся к рабочему вопросу, — и здесь сохранять старую орфографию было бы излишней роскошью. Тут нужно просто следовать совету Петра, прозванного в старое время Великим, 200-летие смерти которого было 2 месяца тому назад, но никто этого, кажется, в России не заметил. Великий он или не великий — это вопрос, но он был неглупый. Он давал совет, как нужно переводить, он говорил, что не нужно точно воспроизводить, а надо переводить так, чтобы смысл сохранялся. При издании документов нужно понять, что к чему. В некоторых случаях нужно воспроизводить старую орфографию, как, например, в показаниях Рылеева. Это интересная литература, но в тех случаях, когда издается бумага, написанная писцом, старую орфографию сохранять не нужно. Я думаю, что тут никаких правил раз навсегда установить нельзя, а здоровый смысл издателя должен ему подсказать, как нужно сделать.

В. В. Максаков (Москва). Нужно приветствовать постановку на нашем съезде вопроса о способе издания документов. Практика последних 2 — 3 лет, когда на рынок выброшено большое количество публикаций, ясно показывает, что дело с публикациями стоит не всегда на должной высоте. Мы должны сказать, что в отношении издательской части Центрархива у нас дело обстоит не так благополучно, но это особенно нас не должно смущать. Но я думаю, что то, что мы издали, мы сделали не хуже, чем это сделали другие учреждения. Если были ошибки, то мы постараемся избавиться от них. И то, о чем говорил т. Валк, мы примем к сведению. Но нужно здесь договориться об одном пункте. Мы должны при издании документов считаться не только с исследователем, но и с той массой, которой мы даем эти документы. И вот, для этой аудитории рабоче-крестьянской, для которой мы даем этот материал, он должен быть издан в таком виде, чтобы массы могли им пользоваться. Если мы будем обставлять эти публикации чересчур тяжеловесным аппаратом, не говоря уже о таком аппарате, каким некоторые издательства обставляют издания, напр., дневника Пушкина, 3 листа текста

и 18 листов комментариев, примечаний и т. д., это будет излишне. Я думаю, что съезд должен дать Центрархиву специальное задание проработать вопрос, как нужно давать документ для широкой читательской публики, не искажая, разумеется, самаго документа.

Председатель. Предоставляется заключительное слово т. Андрееву.

А. И. Андреев. Когда я читал свое сообщение, я не говорил о том, что историки усвоили целиком те приемы издания текстов, которые были выработаны филологами, и думаю, что господствующее мнение среди историков в этом отношении заключается не в том, чтобы целиком воспринять приемы издания текстов, которые применяются филологами, и применить их к изданию текстов исторических, тут дело в известном компромиссе. В качестве иллюстрации приведу то, что мне пришлось опустить в своем докладе за краткостью времени. Правила, выработанные Англо-Американским комитетом, имеют любопытное введение, в котором авторы этих правил обращают внимание на весьма важный факт: всем издателям текста предлагается иметь в виду весьма малую вероятность того, что издание подготовленного текста будет когда-нибудь кем-либо повторено, и поэтому все имеющие надобность в этом тексте будут принуждены пользоваться опубликованным текстом и только с большим трудом будут в состоянии обратиться к оригиналу, и весьма важно также, отмечают авторы правил, что опубликованный текст будет использован для разных целей. Историк будет устанавливать на основе этого текста факты, дипломатисты — будут изучать форму и стиль, а филологи — правописание; с течением времени явятся иные исследователи, которые к этому тексту будут предъявлять иные требования. С этой точки зрения, они полагают, что редактор должен помнить, что его текст будет компромиссным для всех исследователей, которые с своей точки зрения подойдут к нему. С этой точки зрения, я полагаю, что чистого филолога наш текст не удовлетворит: он будет текстом компромиссным, который далеко не все требования, предъявляемые филологом к изданию текста, будет удовлетворять. Правила Англо-Американского комитета являются попыткой выработки такого компромисса, который необходимо соблюдать историку при издании текста. Нужно очень определенно различать задачи, которые ставит при издании текста историк, в данном случае идущий на компромисс, и филолог. Конечно, никакое издание текста, даже с применением филологических приемов, не удовлетворит филолога, как бы он ни был блестяще издан. И, конечно, филолог должен будет обратиться к подлиннику, и никакое воспроизведение текста его не удовлетворит вполне.

Другой вопрос о правописании. Здесь нужно признать целиком, что было сказано С. Валком и было поддержано рядом наших товарищей. Я не являюсь идолопоклонником в этом отношении; с моей точки зрения, не обязательно печатать текст, в качестве

общего правила, по старой орфографии; но я очень поддерживаю то положение, что в качестве общего правила должно быть признано, что перевод на современную орфографию допустим далеко не всегда, и те случаи, которые были приведены здесь М. Н. Покровским, могут быть иллюстрированы рядом других случаев. В одной своей работе я указал случай, когда одно ученое учреждение перевело на новую орфографию все резолюции Александра III, и получилось, с точки зрения современного нам правописания, что Александр III весьма грамотно писал, хотя всякому историку, знакомому с текстом Александра III, известно, что он обладал большой неграмотностью, и его грамматика представляет для историка несомненный интерес. В качестве общего правила можно сказать, что текст лиц, примечательных в том или другом отношении, необходимо сохранять в орфографии подлинника. Конечно, текст канцеляриста или тем паче, как в том же упомянутом выше издании, текст какого-то сумасшедшего человека, может быть переведен целиком на современную орфографию, впрочем, в зависимости от задач и целей издания.

Вот, кажется, те основные вопросы, на которые нужно было ответить. Я всемерно поддерживал бы также те предположения, которые здесь выставлены тов. Максаковым, но я сказал бы, что, собственно, вопрос, который он предлагает нашему вниманию, конечно, не так прост. В сущности, когда мы говорили, то вели речь главным образом о научных изданиях. Конечно, для популярных публикаций могут быть выработаны известные приемы издания, но все-таки я хотел бы подчеркнуть, что здесь необходимо различать две задачи: научное издание текста и издание, предназначенное для широких кругов читательских.

Председатель. Президиум предлагает комиссию для выработки резолюции по заслушанным докладам. Возражений нет? *Принимается*. Тов. Домбровский просит слова для фактической справки. Желательно ли выслушать его фактическую справку? (голоса с места: *желательно*).

В. А. Домбровский. Если создалось впечатление после моего сообщения, по словам тов. Максакова и Покровского, будто бы мне принесли с целым рядом выпущенных фраз документы из машинописного бюро, то я должен дать справку, что это не верно. Документы были правильно переданы, но, благодаря новой орфографии, потеряли весь дух середины XIX века. Эту фразу: «разумейте, языцы, и покоряйтеся, яко с нами бог», я привел, как пример полной невозможности перевода по новой орфографии и необходимости перевода на нынешний новый язык, так что я считаю, что в этой части никакого недоразумения нет.

Председатель. Слово для оглашения резолюции по докладу тов. Николаева имеет тов. Анфилов.

Б. И. Анфилов оглашает резолюцию.

Председатель. Заседание секции закрывается.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 19 МАРТА.

Архивно-техническая секция.

Утреннее заседание.

Председатель *К. И. Воинова.* Секретарь *Б. И. Анфилов.*

Председатель. Разрешите считать заседание открытым. Слово принадлежит тов. Вишневскому.

М. С. Вишневский (Москва). Товарищи, я сегодня должен прочитать доклад на специальную тему об очередных задачах в области учета архивных фондов. Из всех видов учета архивных фондов, какие мы практикуем в наших архивах, предметом своего доклада я избрал только два вида учета: учет через так называемые карточки архивных фондов и через топографические указатели к архивным фондам. Обо всех прочих многообразных видах учета я уклоняюсь докладывать сегодня, потому что эта область настолько обширна, настолько сложна, что времени, конечно, не хватит для того, чтобы просто даже вкратце изложить все те основные задачи, с одной стороны, все основные виды работы, с другой стороны, и, с третьей стороны, качество работы, как ставить работу. Вот по этим соображениям я выдвинул только два основных, пожалуй, самых злободневных вопроса нашей архивно-технической работы в архивах. Сначала я скажу о картотеке фондов, а затем о топографических указателях. Весь доклад мой так и разбивается на две половины. Вопросу о картотеке в нашей работе уделялось мало внимания, но нынешняя работа и условия работы и состояние наших фондов выдвигают эти два основные вопроса учета фондов на одно из самых первых и самых очередных мест. Учету фондов через картотеку уделялось внимание у нас еще и на первой всероссийской конференции архивных деятелей. В задачи докладчиков тогда, по этому вопросу, входило поставить только вопрос о картотеке и наметить способ его разрешения. Архивная конференция одобрила в 1921-м году выработанную информационно-статистическим подотделом карточку для заполнения сведений о фондах и инструкцию к составлению этой карточки. В течение последних 3-х лет после конференции организационный отдел и его информационно-статистический под-

отдел вели энергичную работу по проведению в жизнь этого постановления конференции. [1]

Председатель. Слово по докладу имеет тов. Рахлин.

А. М. Рахлин (Москва). Вопрос о сводной картотеке — вопрос очень важный вот в каком отношении. Наши фонды в большинстве случаев находятся в разных местах, и сводная картотека даст возможность иметь полное представление о местонахождении материала с тем, чтобы ученые могли с большею легкостью с этими фондами познакомиться. У нас в Архиве Октябрьской Революции имеется небольшой опыт в смысле учета наших фондов, главным образом, с целью составления топографического указателя. Мы имеем двойную картотеку: одна — в порядке номеров фондов, с указанием адреса фонда, вторая картотека алфавитная по учреждениям, фонды которых у нас имеются. В этой алфавитной картотеке с топографическими пометками есть и ссылочные карты на перемену названий различных учреждений. Для нас, работников архива, без этой картотеки весь архив закрыт. Она дает возможность товарищам, не знающим архива, но знающим нумерацию, быстро и легко найти необходимый материал. Мы в нашем архиве решили проводить это в жизнь, и опыт оказался подходящим.

И. Н. Третьяков (Ленинград). Товарищи, вопрос о составлении топографического указателя вызывается самой жизнью. Ведь ведение архивного дела на память, нигде не фиксируя, где какой фонд находится, безусловно нерационально. При смене личного состава архивных работников получается положение, что новый работник, придя в архив, станет втупик, не зная расположения фондов. Вот таким-то указателем или справочником, по которому можно было бы найти тот или иной архивный материал, и может являться топографический указатель. В Ленинграде проводилась работа по составлению топографического указателя. Некоторые отделения не поняли того циркуляра, который был разослан ЛОЦ, и получилось смешение понимания топографического указателя с инвентарным реестром с топографическими отметками. Инвентарный реестр с топографическими отметками является не чем иным, как списком архивного фонда с топографическими отметками, а топографический реестр исходит от месторасположения материала. Практически, когда было предписано центром, чтобы приступили к проведению первой формы, работники на местах повели работу несколько своеобразно. Во-первых, эта работа должна была проходить в двух направлениях. Это направление принимало во внимание весь справочно-ориентировочный аппарат, какой имеется. Во-вторых, обход помещения и выявление всего неисследованного материала, который есть на полке. Но когда работники стали производить обход

[1] Доклад М. С. Вишневского полностью напечатан в журнале «Архивное Дело», вып. V — VI.

помещения, то стали исходить из топографии или из расположения материалов и стали составлять инвентарный реестр с топографическими отметками.

И. Ф. Чирцов (Кубанское окрархбюро). Доклад тов. Вишневского, вполне обоснованный, ясно доказал нам необходимость создания на местах картотеки и топографического указателя. Доклад настолько приемлем, настолько хорошо обоснован, что говорить по существу о нем не представляется возможности.

Какие затруднения могут представиться нам при составлении картотеки?

Первое затруднение это то, что точно не выяснено понятие архивного фонда, и при составлении картотеки я, как заведующий архивным бюро, боялся бы внести путаницу, т.-е. неправильно составить карточки. Поэтому я и задерживал составление картотеки. Теперь, когда мы в научно-теоретической комиссии выработали номенклатуру и точнее уяснили, что такое фонд, я думаю, что эта работа будет на местах постепенно выполняться. Цифра 10.223 карточки на архивные фонды показывает, что их составлено очень и очень мало по всей РСФСР.

Относительно же топографических указателей, тоже необходимость их вполне ясна, но для провинции затруднительно то, что в некоторых местах более половины фондов находится в сваленном виде в кучах, и поэтому вы никакого топографического указателя составить не сможете.

Относительно учета фондов никто спорить не будет, и учет этих фондов по фондовой карточке безусловно ведется.

Нужно ли составлять топографический указатель отдельно? Я нахожу, что безусловно не нужно. Топографический указатель это подсобная вещь, чтобы знать, где находится материал. Тов. Вишневский говорит, что топографический указатель это — фундамент для учетного фонда. Это не так. Твердым фундаментом для учетного фонда, надежным документом является только фондовая карточка или инвентарный реестр, но ни в коем случае не топографический указатель. Если мы хотим проверить наличие нашего архивного имущества, архивной единицы хранения, — то не нужно смотреть топографический указатель, а итти в актохранилище и проверять, каких дел нет на месте. Практика покажет, что это лишь теория, жизнью не оправданная, и т. д. Третьяков и Вишневский подтвердили, что на местах это не выполнено удовлетворительно. Работники запутались. Они запутались не потому, что были плохо инструктированы, а потому, что эта теория к жизни неприменима.

Тов Вишневский предлагает обязательно в 1926-м году поставить в первую очередь работу по топографическому указателю. С этим согласиться нельзя. Это только подсобная работа, которую вести нужно, но никакие специальные топографические указатели мы сейчас составить не можем.

Б. И. Анфилов (Москва). Я хочу указать на временный характер учетной карточки, которая у нас опубликована во 2-м вып. журн. «Архивное Дело». Карточка должна быть заполнена в первый черновой период архивной работы, но — в карточке нет пункта о составе фонда. Между тем исследователи, которые обращаются к карточке для того, чтобы узнать, независимо от формуляра, который может составляться очень долго и будет составляться очень долго, на что они в составе данного фонда могут рассчитывать, этих указаний на состав фонда не найдут.

Второй вопрос. Мы говорим, что мы учитываем фонды, что мы создаем центральную картотеку фондов, но мы знаем, что у нас на ряду с фондами, т.-е. на ряду с естественным образованием архивного материала, есть и искусственные группы архивных материалов, самостоятельного, обособленного характера. Я знаю, что не существует еще бесспорного общепринятого, твердо-введенного в наш обиход термина для обозначения этой группы. Назовем ее собранием, коллекцией, во всяком случае важно, чтобы учесть по крайней мере эти разновидности, не прикрываемые архивным фондом. Поэтому я полагаю, что должен быть у нас не учет архивных фондов, а учет материала Единого Государственного Архивного Фонда по архивным фондам и другим самостоятельным группам архивных материалов.

А. Ф. Жуков (Ульяновское губархбюро). Нужно сказать, работа на местах по составлению учетной карточки производится для фондов дореволюционных, которые находятся в пределах наших архивохранилищ, и особых трудностей в составлении инвентарного реестра фондов нет. Что же касается фондов, находящихся на местах, где-нибудь в уездах, то мы не сумеем представить минимум сведений, т.-е. «наименование, адрес, состояние». Есть на местах работники, которые представляют такие карточки, в которых просто написано: «имеется какая-то бумага, столько-то пудов». Тут нет ни названия ни состава, а просто пуды бумаги. Выехать мы не можем, потому что средств на обследование таких фондов у нас нет. Значит, взять материалы все на учет нам в данном случае не представляется возможным. Дальше, когда дошли до учета фондов революционного периода, то тут даже напал на нас некоторый страх. Дело в том, что каждое учреждение имеет, конечно, у себя архив. Следовательно, сколько на территории губернии советских учреждений, столько же и архивов получается. Внести эти тысячи в течение года, как нам предлагают докладчики, будет затруднительно и, пожалуй, даже невозможно. Если бы мы даже попросили дать нам сведения только по трем названиям — наименование, адрес, состояние — относительно революционных фондов, то я боюсь, что сообщить минимум сведений учреждения не смогут, так как фонды в учреждениях находятся в хаотическом состоянии, и учреждения не могут обнять всех материалов, которые имеются в их архивохранилищах.

Н. Ф. Бельчиков (Москва). Вопрос о составлении топографического указателя связан с состоянием фондов, над которыми мы работаем. Если фонды лежат в виде неразобранных груд, составление к ним указателя невозможно. Здесь мы просто связаны материальными условиями. Система, созданная ленинградскими товарищами, очень ценная, продуманная и интересная и допускает возможность проводить ее в жизнь по частям и даже в упрощенных стадиях. Для одного архива, допустим, возможна схематическая чертежно-изобразительная карточка, график, но не сложный топографический указатель. В уточненной редакции указателя, которую предлагают нам ленинградцы, есть пункты, которые чрезвычайно затруднительно практически осуществить всем архивам, но которые применимы в некоторых и там легко выполнимы. Указатель вводит понятие «архитектурной единицы». Архивы стеснены формами помещений, которые занимают. Не мы строим здания, мы их пока получаем в готовом виде, и архитектурные единицы в одних зданиях выразятся в необъятных размерах, в других архитектурная единица может быть очень маленькая. Архитектурная единица — очень условное понятие, в таком смысле надо понимать ее при составлении указателя.

Председатель. Заключительное слово имеет тов. Вишневский.

М. С. Вишневский. Говорят, что не нужны топографические указатели, потому что существуют инвентарные описи. Отдельных фондов, которым посчастливилось до революции или после революции получить инвентари, меньшинство. Большинство же фондов не описаны, не изучены, не установлена наличность и отсутствие в них единиц хранения. Что лучше сделать в смысле учета наличности материалов — вести инвентари и улучшить те, которые есть, или составлять топографические реестры? Каждый, конечно, согласится, и это совершенно бесспорно, что топографический указатель составить в тысячу раз легче, чем написать самую краткую инвентарную опись архивного материала. Нет времени составлять на целый ряд материалов инвентарную опись. Если фонд только разобран, то гораздо проще и легче составить к нему топографический указатель и, таким образом, устранить нашу беду незнания наличности фонда. Второе указание, что инвентари лучше, чем топографические указатели, и они помогут нам в деле перемещения фондов, неосновательно. При перемещении важно знать, какова первоначальная наличность и какова стала наличность после перемещения. Я понимаю тт., которые говорят, что в кучеобразном состоянии фонда трудно учесть наличность до единиц хранения, но мы предлагаем учесть фонды, которые находятся в кучеобразном состоянии не по единицам, по целому фонду. Нахождение фонда особенно при наших запутанных помещениях затруднительно. Но по его названию и указанию, в какой

комнате, в каком этаже, в каком помещении он находится, — легко обнаружимы фонды.

Теперь относительно возражений, касающихся карточек и указателя. Карточка служит определенным целям, делу учета в общем, но у нее есть специальное назначение. Карточка следит и отмечает все этапы работы по фонду. Что касается топографического указателя, то, ведь, он представляет собою цифровой материал, количественный материал. Он говорит только тому, кто ведает определенной группой материала, кто ответственен за его наличность, за нахождение не только в целом, но и в его известной части, до единицы включительно. Карточка не имеет целью уточнение вопроса до единицы хранения. Карточка служит для ориентировки руководящего аппарата, а топографический указатель с пометками служит ориентировочным материалом для работников данного хранилища.

Т. Анфилов говорил, что карточка носит временный характер, что в ней имеются некоторые сведения текущего временного характера. Совершенно верно, так карточка намеренно и составлялась. Мы будем работать над фондами очень долго. Работа все усложняется, и уточняется состояние фонда и значение его. Чем больше мы изучаем фонд, чем больше производим работы над ним, тем больше сделаем записей в карточке, тем чаще мы ее пересоставляем. Мы в нашей инструкции говорим, что надо карточку пересоставлять, когда есть в этом необходимость. Что же касается тех товарищей, которые говорили, что невозможно произвести работу в течение 1925 года над уездными фондами, — верно, товарищи. Мы предлагаем провести эту работу там, где это возможно, для тех фондов, которые у вас находятся.

Товарищи, я прошу вас различать топографический реестр от инвентарного реестра фондов. Последний — самый примитивный график, который может быть, из 4-х граф, очень простых и удобных для исполнения. Тов. Рахлин заявила о возможности выполнения этой работы по самому сложнейшему архиву, Архиву Октябрьской Революции.

Возможно или невозможно выполнение этого минимума? Нельзя возражать, что невозможно составить простой перечень с пометами, где что находится.

Этот минимум работы по составлению топографического реестра фондов возможен в 1925 году к исполнению. К 1926 г. у нас не будет ни одного фонда, который бы мы не знали по его местонахождению. То же по отношению к карточке. Три пункта легко выполнимы, и я полагаю, что съезд выскажется за производство этих работ в 1925 году. *(Аплодисменты).*

Председатель. Товарищи, президиум вносит следующую резолюцию.

Б. И. Анфилов читает резолюцию.

М. С. Вишневский. Товарищи, я вношу предложение: признать за обязательный минимум выполнение топографического реестра фондов в течение 1925 года по всем хранилищам. В отношении учетной карточки произвести учет всех фондов и дать сведения по трем пунктам карточки тоже к концу 1925 года.

Председатель. Товарищи, из доклада тов. Максакова о работе Центрархива вы знаете, что план на 1925 год выработан и проводится в жизнь. Если мы примем предложение т. Вишневского, Центрархив будет поставлен в затруднительное положение. Придется ломать всю плановую работу, с другой стороны — у нас нет инструкций для работы над топографическим указателем. Предложение тов. Вишневского ставлю на голосование. Кто против? *Большинство.*

Председатель. Предложение тов. Вишневского отклонено. Разрешите дать слово тов. Анфилову для прочтения резолюции по докладу тт. Андреева и Валка.

Б. И. Анфилов читает резолюцию, которая принимается единогласно.

Председатель. Работа нашей секции закончена, резолюции по всем докладам приняты, сейчас объявляем перерыв до начала пленума.

Перерыв.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 19 МАРТА

Председательствует М. Н. Покровский.

М. Н. Покровский. Объявляю пленарное заседание открытым. Нам предстоит заслушать, обсудить и принять целый ряд резолюций по докладам, читавшимся в пленарных заседаниях, и утвердить резолюции, принятые секциями. Президиум предлагает такой способ обсуждения и утверждения резолюций. Не заниматься здесь редактированием резолюций, так как это затянуло бы наше заседание до бесконечности и не дало бы, конечно, удовлетворительных результатов, а вносить те или иные дополнения и изменения исключительно по содержанию резолюции, если, конечно, такие изменения или дополнения имеются, передав резолюции на окончательную редакцию коллегии Центрархива. Так делают обычно ведомственные съезды, к числу которых принадлежит и съезд архивных деятелей. Другие, не ведомственные съезды — так поступил учительский съезд — передают резолюции на окончательную редакцию своему президиуму. Можно, конечно, применить и этот способ, т.-е. поручить окончательную редакцию резолюций президиуму нашего съезда, но это задержало бы иногородных членов президиума на несколько дней в Москве, против чего они возражают.

Все это ваше дело. Но ни один съезд, по крайней мере в последнее время, не занимается редактированием резолюций на своих пленарных заседаниях, так как это решительно всеми признано непрактичным. Такого рода редактирование носит случайный характер и в конце концов не дает удовлетворительных результатов. Нам сейчас нужно решить, каким способом мы воспользуемся, т.-е. передадим ли мы резолюции на окончательную редакцию в коллегию Центрархива, или в президиум съезда?

Я ставлю на голосование мое предложение, т.-е. чтобы здесь редактированием резолюций, или, другими словами, их литературной стороной, не заниматься, а делать замечания или поправки только по существу резолюций. Прошу голосовать мандатами. Кто за это предложение? Кто против? *Предложение принимается единогласно.*

Теперь я ставлю на голосование мое второе предложение относительно передачи окончательной редакции или в коллегию Центрархива, или в президиум съезда? Кто за то, чтобы окончательную редакцию поручить коллегии Центрархива, прошу поднять мандаты. Кто за то, чтобы окончательную редакцию поручить президиуму съезда? *Единогласно принимается предложение поручить окончательную редакцию резолюций коллегии Центрархива.*

Таким образом, с принятой оговоркой мы приступаем к зачитыванию резолюций.

Слово предоставляется тов. Константинову для оглашения резолюций. (Текст резолюций см. дальше на стр. 298 — 308.)

Председатель. Слово для предложения имеет тов. Яхонтов.

С. Д. Яхонтов (Рязань). Товарищи, работа 1-го всероссийского съезда архивных деятелей закончилась. Я был участником первых двух не съездов, а конференций, и теперь участвую на первом съезде и поражаюсь, с одной стороны, многочисленностью, назову, скромных тружеников архивных, которые не остановились ни перед чем, чтобы отдать свой досуг работе на этом съезде, и, с другой стороны, меня поражает тот размах и та широта работы, которые развернулись на съезде. В-третьих, меня поражают те спокойные условия, в которых приходилось работать съезду. Всеми этими благоприятными условиями для наших работ мы, несомненно, обязаны хозяину нашей республики, который дал нам и материальную, и моральную, и всякие другие возможности, чтобы мы здесь не только обменялись бы своими мнениями, подали свой голос из далеких окраин, приняли участие в подготовительной законодательной работе, но чтобы мы уехали отсюда с уверенностью, что наш голос будет услышан тем, кому принадлежит воля над нашей республикой. Исходя из этих чувств и соображений, я предлагаю 1-му съезду послать приветственную благодарность ВЦИК'у. Выполнение этого нашего желания мы будем просить осуществить председателя нашего президиума. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Товарищи, позвольте считать, что ваши аплодисменты свидетельствуют, что 1-й съезд присоединяется единогласно к предложению тов. Яхонтова, и позвольте просить президиум выработать проект приветствия ВЦИК'у.

Слово предоставляется тов. Войткевичу.

Р. И. Войткевич (Ставрополь). Товарищи, вы знаете, что за рубежом нашей советской республики мировая буржуазия открыла самую отвратительную травлю против коммунистических партий, и, мало того, она этим не ограничивается и главный свой удар направила против вождей и руководителей этих коммунистических партий. Тут, недалеко на Западе, в панской Польше, эта травля достигла самой высшей точки. Вы знаете, что за последнее время один из самых видных представителей коммунистической партии пролетариата Польши тов. Ланцуцкий, несмотря на то, что он пользовался

неприкосновенностью, как член или как депутат польского парламента, был выдан в руки полиции и сейчас сидит в полицейских застенках в Польше. Над тов. Ланцуцким мировая буржуазия собирается произвести свой суд. Вы знаете, что за последнее время в целом ряде стран и в целом ряде коммунистических партий отдельных государств прошел запрос о том, чтобы допустить защитников, но польская буржуазия отказала в этом. Мы знаем, что угрожает тов. Ланцуцкому, и мы здесь на съезде должны выразить свое негодование по поводу этого поведения польского панского правительства, с одной стороны, и послать приветственную телеграмму тов. Ланцуцкому, который находится в польских полицейских застенках, с другой стороны. Я думаю, что эту телеграмму и тот протест, который мы вынесем, сумеет средактировать наш президиум. *(Аплодисменты.)*

Председатель. Позвольте считать предложение тов. Войткевича принятым. Слово имеет тов. Бакай.

Н. Н. Бакай (Томск). Товарищи, мы приехали сюда из далекой окраины России Сибири, и я прошу вас принять следующую резолюцию по отношению к сибирским исполкомам *(читает)*: «Съезд с огромным удовлетворением констатирует, что президиумы губисполкомов чрезвычайно живо откликнулись на предложение коллегии Центрархива делегировать представителей местных архивных учреждений на съезд архивных деятелей РСФСР, благодаря чему на съезде удалось широко осветить положение дел на местах и наметить пути к усилению работы местных органов Центрархива РСФСР». *(Аплодисменты.)*

Председатель. Аплодисменты я опять-таки считаю за единодушное сочувствие съезда, но я просил бы распространить благодарность сибирским исполкомам, о которой говорил тов. Бакай, на все вообще губисполкомы. — Слово имеет проф. Багалей.

Д. И. Багалей. Товарищи, я очень извиняюсь, что на несколько минут задержу ваше внимание. Но это объясняется необходимостью, которая вызвана тем, что М. Н. Покровский по поводу моего доклада прибавил несколько соображений. И вот, по поводу этих соображений мне хотелось бы внести несколько поправок и разъяснений. Я прежде всего должен принести ему и всему съезду глубочайшую благодарность за то сочувственное отношение и внимание, которое вызвал мой доклад относительно концентрации архивных материалов, находящихся вне Украины и к этому архивному фонду принадлежащих. Разъяснения мои будут таковы: обращение ВУЦИК'а в ЦИК СССР не могло быть направлено в Центрархив, как хотел бы М. Н. Покровский, только по той причине, что оно заключало в себе и ходатайство о тех материалах, которые не находятся в ведении Центрархива, например, в Румянцевском музее и Публичной библиотеке и т. п. Второе замечание касалось Румянцевского музея. Должен указать на то,

что теперь он приобрел всесоюзное значение, это совершенно правильно, но должен указать, что на съезде Главнауки в Москве, на котором я участвовал в прошлом 1924 году, было сделано предложение о том, чтобы образовать целый ряд таких общесоюзных научных органов, но это предложение на совещании принято не было. Третье указание глубокоуважаемого М. Н. Покровского на то, что будто бы Украина желала получить от Центрархива РСФСР материалы о декабристском движении Южного общества и общества Объединенных Славян, это указание является, к сожалению, ошибочным, ибо никто, ни Украина, ни ее органы и ни одно из ее научных учреждений с такого рода ходатайствами не обращались и не могли обратиться. Дело шло о совершенно определенном факте, о просьбе, обращенной к Центрархиву РСФСР относительно допущения для работы в этом архиве лиц, командируемых научно-исследовательской кафедрой истории украинской культуры, для извлечения из этих архивов материалов, которые касаются движения декабристов, для помещения их в том специальном сборнике, который издает Наркомпрос Украины. И, наконец, четвертый пункт, который, признаюсь, несколько меня удивляет, это было мнение, высказанное М. Н. Покровским в отношении права Украины на вещественные памятники доисторического периода, когда Украины и России не существовало. Может быть, я неправильно понял, но, мне кажется, мы едва ли разойдемся в этом пункте с М. Н. Покровским по существу, так как эти памятники являются материалом для русской и украинской истории одновременно. Они, конечно, освещают тот момент истории территории всего СССР, когда не могло быть и речи о таких народностях, как русские или славяне. И эти материалы являются необходимым введением в общую нашу историю.

М. Н. Покровский. В ответ на слова глубокоуважаемого академика Багалея я должен, прежде всего, выразить глубокое удовлетворение, что здесь украинская наука официально отмежевалась от того мнения, которое очень, очень часто высказывали и очень настойчиво проводили отдельные украинские ученые, неофициально, в частных разговорах, но ведшихся в таком количестве, с такою настойчивостью, что их приходилось рассматривать, как выражение известного рода общественного мнения, а именно, все то, что так или иначе возникло на украинской территории, будет ли это мамонтов клык, или дело Пестеля, одинаково должно быть возвращено Украине.

Мы сейчас слышали из уст глубокоуважаемого академика Багалея, что официально украинская наука не присоединяется к этому, и я констатирую это с величайшим удовлетворением. Но я, ведь, в своей речи (академик Багалей может проверить это по стенограмме) и не утверждал, что это есть официальное мнение Украины, а сказал только, что мы не можем согласиться с той существующей на Украине тенденцией, чтобы всякий предмет или

материал, возникший где-либо на Украине или где-нибудь в другом месте, был возвращен туда, откуда он по происхождению. Это мнение всегда казалось странным, ибо если его придерживаться, то и «Мертвые Души», как манускрипты, должны быть переданы Италии, потому что первая часть их написана Гоголем в Италии. «Былое и Думы» должны быть возвращены в Британский музей, потому что Герцен написал их в Лондоне. Я еще раз подчеркиваю, что с удовлетворением приходится констатировать официальное заявление украинской науки на этот счет. Это так, и больше не будем об этом вспоминать.

В. И. Иванов (Узбекистан). Тт., я совместно с представителями центрархивов союзных республик не мог сделать вам информационного доклада по случаю того, что я подвержен малярии. Разрешите вас приветствовать от имени архивных работников Среднеазиатской и Узбекской республик. Мы за 7 лет в первый раз собрались в Москве для того, чтобы обменяться этим опытом и теми достижениями, что мы сделали. Ведь мы храним документы для того, чтобы наша рабоче-крестьянская страна могла, имея в руках этот исторический документ, отразить всякое наглое посягательство со стороны капитала. Товарищи, мы здесь отметили все болезни и недостатки, которыми мы больны. Но нужно нам медленными и упорными шагами двигаться к своим целям, к которым мы стремимся, и создать авторитет на местах, повседневно разъясняя необходимость и значение архива для истории.

И. П. Миров (Вятка.) Тт., заканчивающийся сейчас I всероссийский съезд архивных деятелей, несомненно, имеет громадное значение в истории нашего молодого советского строительства. Но я не буду говорить о его значении. Я думаю, что об этом хорошо скажет наш уважаемый председатель съезда. Но я думаю, что выражу общее пожелание, если от лица всех местных работников скажу, что мы по приезде на места постараемся провести в жизнь все те постановления, которые были приняты на съезде. Это первое. Второе — опять-таки рассчитываю, что отвечу на настроение всех местных работников, если от имени всех местных работников принесу нашу глубокую благодарность за созыв настоящего съезда коллегии Центрархива во главе с глубокоуважаемым председателем нашего създа, завед. Центрархивом т. М. Н. Покровским. И, наконец, я выражаю уверенность, что буду прав, если выскажу наше общее пожелание, чтобы этот съезд был бы не последним, но чтобы подобные съезды повторялись и впредь, потому что от таких съездов в большей степени зависит успех нашего молодого советского архивного строительства.

Р. Я. Озолин (Самара). Тт., без единения нет победы. Это нам еще лишний раз доказал наш первый съезд архивных работников, что мы в борьбе за светлое будущее были особенно сильны в единении и потому побеждаем. Здесь собрались партийные и беспартийные, ученые и практические работники, которые в едине-

ними совместно вели в эти годы трудную задачу собирания и охраны архивов. Мы, приехавшие сюда, встретили самое лучшее сочувствие и отношение к нам. Работа съезда проходила настолько спокойно, настолько деловито, что мы не могли даже ожидать этого, и мы уверены, что тот опыт, который мы имели за эти несколько дней здесь, дал нам большой материал, что мы, возвращаясь отсюда на места, будем во много раз сильнее в своей работе, чем были, и сможем провести в жизнь все то, что мы наметили, и таким порядком мы выйдем победителями на том архивном фронте, который до сего времени не был еще затронут в нашей новой советской республике.

Мы не можем забывать того положения, посредством которого нам удалось, удается и удастся вести эту работу дальше. Это благодаря нашей руководительнице — коммунистической партии, которую мы должны приветствовать телеграммой и которая является руководительницей всего рабоче-крестьянского населения советских республик и которая является светочем всего мирового пролетариата, идущего к освобождению. Поэтому я предлагаю, тт., послать ЦК РКП приветственную телеграмму и сказать, что мы сильны под ее руководством и будем сильны и победим в единении.

М. Н. Покровский. Позвольте считать предложение т. Озолина принятым. Больше у меня ораторов нет.

Съезд наш заканчивается. Меня просили, прежде всего, напомнить обстоятельство, которое никому из вас да и мне самому до последнего времени известно не было, что наш съезд почти совпал с двухсотлетним юбилеем архивного дела в России. Почти 200 лет тому назад, в августе 1724 г., здесь, в Москве, в Кремле, был открыт первый архив, какой только существовал на территории РСФСР, — архив иностранной коллегии. Этот маленький юбилей возвращает нас к той центральной мысли, которую я неоднократно высказывал здесь, но которую не могу не повторить в заключение сегодня. Чем был этот архив, который возник в 1724 г.? Собранием старых бумаг? Очевидно, нет. В ту эпоху Россия переживала революцию торгового капитала, завязывала сношения со всеми тогдашними цивилизованными, как говорили в старое время, — буржуазными, как мы говорим теперь, — странами. Приблизительно был момент, напоминающий теперешнее возобновление сношений с разными державами, и архив понадобился кому? Иностранной коллегии в первую голову, конечно, как политическое орудие в работе этого учреждения, которое должно было поддерживать связь внешнюю в порядке международной политики между тогдашней Россией и всем внешним миром. Так что, тт., архив оказывается учреждением политическим, с какого конца ни подходить к нему, даже с юбилейного конца, и мы твердо должны это помнить.

Позвольте еще раз повторить, что мы, архивисты, должны откликаться на все политические злобы дня и участвовать во всех тех политических кампаниях, которые предпринимает Советская власть и партия для разрешения насущных вопросов момента, что и архив должен стать лицом к деревне, как вся остальная Советская Россия, прежде всего, тщательно храня и обрабатывая документы, касающиеся истории действительного хозяина русской истории на всем протяжении — крестьянства, потому что пролетариат у нас выступил только в конце XIX века. Но этого мало. Я должен указать еще на одну сторону, еще на одну политическую задачу нашего архива. Ведь Октябрьская революция не только окончательно раскрепостила крестьянство, ибо нельзя было объявить крестьян не крепостными, свободными не только на словах, иначе как упразднив помещика. Упразднение помещика это и было настоящим актом освобождения крестьян, освобождения не только всерьез и надолго, но, попросту говоря, навсегда. И, как вы знаете, это операция — довольно длительная, так как некоторых помещиков приходится выкуривать из их гнезд еще сейчас, на 8-й год существования советских республик. Итак, окончательное разрешение крестьянского вопроса, конечно, было первым делом нашей революции, но она раскрепостила и всех тех инородцев, как выражались в старое время, которые стонали под гнетом господствующей народности нисколько не меньше, чем крестьянин под гнетом помещика, ибо они всюду наталкивались на всевозможные рогатки. Своим языком «инородец» не мог пользоваться, своих национальных учреждений не имел, его национальной историей никто не занимался, его национальной литературы никто не разрабатывал и не обрабатывал. Словом, он культурно и политически не существовал, а если существовал, как существовал украинец, то контрабандно, под риском ежеминутно быть схваченным и с неизбежною необходимостью иметь свои центры вне пределов тогдашней царской державы. Украинская история в последние годы чрезвычайно энергично разрабатывалась во Львове, а не в Киеве и Харькове, где разрабатывать ее было неизмеримо труднее. Октябрьская революция принесла, таким образом, за собой раскрепощение не только русского крестьянина, но и всех тех нерусских и невеликорусских народностей, которые страдали под игом царизма, и, конечно, воссоздание этих национальностей без их истории, без изучения этой истории невозможно, и наши архивы — в особенности архивы автономных республик — имеют все основания выдвигать этот момент. Посмотрите, как он отразился на истории пугачевщины? Пугачевщина еще недавно изображалась бессмысленным и беспощадным бунтом крепостных крестьян. Но что же оказывается теперь? Оказывается, это было довольно стройное крестьянское движение, которое можно почти назвать крестьянской революцией, и притом не одних русских крестьян, но и движением всех

угнетенных народностей. Совершенно естественно, что в связи с 150-летним юбилеем пугачевщины собираются выпускать плакаты и Башреспублика, и Киррреспублика, и, вероятно, Татреспублика. Недаром в числе пугачевских вождей, которые получили от Пугачева благодарственную грамоту, мы видим одного муллу. Мы, конечно, не находимся с клерикальным элементом в таких дружеских отношениях, как Пугачёв, но вы, мыслящие марксисты, понимаете, что нужно расценивать явления на данном уровне развития. Вот это участие всех угнетенных в пугачевском бунте, — и, в первую очередь, угнетенных национальностей, людей не русского языка, киргизов, калмыков, татар, башкир и т. д., — напоминает нам, что на наших архивных учреждениях лежит и еще одна политическая задача, задача участвовать в национальной работе. В этом отношении они, конечно, пойдут рука об руку, и мы все пойдем рука об руку — Центрархив РСФСР и архивные органы союзных республик, на которых у себя дома ложится та же задача. Здесь прочная смычка всей Октябрьской революции с этим национальным движением угнетенных народностей. Наконец, вот третья задача, которая стоит перед нами. Сейчас, вы знаете, поставлен лозунг оживления Советов. Это неизбежно приводит нас и приведет Институт Советского Строительства к изучению корней того советского строя, который сейчас существует. Одно почтенное учреждение, — я не буду его называть, — очень горько скорбит в своем годичном отчете, что оно до сих пор не могло издать научно Екатерининского положения о губерниях. Я не совсем понимаю, для чего нам нужно Екатерининское положение о губерниях, но что нам надо собирать, классифицировать, изучать и издавать документы, которые отметили собой зарождение теперешнего советского строя, что без этого нам нельзя понять многих вопросов, например, вопрос об областничестве и областном делении, которым теперь занимаются, — это несомненно. И тут архив должен пойти навстречу при разрешении чисто политического вопроса, который стоит перед нами. Институт Советского Строительства, только что созданный при Коммунистической академии, не раз будет, конечно, обращаться к услугам наших архивных учреждений, и, конечно, он эти услуги должен получить.

Перед архивом стоит, таким образом, целый ряд политических задач, и эти политические задачи архивы, конечно, могут выполнить только в тесной связи с Советской властью и коммунистической партией. Эта связь и осуществляется персонально, можно сказать, настоящим съездом, где присутствуют два элемента: с одной стороны, элемент политический, тт. коммунисты, заведующие центральными и местными архивными учреждениями, с другой стороны, элемент технический, те специалисты архивного дела (слово спец пора бы выбросить из употребления), те настоящие специалисты архивного дела, без которых работа политических учреждений, конечно, невозможна.

Тт., я с глубоким удовлетворением констатирую, что из наших архивных учреждений не только в центре, — в центре это было давно замечаемо, — но и на местах начинает, употребляя выражение т. Калинина, сказанное по другому поводу и в другом смысле, «переть коммунистическим духом», — здоровым коммунистическим духом прет, товарищи, из наших местных архивных учреждений, и это очень хорошо. Действительно, наконец, пролетариат и идущая с ним масса трудящихся начинает брать архив в свои руки, как они уже взяли высшую школу и как они, увы, далеко еще не взяли наших научных учреждений. Первое, чего приходилось опасаться по старому шаблону в данном случае, это то, что теперь, значит, всякой науке и теории пришел карачун. Ничего подобного, как вы видите на этом съезде, не случилось. Сравните прежние конференции архивные и теперешний съезд. На этом съезде меньше мы уделяли внимания теоретическим вопросам? Ничего подобного. У нас стояли такие вопросы, которые своим академизмом способны удивить многих академиков, вроде вопросов об архивной терминологии, о способах издания архивных документов и т. д. Все эти вопросы мы обсуждали и вынесли по ним резолюции, и мнения специалистов, высказанные здесь, были учтены. Наоборот, чем выше будет политическое значение данного учреждения и чем сильнее из него будет «переть коммунистическим духом», тем благодарнее будет положение работающего в нем ученого специалиста, потому что тем больше будет у него возможности работать. Тут перед нами выступали ученые специалисты, работающие в контакте с Институтом Ленина, учреждением, которое, естественно, стоит в центре партийного внимания в настоящий момент, и вы видите, что как раз этот контакт чрезвычайно выгодно отражается на их работе. И, конечно, пустыми являются всякие страхи, будто коммунизм может где-либо, и в частности в архивах, убить науку. Наоборот. Коммунизм, идущий под знаменем научного социализма, т.-е. под знаменем наиболее совершенного, передового обществоведения, — а архивы хранят, главным образом, документы по обществоведению, — этот коммунизм самым плодотворным образом может и должен подействовать на всякую науку и в особенности на архивную работу, и он уже подействовал. Ведь, если бы этого не было, то не могло бы быть настоящего съезда или, во всяком случае, он имел бы совершенно иной характер в старой России. Кто бы там встретился на таком съезде? Разноголосые представители различных ведомств, с их архивными документами, они могли бы разговаривать только по вопросам, имеющим общетеоретическое значение и интерес. Но они не могли бы наметить общую архивную политику, по тем простым причинам, что у каждого ведомства, откуда они пришли, была своя политика, своя линия, и от этой линии каждое ведомство не отказалось бы. Они могли бы потолковать только о тех теоретических вопросах, которые занимали ваше

внимание, но которые не исчерпали задач настоящего съезда. Но мы здесь в настоящий момент смогли установить начало архивной политики по всей РСФСР, по всей республике, по всей России, выражаясь по старому, ибо РСФСР это сокращенное название России — Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Вот что мы могли сделать. Благодаря чему? Благодаря тому, что мы пережили Октябрьскую революцию, которая позволила нам создать единый государственный архивный аппарат, которым мы управляем. И вот, в самом своем создании, в самых возможностях своей работы, мы являемся настоящими детьми победоносной Пролетарской Революции. *(Аплодисменты.)*

РЕЗОЛЮЦИИ СЪЕЗДА АРХИВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РСФСР В МОСКВЕ 14 — 19 МАРТА 1925 г.

I.

По докладу «О деятельности Центрархива РСФСР».

(Докладчик тов. В. В. Максаков.)

1) На 7-м году существования архивных учреждений, созданных Октябрьской революцией в целях централизации управления государственным архивным фондом, съезд архивных деятелей РСФСР с удовлетворением констатирует, что, несмотря на чрезвычайно тяжелые объективные условия, в которых протекала деятельность Центрархива по организации архивных учреждений и выявлению и концентрации архивных материалов как в центре, так и на местах (отсутствие необходимых штатов, материальных и финансовых ресурсов, надлежаще оборудованных помещений и т. д.), идея централизации архивного дела в РСФСР целиком оправдала себя. Большинство фондов дореволюционных учреждений, ликвидированных и преобразованных Октябрьской революцией, к настоящему моменту включены в состав ЕГАФ и в значительной своей части сконцентрированы в архивохранилищах Центрархива.

2) Необходимость в кратчайший срок закончить концентрацию дореволюционных архивов и приступить к планомерному учету и концентрации архивных фондов советских учреждений и организаций вызывает на ближайший период времени потребность в усилении штатов архивных работников на местах. Усиление штатов даст возможность вести более интенсивно разборку архивных фондов в архивохранилищах с целью выделения архивного материала, не имеющего ни практического ни исторического значения.

3) Съезд признает вполне правильной общую линию коллегии Центрархива в вопросе о подборе личного состава работников архивных учреждений, полагая, что при условии привлечения к архивному делу молодых сил и усиления руководящего состава архивных учреждений членами РКП (б), работающими в тесном сотрудничестве с основным кадром специалистов-архивистов, отдающих свои знания и опыт делу архивного строительства

в рабоче-крестьянском государстве, удастся укрепить авторитет архивных учреждений и держать на должной высоте архивно-научную работу в этих последних.

4) В целях поднятия специальной квалификации новых работников архивного дела, съезд признает необходимым создание в центре курсов для подготовки красных архивистов при условии непременного привлечения на курсы работников мест.

5) Первоочередной задачей архивных учреждений, как в центре, так и на местах, определяющей общее направление работ Центрархива на ближайший период времени, является задача фактического включения в состав Государственного Архивного Фонда архивных материалов, утративших значение для текущей работы советских учреждений и организаций и подлежащих, согласно существующим законоположениям, передаче в архивохранилища Центрархива. Эта задача диктуется требованиями, предъявляемыми к архивам правительственными учреждениями и политическими организациями в особенности в связи с приближением 10-летней годовщины Октябрьской революции. Съезд признает, что эта задача может быть успешно осуществлена при условии срочного проведения в жизнь правил постановки архивной части делопроизводства в действующих советских учреждениях и организациях и согласования с советскими учреждениями посредством особых договоров вопроса о формах и сроках передачи дел и документов, утративших значение для повседневной работы учреждений.

Съезд решительно осуждает тенденции к возрождению ведомственности в архивном деле. Съезд видит в этом попытку возвращения к традициям дореволюционного прошлого, что может иметь тяжелые последствия для сохранения наиболее ценных для нас архивных фондов революционного периода. Съезд подчеркивает, что создание центральных ведомственных архивов, как учреждений, действующих независимо от Центрархива РСФСР, при отсутствии в архивах периода революции надлежащего штата архивных работников, превратит их в склады старой бумаги или же явится новым бременем для государственного бюджета, в случае создания в каждом ведомственном архиве отдельного кадра архивариусов и архивистов.

6) Съезд признает настоятельно необходимым срочное проведение чрез законодательные органы намеченных коллегией Центрархива мероприятий по охране архивных материалов от противозаконного их истребления, полагая, что только таким путем возможна действительная борьба с расхищением архивов, продажей их на рынках и проч.

7) Потребность в объединении и согласовании всех существующих законоположений, распоряжений, циркуляров, правил и инструкций по архивному делу должна быть учтена коллегией Центрархива. Необходимо в ближайшем времени выполнить работу по созданию «архивного кодекса».

8) Усиливающаяся с каждым днем деятельность архивных учреждений по обслуживанию правительственных органов республики требующимися для них архивными материалами, справками и т. п., а также научно-исследовательских учреждений и организаций необходимыми для их научных занятий документами ясно показывает, что Центрархив РСФСР уже и в данной стадии своего развития успешно выполняет возложенные на него политические, справочно-практические и научные задачи.

Архивные учреждения должны направить все силы к тому, чтобы работа правительственных органов и научных учреждений, нуждающихся в архивных материалах, встречала и впредь с их стороны самое живое содействие.

9) В целях усиления публикации исторических документов для ознакомления с ними широких масс и предоставления широким кругам лиц иметь возможность ознакомиться с историческими документами, съезд признает необходимым расширение научно-издательской деятельности Центрархива. Единый издательский план редакционно-издательского отдела Центрархива должен учесть возможность более широкого привлечения к издательской деятельности Центрархива архивных учреждений на местах — в первую очередь Ленинграда, где сосредоточены ценнейшие историко-революционные фонды. Создание единого издательского плана Центрархива даст возможность избежать как параллелизма в научно-издательской работе, так и связанной с этим ненужной траты государственных средств и выпуска в свет изданий, не представляющих достаточной исторической ценности.

10) Ощущаемая на местах потребность в общем научно- архивном руководстве, в широкой информации о деятельности Центрархива и его органов и соприкасающихся с архивами научных учреждений, а также необходимость разработки вопросов, вытекающих из повседневной архивной практики, должна быть удовлетворена регулярным выпуском в свет специального архивно-научного журнала «Архивное Дело» (не реже 4 книг в год), информационного бюллетеня и разного рода справочников по архивному делу. К участию в журнале «Архивное Дело» должны быть привлечены работники мест.

11) Признавая огромное значение живого обмена опытом работы всех архивных учреждений РСФСР, съезд считает необходимым созыв ежегодных съездов или конференций архивных деятелей РСФСР, а также устройство на местах совещаний и конференций при участии представителей управления Центрархива.

12) Съезд приветствует первые шаги коллегии Центрархива по выработке твердого производственного плана Центрархива на 1924 — 1925 г. и признает необходимым включение в производственный план ближайшего года плана работ местных архивных учреждений, для чего плановая комиссия Центрархива должна раз-

работать и выслать на места примерные формы плана применительно к условиям провинциальной работы.

13) Създ выражает пожелание о скорейшем урегулировании вопроса об управлении архивными фондами общесоюзного значения, полагая, что в этом одинаково заинтересованы архивные деятели всего Союза Советских Социалистических Республик.

II.

По докладам «Об архивном строительстве на местах и об очередных организационных задачах Центрархива».

(Докладчики тт. В. В. Максаков и М. М. Константинов.)

Обсудив вопросы организационного строительства и состояния архивной деятельности на местах и учитывая:

1) явно выраженную потребность в укреплении и расширении сети местных архивных учреждений РСФСР, необходимых для выполнения возложенных на Центрархив задач централизации архивного дела, учета, собирания, хранения и приведения в научно-систематический, пригодный для научных и практических целей, порядок архивного материала, а также задачи руководства постановкой архивной части делопроизводства в действующих учреждениях;

2) отсутствие надлежащей регламентации архивного строительства в национальных автономных областях и республиках и слабую связь центральных архивных управлений этих республик с исполкомами последних и с управлением Центрархива РСФСР;

3) несоответствие действующих в настоящее время положений об архивных учреждениях РСФСР губернского и областного значения потребностям дальнейшего развития архивного дела;

4) полное отсутствие положений и руководящих инструкций по организации уездных и волостных архивных органов, развитие каковых в настоящее время стало одной из насущнейших задач архивного дела на местах;

5) крайне недостаточное обеспечение местных архивных учреждений необходимым штатом сотрудников, материальными средствами и помещениями под архивы и, наконец,

6) производящееся районирование РСФСР, образование СССР, перегруппировку и расширение его состава, усложняющие организационное архивное строительство, —

съезд архивных деятелей РСФСР признает, что необходимо провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Разработать положение о центральных архивных управлениях автономных областей и республик с точным определением их ведомственности и взаимоотношений с другими органами Центрархива РСФСР.

2. В ближайший срок подвергнуть переработке положение о губернских и областных органах Центрархива и в законодательном порядке провести новое положение, определяющее:

а) положение губернских (областных) архивных органов на правах отделов исполкомов с подчинением их непосредственно президиумам исполкомов и управлению Центрархива РСФСР;

б) порядок делопроизводства и отчетности губ. и обл. архивных органов;

в) разграничение сферы их ведения от других учреждений с возложением на последние обязательств иметь для своих архивных частей особые помещения и ответственных архивариусов.

3. Усилить организацию уездных учреждений Центрархива и принять меры к срочной разработке и проведению в жизнь положений и инструкций, определяющих место, права и обязанности уездных органов Центрархива.

4. Разработать по центральным губархам и краевым бюро план деятельности на годичный срок, с 1-го октября 1925 года, и представить его на утверждение управления Центрархива, с тем, чтобы на основе означенного плана были испрошены в соответствующем порядке потребные для постановки архивного дела на местах в ближайший период штаты сотрудников.

5. Наметить сеть архивных учреждений, подлежащих организации в ближайший период, применительно к происходящему по РСФСР районированию, разработать и провести в жизнь положение о краевых и окружных органах Центрархива, обеспечивая за ними:

а) положение отделов местного управления;

б) самостоятельность организации с соответствующим штатом и сметами;

в) непосредственную подчиненность их президиумам исполкомов.

6. Издать в законодательном порядке предложение местным исполкомам о закреплении за архивами занимаемых ими помещений, а в случае отсутствия таковых о предоставлении архивным учреждениям необходимых помещений, приспособляя для этого соответствующие здания.

7. Срочно провести в жизнь намеченную реорганизацию управления Центрархива и его отделов, вместе с реорганизацией бывшего Ленинградского отделения Центрархива, уточнив его функции и размежевав его с местным органом Центрархива — Ленинградским губархбюро.

8. Поддерживать постоянную живую связь управления Центрархива с его местными органами посредством разъездных инструкторов, для чего просить усиления личного состава инструкторского аппарата Орго Центрархива.

9. Одобрить утвержденное коллегией Центрархива положение об организации Единого Государственного Архивного Фонда и признать необходимым скорейшее проведение его в жизнь.

III.

По докладу «О взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями».

(Докладчик тов. В. В. Адоратский.)

Заслушав доклад тов. Адоратского и содоклад тов. Маяковского «О взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями» и принимая во внимание, что существующий параллелизм, допускаемый научными учреждениями и научно-общественными организациями в деле собирания и хранения архивных материалов, вопреки существующему архивному законодательству РСФСР, распыляет архивные фонды ЕГАФ'а и нередко способствует их гибели, съезд архивных деятелей РСФСР признает, что:

1) Недопустимо образование при истпрофах, музеях и других научных учреждениях и научно-исследовательских организациях архивов, за исключением архивов текущего делопроизводства этих учреждений; Истпарт не собирает у себя архивных фондов и архивных материалов правительственных учреждений.

2) Архивные материалы, связанные с жизнью выдающихся ученых, писателей, художников и музыкантов, находящиеся в организованных или организуемых специальных материальных музеях, институтах и проч., состоят в ведении Главнауки и ее учреждений и на учете Центрархива.

3) Если при той или иной публичной библиотеке давно существует вполне организованное собрание рукописей и рукописных книг, каталогизированное и известное ученому миру по месту своего нахождения, то такие собрания, составляя рукописные отделения библиотек, должны состоять при последних в ведении Главнауки и ее учреждений, находясь на учете Центрархива.

4) В целях всемерного облегчения научным учреждениям использования архивных материалов, необходимо провести в жизнь положение о временном предоставлении научным учреждениям архивных фондов, подлежащих передаче в ЕГАФ, и об условиях пользования со стороны этих учреждений архивными материалами, находящимися в архивохранилищах Центрархива и его органов, установить, в частности, по согласованию Центрархива с Главнаукой, порядок заведывания архивом Академии Наук и Археографической Комиссии.

5) Необходима немедленная передача научными учреждениями, организациями, музеями и библиотеками в органы Центрархива архивных фондов и отдельных документов, не имеющих органической связи с соответствующими научными учреждениями, как-то: архивных фондов правительственных учреждений, организаций, фабрик, заводов, монастырей, усадеб и отдельных лиц, а равно архивных материалов, предусмотренных декретом Совнаркома о сосредоточении в Центральном Архиве РСФСР находящихся

в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контр-революции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г. (2 авг. 1923 г.); декретом ВЦИК о сосредоточении в Центральном Архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывш. царской семьи) и некоторых других лиц (12 сент. 1923 г.), а также архивных фондов и разрозненных материалов дворцов, входивших в состав учреждений ведомства министерства двора и уделов.

6) Принимая во внимание, что широкое пользование архивными материалами для выставок вызывает порчу, а иногда и гибель их, признать, что архивные документы могут быть экспонированы выставками и музеями лишь по особым соглашениям с органами Центрархива под наблюдением и контролем последних, при чем во всех случаях, где это возможно, подлинные документы должны быть заменены репродукциями и фотографиями.

7) В виду необходимости определения способов сохранения новейших документов, подвергающихся быстрой гибели вследствие плохого качества бумаги, чернил и типографских красок, желательно создание при Центрархиве архивной лаборатории для выработки опытным путем методов консервирования письменных и печатных материалов.

8) Признать целесообразным оборудование при архивных учреждениях научно-справочных библиотек.

IV.

По докладу «О правилах постановки архивной части делопроизводства в государственных, кооперативных и профессиональных учреждениях и предприятиях РСФСР».

(Докладчик тов. И. А. Голубцов.)

Заслушав и обсудив доклад т. Голубцова о постановке архивной части делопроизводства в действующих учреждениях и организациях РСФСР, съезд постановляет:

1. Признать разработанные Центрархивом правила постановки архивной части делопроизводства целесообразными и просить Центрархив принять меры к скорейшему проведению их в жизнь.

2. В отношении дел до 1918 года признать допустимой, в особо уважительных случаях, сдачу их в хранилища Центрархива по несколько упрощенным описям (например, без нумерации листов в делах, без указания даты окончания их), но с разборкой дел по фондам, их отделам и годам.

3. Признать целесообразным, по предварительному соглашению Центрархива с высшими органами ведомств, удлинение срока передачи законченных дел из канцелярий в архивы для тех учре-

ждений, делопроизводство которых отличается большой длительностью, но не долее, чем на год.

4. Признать настоятельно необходимым введение в крупных учреждениях ответственных заведующих архивами учреждений (архивариусов), а в случае отсутствия таковых возложение ответственности за порядок и ведение архивов — на начальников учреждений; кроме того, признать обязательной сдачу архивов при смене заведующих по официальным сдаточным актам и указать на необходимость предоставления под архивы особых помещений.

5. Считать необходимым обратиться к высшим ведомственным органам с просьбой высказаться, как они предполагают организовать хранение архивных фондов подведомственных им учреждений, как центральных, так и провинциальных, и как для них желательно организовать передачу этих фондов в состав ЕГАФ (в центре ли, в губерниях или уездах).

6. Немедленно же приступить к разработке схемы и плана фондового состава ЕГАФ, применительно ко всей территории РСФСР.

7. Признать желательным устройство совещаний представителей Центрархива и тех высших органов республики, которые прислали возражения на проект «Правил», с непременным участием РКИ, для обсуждения вопроса о применении «Правил», о характере и способе дальнейшей работы над приспособлением их к различным видам делопроизводственных систем и учреждений.

8. Озаботиться разрешением вопроса об отношении к Центрархиву РСФСР и его местным органам ведомств и органов всесоюзного характера как в деле сдачи материалов в ЕГАФ, так и в деле принятия к руководству выработанных Центрархивом «Правил».

9. Признать необходимой разработку ведомствами положения о письмоводстве, с включением в него правил по архивной части, согласуя вопрос с РКИ.

V.

По докладу «Об архивном образовании».

(Докладчик тов. М. М. Цвибак.)

Заслушав и обсудив доклад «Об архивном образовании», съезд полагает, что первостепенной задачей в настоящее время является переподготовка и поднятие квалификации наличного кадра архивных работников, в первую очередь, низовых практиков архивного дела. Для осуществления этой цели необходима организация в центре для командированных с мест работников специальных архивных курсов, прохождение которых должно быть соединено с практическими занятиями в центральных актохранилищах. В целях поднятия квалификации архивных работников на местах,

съезд признает целесообразным также организацию архивно-научных кружков под руководством местных специалистов, работающих в архбюро. Общее руководство организацией архивно-научных кружков должно принадлежать Центрархиву, регулирующему их работу, которая должна быть связана с текущей архивной практикой. Вполне признавая, что необходимо также создание кадра ученых специалистов-архивистов, могущих вести работу по научной подготовке архивных материалов для издания и исторического изучения, съезд задачей ближайшего времени полагает все же подготовку низового практика архивного дела.

VI.

По докладу «О задачах поверочной и разборочных комиссий».

(Докладчик тов. С. К. Богоявленский.)

Съезд признает необходимым в срочном порядке разработать инструкции о деятельности разборочных комиссий на местах и поверочной — в центре, приняв во внимание предложения, сделанные как на самом съезде, так и в комиссии, созданной по докладу тов. Богоявленского. Проект инструкции просить разослать на места для обсуждения.

VII.

По докладам «Об уточнении архивной терминологии».

(Докладчики тт. Б. И. Анфилов и Г. А. Князев.)

Заслушав и обсудив доклады тт. Анфилова и Князева по вопросам архивной терминологии, съезд признает практически приемлемыми для настоящего момента определения терминов, предложенные научно-технической комиссией Центрархива.

Принимая, однако, во внимание, что эти определения архивных терминов при существующей неоформленности архивных понятий не могут считаться окончательно установленными, съезд признает необходимой дальнейшую работу по уточнению архивной терминологии при более широком составе участников этой работы с привлечением архивистов с мест.

VIII.

По докладам «О приемах издания архивных материалов».

(Докладчики тт. А. И. Андреев и С. Н. Валк.)

Признавая необходимым усиление деятельности Центрархива по изданию архивных материалов, съезд настаивает на единообразной системе их издания.

Научные публикации архивных материалов, представляя возможно точное отображение текстов документов с присущими им особенностями, должны снабжаться, в целях доступности их для широких масс читателей, соответствующим справочно-ориентирующим комментарием.

Для проведения системы однообразно выдержанных изданий Центрархива съезд полагает необходимой выработку подробных правил издания архивных материалов силами специально созданной комиссии при научно-организационной коллегии Центрархива.

IX.

По докладу «О составлении и публикации архивных справочников и указателей».

(Докладчик тов. А. С. Николаев.)

Признавая, что предложенная тов. Николаевым система мероприятий по составлению и публикации архивных справочников и указателей заслуживает несомненного внимания, как с точки зрения вопроса об организации картотеки материалов ЕГАФ, так и с точки зрения проблемы единообразной регистрации архивных материалов по их содержанию; признавая на ряду с тем, что указанная система может содействовать более быстрому выявлению архивных материалов для издания и научного изучения и связана с возможностью большего упрощения приемов работы по созданию картотеки фондов, съезд признает желательной дальнейшую разработку этой системы и испытание ее Центрархивом в порядке постановки специального опыта над какой-либо группой архивного материала.

X.

По докладу «Об учете архивных фондов и топографических указателях».

(Докладчик тов. М. С. Вишневский.)

Признавая необходимость скорейшего создания центральной и местных картотек фондов и других самостоятельных групп архивного материала, а также необходимость разработки приемов ориентировки среди архивных материалов в обширных актохранилищах, съезд полагает необходимым, чтобы Центрархив в скорейшем времени разработал руководящие директивы по этим вопросам и приступил к осуществлению указанных мероприятий.

XI.

О деятельности Истпарта и Института имени В. И. Ленина при ЦК РКП(б) и Музея Революции СССР.

(Докладчики тт. С. И. Канатчиков, С. С. Кривцов и С. И. Мицкевич.)

Заслушав сообщение Истпарта и Института имени В. И. Ленина при ЦК РКП(б) и Музея Революции СССР, съезд архивных деятелей РСФСР, приветствуя эти учреждения и отмечая с удовлетворением проделанную ими большую работу, находит необходимым в дальнейшем укрепить и усилить связь, существующую между ними и Центрархивом. Приветствуя политико-пропагандистскую деятельность Музея Революции при ЦИК СССР, съезд находит необходимым оказать ему, а также музеям революции на местах всемерное содействие.

XII.

По вопросу об отношении губисполкомов к съезду архивных деятелей РСФСР.

Съезд с большим удовлетворением констатирует, что президиумы губисполкомов чрезвычайно живо откликнулись на предложение коллегии Центрархива делегировать представителей местных архивных учреждений на съезд архивных деятелей РСФСР, благодаря чему на съезде удалось широко осветить положение дел на местах и наметить пути к усилению работы местных органов Центрархива РСФСР.

XIII.

По докладу «Об условиях труда архивных работников и профессиональной заболеваемости».

Съезд архивных деятелей РСФСР признает необходимым провести через соответствующие медицинские учреждения обследование условий труда архивных работников как в центре, так и на местах с тем, чтобы в результате этого обследования коллегией Центрархива, совместно с органами профессионального союза работников просвещения, были предприняты необходимые мероприятия для признания нашего производства, если будут для этого достаточные данные, вредным или особо вредным.

СПИСОК

членов съезда, принимавших участие в работах комиссий по выработке резолюций.

1) По докладу В. В. Максакова «О деятельности Центрархива РСФСР за пять лет»: тт. И. Ф. Чирцов, П. П. Крошвицкий, М. М. Цвибак, С. П. Попов и докладчик В. В. Максаков.

2) По докладам В. В. Адоратского и И. Л. Маяковского «О взаимоотношениях научных учреждений и Центрархива РСФСР»: тт. Н. Н. Бакай, Р. И. Войткевич, С. Р. Григоров, С. К. Богоявленский и докладчики В. В. Адоратский и И. Л. Маяковский.

3) По докладам В. В. Максакова «Архивное строительство на местах» и М. М. Константинова «Очередные организационные задачи Центрархива»: тт. Н. С. Бурмистров, С. П. Волков, В. М. Корнеева, А. П. Гиваргизов, Р. Я. Озолин, И. Л. Татаров, Н. В. Малицкий, А. Е. Тихонов и докладчики В. В. Максаков и М. М. Константинов.

4) По докладу С. К. Богоявленского «О поверочной и разборочной комиссиях»: тт. А. С. Николаев, А. П. Гиваргизов, М. А. Ленский, Б. А. Романов, Я. М. Колганов и докладчик.

5) По докладу М. М. Цвибака «Об архивном образовании»: В. М. Корнеева, М. А. Ленский, Я. Н. Жданович, Б. М. Яров-Южин, М. С. Вишневский, Р. Я. Озолин и докладчик.

6) По докладу И. А. Голубцова «О правилах постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях РСФСР»: С. П. Волков, Е. И. Дорофеева (НКЗем), С. Д. Яхонтов, А. И. Румянцев (ВСНХ) и докладчик.

7) По докладам Б. И. Анфилова и Г. А. Князева «Об архивной терминологии»: И. Ф. Чирцов, В. А. Домбровский, А. И. Андреев и докладчики.

8) По докладам А. И. Андреева и С. Н. Валка «О приемах издания архивных материалов»: В. В. Максаков, Н. Ф. Бельчиков и докладчики.

9) По докладу А. С. Николаева «О составлении и публикации архивных справочников и указателей»: Е. А. Краснопевцев, А. М. Рахлин, Б. И. Анфилов и докладчик.

Примечание. В тех случаях, когда резолюции по докладам предлагались президиумом или кем-либо из членов съезда и в целом принимались съездом, особой комиссии для переработки не создавалось.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
От редакции	1
Программа занятий съезда .	2 — 3
Список участников съезда	4 — 7
Состав I съезда архивных деятелей РСФСР. .	8 — 10

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 14 МАРТА.

Открытие съезда: Речь заведывающего Центрархивом РСФСР *М. Н. Покровского* . . . . 11 — 15

Утреннее заседание . . . . . 16 — 43

Выборы президиума съезда (16), секретариата (17), редакционной и мандатной комиссий (17). — Регламент (17 — 18). — Повестка (18 — 19). — Сообщение секретариата (20).

Доклад *В. В. Максакова* „Деятельность Центрархива РСФСР за пять лет" . . 20 — 43

Вечернее заседание . . . . . 43 — 68

Речь *М. Н. Покровского* по поводу смерти вождя китайской революции *Сун-Ят-Сена*. . . . . 44 — 46

Прения по докладу: *В. М. Корнеева* (46 — 47), *И. П. Миров* (47—48), *Р. Я. Озолин* (48—49), *В. А. Домбровский* (49—50), *Б. М. Яров-Южин* (50), *С. М. Коненкин* (50), *К. И. Воинова* (51 — 52), *А. П. Жаков* (52), *Б. М. Яров-Южин* (52—53), *Б. И. Евстафьев* (53), *Б. И. Анфилов* (53 — 54), *М. М. Цвибак* (54—56).

Заключительное слово *В. В. Максакова* . . . . 56 — 61

Доклад *В. В. Адоратского* „О взаимоотношениях научных учреждений и Центрархива РСФСР". . 62 — 68

Содоклад *И. Л. Маяковского* на ту же тему 68

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 15 МАРТА.

Утреннее заседание . . . . . 69 — 119

Доклады представителей: Истпарта ЦК РКП (б) *С. И. Канатчикова* (69 — 74), Института им. В. И. Ленина, *С. С. Кривцова* (74 — 76), Музея Революции СССР *С. И. Мицкевича* (76—80). — Прения: *М. С. Вишневский* (80 — 81), *П. В. Черкасов* (81 — 83). — Доклад представителя Истпрофа ВЦСПС *Ю. К. Милонова* (83 — 88). — Прения: *В. Г. Гейман* (88 — 90), *Б. И. Анфилов* (90 — 92), *А. И. Миловидов* (92 — 93), *Н. С. Бурмистров* (93 — 95), *М. М. Шведов* (95 — 96), *В. М. Корнеева* (96 — 97), *Р. Я. Озолин* (97 — 98), *С. К. Богоявленский* (98), *А. Е. Тихонов* (98 — 100), *Б. М. Яров-Южин* (100 — 102), *М. А. Ленский* (102 — 103), *А. П. Симанов* (103 — 104), *И. П. Миров* (104), *М. Н. Заяц* (105 — 106), *С. Г. Григоров* (106 — 110), *Н. Н. Бакай* (110 — 111), *Р. И. Бойткевич* (111 — 112), *В. В. Максаков* (112 — 117).

Заключительное слово *С. И. Мицкевича* . . 118 — 119

СТР.

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 16 МАРТА.

Утреннее заседание . . . . . 120 — 141
Заключительное слово *И. Л. Маяковского* . . . 120 — 126
Заключительное слово *В. В. Адоратского* . . . . . 126 — 129
Информационные сообщения представителей Центрархивов ССР: *М. В. Мелешко* — (БССР) (129), *Ш. К. Чхетиа* — (ССР Грузии) (130), *С. М. Тетин* — (УССР) (130), *Д. И. Багалей* — (УССР) (130 — 134).
Ответное слово заведывающего Центрархивом РСФСР *М. Н. Покровского* . . . . . 134 — 136
Доклад *Е. В. Тарле* „Архивное дело на Западе" . 136 — 140
Вечернее заседание . . . . . 141 — 164
Доклад *В. В. Максакова* „Архивное строительство на местах" . . . . . 141 — 154
Доклад *М. М. Константинова* „Очередные организационные задачи Центрархива" . . . . . 154 — 164

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 17 МАРТА.

Утреннее заседание . . . . . 165 — 185
Доклад мандатной комиссии . . . . . 165 — 166
Прения по докладам: *М. А. Ленский* (166 — 168), *А. П. Гиваргизов* (168), *Г. И. Петровичев* (168), *В. М. Фиалков* (169 — 170), *Б. И. Евстафьев* (170 — 171), *В. И. Иванов* (171), *С. Ф. Юланов* (171 — 173), *Б. Д. Плетнев* (173 — 176), *М. Н. Покровский* (176 — 180), *С. П. Волков* (180 — 181), *И. М. Барышев* (181), *А. П. Жаков* (181 — 182), *Б. И. Анфилов* (182 — 183), *Н. С. Бурмистров* (183 — 185), *Б. В. Максаков* (185).
Вечернее заседание . . . . . 185 — 214
Прения (продолжение): *И. П. Миров* (185 — 187), *П. В. Черкасов* (187 — 188), *Т. Т. Спожинцев* (188 — 189), *Р. И. Войткевич* (189), *В. В. Максаков* (189), *И. Л. Татаров* (189 — 190), *Р. Я. Озолин* (190), *К. Н. Лукьянчиков* (190 — 191), *К. И. Воинова* (191 — 192), *Ш. К. Чхетиа* (192), *Р. И. Войткевич* (192 — 193), *А. С. Николаев* (193 — 194), *Н. Н. Бакай* (194 — 195), *Н. С. Бурмистров* (195).
Доклад *И. В. Горбацкой* „О санитарных условиях архивной работы и о мерах к сохранению здоровья архивных работников" . . . . . 195 — 198
Заключительное слово *М. М. Константинова* . 198 — 203
Заключительное слово *В. В. Максакова* . 203 — 214

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 18 МАРТА.

Организационная секция

Утреннее заседание . . . . . 215 — 231
Тезисы доклада *С. К. Богоявленского* „О задачах поверочной и разборочных комиссий" . . . . . 215 — 216
Прения: *А. С. Николаев* (216 — 219), *М. Н. Покровский* (219 — 221), *М. А. Ленский, А. Е. Тихонов* и др. (221 — 223), *В. В. Максаков* (223 — 224), *М. К. Любавский* (224 — 225).
Заключительное слово *С. К. Богоявленского* . . . 225 — 226
Доклад *М. М. Цвибака* „Об архивном образовании" 226 — 231

стр.
Вечернее заседание . . . . . 231 — 248
Содоклад *М. С. Вишневского* на ту же тему 231 — 233
Содоклад *А. Е. Преснякова* на ту же тему . . . . . 233 — 234
Прения: *В. М. Фиалков, Н. С. Бурмистров* и др. (234 — 235), *М. А. Ленский* (235 — 236), *М. Н. Покровский* (236 — 238).
Заключительное слово *М. М. Цвибака* . . . . . 238 — 241
Тезисы доклада *И. А. Голубцова* „Центрархив и архивы действующих учреждений“ . . . . . 241 — 243
Прения: *С. П. Волков, Г. С. Рябиков* и др. (243 — 244), *А. И. Румянцев* (244), *Е. И. Дорофеева* (244 — 245), *В. В. Максаков* (245 — 246).
Заключительное слово *И. А. Голубцова* . . . . . 246 — 248

Архивно-техническая секция

Утреннее заседание . . . . . 248 — 264
Доклад *Б. И. Анфилова* „Об архивной терминологии“ 248 — 255
Тезисы содоклада *Г. А. Князева* на ту же тему . . . . . 256 — 257
Прения: *А. И. Андреев* (257), *И. Н. Третьяков* (257 — 258), *В. В. Максаков* (258 — 259), *К. И. Воинова* (259), *В. А. Домбровский* (259 — 260), *И. Ф. Чирцов* (260), *С. Н. Валк* (260 — 261).
Заключительное слово *Г. А. Князева* 261
Заключительное слово *Б. И. Анфилова* . . . . 261 — 264
Вечернее заседание . . . . . 264 — 280
Доклад *А. С. Николаева* „О составлении и публикации архивных справочников и указателей“ . . . . . 265 — 271
Прения: *Я. П. Колганов, К. И. Воинова* и др. (271 — 273).
Тезисы доклада *А. И. Андреева* „О приемах научного издания архивных материалов“ . . . . . 273 — 274
Тезисы содоклада *С. Н. Валка* „О приемах издания историко-революционных документов“ . . . . . 274 — 275
Прения: *Н. Ф. Бельчиков* (275 — 276), *В. А. Домбровский* (276 — 277), *М. Н. Покровский* (277 — 278), *В. В. Максаков* (278 — 279).
Заключительное слово *А. И. Андреева* . . . . . 279 — 280

ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 19 МАРТА.

Архивно-техническая секция

Доклад *М. С. Вишневского* „Об очередных задачах в области учета архивных фондов“ . . . . . 281 — 283
Прения: *А. М. Рахлин* (282), *И. Н. Третьяков* (282 — 283), *И. Ф. Чирцов* (283), *Б. И. Анфилов* (284), *А. Ф. Жуков* (284), *Н. Ф. Бельчиков* (285).
Заключительное слово *М. С. Вишневского* . . . . . 285 — 286

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СЪЕЗДА 19 МАРТА.

Принятие резолюций . . . . . 288 — 289
Речи: *С. Д. Яхонтова* (289), *Р. И. Войткевича* (289 — 290), *Н. Н. Бакая* (290), *Д. И. Багалея* (290 — 291), *М. Н. Покровского* (291 — 292), *В. И. Иванова* (292), *И. П. Мирова* (292), *Р. Я. Озолина* (292 — 293).
Заключительное слово заведывающего Центрархивом РСФСР *М. Н. Покровского* . . . . . 293 — 297
Резолюции съезда архивных деятелей РСФСР в Москве 14 — 19 марта 1925 г. . . . . 298 — 308
Список членов съезда, принимавших участие в работах комиссий по выработке резолюций 309
Содержание . . . . . 310 — 312

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Открыта подписка на 1926 год

НА ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХИВНОГО ДЕЛА, ИЗДАВАЕМЫЙ ЦЕНТРАРХИВОМ РСФСР

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“

РЕДАКЦИЯ:
М. С. Вишневский, В. В. Максаков, А. А. Сергеев

В 1926 году выйдет 6 томов

Подписная цена 10 рублей в год.

Подписка принимается Ред.-Изд. Отделом Центрархива РСФСР Москва, Старо-Ваганьковский пер., д. 8. Телефон редакции: 3-72-91.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Авдеев, Н. Н., Адоратский, В. В., Алексеев, В. П., Андреев, А. И., Аннинский, С. А., Анфилов, Б. И., Бельчиков, Н. Ф., Богоявленский, С. К., Боланчук, А. С., Валк, С. Н., Вишневский, М. С., Воинова, К. И., Гераклитов, А. А., Гиваргизов, А. П., Голубцов, И. А., Домбровский, В. А., Егоров, Д. Н., Жданович, Я. Н., Иодко, А. Р., Истнюк, Д. Г., Князев, Г. А., Константинов, М. М., Кубалов, Б. Г., Кудрявцева, А., Лихачев, Н. П., Любавский, М. К., Любименко, И. И., Максаков, В. В., Маяковский, И. Л., Нечаев, В. Н., Нерсисьян, Е. М., Николаев, А. С., Павлова, Н. А., Пичета, В. И., Покровский, А. А., Покровский, М. Н., Пушкин, Б. С., Рахлин, А. М., Рождественский, С. В., Романов, Б. А., Русинов, Н. В., Сергеев, А. А., Сепковский, Е. Ф., Соколова, А. А., Талантова, С., Тарле, Е. В., Троянский, С. П., Хрипач, Н. В., Чернов, С. Н., Чулков, Н. П., Шереметевский, В. В., Шилов, А. А., Эйнгорн, В. О., Яхонтов, С. Д., и др.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Содержание I—IV выпусков „АРХИВНОГО ДЕЛА“:

Выпуск I.

Историк—археограф—архивист. С. В. Рождественского.—Образование архивиста на Западе. Д. Н. Егорова.—К вопросу о составлении перечня изданных русских актов. Н. Н. Лихачева.—Западно-европейские периодические издания по архивному делу. И. П. Пузино.—Архивные обзоры. С. Н. Валка.—Из семинария по архивоведению. В. В. Шереметевского.—Летопись архивной жизни провинции за 1920 г. М. С. Вишневского.—Первая Всероссийская конференция архивных деятелей.—Архив помещиков Опочининых. С. Талантовой.—Некрологи.—Библиография.

Выпуск II.

Политическое значение архивов. М. Н. Покровского.—Долговечны ли наши архивы? А. А. Гераклитова.—Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова.—Архивная терминология: I. Ленинградский проект архивной терминологии. II. Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии. В. В. Шереметевского.—Архивы в музеях. В. П. Алексеева.—Архивный музей в Ленинграде. Н.—Московский Исторический архив. М. К. Любавского.—200-летие б. Московского Главного Архива министерства иностранных дел. С. К. Богоявленского.—Архив Ф. М. Достоевского. Н. Б.—Узаконения и распоряжения по архивному делу.—Хроника архивной жизни в РСФСР.—Первая Всебелорусская архивная конференция. В. И. Пичеты.—Литература по архивному делу за 1917—1923 гг. Н. Ф. Бельчикова.—О библиографическом указателе по иностранной архивной литературе. И. И. Любименко.—Отзывы о книгах.

Выпуск III—IV.

Архивное дело в Рабоче-Крестьянском государстве. М. Н. Покровского.—Некоторые итоги. В. В. Максакова.—Съезд архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 г. в Москве. М. М. Константинова.—Резолюции съезда архивных деятелей РСФСР.—О приемах издания историко-революционных документов. С. Н. Валка.—Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов. И. А. Голубцова.—Инвентаризация поступлений в Архиве Октябрьской Революции. А. М. Рахлин.—К истории фонда Следственной Комиссии и Верх. Угол. Суда по делу декабристов. С. Н. Чернова.—Архивное дело в СССР и на Западе: Центрархив РСФСР.—Положения и циркуляры. Правила постановки архивной части в действующих учреждениях. Хроника архивной жизни.—Центрархив УССР.—Первое Всеукраинское Совещание архивных работников.—Центрархив БССР—Центрархив ССР Грузии.—Положение архивного дела на Западе.—Общегерманский Госуд. Архив. И. И. Любименко.—Литература по архивному делу. Н. Ф. Бельчикова.—Публикации историко-революционных материалов.—Справочный отдел.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

АВДЕЕВ, Н. Н.; АДОРАТСКИЙ, В. В.; АЛЕКСЕЕВ, В. П.; АЛЕКСЕЕВ, Мих. П.; АННИНСКИЙ, С. А.; БЕЛЬЧИКОВ, Н. Ф.; БОГОЯВЛЕНСКИЙ, С. К.; БРОДСКИЙ, Н. Л.; ВАЛК, С. Н.; ВАСИЛЬЕВА, Е. А.; ВЕГМАН, В. Д.; ВОИНОВА, К. Н.; ГИВАРГИЗОВ, А. П.; ГЛИВЕНКО, И. И.; ГОЛУБЦОВ, И. А.; ГОРБОВ, Дм. А.; ГОРДОН, Г. О.; ГРАВЕ, Б.; ГРУЗИНСКИЙ, А. Е.; ДУБРОВСКИЙ, С. М.; ЕГОРОВ, Д. Н.; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ, А. М.; ЗАЛКИНД, С. И.; ЗАХЕР, Я. М.; ИВАНОВ, С.; КАКУРИН, Н. Е.; КАНТОР, Р. М.; КЛЕВЕНСКИЙ, М. М.; КОЗЬМИН, Б. П.; КОНСТАНТИНОВ, М. М.; КОТЕЛЬНИКОВ, К. Г.; ЛАВРОВ, Н. Ф.; ЛЕВИН, Ш. М.; ЛЕЛЕВИЧ, Г.; ЛЮБИМОВ, С. В.; МАКСАКОВ, В. В.; МЕЛЛЕР, В. Л.; НЕВСКИЙ, Вл. И.; НЕЧАЕВА, В. С.; НИКОЛАЕВ, А. С.; ОКСМАН, Ю. Г.; ПЕРЕВЕРЗЕВ, В. Ф.; ПЕРЕСЕЛЕНКОВ, С. А.; ПИОТКОВСКИЙ, С. А.; ПИЧЕТА, В. И.; ПОКРОВСКИЙ, А. А.; ПОКРОВСКИЙ, М. Н.; ПОЛОНСКИЙ, В. П.; ПОЛЯНСКИЙ, Вал.; ПОПОВ, А. Л.; ПУШКИН, Б. С.; РАСКОЛЬНИКОВ, Ф. А.; РАФЕС, М. Г.; РЕЙСНЕР, П.; РОМАНОВ, Б. А.; РОТШТЕЙН, Ф. А.; САДИКОВ, П. А.; СЕРГЕЕВ, А. А.; СЕРГИЕВСКИЙ, Н. Л.; СИДОРОВ, Н. И.; СЫРОЕЧКОВСКИЙ, Б. Е.; СЫРОЕЧКОВСКИЙ, В. Е.; ТАРЛЕ, Е. В.; ТАТАРОВ, И. Л.; ТОБОЛИН, И. И.; ТУРУНОВ, А. Н.; ФЛЕЕР, М. Г.; ФРИЧЕ, В. М.; ФРУМКИНА, М. (Эстер); ЦВИБАК, М. М.; ЧУЛКОВ, П. П.; ШИЛОВ, А. А.; ШЛЯПНИКОВ, А. Г., ЩЕГОЛЕВ, П. Е.; ЯКОВЛЕВ, Я. А.; ЯКУШКИН, В. Е.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД

Подписная цена: год—15 руб., 6 мес.—8 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором Госиздата, Москва, Воздвиженка, 10/2, провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губернских и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Письма Некрасова и Достоевского. — Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко. — Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны. — Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича. — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович. — Генерал Алексеев и М. В. Родзянко. — Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. — Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене. — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. — Письма В. Гёте и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г. — Дневник А. А. Половцева. — Переписка В. Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Отзвуки польского восстания 1863 г. — Письма К. П. Победоносцева. — Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — Достоевский в Твери. — Речь Щапова. — Революционное движение в войсках во время мировой войны. — Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина. — Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.) — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Г. В. Плеханов и «шпионские забавы». — Казнь П. И. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов и июльские дни. — Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1925 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». — Достоевский «Преступление и наказание». — Омские события при Колчаке. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной воли». — Неизданные письма Л. Толстого Исламовым. — Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. — Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г. — Из дневника Куропаткина (декабрь 1903 г. — март 1906 г.). — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича). — Октябрьский переворот и ставка. — Омские события при Колчаке (окончание). — Указы Пугачева и его коллегии. — Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Революция 1848 г. и французские подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г. — Пенсионная практика Временного Правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнения во флоте в 1915 г. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Показание А. Д. Протопопова. — Октябрьский переворот и ставка (окончание). — Вокруг Гатчины. — Записка А. К. Бошняка. — Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона. — Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. — Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы. — Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. — Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. 1 созыва после Октября. — Из дневника ген. Селивачева. — Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича. — 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливе. — М. Корф в полемике с Герценом. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914—1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ—ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 года. — Проект манифеста о событиях 9 января. — Манифест 17 октября. — Из архива Витте. — Доклады Витте Николаю II. — Хроника вооруженной борьбы. — Аграрное движение в 1905 году по отчетам Дубасова и Пантелеева. — Флот в 1905 году: а) восстание броненосца «Потемкин Таврический»; б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 года в донесениях русского посла. — ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА: Николай II в 1905 году. — К убийству Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. — Самоубийство Н. П. Шмидта.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРОАРХИВОМ РСФСР ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1—11. «Красный Архив», тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12.
12—16. «Архивное дело», вып. 1, 2, 3—4, 5—6.
17. Сборник статей и материалов по архивному делу.
18. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
19. Политическое значение архивов.
20. Правила постановки архивной части делопроизводства в госуд., професс. и кооперат. учреждениях и предприятиях РСФСР.
21. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.
22. Руководство по приему, размещению и составлению описей архивного материала.

23. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
24. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Русско-японская война. (Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича.) С предисловием М. Н. Покровского.
26. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
27. Революция 1848 г. во Франции. Под ред. и с предисловием С. Красного и Г. Зайдела.
28. Русско-польские отношения. Под редакцией Валецкого.

29. Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа «Бесы») и Житие великого грешника (план романа). Под ред. В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
30. Дневник А. Г. Достоевской.
31. Письма Ф. М. Достоевского. Под общей редакцией В. Ф. Переверзева.
32. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под ред. Н. К. Пиксанова.
33. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
34. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.
35. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

36. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
37. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
38. Письма Победоносцева к Александру III. Том I. С предисловием М. Н. Покровского.
39. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.
40. Переписка Николая и Александры Романовых. Том III (1914—1915 гг.). С предисловием М. Н. Покровского.
41. Переписка Николая и Александры Романовых. Том IV (1916 г.). С предисловием М. Н. Покровского.

42. Восстание декабристов. Том I (Следственное дело.) С предисловием М. Н. Покровского.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

43. Восстание декабристов. Том VIII. (Алфавит декабристам.) Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.
44. Политические процессы 60-х годов. Выпуск I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
45. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
46. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
47. Лепские события. С предисловием В. Владимировой.
48. Крестьянские движения 1902 года. Выпуск III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, Р. И. Пичета и В. М. Фриче.
49. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Выпуск IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
50. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Флеера.
51. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
52. Разложение армии в 1917 году. С предисловием Н. Е. Какурина.
53. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
54. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

ПЕЧАТАЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 года.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1—5. Восстание декабристов. (Следственное дело.) Тт. II, III, IV, V и VI.
6. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова.
7. Восстание Черниговского полка. Под ред. Ю. Г. Оксмана.
8. А. Е. Пресняков. День 14 декабря.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
10. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. Библиография по истории восстания декабристов.
11. Ю. Г. Оксман, Н. Ф. Лавров и Б. М. Модзалевский. Хрестоматия по истории восстания 14 декабря 1825 г.
12. 14 декабря 1825 г. в письмах и воспоминаниях царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

13. Рабочее движение в 1917 году.
14. Движение железнодорожников в 1917 году.
15. Буржуазия перед революцией.
16. Аграрное движение в 1917 году.
17. Всероссийское Совещание.
18. 2-й Съезд Советов.

19. Комиссия Коковцова в 1905 году.
20. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны.
21. Стачечное движение 90-х годов.
22. Крестьянские движения до 60 гг. XIX века.
23—24. Пугачевщина. Тт. I и II. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
25. 1 марта 1887 г. (дело Александра Ульянова, Шевырева и др.).
26. Дневник Льва Тихомирова.
27. Письма Победоносцева к Александру III. Том II.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

28. Дневник Е. А. Перетца.
29. Дневник В. Н. Ламздорфа.
30. Переписка Николая и Александры Романовых. Том V (1916—1917 гг.).
31. Последние дни Колчаковщины.
32. Стенографический отчет о работах съезда архивных деятелей РСФСР 14—19 марта 1925 года.

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. Протоколы ЦИК 1-го созыва.
2. Протоколы ЦИК 2-го созыва.
3—10. Протоколы I, II, III, IV, V, VI, VII и VIII Съездов Советов.
11. 1917 год в докладах губкомиссаров.
12. Февральские дни 1917 года.
13. Государственное Совещание.
14. Протоколы СНК от Октября до Бреста.
15. Учредительное Собрание.
16. Московский Совет С. и Р. Д. в Октябре 1917 г.

17. Пугачевщина. Том III.
18. Политические процессы 60-х годов. Выпуск II.
19. Политические процессы 70-х и 80-х годов.
20—21. Дело Каракозова. Томы I и II.
22. Парижская Коммуна.
23. Материалы по истории «Народной Воли».
24. Революция 1848 г. по донесениям Киселева.
25. Рабочее движение начала 1900-х годов.
26. Стачечное движение 1905 года.
27. Рабочее движение в годы реакции.
28. Русский империализм на Д. Востоке.
29. Боксерское движение.
30. «Черная сотня».
31. Студенческое движение в 1905 году.
32. Русская общественная жизнь в 1903 году по данным перлюстраций.
33. Наказы депутатам в 1 Госуд. Думу.
34. Дневники В. Г. Глазова.
35. Дневники А. Н. Куропаткина.
36. Дневники Николая II.

37. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы к роману «Идиот». Под ред. П. Н. Сакулина.
38. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.
39. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.
40. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.
41. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

42. М. Н. Покровский. Декабристы.
43. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
44. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.

ЦЕНТРАРХИВ РСФСР

Содержание V—VI выпуска „Архивного Дела“

Пять лет Архива Октябрьской Революции. *В. В. Максакова.*— Итоги и перспективы работы Ленинградского Центрального Исторического Архива. *И. Л. Маяковского* — Научное использование архивных материалов ЕГАФ. *Е. М. Нерсисьяна.* — Архив, библиотека и музей. *И. Л. Маяковского.* — К вопросу о недроблении архивных фондов. *Я. И. Ждановича* и *М. К. Любавского.* — Работа поверочной и разборочных комиссий. *С. К. Богоявленского.* — О правилах издания исторических текстов. *А. И. Андреева.* — Топографические указатели к архивным фондам. *М. С. Вишневского.* — Учет архивной работы. *И. Ф. Бельчикова.* — Выбор здания под архивохранилище. *А. С. Болончук.*—Центральный Межевой Архив. *С. П. Троянского.* — Архивное дело в СССР и на Западе: Центрархив РСФСР.—Хроника архивной жизни.— Из инструкторских отчетов и корреспонденций с мест: Районирование Юго-Восточного края и архивное строительство. *А. П. Гиваргизова.*—Архивы Сибири. *Д. Г. Истиока.*—Астраханское Губархбюро. *Е. Ф. Сенковского.*—Первая Новгородская Губернская Архивная Конференция. *Д. Г Истиока.*— Рижский Государственный Архив. *И. И. Любименко.* — Архив Немецкого Рейха в Потсдаме. *И. И. Любименко.* — Археография в годы революции. *И. Ф. Бельчикова.* — Публикации историко-революционных материалов.— Отзывы о книгах.